

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Утопический
социализм

ТОМАС МОР
ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА
ДЖЕРАРД УИНСТЭНЛИ
ЖАН МЕЛЬЕ
ГАБРИЕЛЬ БОНО ДЕ МАБЛИ
МОРЕЛЛИ
ГРАКХ БАБЕФ
АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН
ШАРЛЬ ФУРЬЕ
РОБЕРТ ОУЭН
ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ
АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН
НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Хрестоматия

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

В составлении данной хрестоматии участвовали: доктор философских наук, профессор *А. И. Володин* (вступительная статья; подбор текстов из сочинений В. Г. Белинского совместно с Е. М. Черняк; подбор текстов А. И. Герцена и подготовка примечаний к ним; биографические справки о Ш. Фурье и А. И. Герцене), кандидат исторических наук, доцент *Е. М. Черняк* (подбор большинства текстов, подготовка примечаний к ним, библиографических справок, предметного и именного указателей), кандидат исторических наук, доцент *С. Ф. Видов* (большинство биографических справок).

Общая редакция книги *А. И. ВОЛОДИНА*.

Утопический социализм: Хрестоматия / **Общ. ред.**
У85 А. И. Володина.— М.: Политиздат, 1982.— 512 с., ил.

В книгу включены выдержки из произведений наиболее крупных представителей утопического социализма, дающие достаточно целостное представление об их взглядах. Хрестоматия снабжена вступительной статьей, краткими биографическими очерками о социалистах-утопистах, а также библиографией, предметным и именным указателями. Текст в необходимых случаях прокомментирован.

Предназначена для преподавателей, студентов вузов и для всех интересующихся историей социальных учений.

У 0301000000—281 65—82
079(02)—82

66.02
1Ф

Заведующий редакцией *В. М. Михалев*
Редакторы *С. И. Пружинин, В. В. Негодин*
Младшие редакторы *В. В. Калина, О. П. Осипова*
Художник *В. Б. Глебов*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 2266

Сдано в набор 03.05.82. Подписано в печать 22.10.82 А00177 Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условия печ. л. 26,88. Условия кр.-отт. 54,18. Учетно-изд. л. 29,78. Тираж 175 тыс. экз. Заказ 2321 Цена 1 р. 30 к.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Мясницкая пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

та книга познакомит чи-

тателей с творчеством четырнадцати очень непохожих друг на друга мыслителей прошлого.

Они жили в разные исторические эпохи: более четырех столетий между годом рождения Томаса Мора (1478) и годом смерти Н. Г. Чернышевского (1889).

Они были выходцами из разных классов и социальных слоев — от самых привилегированных (А. де Сен-Симон, например, представитель древнего аристократического рода) до предельно близких к самым глубоким народным «низам» (Ж. Мелье — еле-еле сводивший концы с концами сельский священник; а какую острую материальную нужду терпел временами литературный пролетарий В. Г. Белинский!).

Они представляют разные нации: трое англичан, итальянец, шесть французов, четверо русских.

Они весьма различаются и по образу жизни (тут и умудренные политические деятели, и темпераментные журналисты, и ученые, склонные к неторопливым научным занятиям в тиши кабинета), и по характеру своего литературного творчества, и по многим другим индивидуальным свойствам и качествам.

Но одно великое начало объединяет, роднит, сближает всех этих мыслителей: все они являются предшественниками научного социализма, революционного учения К. Маркса и Ф. Энгельса, гениально развитого В. И. Лениным. Они были *предтечами, провозвестниками социализма* в условиях, когда об обществе подлинной свободы и социального равенства можно было разве только мечтать, и в этом смысле все они, независимо от их отношения к классовой борьбе и политическим движениям, были революционерами. Точнее, революционными, поистине новаторскими, пионерскими были их теоретические искания, их идеи — идеи, доказывавшие бесчеловечность строя, где господствует частная собственность,

где результаты труда не принадлежат самим труженикам, где царят эксплуатация и угнетение одних людей другими, где общество разделено жесткими классовыми, сословными, кастовыми, национальными перегородками. И потому эти идеи их встречали обычно столь ожесточенное сопротивление власти и силу имущих, обскурантов всех мастей и оттенков, да и просто великого множества людей ленивого ума и жесткого, холодного сердца. И потому так драматически, как правило, складывались их личные судьбы...

Но ведь, как точно заметил один из русских социалистов 40-х годов XIX в. Михаил Васильевич Петрашевский *, миссия всякого истинного новатора не только высока, но и тяжела. Видя пример «смелого новаторства в быте общественном» в системах Оуэна, Сен-Симона и Фурье, Петрашевский с прозорливостью человека, как бы предвидевшего собственную судьбу (за пропаганду идей социализма он поплатился долголетней сибирской каторгой и ссылкой), писал: «Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного, тем большее количество интересов оно должно потянуть, тем наибольшую реакцию встретить в нравах общественных, так что сила противодействия новаторству будет находиться в прямом отношении к его полезности... Не-успех, страдания, гонения были доселе уделом всякого новатора, не льстившего невежеству, но который, руководясь истиною, стремился усвоить ее человечеству»**.

Домарксистские социалисты были всего лишь *утопическими* социалистами. И в этом смысле все они так примерно относятся к социализму научному, как, скажем, — позволим себе здесь такую, очень условную, аналогию — творчество Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова относится к творчеству А. С. Пушкина. «...Эти поэты, оказавшие такие великие услуги рождающейся русской поэзии, — писал В. Г. Белинский, — только способствовали ее рождению, но не родили ее, более были предтечами поэта, чем поэтами. Без сравнения с Пушкиным каждый из них — поэт; но, если сравнивать их с ним, нельзя не согласиться, что между ими и Пушкиным такое же отношение, как между большими реками и еще несравненно большею, которая составляется из их

* К сожалению, по причине прежде всего ограниченности объема данной книги мы не могли представить в ней его произведения, точно так же как и многих других представителей домарксистского социализма.

** Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, с. 248, 249—250.

соединенных вод, поглощаемых ею» *. Все так. Но разве можно понять появление русского поэтического гения Пушкина без его выдающихся предтеч? Разве можно представить Волгу без Оки, Камы и других, куда менее обильных водами, источников? Так и утопический социализм. Его идеи послужили одним из теоретических источников марксизма. Вместе с тем возникновение научного коммунизма явилось качественным скачком в развитии общественной мысли. Только Маркс и Энгельс превратили социализм из утопии в науку.

* * *

Хрестоматии по утопическому социализму не издавались в нашей стране уже давно. В 1928 г. после ряда попыток более частного порядка (и в общем менее удачных) ** увидела свет составленная В. П. Волгиным первая часть книги «Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений». На протяжении многих лет этот содержательный сборник являлся чуть ли не единственным пособием такого рода. Спустя почти четыре десятилетия собрание отрывков из произведений наиболее известных домарксистских социалистов и коммунистов (а также Платона и Аристотеля) составило основное содержание первой части «Хрестоматии по научному коммунизму», подготовленной Г. Н. Волковым и М. И. Сидоровым (1966); издание этой книги было в немалой степени вызвано введением в высших учебных заведениях Советского Союза учебного курса научного коммунизма, а также изучением его в системе партийной учебы. За последние пятнадцать лет подобных изданий не предпринималось.

Между тем потребность в книге, дающей возможность широкому читателю познакомиться хотя и бегло, но все же, что называется, из первых рук, непосредственно, со своеобразным, в каждом отдельном случае глубоко индивидуальным творчеством классиков утопического социализма и коммунизма, с их собственными произведениями, не только с тем, *что*, но и *как* они писали, как выражали свои мысли, каким образом обосновывали свой идеал, какую форму (между

* Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1981, т. 6, с. 222.

** См.: Творцы коопераций и их думы. Сборник кратких биографий выдающихся кооператоров с выдержками из их статей и речей. М., 1919; Гольдин Н. С. Социализм и коммунизм во Франции до начала XIX в. (тексты и документы). Харьков, 1925; Баскин М., Чудновцев М. Систематическая хрестоматия по марксизму, т. 1. Предшественники марксизма. Херсон, 1925; Сен-Симон, Фурье и их школы (составитель В. Ф. Семенов). М.—Л., 1926, и др.

прочим, и художественную) придавали своим идеям,— эта потребность безусловно существует.

И конечно же эта потребность имеется не только у специально и профессионально изучающих теорию научного коммунизма, но и у всех тех, кто интересуется историей многовековых и многосложных духовных исканий человечества, предшествовавших созданию марксистской теории общества и ее важнейшего аспекта — марксистской концепции будущего и путей его достижения.

История домарксистского социализма и коммунизма оказывается сегодня весьма небезынтересным предметом изучения еще и в том отношении, что знакомство с тем, как представляли себе идеальное общественное устройство социалисты и коммунисты прошлого, позволяет своеобразно высветить некоторые важные черты, явления, проблемы современного этапа развития реального социализма.

Отдать должное утопическому социализму как предшественнику марксизма и вместе с тем как форме социального мышления, предсказавшей, предвосхитившей кое-что из того, что осуществляется в практическом строительстве социалистического общества,— значит найти, указать, обнаружить в утопическом социализме элементы научного понимания истории и тенденций ее грядущего развития. Рассматриваемые с этой точки зрения, утопические произведения великих социальных «новаторов» окажутся наполненными не столько фантазиями и исторически оправданными «ошибками» (которых в них действительно было немало), сколько напряженными и далеко не безрезультатными поисками законов движения человечества к обществу подлинной справедливости.

Именно такой подход к утопическому социализму продемонстрировал в свое время Ф. Энгельс. Констатируя тот факт, что в условиях, когда выступали социалисты-утописты (Энгельс говорил, собственно, о Сен-Симоне, Фурье и Оуэне), «решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы» и что поэтому их системы «заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями» и даже «уноситься в область чистой фантазии», он вместе с тем резко выступил против нигилистической критики этой формы общественной мысли со стороны претенциозных философов-системосозидателей типа Е. Дюринга. «Предоставим литературным лавочникам à la Дюринг,— писал Энгельс,— самодовольно

перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филлисты*.

В полной мере признавая новаторский, революционный характер социальных исканий предшественников научного коммунизма, мы с не менее пристальным вниманием должны относиться и к слабым, негативным сторонам социалистических утопий прошлых веков, и в частности к ретроградным тенденциям, идеям и целым учениям уравнительного, инвектирующего и даже казарменного коммунизма**. И вполне понятно желание, возникающее при знакомстве с произведениями коммунистов-утопистов прошлого, — понять, откуда и почему появляются у некоторых из них, субъективно стремившихся к доказательству возможности счастья для всех, те идеи, которые противоречат самой сущности социального равенства, принципиально исключающего подавление индивидуальных склонностей, интересов и потребностей людей. Мы имеем в виду идеи примитивного «усреднения» личных потребностей и способностей трудящихся и грубого подчинения их вульгарно истолковываемому интересу общества в целом.

Интерес к творчеству домарксистских социалистов и коммунистов, в особенности идеологов так называемого «крестьянского», «общинного» социализма (принявшего в России XIX в. форму народничества), стимулируется сегодня помимо всего прочего также и определенными явлениями в развитии стран, освободившихся от колониальной зависимости и выбирающих путь некапиталистического развития***.

Кроме того, знакомство с некоторыми весьма неоднозначными процессами духовной жизни в развитых капиталистических странах, в частности в молодежной субкультуре, в мировоззрении и идейных исканиях определенных

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 269.

** См.: Арзамасцев А. М. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974.

*** См., напр.: Мартышин О. В. Социализм и национализм в Африке (Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки). М., 1972; Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.

слоев западной художественной и научно-технической интеллигенции, процессами, характеризующимися иногда в нашей литературе как своеобразное возрождение утопистского сознания, в свою очередь, порождает желание познакомиться с образцами социально-утопистского мышления наиболее выдающихся домарксистских мыслителей.

Таковы некоторые из соображений, которые учитывались при подготовке данной хрестоматии и отборе текстов для нее.

Весьма интенсивная и плодотворная разработка истории социалистических идей * советскими учеными позволила представить на суд читателей новую хрестоматию по утопическому социализму и коммунизму. По причине естественной ограниченности объема книги в ней представлены, как уже говорилось, выдержки из сочинений только четырнадцати мыслителей XVI—XIX вв., начиная с Мора и Кампанеллы и кончая Чернышевским и Добролюбовым.

Читатель, разумеется, сможет сам понять и оценить — по представленным извлечениям — как сильные, так и слабые стороны данных мыслителей. Однако некоторые предваряющие рассуждения кажутся нам все же необходимыми.

* * *

«История философии и история социальной науки, — писал В. И. Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма», — показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» **.

---

* В последние годы не только было продолжено издание книг, основанной В. П. Волгиным академической серии «Предшественники научного социализма», но и появился ряд капитальных монографий — о Море, Кампанелле, сенсимонизме, Герцене и других, не говоря уже о многочисленных статьях, посвященных тем или иным периодам, проблемам либо представителям истории домарксистского социализма.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

Утверждая далее, что учение Маркса «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке» в области философии и социальной науки, В. И. Ленин так охарактеризовал один из трех источников марксизма — утопический социализм: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось *«свободное»* капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации».

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества» *.

Из этих слов В. И. Ленина с полной определенностью следует, что возникновение утопического социализма он относил к эпохе революционного уничтожения, свержения феодальных порядков и становления буржуазного общества, что утопически-социалистические учения он рассматривал как *отражение капиталистических форм угнетения и эксплуатации трудящихся и протест именно против них*.

В произведениях Маркса и Энгельса мы находим прямые указания на тех мыслителей-социалистов, идеи которых послужили *непосредственным* теоретическим источником научного, пролетарского, марксистского социализма. Это, как указывал Энгельс, «три великих утописта: Сен-Симон, у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал свои предложения по устранению классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму» **. «...Немецкий теоретический социализм, — писал Ф. Энгельс в другом

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 191.

месте, — никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» *

По определению, данному К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», именно учения Сен-Симона, Фурье и Оуэна представляют собою «*собственно социалистические и коммунистические системы*» **.

Вместе с тем им предшествовали и сопутствовали многочисленные социальные утопии, в которых социалистические идеи, идеи социального равенства, выступали в менее развитой, зародышевой форме (а в ряде случаев — в деформированном, искаженном виде).

* * *

В произведениях В. И. Ленина мы встречаем такую характеристику понятия «социализм», которая дает возможность истолковывать его как синоним многовековых народных мечтаний об уничтожении эксплуатации, экономического и социального неравенства, угнетения человека человеком.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», выступая против тех, кто пытался беспредельно, «невозможно растягивать слово «социализм», В. И. Ленин следующим образом определял признак, без которого вообще нет никакого социализма: «...социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации...» *** Десятилетием позже, в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», В. И. Ленин писал: «Об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации давно уже, много веков, даже много тысячелетий мечтает человечество» ****. В другой статье того же примерно времени — «Вопрос о земле и борьба за свободу» — В. И. Ленин вновь определяет желание «уничтожить разницу между богатыми и бедными» как «желание социалистическое» *****.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 498—499.

** Там же, т. 4, с. 455 (подчеркнуто мной. — А. В.).

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 281.

**** Там же, т. 12, с. 45.

***** Там же, т. 13, с. 123.

При этом В. И. Ленин указывал и на закономерность того, что мечтания угнетаемых масс далеко выходили за границу реально возможного, принимали именно социалистическую — антиэксплуататорскую, антисобственническую — окраску: «...разве не естественно, что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, оброшениости, забитости, преувеличивают вдесятеро плоды возможной победы?» *

Опираясь на эти ленинские положения, вполне логично будет считать, что практически всякий эксплуатируемый класс, любой угнетаемый социальный слой в классово-антагонистических формациях может в своих мечтаниях и устремлениях подняться до идеи социализма, т. е. до представлений (хотя бы и самого общего, иллюзорного характера) об обществе без угнетения, без эксплуатации, без классов.

Впервые мечта о «золотом веке» возникает на начальных стадиях развития антагонистического общества именно как протест, не всегда ясно осознанный, против эксплуатации и вместе с тем как своеобразное отражение «воспоминаний» угнетенных о бесклассовом обществе первобытнокоммунистической эпохи **.

Идеализацию первобытнообщинной эпохи представляют собой в конечном счете утопические учения Лао-цзы, Эвгемера, Ямбула и ряда других мыслителей эпохи рабовладения. «В Европе,— писал Н. Е. Застеикер,— важнейшие элементы утопического социализма сложились в античной Греции и Риме: легенда о «золотом веке» (общинно-родовых отношениях, не знавших неравенства, эксплуатации и собственности) и ее многочисленные рационалистические переработки утопистами прошлого; дискуссии древнегреческих мыслителей вокруг проблем имущественного неравенства и «естественного состояния» общества, полисией демократии и «распределительной справедливости»; легендарные уравнительные реформы в Спарте и платоновская утопия кастового рабовладельческого коммунизма, сочетавшаяся с критикой частной собственности, а также критика этой утопии Аристотелем. Еще более значительное влияние на утопический социализм оказало социальное учение раннего

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 120—121.

** См.: Бестужев И. В. Развитие представлений о будущем человечества в домарксовской общественной мысли (Основные проблемы).— Вопросы истории, 1966, № 11, с. 57.

христианства, содержащаяся в нем проповедь общечеловеческого равенства, братства и потребительского коммунизма» *.

В Средней Азии в эпоху перехода от рабовладения к феодализму на рубеже V и VI веков идеи социального равенства находят выражение в широком народном движении маздакитов в Иране и соседних государствах. Маздакиты (от имени основоположника учения Маздака, ок. 470—529) выступали за восстановление первоначального равенства людей, нарушенного случайной, с их точки зрения, победой тьмы (зла) над светом (добром), что привело к появлению таких бедствий, как нищета, зависть, жадность, лживость и т. д. Ратуя, в сущности, за возврат к общинно-родовым порядкам, маздакиты призывали к обобществлению средств производства и рабов, к установлению свободного брака среди членов общины **.

Многообразные антиэксплуататорские идеи, связанные с различными выступлениями подневольных крестьянских масс, возникают и в эпоху феодализма. В разного рода народных социально-религиозных учениях, ересях, в произведениях устного творчества выражаются мечты о социальном равенстве. Своего рода уравнилельный коммунизм проповедают в средневековой Европе табориты и анабаптисты ***.

Своей вершины в условиях феодализма эта народно-утопическая идеология равенства достигает в учении вождя Крестьянской войны в Германии XVI в. Томаса Мюнцера, выступавшего с осуждением частной собственности, за общность имущества и обязательность труда для всех.

Основой пафос такого рода народно-утопической антиэксплуататорской идеологии состоял в революционном отрицании существующего. Что же касается заключающихся в ней положительных требований, социальных идеалов, то они носили весьма смутный характер и были в значительной степени обращены назад, к строю патриархального равенства.

---

* Застенкер Н. Е. Утопический социализм.— *Философская энциклопедия*. М., 1970, т. 5, с. 292.

** См.: Пигулевская Н. В. Идея равенства в учении маздакитов.— В сб.: *Из истории социально-политических идей*. М., 1955.

*** См., напр.: Руколь Б. М. Элементы утопического социализма у таборитов.— В сб.: *История общественной мысли. Современные проблемы*. М., 1972.

* * *

В XVI—XVIII в. критика порядков, основанных на частной собственности, провозглашение социального равенства, опирающегося на «общность имуществ», находят свое литературное, а точнее, даже художественно-романическое выражение в произведениях двух выдающихся мыслителей и писателей-гуманистов — англичанина Томаса Мора и итальянца Томмазо Кампанеллы.

Создателем первой литературной утопии, т. е. сказания о никогда и нигде не существовавшем, но желанном, прямо-таки идиллическом обществе (дословно «утопия» значит «нигде», т. е. место, которого нет), был Томас Мор. Впервые в мировой литературе Мор нарисовал подробную картину социального строя, основанного на коллективной собственности на средства производства. Сокращенный заголовок главного произведения Мора — «Утопия» (1516) — дал название всему домарксистскому периоду социалистических и коммунистических исканий и мечтаний.

Усматривая главную причину всех социальных бедствий (паразитизма, тунеядства, нищеты, войн и т. п.) в существовании частной собственности, Мор полагал, что «распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность. Если же она останется, то у наибольшей и самой лучшей части людей навсегда останется страх, а также неизбежное бремя нищеты и забот» *.

Своеобразная черта моровской утопии заключалась в провозглашении необходимости коммунистических преобразований не только в сфере потребления, но прежде всего в самом производстве. «Великая заслуга Мора, — писал В. П. Волгин, — состояла в том, что он сумел в XVI в. подняться от коммунистической организации потребления (сохраняя ее все же в форме общих трапез) к коммунистической организации производства» **. Более того, Мор показал при этом, что только на основе общественной собственности может быть осуществлен идеал, выдвинутый гуманистами эпохи Ренессанса, — идеал высокоразвитой личности.

* Мор Т. Утопия. М., 1978, с. 164.

** Волгин В. П. Наследие утопического социализма. — В сб.: История социалистических учений. М., 1962, с. 12.

В идеальном обществе Мора рабочий день длится не более шести часов; граждане имеют время для занятий искусством, наукой; здесь нет денег; все работают; потребности в еде и одежде ограничены до минимума. По словам А. Э. Штекли, «Мор ищет разумную альтернативу тому, что видит вокруг: он не идеализирует ни хозяев ремесленных мастерских, ни напористых мануфактуристов. Его альтернатива, его «иной путь» — в подходе к производству с позиций последовательного гуманизма. Потребление материальных благ, с его точки зрения, — не истинное предназначение человека, поэтому и производство вещей не самоцель. Коль скоро оно должно быть подчинено высшим интересам самих работающих, то стремиться надо не к изобилию материальных благ, а к обилию досуга, отдаваемого духовному и физическому совершенствованию. Ведь куда лучше, убежден Мор, не тратить времени на изготовление вещей, без которых можно обойтись, и, следовательно, меньше работать, чем губить жизнь в тщеславной погоне за показным и ненужным избытком» *.

И все же социальный идеал, выдвинутый Мором, не был в строгом смысле этого слова социалистическим; на первое место им выдвигается не совпадение личных и общественных интересов, а подчинение индивидуального общему. «Действительно, утопийцы получают все необходимое от общины, однако то, что есть «необходимое» и «лишнее», «нужное» и «ненужное», определяет в значительной степени не сам индивидуум, а община» **.

Отмечая гуманистический, даже эпикурейский, гедонистический дух «Утопии», мы не должны ни в какой мере игнорировать, затенять черты уравнительности, аскетизма в учении Мора, во всяком случае в его трактовке материальных потребностей людей. Всякая физическая работа у утопийцев остается «телесным рабством», она не доставляет выполняющим ее гражданам никакого удовольствия. За тем, чтобы все усердно трудились, у утопийцев следят специальные должностные лица. Такое отношение к физическому труду, пожалуй, всего резче выявляет в Море представителя буржуазного гуманизма.

Не забудем также, что в «Утопии» Мора сохраняются и рабство, и своеобразная социальная иерархия, и власть

* Штекли А. «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль. — Коммунист, 1978, № 18, с. 69.

** Там же, с. 70.

верховного правителя (князя) — общественные институты, резко противоречащие строю подлинного равенства. К тому же сам Мор не очень-то верит в возможность реального осуществления его предначертаний. Вот какими словами заканчивается его «Утопия»: «Впрочем, я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, чего нашим странам я скорее бы мог пожелать, нежели надеюсь, что это произойдет» *.

Тут очень кстати будет сказать, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не говорили, что научный социализм стоит на плечах Томаса Мора. Напротив, как показывает специально проведенное исследование, Ф. Энгельс весьма осторожно отнесся к стремлению К. Каутского выставить родоначальником социалистической мысли именно Мора **. Жесткое определение его в этом качестве, идущее от К. Каутского, используется современными противниками социализма для разного рода нападок на теорию и практику научного социализма. Черты уравнительности, регламентированности и т. п., присущие моровской утопии, связываются антикоммунистами с самой сущностью социализма вообще.

Разумеется, нет никаких оснований соглашаться с вульгарной модернизацией Мора в работах некоторых современных буржуазных авторов, с откровением антикоммунистическим прочтением «Утопии», представляющей якобы идеал тоталитарного государства, и т. п. *** Однако вместе с тем нет никакой надобности в том, чтобы замалчивать противоречия некоторых идей Мора принципам социализма, затеять исторически ограниченный характер его идеалов.

Мы не должны, конечно, смазывать весьма существенные различия между утопически-коммунистическим гуманизмом Мора, получившим свое дальнейшее развитие век спустя в жизнерадостном «Городе Солнца» Кампанеллы ****, и грубоуравнительными представлениями некоторых их предшественников, а также ряда представителей аскетического

* Мор Т. Утопия, с. 279—280.

** См.: Штекли А. Э. К спорам о месте «Утопии» в истории социализма. — В кн.: Томас Мор. 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.

*** См.: Осиповский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978, с. 19—21.

**** О Кампанелле см.: Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969; Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978.

утопического коммунизма XVIII—XIX вв. Но не забудем и того, что и Мор и Кампанелла были лишь весьма далекими предшественниками научного социализма.

* * *

В настоящей хрестоматии представлено и творчество трех выдающихся французских мыслителей XVIII в.— Мелье, Морелли и Маблн. В определенной степени их учения продолжают традиции, заложенные Мором, а частично даже прямо опираются на его «Утопию», доводя содержащиеся в ней аскетические начала до уравнительного коммунизма.

Существеннейшую черту этих литературных утопий составлял резко критический пафос в отношении строя частной собственности вообще и нарождающихся буржуазных отношений в частности. В этом их главное, поистине революционное значение.

Специально здесь следует сказать о Жане Мелье. В его «Завещании», написанном незадолго до смерти, крестьянские мечтания об уничтожении частной собственности на землю, эксплуатации, подневольного, каторжного труда сливаются с беспощадным обличением светских и духовных пастырей, с проповедью насильственного низвержения существующего строя. Все зависит от народа, считал Мелье, все держится на нем; стоит всем захотеть — и тирания падет. «Объединись же, народ, если есть у тебя здравый ум; объединитесь все, если у вас есть мужество освободиться от своих общих страданий!.. Обратите всю свою ненависть и все свое негодование против своих общих врагов... И да не будет среди вас никакой другой религии... кроме религии добросовестного труда и благоустроенной жизни всех сообща...» *

Идеал Мелье — порядки коммунистической деревенской общины. Отмечая исключительную, если можно так выразиться, заземленность социальной утопии Мелье, Б. Ф. Поршнев писал: «Жан Мелье не придумал общность имуществ, она для него очевидна. Он открыл не коммунизм, а отсутствие коммунизма. Ничего особенного учреждать не предстоит, надо рухнуть завал, а за ним — ясные просторы» **.

* Мелье Ж. Завещание. М., 1954, т. 3, с. 360, 364.

** Поршнев Б. Мелье. М., 1964, с. 139.

Что касается Морелли, то в его «Кодексе природы» (1755) в первую очередь обращает на себя внимание сугубо рационалистический, лишенный какого бы то ни было историзма, чисто умозрительный способ доказательства автором того положения, что корень всех социальных бед состоит в невежестве людей, в неумении первых управителей обеспечить сохранение первобытных, единственно разумных, по представлениям Морелли, порядков, а также его убежденность в том, что единственным путем к излечению общества от болезней, связанных с распространением частной собственности, является последовательное осуществление предлагаемой им системы строгого, если не сказать сурового, законодательства; только так, «сверху», может быть установлено и обеспечено «общее благо».

Габриэль Мабли, также восхвалявший порядки древности, когда отсутствовали межи на полях и расточаемые природой блага принадлежали всем сообща, не верил, однако, в возможность восстановления «золотого века». Тем не менее и он считал, что только коммунистические порядки, разрушенные в процессе распространения частной собственности, вполне соответствуют природе человека.

Ни в коей мере не стирая различий между учениями Мелье, Мабли и Морелли, подчеркнем закономерную историческую ограниченность их утопий. Как правило, они ограничиваются абстрактным, притом весьма наивным, противопоставлением эксплуататорским порядкам картин коммунистического общества, находящихся в общем за пределами реалистического понимания общественных отношений. Более того, рассматриваемые утопии во многом обращены назад: они либо воспевают «золотой век», якобы имевший место в прошлом, либо идеализируют патриархальные отношения, обычаи деревенской общины или родовые порядки, сохранившиеся на окраинах цивилизации и становившиеся известными в Европе благодаря географическим открытиям на заре капиталистической эры (индейские племена в Северной Америке и т. д.).

Кроме того, данные утопии отличаются, как уже говорилось, духом уравнительности. Всеобщая стандартизация, тягостная регламентация жизни, принудительное вступление в брак особенно резко выступают у Морелли. Равенство, проповедуемое в этих утопиях, — равенство потребностей. Антагонистический характер общественного прогресса отражается здесь в форме своего рода социального романтизма,

который, по словам К. Маркса, может критиковать действительность, но не умеет понять ее *.

В целом, хотя мы и относим обычно утопии Мелье, Морели и Мабли к истории социалистических исканий в широком, точнее, расширительном смысле этого слова, они, подобно идеям, получившим выражение в идеологии народных антиэксплуататорских движений, отражают главным образом мечтания и устремления классов и социальных слоев (прежде всего крестьянства), сходящих с исторической арены в процессе социально-экономического развития общества к капитализму. Более точное их название — *уравнительный коммунизм*.

* * *

Критика капитализма бывает разная, не раз подчеркивал В. И. Ленин, критиковать капитализм можно и с сентиментальной, и с научной точки зрения, история не раз показывала «самые разнородные приемы и способы критиковать противоречия капитализма» **. Даже в странах, где установился капиталистический способ производства, есть «социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия» ***.

Классики марксизма-ленинизма связывали рождение идеи социализма в строгом смысле этого слова непосредственно с первыми буржуазными революциями, видя в ней, в этой идее, отражение устремлений рождающегося и развивающегося пролетариата.

В своих работах К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин не раз указывали на тот пограничный рубеж в развитии освободительной мысли, с которого логически и исторически начинается утопический социализм: последовательно развитые в эпоху буржуазной революции идеи демократизма перерастают в социализм, последовательный демократизм подводит к той грани, за которой непосредственно начинается социализм. Так, в письме Ф. Энгельса К. Каутскому от 20 февраля 1889 г. говорилось, что в эпоху Великой французской революции плебеи «вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было», делали из лозунгов равенства и братства крайние выводы,

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 514.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

*** Там же, т. 20, с. 103.

ставившие «буржуазный смысл этих лозунгов прямо на голову, ибо этот смысл, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность». И именно этим устремлениям тогдашнего плебейства придал «определенную форму» Бабеф *.

Классической иллюстрацией этого вывода Энгельса может служить следующее место из бабувистского «Манифеста равных»: «С незапамятных времен нам лицемерно повторяют, что *люди равны*; с незапамятных времен над человеческим родом дерзостно тяготеет самое унижительное, самое чудовищное неравенство... Равенство являлось не чем иным, как красивой и бесплодной фикцией закона. Сейчас, когда его требуют более настойчиво, нам отвечают: «Замолчите, несчастные! Фактическое равенство лишь химера; довольствуйтесь условным равенством: все вы равны перед законом. Каналья, чего тебе еще надо?» Чего нам еще надо?.. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо. ...Мы... стремимся... к общественной собственности или к общности имуществ!» **

«Современный социализм... — писал Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке», — по своей теоретической форме... выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века» ***.

Просвещение, наследовавшее многие рациональные моменты предшествовавшей ему гуманистической мысли эпохи Возрождения, представляло собой, как известно, духовную предпосылку и теоретическое обоснование грядущих буржуазных социально-политических революций. Но это была особая, ранняя форма буржуазной идеологии: отражая недостаточную расчлененность антифеодальных сил, она выступала по своей видимости как надклассовая, общечеловеческая. В качестве «единственного мерила всего существующего» просветители выставляли, по словам Ф. Энгельса, «мыслящий рассудок». «Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам... Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и отныне

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 126—127.

** См.: Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963, т. 2, с. 133—135.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 189.

суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» *.

В процессе развития буржуазных революций идеи Просвещения терпят фиаско: при своем реальном осуществлении лозунг свободы оборачивается новыми формами угнетения. «Царство разума» оказывается всего лишь «идеализированным царством буржуазии», «справедливость» осуществляется в буржуазной юстиции, «равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума... оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой» **.

При объяснении этого «парадокса» Энгельс исходит из основополагающих принципов исторического материализма: просветители (Энгельс говорит, собственно, о великих мыслителях XVIII в.), «так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха» ***.

В ходе и итоге буржуазных революций осталась нерешенной, таким образом, главная социальная проблема — проблема создания общества *подлинного* равенства людей, эта мечта угнетенных масс со времени возникновения частной собственности, классов, эксплуатации, трансформировавшаяся особым образом в лозунги буржуазного Просвещения (именно потому, что в «общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени» ****).

Общественная мысль эпохи становления капитализма, эпохи буржуазных революций дает богатую картину отражения этого всемирно-исторического факта. В различных социальных теориях этот факт — несовпадение предшествовавших революции идей Просвещения с пореволюционной действительностью — получает самую разную интерпретацию. Амплитуда этих интерпретаций громадна, но в целом окраска их романтически-пессимистическая.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 189—190.

** Там же, с. 190.

*** Там же.

**** Там же, с. 191.

Утопический социализм выступает как одна из многих и вместе с тем очень своеобразных форм отражения данного факта, предлагающая при этом не просто чувственно-эмоциональное, а определенное теоретическое — конечно, в меру развития общественной науки того времени — и к тому же оптимистическое решение указанной выше проблемы: достижение подлинного — а не формального только — равенства и социальной справедливости возможно, но оно возможно на пути не одних лишь политических, но в первую очередь социально-экономических преобразований, на пути коренных изменений в формах собственности.

Рассматриваемый в этом аспекте, утопический социализм явился своеобразным теоретическим ответом на те вопросы, которые родились в непосредственной практике революционной борьбы. Именно в ходе первых буржуазных революций в движениях и требованиях народных масс — а «при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата» * — была выявлена ограниченность идеи юридического, политического равенства; именно тогда получил выражение принцип последовательного развития политического, гражданского равенства до равенства полного — социального, равенства прежде всего в отношении к собственности.

Критика идей буржуазной революционности, буржуазного демократизма с теоретически более высокой точки зрения, различение собственно политической революции (т. е. переворота в надстройке) и революции социальной (т. е. коренного изменения в имущественных отношениях), призыв к последней — таков важнейший отличительный признак утопического социализма.

* * *

Исследования советских историков (М. А. Барга, В. М. Далина, А. Р. Иоаннисяна и других) показывают нам, как именно происходило рождение, складывание утопического социализма как качественно нового, особого типа общественной мысли в ходе английской (XVII в.) и французской (XVIII в.) буржуазных революций.

Великая волна этих революций, решив главные вопросы борьбы против феодализма, дала одновременно и начало

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 191.

подлинно социалистической теории, которая выступила с критикой капитализма (и вообще эксплуататорских порядков) не с позиций классов, сходящих с исторической арены, а с позиций будущего, т. е. с точки зрения интересов того класса, который был «более или менее развитым предшественником» пролетариата. Рассматривая утопический социализм как своего рода «новое общественное евангелие», Маркс и Энгельс недвусмысленно утверждали: «Это фантастическое описание будущего общества... возникает из первого исполнительного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества» *.

Одним из первых предвосхищений социальных устремлений будущего пролетариата к этому преобразованию явилось в известной мере учение вождя Крестьянской войны в Германии XVI в. Томаса Мюнцера. Проповедуя необходимость установления «царства божьего на земле», Мюнцер понимал под ним, по словам Ф. Энгельса, «не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство» **. В ходе Крестьянской войны в Германии плебейская часть общества — в силу своего положения «совершенно вне существующего официального общества» — «должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества...» ***. По мнению Энгельса, доктрина Мюнцера «далеко выходила за пределы тех общественных и политических отношений, которые были тогда непосредственно налицо... Его политическая программа была близка к коммунизму... представляла собой не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов...» ****.

Вместе с тем Энгельс подчеркивал, что это стремление Мюнцера «выйти за пределы не только настоящего, но и

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 456.

** Там же, т. 7, с. 371.

*** Там же, с. 363.

**** Там же, с. 371.

будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилем над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускались тогдашними условиями» *.

В более определенной форме зародыши собственно социалистической мысли выступили в ходе английской революции XVII в. в учении Джерарда Уинстэнли.

Идеальное общество Уинстэнли — это не мечта, представляющаяся несбыточной даже самому ее творцу (напомним, что Мор, как, кстати, и Мабли, не верил в практическую осуществимость рисовавшегося им идеала), а общественный строй, который может быть осуществлен в реальной действительности. Уинстэнли не фантазер, не писатель-романист, а практический реформатор, предлагающий конституцию «общества равных», поскольку происшедшая революция к нему не привела. Он призывает Кромвеля двинуть революцию дальше, закрепить республику, расположив к ней сердца угнетенных, установив свободное пользование земель, ибо только оно создает свободу гражданина — свободу от нужды. Дилемма, которую рисует при этом Уинстэнли, выглядит так: «Теперь, [когда] вся власть в стране находится в ваших [т. е. Кромвеля] руках, вы сделаете одно из двух: либо объявите землю свободной для угнетенных общин... либо лишь смените лиц, [стоящих] у кормила правления, оставив нетронутыми старые [королевские] законы, и тогда ваша мудрость и почет будут развеяны на веки, и вы либо погибнете сами, либо заложите основание еще большего рабства для потомков» **.

Учение Уинстэнли содержит качественно новую идею, отсутствующую у прежних утопистов. В отличие от предшествующих мечтателей-гуманистов, вроде Мора и Кампанеллы, или коммунистов типа Морелли, Уинстэнли не ограничивается выведением нового, справедливого строя из абстрактных постулатов разума, а стремится представить этот строй как естественное следствие существующих экономических, социальных и политических процессов, как конечную цель революции, ее возможный и вполне достижимый, по его убеждению, результат. Уинстэнли не игнорирует,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 363.

** Цит. по: Барг М. А. Социальная утопия Уинстэнли. — В сб.: История социалистических учений. М., 1962, с. 61. В другом переводе см.: Уинстэнли Дж. Избранные памфлеты. М., 1950, с. 182—183.

а, напротив, учитывает достигнутый экономический, социальный и политический прогресс; он хочет лишь углубления, развития происходящей революции, доведения ее до революции в собственности.

В сущности, того же добивались и требовали демократические нззы, составлявшие ударную силу в войне за независимость, против феодализма в ходе американской революции XVIII в.

Первые тенденции сделать революцию радикальной проявились еще в 60-х годах в движении так называемых «регуляторов». Это — самое начало революции, и требования регуляторов носят еще типично антифеодальный характер. Они не замахваются на собственность вообще, выступая лишь против феодальных институтов первородства и неотчуждаемости владений, за пропорциональное представительство в провинциальных органах власти и отмену ренты. Главный лозунг самого мощного восстания «регуляторов» в 1765—1766 гг. — равенство прав на землю для всех, естественное право бедного на равное владение землей с богатым.

Особенности развития буржуазной революции в Северной Америке (тут немаловажную роль сыграло наличие свободных земель на западе страны, служившее своего рода отдушиной при обострении классовых конфликтов) обусловили тот факт, что движение демократических низов не получило здесь большого размаха. Но примечательно, что и в таком виде оно порождает недвусмысленное стремление состоятельных классов, в частности купечества, поставить наиболее радикальные элементы движения под свой контроль. Английский историк Е. Робсон пишет: «Каждый купец, который боялся анархии и был заинтересован в безопасности интересов своих растущих предприятий, был слишком расположен в пользу закона, порядка и торговли, чтобы быть сбитым с толку стремлением к свободе, особенно к такой свободе, как ее понимали низшие классы, услугами которых они пользовались для увеличения своего собственного богатства»*. «Подойки общества» слишком беспокоили состоятельных на протяжении всего развития революции.

Результаты революции не удовлетворили массы. Это выразилось уже в начале 80-х годов в многочисленных стн-

---

* Цит. по: *Фурсенко А. А.* Американская буржуазная революция XVIII века. М.—Л., 1960, с. 51.

хийных выступлениях народных низов против их ближайших врагов — судов, государственных чиновников, законодательных учреждений. Восстания эти выражали прежде всего отчаяние голодных масс, но не только его; в них и противоборство оборотной, антинародной стороне буржуазной демократии. Наиболее сильным было восстание под руководством ветерана войны за независимость Даниеля Шейса (осень 1786 г.). Как и повстанцы кануна революции, бедняки, руководимые Шейсом, называли себя «регуляторами». Они выдвинули те же требования: равное распределение земель и богатств, отмена долгов и справедливое судопроизводство. Но теперь эти требования были направлены уже против буржуазного правопорядка: народ настаивал на реальном осуществлении равных гражданских прав и новом перераспределении собственности.

Это была попытка углубить революцию плебейскими методами, подобная той, которую до «регуляторов» Шейса приняли «диггеры» и «левеллеры» в Англии в XVII в. и которую после них предпримут «бешеные» во Франции. Правда, в данных условиях она не нашла своего теоретического выражения: мы не имеем основания говорить о рождении в ходе американской буржуазной революции социалистических идей. Стихийность, неорганизованность были выражением политической незрелости народных масс. Но характерно, что после восстания Шейса американская буржуазия сильно поправила: опасность новой революции начинает беспокоить даже таких буржуазных революционеров, как Д. Вашингтон и С. Адамс. В среде состоятельных растут требования усилить власть правительства, создать «крепкий барьер против демократии», не допустить «излишеств демократии».

* * *

То, что достаточно зримо пробилося в «Законе свободы» (1652) Уинстэнли и что не нашло своего теоретика в условиях американской революции, приняло значительно более четкую форму в условиях Великой французской буржуазной революции.

Подводя первые ее итоги, Гракх Бабеф придал определенную форму требованиям плебейских масс, участвовавших в революционном движении, однако неудовлетворенных его результатами. То, за что отдали свои жизни многие санкюлоты, совершившие революцию, он воплотил в своем творчестве, своих проектах и планах. Теория Бабефа четко

отразила качественно новые моменты, тенденции самой социально-экономической действительности, новые запросы, родившиеся в процессе резкого столкновения классовых интересов и выступившие наружу в момент наибольшего обострения противоречий.

Бабувизм появился не на пустом месте в отношении не только социальных, но и теоретических предпосылок.

Одним из ближайших идейных предшественников Бабефа был Ф. Буассель. В «Катехизисе человеческого рода», еще в самом начале революции, в 1789 г., он выступил с резкой критикой устанавливающихся, по сути капиталистических, порядков и — в отличие от многих предшествовавших мыслителей — выразил уверенность в возможности полного переустройства общества, полной ликвидации частной собственности. Средства этого переустройства Буассель видел в создании общественных мастерских и соответствующем воспитании.

Более близким предшественником бабувизма был «Социальный кружок» 1790—1791 гг. «Создание и деятельность «Социального кружка» — свидетельство проявления нового классового противоречия, которое, конечно, существовало и раньше, но только после первой победы буржуазии над феодализмом окончательно вышло наружу» *. Члены кружка не призывают к революционному насилию, но прекрасно понимают всю недостаточность формального уравнивания в правах, которое несет с собою капитализм. Самое же примечательное состоит в том, что они, в особенности Н. де Бонвилль, проповедуют идеал республики не только демократической, но и социальной **.

Близки к «Социальному кружку» и к бабувизму были «бешеные». Они не переступили границы плебейского демократизма, не стали коммунистами, не выдвинули идею общественной собственности, однако призывали к преобразованиям, в сущности, антикапиталистического характера (и именно в области социально-экономических отношений), указывали на недостаточность антифеодальной революции, на ограниченность ее корыстными целями буржуа. «Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на же-

---

* Кан С. Б. История социалистических идей. М., 1967, с. 60.

** См.: Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.). — В сб.: Из истории социально-политических идей. М., 1955.

стокие происки аристократии богатств» *, — говорил Жак Ру. Осознавая, что важнейшим итогом революции является образование новых групп эксплуататоров, новых хищников и паразитов, которые одни только и пользуются выгодами революции, Ру в «Речи о причинах несчастий Французской республики» и других выступлениях требовал дальнейшего развития борьбы с богатыми. «Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, предается жестокой забаве грабить имущества частных лиц и богатства республики, и мы еще не знаем предела их лихоимства...» ** Переосмысливая главные лозунги, под которыми шла революция, Ру заявлял, что «свобода не заключается в праве морить голодом своих ближних» ***. «Торжество» свободы и «царство счастья» — только в будущем. «Свобода лишь пустой призрак, — говорил Ру в речи на заседании Конвента 25 июня 1793 г., — когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой. Равенство лишь пустой призрак, когда благодаря монополии богатые имеют право жизни и смерти над своими ближними. Республика лишь пустой призрак, когда ежедневно торжествует контрреволюция, выражающаяся в высоких ценах на припасы, ставшие вследствие этого недоступными для трех четвертей граждан» ****. Правда, положительные идеалы «бешеных» весьма туманны. В лучшем случае они выражались в таких, например, фразах: «Если богатые фермеры будут вынуждены нести свои товары на общие склады и вся Франция обратится как бы в единое хранилище, золотой век сменит, наконец, век железный» *****. Но главное у них — это идея углубления происходящей революции.

И все же именно бабувизм предельно обнажил ту грань, за которой начинается социализм.

Бабеф не устал указывать на великое значение революции; она, по его мнению, продемонстрировала возможности человечества по переделке собственной жизни, явившись последним эпизодом в вечной борьбе патрициев и плебеев. Но она еще не привела к тем результатам, к которым должна была привести. Она не доведена до конца, ее надо продолжать и развивать до тех пор, пока она не найдет своего

* Цит. по: Захер Я. М. Движение «бешеных». М., 1961, с. 63.

** См. там же, с. 181.

*** Там же, с. 101.

**** Там же, с. 187.

***** Там же, с. 183.

подлинного завершения. Возникновение в ходе революции «новых форм правления» — далеко не то же самое, что «полное преобразование общества» в интересах народных масс. Необходимо достижение «не только равенства в правах, но и достойного благосостояния, равного обеспечения всех физических потребностей, всех социальных преимуществ, справедливого вознаграждения за труд, который каждый отдает общему делу» *. Вполне понимая ограниченность и даже антинародность итогов революции, Бабеф выдвигает цель — дополнить революцию властей и авторитетов несравненно более справедливой революцией, конечным результатом которой явилось бы беспристрастное распределение собственности и просвещения. Французская революция была предпринята в интересах большинства. Интересы большинства побуждали преклоняться перед ней, пока существовала надежда, что желанная перемена к лучшему произойдет в действительности. «Интересы большинства побуждали к тому, чтобы возненавидеть революцию, как только стало ясно, что ее конечный результат есть перемена в еще худшую сторону. Те же интересы большинства побуждают нас начать новую революцию, которая, согласно нашему желанию, должна быть последней и конечная цель которой — превратить самое худшее в совершенное благо» **. Суть этой последней революции — уничтожение частной собственности, главного источника всех бедствий, тяготеющих над обществом ***.

Вопреки мнению, традиционному для буржуазной науки, бабунизм — это не столько апология насилия, сколько именно стремление, углубляя революцию, превратить ее в «счастье для всех». И именно в этом углублении революции, конкретизирующемся в системе предлагаемых практических мер, Бабеф видел путь к новому, подлинно справедливому обществу. Напомним в этой связи слова Ф. Энгельса: «Движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое происхождение. Выяснилось, что демократия не может создать подлинного равенства, и вследствие этого на помощь ей была призвана коммунистическая система» ****.

* Цит. по: Волгин В. П. Движение «равных» и их социальные идеи. — В кн.: *Баонарроти Ф. Заговор во имя равенства*. М., 1963, т. 1, с. 24.

** Цит. по: *Баонарроти Ф. Заговор во имя равенства*, т. 2, с. 166.

*** См. там же, т. 1, с. 158.

**** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 530.

Итак, если учение Мюнцера выступило как «гениальное предвосхищение» социализма, то уже Джерарда Уинстэнли и еще в большей степени Гракха Бабефа можно назвать основоположниками собственно социалистической мысли.

Разумеется, следуя ленинской методологии*, мы должны ясно различать «общий дух и общее значение» их теорий и отдельные, противоречащие этому духу и значению, но весьма существенные уравнилельно-коммунистические «детали» их учений, выражавшие недостаточную еще зрелость социалистической мысли. Так, Уинстэнли сохраняет в идеальном обществе армию, полицию и суд, основой производства у него является земледелие, производство и потребление носят семейный характер. Черты строгой регламентации, утилитарного отношения к искусству отличают и бабувизм. Однако, учитывая это, мы никак не можем просмотреть у них очень важной общей черты, а именно стремления связать осуществление идеала подлинного равенства с дальнейшим развитием самой буржуазной революции, и шире — буржуазной цивилизации. С них, собственно, и начинается та традиция социализма, наследником которой выступил пролетарский социализм.

То, что отделяло Уинстэнли и Бабефа от их более или менее близких предшественников, — конструктивная критика буржуазной революции и капитализма — объединяет и характеризует всех представителей утопического социализма независимо от того, к какой его школе или направлению они принадлежат (представляют ли течение религиозного, этического или философско-рационалистического социализма, склоняются ли к анархизму, федерализму или выступают как сторонники государственной централизации). Многокачественные различия, выступающие внутри утопического социализма в ходе его исторического развития, нисколько не ликвидируют главной его черты — позитивной антибуржуазности.

Эта черта вполне определенно выступает, например, уже у одного из родоначальников утопического социализма — Бабефа, проявляясь, в частности, в отмежевании от идеи возврата человечества к «естественному состоянию», столь свойственной его предшественникам, а также в положении бабувистов о необходимости «призвать науки к облегчению

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 239.

человеческого труда путем изобретения новых машин и усовершенствования старых» *. Все паразиты, пользующиеся сейчас излишним, говорил Бабеф, обвиняют нас в том, что мы хотим вернуть общество к варварству. Они называют нас вандалами, желающими уничтожить науки, искусство и индустрию. В действительности наука, искусство и индустрия не только не погибнут — они получают новый импульс к своему развитию **.

* * *

В зависимости от отношения к вопросу о путях, формах и методах установления нового общества, от характера решения проблем классовой борьбы, революционного насилия, гражданской войны и т. п. утопические социалисты делятся, грубо говоря, на сторонников мирного и сторонников насильственного способа общественных преобразований. Однако и тех и других объединяет понимание того, что политическая революция буржуазного типа не только не приводит к социальному равенству, но и во многом направлена своим острием против совершающего ее народа. Поскольку буржуазная, антифеодалная революция принимает форму кровавого террора, а это, по мнению большинства утопических социалистов, негуманно, связано с большими человеческими и культурными издержками, постольку социалисты ищут новых, иных средств социальных преобразований — в виде ли иллюзорной для их времени «мирной революции» или в форме выдвижения определенных гарантий того, чтобы развязываемые в ходе революции страсти не нанесли вреда, ущерба самой революции, самому народу. Указание на ограниченность «политической революции» и противопоставление ей желанной «социальной революции» — характерные особенности социалистических учений в отличие от буржуазного демократизма.

В этом отношении великие социалисты начала XIX в. — Сен-Симон, Фурье и Оуэн, давшие качественно иную по сравнению с Бабефом трактовку путей к социализму, выступают как его прямые наследники и продолжатели. Так,

* См.: *Буонарротти Ф.* Заговор во имя равенства, т. 1, с. 300. В примечании к этому положению Буонарротти писал: «Только при системе общности применение машин явится подлинным благом для человечества, тяготы которого эти машины сократят, увеличивая при этом изобилие необходимых и приятных предметов» (там же).

** См. там же, с. 33—34.

патриархами социализма Сен-Симона и Фурье делает не идея общественной, общенародной собственности, которой у них не было, а признание ограниченного, хотя и естественного, характера совершившейся буржуазной революции — «ужасного, но благотворного по своим результатам кризиса» * — и острая критика капитализма с точки зрения идеала такого общества, где не будет разделения на трудящихся и эксплуататоров, не будет подчинения народа кучке заправил, владеющих всеми богатствами страны, узурпировавших государственную власть, с точки зрения ассоциации, где всех будет объединять общий интерес.

Утопический социализм в его высшей форме не только указывал на возникающие в буржуазном обществе и раздирающие его противоречия, но и определял — в меру зрелости этих противоречий, социальных антагонизмов, конфликтов и отражающего их развития науки той эпохи — пути и способы их разрешения и преодоления на основе экономических, социальных, политических и духовных процессов, явившихся результатом, следствием именно начавшегося буржуазного развития.

Эти качества подлинно социалистической, хотя еще и утопической, мысли были унаследованы научно-коммунистическим учением К. Маркса и Ф. Энгельса.

В целом утопический социализм, выступивший как теоретический источник научного социализма, представляет собой совокупность учений, утверждающих не только желательность, но и возможность ликвидации антагонистических общественных порядков, строя эксплуатации и угнетения трудящихся и установления — на основе тех достижений цивилизации, которые нес с собой капитализм, будь то высокий уровень технического и промышленного развития, либо развитие демократии, взлет науки и т. д. (разные мыслители подчеркивали значение того или иного из этих факторов), — нового типа общества, где будет осуществлено не только формально-правовое (как в буржуазном обществе), но полное социальное равенство людей, где отсутствуют эксплуатация человека человеком и все иные формы общественного неравенства.

«Все, что есть хорошего, мудрого, великого, несовместимо со строем цивилизации», — писал, например, Фурье. «Открытие законов движения призывает нас проникнуться

* См.: Сен-Симон А. Избр. соч. М.—Л., 1948, т. 2, с. 315.

отвращением к строю цивилизации, а не исправлять его». «Ошибка людей нового времени заключается в том, что они хотят получить кусочек за кусочком все те блага, которые следует ввести коллективно и одновременно путем ассоциации. Это... верх непоследовательности — пытаться усовершенствовать цивилизацию... Единственная задача социального разума — искать выход из строя цивилизации, а не совершенствовать его». В поисках этого выхода Фурье вместе с тем отнюдь не сбрасывает со счета того рационального, что было развито в эпоху капитализма: «Впрочем, цивилизация занимает в лестнице движения важное место, ибо именно она создает движущие силы, необходимые, чтоб открыть путь к ассоциации: она создает крупное производство, высокие науки и изящные искусства. Нужно использовать эти средства, чтобы подняться выше по социальной лестнице» *. Такова была принципиальная позиция истинного социалиста.

Тот факт, что Фурье, как и Сен-Симон, не дошел до идеи полной ликвидации частной собственности на средства производства, означает, конечно, известную его ограниченность. Но и только. Ибо и Фурье, и Сен-Симон на первое место ставили преобразования именно в сфере собственности. «...Наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свободы и в отношении богатства» ** — так писал А. Сен-Симон.

Если хотя бы бегло коснуться вопроса о своеобразии каждого из трех выдающихся социалистических мыслителей, то следует прежде всего отметить: в работе «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс особо выделил из всего идейного богатства, оставленного Сен-Симоном человечеству, его мысль о том, что в будущем «политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства»...» ***.

Далее Энгельс писал: «Если у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения

* Цит. по: Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964, с. 100—101.

** Сен-Симон А. Избр. соч., т. 1, с. 355.

*** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 196.

содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа... Он беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопоставляет его с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем,— с их заявлениями о способности человека к безграничному совершенствованию... Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации. Но ярче всего проявилось величие Фурье в его понимании истории общества... Фурье... так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель» *.

Что касается Оуэна, то тут в первую очередь надо обратить внимание на то, что под свой социальный идеал он пытается подвести уже не только философское, но и экономическое основание. Он положительно оценивает развитие крупного, машинного производства. Особо подчеркивая ту мысль Оуэна, что происходящие при капитализме изменения в производстве *«являются подготовительными и необходимыми ступенями, ведущими к великой и важной социальной революции»* **, К. Маркс писал в «Капитале», что «Роберт Оуэн... не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции» ***. Огромная производительная сила машин, полагал Оуэн, «должна и могла бы быть при правильном руководстве одним из величайших благ вместо того, чтобы быть проклятием для людей». Но этого возможно достигнуть в условиях только такого общества, где будет существовать единство интересов, то есть только тогда, «когда машины будут принуждены работать для людей, а не *против* них» ****.

В общем Сен-Симон, Фурье и Оуэн, участвовавший в конце своей жизни в чартистском движении, дают в совокупности классическую разработку идей утопического социализма.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 196—197.

** Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 223.

*** Там же, т. 23, с. 512.

**** Оуэн Р. Избр. соч. М.—Л., 1950, т. I, с. 300.

Не будем, конечно, закрывать глаза на то, что эти три великих социалиста начала XIX в. резко выступают против политической революции и хотят достигнуть своей цели мирными, ненасильственными средствами, взывая к сильным мира сего; что они во многом расходятся друг с другом и даже временами резко нападают друг на друга, хотя «общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости» *. Эти и другие ограничения, «слабости» Сен-Симона, Фурье и Оуэна очевидны.

Но столь же несомненно и то, что именно они, эти три великих социалиста, выдвигают и разрабатывают целый ряд важнейших идей, послуживших исходным материалом и отправным пунктом для научного коммунизма Маркса и Энгельса. Среди них идеи: общественной закономерности и противоречивости общественного процесса, исторического прогресса, труда как первой потребности человека, трудового воспитания, плановости хозяйства, преодоления противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, машинной промышленности как технического базиса нового строя и др.

Было бы наивным и неверным полагать, будто Маркс и Энгельс каким-то способом очистили эти рациональные идеи от фантастического шлама предшествующих утопий и включили в качестве составных элементов в свое учение. На самом деле имел место сложный процесс переплавки, критического переосмысления, переработки этих идей, наличного, как выражался иногда Энгельс, «мыслительного материала» с позиций материалистического понимания истории. Продолжим предложение в начале статьи аналогию, вновь обратясь к Белинскому: «Великие реки состояются из множества других, которые, как обычную дань, несут им обилие вод своих. И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы? Приняв в себя столько рек, и больших и малых, Волга пышно катит свои собственные волины, и все, зная о ее бесчисленных похищениях, не могут указать ни на одно из них, плывя

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 191.

по ее широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их» *.

Вполне сознавая ограниченность и условность всякого рода аналогий, все же скажем: примерно таким можно представить и отношение между научным и утопическим социализмом. «Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, — писал В. И. Ленин, — когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание» **. «Главное в учении Маркса, — подчеркивал он, — это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества» ***.

* * *

Существенным элементом представлений социалистов-утопистов о будущем является идея перестройки отношений собственности в направлении ее обобществления, и в этом их принципиальное отличие от так называемых эгалитаристов, представляющих идеальный строй в виде общежития равных собственников. Однако вместе с тем в определении того, что представляет собой сама эта перестройка отношений собственности, утопический социализм коренным образом отличается от научного социализма. К. Маркс считал, что грядущая социальная революция будет означать присвоение достигших высокого уровня развития средств производства и обмена обществом, т. е. «ассоциированным рабочим классом». По словам Ф. Энгельса, утверждением этого принципа «современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной

* Белинский В. Г. Собр. соч., т. 6, с. 219.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 45.

*** Там же, т. 23, с. 1.

«общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом» *.

В зависимости от трактовки характера будущего строя утопические учения можно разделить на две основные группы.

Представители *социализма* (понимаемого в специальном, производном от представлений о социальном идеале смысле) выступают за коренную перестройку социально-экономических отношений в интересах народных масс, однако сохраняют в той или иной мере в своем идеале частную собственность. Так, Сен-Симон, хотя и стремился к преобразованию производства таким образом, чтобы «в наикратчайшее время и наиполнейшим образом улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса» **, все же не поднимал руку на частную собственность; ему представлялось, что развитие науки, морали, производства само по себе может привести к созданию общества социальной справедливости. А «если исчезнут вдруг границы полей и не будет больше собственности,— писал он,— каждый захочет захватить все» ***. Учитываются права собственников и в фаланге Фурье: здесь доходы распределяются таким образом, чтобы пять частей доставались труду, т. е. непосредственным производителям, четыре — капиталу, три — таланту.

Сторонники *коммунизма* считают, что единственным собственником средств производства должно быть общество, как бы оно ни понималось: население всего земного шара, трудящиеся какой-либо страны, жители города-государства, члены артели или крестьянской общины.

При этом некоторые из утопических коммунистов сохраняют в своем идеальном обществе личную собственность, во всяком случае на предметы потребления, и в этом смысле являются противниками уравниловки. Так, Оуэн, считавший, что в будущем обществе «все... превратится в общественное достояние», делал, однако, исключение для «предметов чисто личного обихода...» ****.

Другие утопические коммунисты исключают какую бы то ни было личную собственность, и тогда перед нами выступает концепция всех и все уравнивающей общности имуществ, очень характерная не только для ранних народных

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 532.

** Сен-Симон А. Избр. соч., т. 2, с. 365—366.

*** Там же, т. 1, с. 307.

**** См.: Оуэн Р. Избр. соч., т. 2, с. 25.

антиэксплуататорских утопий, но и для ряда социально-утопических систем нового времени. Эта концепция, устанавливающая в будущем одинаковость жизни и «равное счастье» всех, означает в конце концов провозглашение совершенного, абсолютного, будто бы природного равенства сведенных к минимуму человеческих потребностей. Грубый, неразвитый, аскетический, уравнилельный коммунизм — вот названия, наиболее подходящие для такого рода учений.

Представляя собой вульгарное, примитивное, одностороннее, негуманное и даже антигуманное решение проблемы взаимоотношения общества и личности, утопический уравнилельный коммунизм — в отличие от утопического социализма и коммунизма, провозглашавшего в тех или иных формах принцип совпадения, гармонизации индивидуального и коллективного, — выступает как учение, выдвигающее в качестве идеала полное подчинение личности, индивидуумов некоему абстрактному «обществу равных» — государству как таковому, общине и т. п. Сосуществование двух тенденций в социально-утопической общественной мысли прошлого — уравнилельно-коммунистической и подлинно социалистической (коммунистической), их переплетение, взаимопроникновение и острая борьба обусловили чрезвычайно противоречивый характер развития утопического социализма в широком истолковании этого понятия.

Различение в истории социально-утопических идей утопически-социалистической (коммунистической) и уравнилельно-коммунистической тенденций имеет, помимо всего прочего, тот смысл, что позволяет более точно определить традицию, наследником которой выступила теория научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, утверждавшая необходимость замены классово антагонистического общества не просто обществом равных *, а такой ассоциацией, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» **.

* В марте 1875 г. Энгельс писал А. Бебелю: «Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенная ступень развития было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 104).

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

* * *

После создания Марксом и Энгельсом научной теории пролетарского социализма позитивное значение утопического социализма в Западной Европе и Северной Америке сходит на нет. Правда, еще долгие годы он продолжает существовать как теоретическое оформление и выражение социальных устремлений и иллюзий непролетарских, главным образом мелкобуржуазных и люмпенских, слоев и еще долгие годы марксистам приходится вести с ним острую идейную борьбу — и в период революции 1848—1849 гг., и в Первом Интернационале, и даже позже. Концом того периода, когда «домарксовский социализм умирает», В. И. Ленин считал 1871 год*.

Как писали основоположники марксизма в «Манифесте Коммунистической партии», «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»**.

Для западноевропейских утопических социалистов, следующих за Сен-Симоном, Фурье и Оуэном, при всем их разнообразии, в значительной степени становится характерным стремление найти (либо возвести) непосредственное основание будущего строя в самой исторически данной действительности. Этот поворот к «реализму» (а на самом деле в большинстве случаев отказ от стремления к социалистическому будущему человечества во имя сиюминутного эффекта) приводит, с одной стороны, к различным формам социального экспериментаторства (пример тому — колонии «икарийцев», последователей и сторонников Этьена Кабэ, в США) и, что еще более типично, социального реформизма (вспомним, в частности, об идеях, предложениях и деятельности Луи Блана), пытающегося так или иначе убедить буржуазию, правящие ее группировки в необходимости крупных социальных преобразований. С другой стороны, этот

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 1—2.

** Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 456.

поворот приводил некоторых представителей немарксистского социализма к абсолютизации отдельных моментов и форм революционного движения (творчество и деятельность Л. О. Бланки, бунтарство Вильгельма Вейтлинга, а позже — анархическая теория и практика М. Бакунина).

Теоретически ниспровергнутые научным коммунизмом, этого рода социально-утопические идеи тем не менее продолжают существовать, точнее, постоянно возрождаются даже еще и сегодня, а иногда и под флагом марксизма. «В идейном арсенале современного немарксистского социализма видное место отведено наследию социалистов прошлых времен, особенно тех из них, с которыми вели полемику основоположники марксизма. Воззрения Прудона, Лассалья, Бакунина особенно широко популяризируются сейчас как некая альтернатива научному социализму. Нетрудно, например, проследить цепочку, тянущуюся от Лассалья через Бернштейна к современным правосоциалистическим идеологам» *.

Примером крайне реакционной современной утопии являются также грубоурavnительные представления о социализме, практическая реализация которых ведет к регламентации всего и вся, безграничному вмешательству власти в личную жизнь людей, культу правящей личности и тому подобным явлениям. Такая практика, превращающая общество в военную казарму, означает полный разрыв с принципами социализма.

* * *

Обращаясь вновь к XIX веку, привлечем внимание читателей к следующему обстоятельству: в сравнительно слабо развитых тогда странах Восточной Европы и Азии (как в наши дни — в странах Латинской Америки и Африки) утопически-социалистические учения оказываются слитыми с мелкобуржуазной, главным образом крестьянской, революционностью, выступают как *крестьянский социализм*.

Преимущественно в форме крестьянского социализма развивалась в прошлом столетии и утопически-социалистическая мысль России.

Ее рождению в этой исторически своеобразной форме предшествовали здесь — в плане духовного развития —

---

* Солодухин Ю. Основные направления немарксистского социализма. — Политическое самообразование, 1976, № 9, с. 87—88.

и социально-утопические искания отдельных представителей угнетенных крестьянских масс, мечтавших о свободе и уничтожении эксплуатации и выражавших эти свои мечтания в виде разного рода еретических учений и произведений фольклора *, и глубокие размышления первых российских сознательных революционеров из дворян — А. Н. Радищева и декабристов (а среди последних в особенности П. И. Пестеля) об опыте и противоречивых последствиях революций XVII—XVIII вв. в Англии, Северной Америке и Франции, и сочувственное обращение А. И. Герцена и Н. П. Огарева в начале 30-х годов XIX в. к идеям сенсимоизма и фурьеризма, сопряженное с самостоятельной критической оценкой западноевропейской действительности **.

В 40-е годы наиболее яркие представители русского утопического социализма (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, М. В. Петрашевский) стремятся дать идее социализма более или менее цельное философское обоснование, «опереть» ее, во-первых, на антропологическую идею «природы человека», полной реализацией которой только и может быть социализм, во-вторых, на историческую диалектику, логику мирового разума, понятого как дух человечества, изначально стремящегося будто бы к строю равенства. Уже в это время русские социалисты подмечают некоторые существенные черты ограниченности западных систем утопического социализма и коммунизма, в частности присущий некоторым из них дух уравнительности.

Основной особенностью русского утопического социализма последующего времени является попытка «навести мосты» (выражение Герцена) между идеалом и реальностью, будущим и настоящим. Это выражается в поисках зародышей социализма в самой социальной ткани, в стремлении связать идеал с данными наук об обществе — истории, политэкономии, что обуславливает пристальное внимание к проблемам экономического и политического развития (это отчетливо видно уже в произведениях Белинского и Герцена 1847—1848 гг., а также в статьях В. А. Милютина 1847 г. и в речах Петрашевского 1849 г.).

Такое направление социально-теоретических исканий и привело к возникновению и разработке своеобразной разно-

* См.: Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977.

** Подробнее см.: Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966.

видности утопического социализма — так называемого «русского», общинного или «крестьянского» социализма, *народничества*, в рамках которого в основном и происходило развитие утопического социализма в России второй половины XIX в.

Один из основоположников народничества — Герцен, усмотревший в сельской общине, или, как он иногда выражался, в «аграрном коммунизме» русских крестьян зародыш будущего социалистического общества, писал в 1866 г.: «Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» *. Идеи народнического социализма активно разрабатывали также Н. Г. Чернышевский (в 1857—1859 гг.), Н. П. Огарев, а позже — П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев и другие.

Крестьянский по характеру представляемых в этой утопии интересов, народнический социализм отличался от крестьянского социализма периода феодализма тем, что он уже прямо противостоял именно капиталистическому прогрессу. Двойственная природа крестьянства как промежуточного класса капиталистического общества проявляется в народническом социализме самым наглядным образом. «Утопия народников и трудовиков, — писал В. И. Ленин, — есть мечтание мелкого хозяйчика, который стоит посередине между капиталистом и наемным рабочим, об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы» **. «Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма» ***. Некоторые народники прямо писали о своем стремлении увековечить общинно-артельные порядки.

Однако вот что необходимо отметить: в целом домарксистский социализм в России не сводится к народничеству;

* Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1960, т. 19, с. 193.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 119.

*** Там же, т. 12, с. 40—41. В. И. Ленин, по существу, цитировал здесь Герцена, который писал в 1851 г.: «Человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции работник». (Герцен А. И. Собр. соч., т. 7, с. 326).

внутри социалистической мысли имела место и критика идеализации сельской общины и русского крестьянина, мужика как «носителя» социализма, как «человека будущего». Некоторые мыслители, отнюдь не разделявшие народнических иллюзий, но являвшиеся по убеждениям своим социалистами (например, Д. И. Писарев), развивали положения об относительной прогрессивности капитализма, необходимости крупного промышленного производства как обязательной основы будущего общества, о длительности и многовариантности путей к социализму, о крайней сложности форм и способов его установления.

* * *

Наиболее глубокая концепция социализма была выдвинута Н. Г. Чернышевским, которого В. И. Ленин характеризовал как «величайшего представителя утопического социализма в России» *.

Конечно, и Чернышевский оставался в конечном счете утопистом. Вместе с тем им был сделан решительный шаг навстречу научному социализму. Хотя в его сочинениях еще сохраняется философская аргументация в пользу социализма, он все больше отказывается от характерного для большинства утопистов «догматического предвосхищения будущего» ** и переходит к изучению исторического процесса рождения нового общества из старого.

Определяющую роль в повороте Чернышевского, как и других русских революционно-демократических мыслителей 60-х годов, к историческому реализму, к стремлению обосновать социалистический идеал, исходя из фактов самой действительности, сыграли революционные события в Европе 1848—1849 гг. До чрезвычайности обострив и обнажив общественные антагонизмы, они обратили взоры русских социалистов-шестидесятников к реальной общественной жизни. «Организация общественных отношений» становится у них важнейшим предметом размышлений и изучения. «Благодаря историческим трудам последнего времени и еще более новейшим событиям в Европе мы начинаем немножко понимать внутренний смысл истории народов...» *** — констатировал Н. А. Добролюбов.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 335.

** См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379.

*** Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., 1963, т. 6, с. 176—177, 241.

Стремление разобраться в исторической действительности как таковой вело к тому, что акцент в рассуждениях русских социалистов этого поколения делался на том, чтобы из самой жизни выводить теорию, а не просто пытаться объяснить историю посредством какой-либо философской доктрины. Если в целом для домарксистского утопического социализма было характерно стремление а priori изобретать формулы «решения социального вопроса», то в творчестве Чернышевского и его ближайших соратников очень сильной оказывается противоположная тенденция, приближавшая их к научному социализму, — анализ ведущих тенденций развития самой объективной действительности.

Исходным пунктом всех рассуждений об обществе должно быть, по Чернышевскому, настоящее. Конечно, это не исключает догадок и гипотез относительно будущего, особенно таких, которые имеют «очень сильную степень вероятности», почти равняющуюся «несомненности». Однако всегда надо помнить, что это все-таки еще не факты, а «только выводы из признаков, указывающих на близкое осуществление известных фактов. Но чего еще нет, о том нельзя слишком много заботиться, когда есть уже осуществившиеся факты, требующие всей силы нашего внимания. Мысли о будущем, хотя бы довольно близком, имеют лишь малую степень практической важности по сравнению с обстоятельствами, влиянию которых человек уже подвергается в настоящем» *. Вместе с тем ориентация на настоящее не означает, полагал Чернышевский, отказа от устремленности к иным порядкам. Напротив, анализ настоящего как раз и выявляет определенную цель движения и все дело заключается в приближении действительности к этой цели, в ясном видении социалистической перспективы человечества, неизбежности краха отношений капиталистического угнетения. «Если невольничество продержалось силою рутины несколько столетий, после того как перестало быть удобною формою производства, то и форма наемного труда в передовых странах Европы, может быть, продержится еще довольно долго, — быть может, несколько десятилетий, а быть может, даже и несколько поколений. В вопросах о будущем можно определительно видеть только цель, к которой идет дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько

---

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1949, т. 9, с. 217—218.

времени потребуется на достижение этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направлению идет оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям...» * В обязанность человека, озабоченного судьбами человечества, входит постоянно иметь в виду, держать в уме эту цель, сообразуя с ней свои действия: «Близка или далека цель, все равно, нельзя выпускать ее из мысли, нельзя, потому что как бы далеко ни была она, ежеминутно представляются и в нынешний день случаи, в которых надобно поступить одним способом, если вы имеете эту цель, и другим способом, если вы не имеете ее» **.

Но какова же эта цель исторического процесса? Согласно Чернышевскому, ее обнаруживает главная тенденция самого экономического развития — возрастание обобществления труда, рост крупной промышленности, требующий, чтобы хозяйном производства был сам труженик. Это прежде всего предопределяет неизбежность краха отношений капиталистического угнетения, ликвидации частной собственности вообще. Социализм и выступает под пером Чернышевского преимущественно как экономическая необходимость (точно так же как в свое время капитализм, принесший человечеству более высокие формы производства по сравнению с феодальным «невольничеством»). «...Чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину. Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо наемного труда, выгодно дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре... а в собственном своем расчете... Это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов» ***.

---

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 222.

** Там же, с. 353.

*** Там же, с. 220—222.

Дело не просто в очевидных экономических преимуществах крупных предприятий перед мелкими, считал Чернышевский, эти преимущества реализуются уже и при системе наемного рабства, хотя и не вполне, хотя и в противоречивой форме. Цель исторического развития отчетливо обнаруживается в том, что «человечество, действительно, идет к замене вражды, принимающей в промышленных делах форму конкуренции, товариществом, союзом» *, что «экономическая история движется к развитию принципа товарищества...» **. Зародыши, начала будущего обнаруживаются Чернышевским в самой экономической ткани настоящего: «...в сфере громадных предприятий стала все сильнее и сильнее выступать тенденция, противоположная безграничному праву частной собственности (укажем развитие этой тенденции по двум направлениям, известным каждому: акционерные общества захватывают все больше и больше места в промышленной деятельности; когда частная собственность мешает осуществлению громадных предприятий, замысливаемых акционерными обществами, закон устраняет ее с их пути посредством экспроприации, которая все больше и больше входит в законное правило и при столкновениях государственной деятельности с частной собственностью...)... Тут везде — нечто похожее на коммунизм...» ***

Конечно, абстрактность и даже некоторая наивность этих рассуждений Чернышевского очевидны. Вместе с тем он совершенно точно фиксирует историческую обреченность частнособственнических порядков и правильно подчеркивает решающее экономическое преимущество перед ними такого строя, «когда отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе» ****.

Чернышевского мучила проблема смыкания социалистической теории и жизни. Решение этой проблемы видится ему прежде всего на пути практического социального действия (в том числе и массового революционного), максимально соответствующего тем или иным конкретно-историческим условиям, причем действия именно в соответствии с социалистическим идеалом. «...Если были на свете гениальные

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 168—169.

** Там же, т. 9, с. 643.

*** Там же, с. 902.

**** Там же, с. 487.

мыслители (чуть ниже Чернышевский называет их; это Сен-Симон, Фурье, Оуэн. — А. В.) и нашли себе достойных учеников и приобрели популярность, то ведь надобно же положить, что или сами они, или некоторые из учеников их догадались же, кроме этих рассуждений об отвлеченной теории, поговорить и о возможном в современной действительности» *. Можно даже сказать, что самое существенное в разработке Чернышевским социалистического учения заключается в его трактовке путей к новому будущему, способов его осуществления. В этом и состоит основной смысл его призыва «приближать будущее».

Кто не знает замечательных слов из романа Чернышевского «Что делать?»: «...ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно... Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести» **. Таким призывом заканчивается рассказ светлой красавицы из четвертого сна Веры Павловны — рассказ о чудесном грядущем царстве, где «всякое счастье, какое кому надобно», где «все живут, как лучше кому жить», где «всем и каждому — полная воля, вольная воля» ***. А ведь написаны эти слова одним из самых трезвых и практичнейших мыслителей России XIX в., многократно и зло иронизировавшим по поводу всяких «фантазий» и «идиллий», касающихся будущего устройства общественного быта!

* * *

Некоторые из последующих русских социалистов-народников 70—80-х годов (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев и другие) обратили уже внимание на теорию научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса и попытались использовать ее отдельные идеи. Этим в определенной мере объясняется противоречивый, амальгамный характер утопического социализма этого времени, хотя в разработке ряда конкретных положений (место и роль государства, соотношение эко-

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 355.

** Там же, т. 11, с. 283—284.

*** Там же, с. 283.

номики и политики, проблемы нравственности революционера и т. п.) русская социалистическая мысль делает шаг вперед.

В целом же важнейшей чертой утопического социализма в России является попытка связать вопрос о будущем социалистическом обществе с судьбами крестьянства, с ликвидацией крепостничества и самодержавия. Отмечая это, В. И. Ленин писал, что вплоть до конца XIX в. демократизм и социализм в России «сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое...» *.

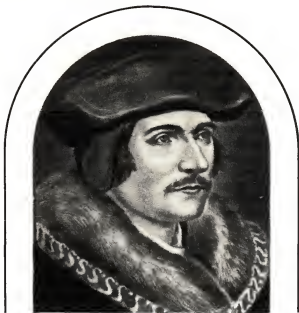
Утопический социализм в России был преодолен с победой в освободительном движении научной идеологии пролетариата — марксизма. Однако В. И. Ленин неоднократно писал о той положительной роли, которую играли в XIX в. передовые мыслители России, выступившие предшественниками российской социал-демократии. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» **.

* * *

В заключение хочется высказать надежду, что знакомство с этой книгой не только приведет к конкретизации знаний читателей об утопическом социализме и его отличии от социализма научного, но и послужит началом либо стимулом более основательного изучения выдающихся социальных мыслителей прошлого. С этой целью в состав хрестоматии включены библиографические указания как частного, так и общего порядка.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 280.

** Там же, т. 41, с. 7—8.

ТОМАС МОР

1478

1535

Его казнили 6 июля 1535 г. близ Тауэра — главной тюрьмы Британии.

Недавний лорд-канцлер был обвинен по требованию короля Генриха VIII в государственной измене и приговорен к самой мучительной казни, какую только могло измыслить изощренное изуверство средневековья. Приговор гласил: «...влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту».

В день казни, ранним утром, Мору сообщили о королевской милости: жестокая расправа заменялась обыкновенным отсечением головы. «Избави боже моих друзей от такой милости», — только и обронил осужденный.

К эшафоту он шел спокойно, но очень медленно. Еще бы, пятнадцать месяцев заключения в Кровавой башне Тауэра превратили Мора в изнуренного старика. Поднимаясь на помост, с трудом преодолел несколько ступенек наскоро сколоченной лестницы. И уже положив голову на плаху, сказал палачу: «Шея у меня коротка, целься хорошенько, чтобы не осрамиться».

Необычным был жизненный путь Мора.

Выходец из семьи лондонского юриста, он получил великолепное образование (впрочем, «получил» — не то слово; в значительной мере Мор сам «образовал» себя), стал просвещеннейшим человеком своего времени, дружил с самыми выдающимися учеными-гуманистами. В его лондонском доме Эразм Роттердамский написал свою бессмертную «Похвалу глупости». Мор избирался членом парламента и его спикером (председателем палаты общин). Выполнял важные дипломатические поручения короны. Пользовался исключительным авторитетом как юрист. Эразм Роттердамский писал, что Мор «был совершенно чужд скаредного корыстолюбия» и никогда «никому не отказывал в дружеском и добросовестном совете, заботясь больше о чужой выгоде, чем о своей».

Когда в 1529 г. Мор стал лордом-канцлером, он надеялся использовать этот высокий пост для того, чтобы благотворно влиять на политику короля. Правда, он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что может ждать его, когда на троне коварнейший из самодержцев: «Чем выше место, тем сильнее падение с него. Если бы не милость короля, то я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу нравился меч, висевший над его головой».

Довольно многочисленное семейство Мора — три дочери и сын — представляло собой сообщество искренне любящих друг друга людей. Отнюдь не только кровное родство связывало их: в доме царили неподдельные дружелюбие и сердечность, а дочери (слыханное ли для XVI века дело!) наравне с сыном занимались литературой, древними языками, музыкой, географией, астрономией, математикой и медициной.

Мор был замечательным писателем. Его произведения оказали глубочайшее влияние, и не только на современников.

Достаточно сказать, что моровская «История Ричарда III» явилась одним из источников известной драмы Шекспира.

Главным творением Томаса Мора, обессмертившим своего создателя, стала его «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», или попросту «Утопия», как теперь называют ее во всем мире.

Написанная по-латыни, книга увидела свет в 1516 г. в бельгийском городе Лувене и за какие-нибудь два-три года выдержала несколько изданий.

Сюжет «Утопии» бесхитростен. Бывалый моряк и вместе с тем философ Рафаил Гитлодей рассказывает автору и его другу Петру Эгидию о своих многолетних странствиях и о порядках в государстве, увиденном им на острове Утопия.

В первой части книги мы находим потрясающую картину печально знаменитого процесса обезземеливания английских крестьян, когда «овцы поели людей» (выражение, известное теперь каждому школьнику, принадлежит именно автору «Утопии»). Эту картину потом использует Маркс в «Капитале» при характеристике периода первоначального капиталистического накопления.

А во второй части — самое главное: здесь идет речь о совершенно новом, небывалом, идеальном обществе, где нет частной (и даже личной) собственности, все принадлежит всем, где все трудятся (причем не более шести часов в день), а паразитов нет, нет власти денег и денег вообще, а из золота и серебра утопийцы «делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей».

ТЕКСТЫ

УТОПИЯ ¹

⟨...⟩*Я буду очень стараться, чтобы в книге не было никакого обмана; если же возникнет какое-нибудь сомнение, то я скорее солгу из-за того, что обманулся, чем из-за того, что желал обмануть, ибо предпочитаю быть лучше человеком порядочным, чем хитрым.⟨...⟩

⟨...⟩Посмотрим на то, что бывает всякий день. Итак, существует большое число знатных, которые не только сами живут в праздности, будто трутни, трудами других, например держателей своих земель, которых для увеличения доходов они отскабливают до живого. Ибо только так понимают хозяйственность эти люди, в иных случаях расточительные до обнищания; они также окружают себя огромной толпой праздных слуг, которые никогда не выучились никакому способу сыскать себе пропитание. Когда же их господин умирает или же когда они сами заболевают, их тотчас вышвыривают. Ибо и праздных кормят охотнее, чем больных; и часто наследник умершего не в состоянии прокормить отцовскую челядь. Меж тем они отважно голодают, если только они не разбойничают отважно. Ибо что им делать? После того, как, бродяжничая, изотрут они понемногу одежду, да изотрутся сами, их, измученных к тому же болезнью, одетых в лохмотья, ни благородные не удостоят принять, ни крестьяне не осмелятся. Они хорошо знают, что тот, кто воспитан среди роскоши, в праздности и веселии, привык к щиту и шпаге, надменно смотрит на соседей и презирает всех по сравнению с собой; такой человек несколько не будет пригоден к тому, чтобы с мотыгой и лопатой за малую плату и скудную пищу служить бедняку.⟨...⟩

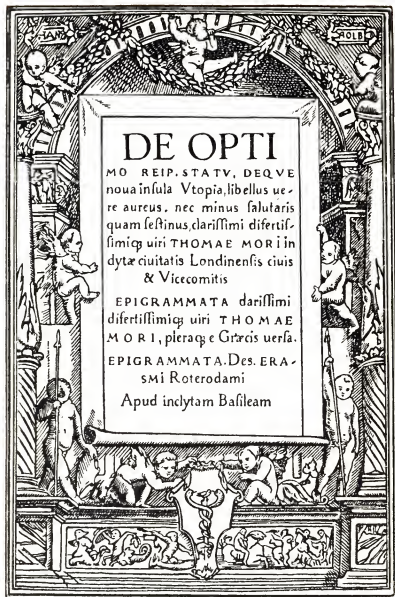
Мне ничуть не кажется, что государству полезно на случай войны, которой никогда у вас не будет, если вы этого

* Здесь и дальше купюры составителей обозначаются отточием в угловых скобках.

не захотите, кормить нескончаемое множество такого рода людей, которые угрожают миру, о котором надобно печься гораздо более, нежели о войне. <...>

Ваши овцы. Обычно такие тихие, питающиеся так скудно, ныне, как говорят, стали они такими прожорливыми и неукротимыми, что пожирают даже людей², опустошают и разоряют поля, дома, города. Как раз в тех частях королевства, где производится более тонкая и поэтому более ценная шерсть, там знатные и благородные господа, даже некоторые аббаты, святые мужи, недовольны теми ежегодными доходами и прибылью, которые обычно получали от владений их предшественники. Им недостаточно того, что, живя в праздности и богатстве, они нисколько не полезны обществу, если только не вредны ему. Для пашни они ничего не оставляют, все занимают пастбищем, ломают дома, разрушают города, оставляя лишь только храм под овечий хлев. И — словно мало земли губят у вас лесные выгоны и заповедники для дичи — эти добрые люди обращают в пустыню вдобавок еще и все живое, все, что только было возделано. Следовательно, держателей вышвыривают оттого, что один ненасытный обжора, жестокая чума в отечестве, распространив поля, окружает несколько тысяч югеров единым забором. Некоторые из них, опутанные обманом или же подавленные силой, измученные неправдой, лишаются собственности и вынуждены продавать ее. Поэтому в любом случае несчастные переселяются: мужчины, женщины, мужья, жены, сироты, вдовы, родители с малыми детьми, более многочисленная, чем богатая, челядь, — оттого, что в деревенской жизни надобно много рук. Я говорю, переселяются они из знакомых и привычных родных домов и не ведают, куда им деваться. Всю недорогую утварь, даже если бы и можно было найти покупателя, продают они по дешевке, оттого что им надобно ее сбыть. Когда же в бродяжничестве своем вскоре они все это растратят, что иное остается им, наконец, как ни воровать и ни оказаться по заслугам на виселице; в противном случае они должны скитаться и просить милостыню. Хотя и здесь бросают их в тюрьму как бродяг, оттого что праздные слоняются они повсюду — ведь никто не нанимает их труд, сколь горячо они его ни предлагают. Ибо деревенской работе, к которой они привыкли, нет места там, где ничего не сеют. <...>

К этой жалкой бедности и скудости прибавляется еще дерзкая роскошь. Ибо и у господских слуг, и у ремесленников,

Титульный лист базельского издания «Утопии» Т. Мора

чуть ли даже не у самих крестьян — у всех, короче говоря, сословий много необычайного богатства в одежде и чрезмерной роскоши в еде. Трактиры, притоны, публичные дома и публичные дома в ином виде — харчевни, винные и пивные, наконец, разные бесчестные игры: кости, лото, мячи, шары, диск — разве все они не посылают своих приверженцев прямо на разбой, быстро лишив их денег? Отбросьте эту пагубную заразу, постановите, чтобы те, которые разрушили хозяйства и селения, восстановили их или же уступили их тем, кто хочет возвести их вновь или отстроить. Обуздайте эти скупки богачей и их произвол, подобный монополии. Меньше кормите бездельников! Вернитесь к земледелию, возобновите шерстопрядение, чтобы стало оно почетным трудом, которым с пользой занималась бы эта праздная толпа: и те, которых бедность уже обратила в воров, и те, которые ныне пока еще бродяги или праздные слуги, а в будущем тоже, несомненно, воры. Конечно, если вы не излечитесь от этих бед, тщетно станете вы похвалиться испытанной в наказаниях за воровство законностью, на самом деле скорее броской, чем справедливой и полезной. Ибо ведь вы позволяете воспитывать людей наихудшим образом и с нежного возраста понемногу портите нравы, полагая, что они достойны наказания только тогда, когда наконец взрослые мужи совершат те преступления, которых надобно было постоянно ждать от них с детства. Спрашиваю я, делаете ли вы что-нибудь иное, кроме того, что сами создаете воров и караете их? (...)

Нисколько не справедливо за отнятые деньги отнимать у человека жизнь. Ибо, я полагаю, ничто из того, что есть в мире, не может сравниться с человеческой жизнью. (...)

Ведь Бог отнял у человека право убивать не только другого, но и себя. (...)

Играй как можно лучше ту пьесу, которая у тебе в руках, и не вноси в нее путаницы всем тем, что тебе пришлось на ум из другой пьесы, которая даже забавнее.

Так в государстве, так и на советах у правителей. Если нельзя вырвать с корнем ложные мнения, если не в силах ты по убеждению души своей излечить давно укоренившиеся пороки, то все-таки не надо из-за этого покидать государство, подобно тому как в бурю не надобно оставлять корабль, хотя и не в силах ты унять ветер. И не надо никому вдалбливать непривычное и необычное рассуждение, которое, сам знаешь, не будет иметь никакого веса у тех, кто думает обратное.

Но следует тебе пытаться идти окольным путем и стараться по мере сил выполнить все удачно. То же, что не в силах ты обернуть на благо, сделай по крайней мере наименьшим злом. Ибо нельзя устроить, чтобы все было хорошо, раз не все люди хороши; не жду я и того, что это произойдет в течение нескольких лет. <...>

То, что изображает Платон в своем «Государстве»³, или то, что делают утопийцы в своем, тогда, хотя все это — как, разумеется, оно и есть — очень хорошо, однако это может показаться чуждым, потому что здесь у отдельных людей имеется частная собственность, а там все общее.

Тот, кто предостерегает от опасностей и указывает на них, не может быть приятен тем, кто, направляясь по противоположному пути, решил уничтожить вместе с собой и других. <...>

Платон в прекраснейшем своем сравнении показывает, что мудрецам с полным основанием должно воздерживаться от управления государством. Ибо они видят, что народ высыпал на улицы и мокнет под непрекращающимся ливнем, но не в силах убедить людей укрыться от дождя и стать под крышу. Они знают, что если сами выйдут, то ничего не добьются, а только вымокнут все вместе; они пребывают в доме, полагая достаточным, что если не могут они излечить чужую глупость, то по крайней мере сами целы. Хотя, конечно, мой Мор (если сказать тебе по правде, что у меня на душе), мне кажется, повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо. Разве что ты сочтешь справедливым, когда все самое лучшее достается самым плохим людям, или посчитаешь удачным, когда все распределяется между совсем немногими, да и они живут отнюдь не благополучно, а прочие же вовсе несчастны.

Поэтому я наедине с самим собой обсуждаю мудрейшие и святейшие установления утопийцев, которые весьма успешно управляют государством с помощью весьма малочисленных законов; и добродетель там в цене, и при равенстве всем всего хватает. С другой стороны, я сравниваю с их нравами великое множество других народов, постоянно все упорядочивающих и никогда не имеющих достаточного порядка; у них повсюду каждый называет своей собственностью то, что он найдет; законов, издающихся каждый день, там недостаточно для того, чтобы им подчинялись, чтобы они

могли кого-нибудь защитить или достаточно четко отделить от чужого то, что кто-то называет своей собственностью. Это легко подтверждают бесконечно и неизменно там появляющиеся, но никогда не кончающиеся раздоры. Когда, говорю, размышляю я об этом наедине с собой, то становлюсь справедливее к Платону и менее удивляюсь, что он счел для себя недостойным вводить какие-либо законы для тех людей, которые отвергли уложения, распределяющие все блага поровну на всех. Ибо этот наивнейший человек легко увидел наперед, что для общественного благополучия имеется один-единственный путь — объявить во всем равенство. Не знаю, можно ли это соблюдать там, где у каждого есть своя собственность. Оттого что когда кто-нибудь, основываясь на определенном праве, присваивает себе, сколько может, то, как бы ни было велико богатство, его целиком делят между собой немногие. Остальным же оставляют они в удел бедность; и почти всегда бывает, что одни гораздо более достойны участия других, ибо первые — хищные, бесчестные и ни на что не годятся, вторые же, напротив, — мужи скромные, простые, и повседневным усердием своим они приносят обществу добра более, чем самим себе.

Поэтому я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность. Если же она останется, то у наибольшей и самой лучшей части людей навсегда останется страх, а также неизбежное бремя нищеты и забот. Я признаю, что его можно несколько облегчить, однако настаиваю, что полностью устранить этот страх невозможно. Конечно, если установить, чтобы ни у кого не было земли свыше назначенной нормы, и если у каждого сумма денег будет определена законом, если какие-нибудь законы будут остерегать короля от чрезмерной власти, а народ — от чрезмерной дерзости; чтобы должности не выпрашивались, чтобы не давались они за мзду, чтобы не надо было непременно за них платить, иначе найдется повод возместить эти деньги обманом и грабежами, явится необходимость исполнять эти обязанности людям богатым, меж тем как гораздо лучше управлялись бы с ними люди умные. Такие, говорю, законы могут облегчить и смягчить эти беды, подобно тому как постоянными припарками обыкновенно подкрепляют немощное тело безнадежно больного. Однако, пока есть у каждого своя собственность, нет вовсе никакой надежды излечиться и воротить свое здоровье.

И пока ты печешься о благополучии одной части тела, ты растравляешь рану в других.〈...〉

〈...〉Как только прибыл туда, одержав победу, Утоп — имя этого победителя носит остров, называвшийся прежде Абракса ⁴, — он привел скопище грубого и дикого народа к такому образу жизни и такой просвещенности, что ныне они превосходят в этом почти всех смертных.〈...〉

На Утопии есть пятьдесят четыре города ⁵; все они большие и великолепные. По языку, нравам, установлениям, законам они одинаковы; расположение тоже у всех одно, одинаков у них, насколько это позволяет местность, и внешний вид.〈...〉

Из каждого города по три старых и умудренных опытом гражданина ежегодно сходятся в Амаурот ⁶ обсуждать общие дела острова. Ибо этот город считается первым и главным (оттого что он находится как бы в сердце страны и расположен весьма удобно для легатов из всех ее частей).

Земля для городов отведена так удачно, что ни один из них не имеет ни с какой своей стороны менее двенадцати миль. А с одной стороны даже гораздо больше; конечно, с той стороны, где города дальше отъединены друг от друга. Ни один город не желает расширять своих пределов. Это оттого, что они считают себя скорее держателями, чем владельцами этих земель.

В деревне повсюду есть удобно расположенные дома, в которых имеется деревенская утварь. Там живут граждане, приезжающие туда поочередно. В каждом деревенском хозяйстве не менее сорока мужчин и женщин. И, кроме этого, еще два прикрепленных раба. Надо всем стоит хозяин и хозяйка, почтенные и в летах. Над каждым тридцатью хозяйствами — один фнларх ⁷. Из каждого хозяйства ежегодно возвращаются в город двадцать человек: они провели в деревне два года. На их место из города выбирают столько же новых, чтобы их обучили те, которые пробыли в деревне год и поэтому более разумеют в деревенских делах; на следующий год они будут наставлять других, дабы — если все окажутся там равно неопытными и неумелыми в возделывании земли — не повредили они урожаю своим незнанием. Несмотря на то что этот обычай обновления земледельцев заведен, чтобы никто не был вынужден против воли очень долго вести весьма суровую жизнь, многие, однако, которым от природы нравится заниматься деревенскими делами, испрашивают себе более долгий срок.〈...〉

Хотя они признали (и даже весьма точно), сколько хлеба съедает город и край, прилегающий к городу, однако и сеют они, и скота выращивают гораздо больше того количества, которого достало бы для собственного употребления; прочее утопийцы делят с соседями. Все, что только им надобно, чего нет у них в деревне, все эти предметы они просят у города и получают их от городских властей безо всяких проволочек, не давая ничего взамен. И каждый месяц много людей сходятся на праздник. Когда наступает день сбора урожая, деревенские филархи извещают городские власти, какое число граждан надлежит к ним послать, и оттого, что это множество сборщиков урожая прибывает в самый срок, они справляются почти со всем урожаем за один погожий день.〈...〉

Кто узнаёт об одном из городов, узнаёт обо всех: так они вообще похожи друг на друга (насколько не препятствует этому местность). Итак, я изображу какой-нибудь один (и, действительно, не очень важно, какой). Но какой взять лучше, чем Амаурот? Ни одного нет достойнее, чем он; прочие уступают ему, потому что в нем заседает сенат, да и мне он знакомее других, оттого что я прожил в нем безвыездно пять лет.〈...〉

Высокая и толстая стена с частыми башнями и укреплениями опоясывает город. С трех сторон стены окружает сухой, но глубокий и широкий ров, а также ограда из непроходимого терновника.〈...〉 Нет такого дома, у которого не было бы двери как на улицу, так и задней — в сад. Они двустворчатые, легко открываются от прикосновения руки и сами закрываются, пропуская кого угодно. Ведь у утопийцев нет никакой собственности. Да и самые дома меняют они раз в десять лет по жребию. Эти сады они очень любят. В них есть виноград, плоды, травы, цветы. Все в таком блеске, так ухожено, что никогда не видал я ничего плодоснее, ничего красивее. Рвение утопийцев в этом отношении разжигает не только само удовольствие, но и состязание одного квартала с другим: кто лучше ухаживает за своим садом. Разумеется, трудно будет тебе отыскать во всем городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для их удовольствия.〈...〉

В хрониках, которые с тщанием и старанием утопийцы ведут с самого захвата острова, записав историю, охватывающую тысячу семьсот шестьдесят лет, написано, что сначала дома были низкие, наподобие хижин или шалашей.〈...〉

Остров «Утопия»

А ныне дома красивые, в три этажа; стены снаружи сделаны из камня, или щебня, или кирпича; внутри в пустые места засыпают битые обломки. Плоские крыши они покрывают какой-то известью, стоит она весьма дешево, однако замешана так, что не подвластна огню и лучше свинца противостоит насилию непогоды. Стекло (ибо его там потребляют очень много) защищает окна от ветра. Меж тем есть также в окнах и тонкое полотно, которое они смазывают прозрачным маслом или же янтарем. Это выгодно вдвойне: получается, что света проходит больше, а ветер проникает меньше. {...}

Каждые тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе должностное лицо, которое на своем прежнем языке называют они сифогрантом⁸, а на теперешнем — филархом. Над десятью сифогрантами с их хозяйствами стоит человек, некогда называвшийся транибор, а теперь — протофиларх⁹.

Именно сифогранты, которых двести, поклявшись, что они изберут того, кого сочтут наиболее пригодным, тайным голосованием определяют правителя — разумеется, одного из тех четырех, которых им назвал народ. Ибо от каждой из четырех частей города выбирается один, которого и советуют сенату. Должность правителя постоянна в течение всей его жизни. Если не помешает этому подозрение в стремлении к тирании. Траниборов выбирают ежегодно. Однако беспричинно их не меняют. Все прочие должностные лица избираются на год. Траниборы каждые три дня, а если того требует дело, то иногда и чаще, приходят на совет к правителю. Совещаются о государственных делах. Частные споры, если они есть, — их там очень мало — они разрешают быстро. В сенат всегда допускаются два сифогранта, и всякий день разные. Предусмотрено ни о чем, относящемся к государству, не выносить суждений, если со времени обсуждения в сенате не прошло трех дней. Принимать решения помимо сената или народного собрания о чем-либо, касающемся общественных дел, считается уголовным преступлением. Говорят, это было учреждено, чтобы трудно было, воспользовавшись заговором правителя с траниборами, изменить государственный строй и подавить народ тиранией. Оттого все, что считается важным, докладывают собранию сифогрантов, которые, обсудив дело со своими хозяйствами, совещаются после друг с другом и свое решение объявляют сенату. Иногда дело выносится на обсуждение всего острова. У сената есть также обычай, по которому ничто из предлагающегося в первый день не обсуждается тут же, а перено-

сится на следующее заседание сената, дабы никто не сболтнул необдуманно того, что первым придет ему на язык: в противном случае позднее он будет думать более о том, как защитить свое решение, чем о пользе для государства. От извращенного и ложного стыда предпочтет он скорее подвергнуть опасности благополучие общества, нежели мнение о себе, дабы не казалось, что сначала он недостаточно поразмыслил. Ему надобно было поразмыслить сначала, чтобы говорить обдуманнее, а не быстрее. <...>

<...> У всех мужчин и женщин без исключения есть единое общее дело — сельское хозяйство. Ему обучают всех с детства, — отчасти в школе, где дают наставления, отчасти — на полях, поблизости от города, куда вывозят детей как бы для игры, однако они не только наблюдают, но, пользуясь удобной возможностью упражнять тело, также и трудятся.

Помимо сельского хозяйства (которым, как я сказал, заняты все) каждый изучает что-нибудь еще, как бы именно свое. Они обычно заняты прядением шерсти или же обработкой льна, ремеслом каменщиков, жестянщиков или плотников. <...>

Главное и почти что единственное дело сифогрантов — заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности. Но чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом — однако же не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно вьючному скоту¹⁰. Ибо это хуже участи рабов. Впрочем, такова жизнь ремесленников повсюду, за исключением утопийцев, которые при двадцати четырех равных часах — считая вместе день и ночь — для работы отводят всего шесть: три — до полудня, после которого идут обедать, и, отдохнув от обеда два послеполуденных часа, снова уделив труду три часа, завершают день ужином. Оттого, что первый час считают они с полудня, то спать они ложатся около восьми. Сон требует восемь часов. Что остается лишним от часов на работу, сон и еду, дозволяется каждому проводить по своей воле, но не проводить это время в разгуле и беспечности, а часы, свободные от ремесла, надобно тратить на другие занятия по своему вкусу. Эти перерывы большая часть людей посвящает наукам. Обыкновенно они каждый день в предрассветные часы устраивают публичные чтения и участвуют в них, по крайней мере приводят туда именно тех, которые отобраны для науки. Впрочем, великое множество разных людей — мужчины,

равно как и женщины, — стекаются послушать эти чтения — кто куда: каждый по своей природной склонности. Однако, если кто-нибудь предпочтет уделить это же самое время своему ремеслу — это приходит в голову многим, у кого дух не возвышается до размышления над каким-либо предметом, — никто ему не препятствует. Его даже хвалят, как человека полезного для государства. После ужина один час они проводят в играх: летом — в садах, зимой — в тех общих дворцах, в которых едят. Там утопийцы занимаются музыкой или развлекают себя беседами. <...>

Раз они всего лишь шесть часов работают, то, пожалуй, может статься, ты подумаешь, что впоследствии недостаток необходимых вещей. До этого очень далеко; этого времени для того, чтобы запастись всеми вещами, необходимыми для жизни и для удобств, не только хватает, но оно еще и остается; вы это, конечно, поймете, если поразмыслите о том, сколь больша́я часть жителей у других народов пребывает в праздности. Во-первых, почти все женщины — половина всего населения или, если где-либо женщины трудятся, там чаще всего вместо них храпят мужчины. К тому же, сколь велика также праздная толпа священников и монахов! Добавь сюда всех богатых, особенно владельцев поместий, которых все называют высокородными и знатными. Причисли к ним их приближенных, весь этот сброд ничего не делающих оруженосцев, наконец, прибавь здоровых и крепких нищих — бездельников, прикрывающихся какой-нибудь болезнью, и ты увидишь, что тех, чьим трудом держится все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты полагал. <...> Но если всех тех, которые прозябают ныне в бесполезных ремеслах, да еще толпу, хиреющую от безделья и праздности, в которой каждый потребляет столько товаров, доставляемых усилиями других людей, сколько надобно двум, создающим эти товары, — если определить их всех в дело, к тому же и полезное, то легко ты заметишь, сколь мало времени надобно для изготовления вполне достаточного количества и с избытком всего, что требуется в рассуждении необходимости и удобства (добавь сюда также: в рассуждении удовольствия, и как раз подлинного и естественного).

Опыт Утопии делает это очевидным. Ибо там в целом городе и прилегающей к нему округе из всего числа мужчин и женщин, годных для работы по возрасту и здоровью, едва лишь пятьсот получают освобождение от работы. Среди них сифогранты, хотя законы освобождают их от труда,

сами, однако, не избавляют себя от него, чтобы своим примером легче побудить к труду остальных. Такой же свободой наслаждаются те, которым народ, движимый советами священников и тайным голосованием сифогрантов, навсегда дарует волю, дабы изучали они науки. Если же кто-нибудь из них обманывает возложенную на него надежду, его гонят назад к ремесленникам; и, напротив, нередко происходит так, что какой-нибудь мастер эти оставшиеся у него часы с таким великим усердием посвящает наукам, выражает столько прилежания, что его избавляют от ремесла и выдвигают в разряд людей ученых.

Из этого сословия ученых людей выбирают послов, священников, траниборов и, наконец, самого правителя, которого на древнем языке называют они барзайом¹¹, а на теперешнем — адемом¹². Оттого что почти все прочие не бездействуют и заняты бесполезными ремеслами, легко подсчитать, сколько много вещей создают они за весьма малое время. <...>

Пока они заняты работой, они небрежно прикрыты кожей или шкурами, которые служат им семь лет. Когда они выходят на люди, то надевают сверху плащ, который прикрывает ту, более грубую одежду: цвет плащей на всем острове один и тот же — естественный цвет шерсти. <...>

Поэтому получается, что, в то время как в других местах одному человеку не хватает четырех или пяти шерстяных плащей разного цвета и надобно еще столько же шелковых рубашек, а некоторым, более разборчивым, мало и десяти, в Утопии каждый довольствуется одним платьем, которое носит большей частью два года. <...>

Потому что все они занимаются полезными ремеслами и для этого достаточно весьма малой затраты труда, выходит, что у них всего вполне вдоволь; иногда огромное количество людей они отсылают исправлять общественные дороги (если дороги испорчены); очень часто также, когда не случается надобности в какой-либо такой работе, открыто объявляют, что на работу отводится меньше часов. Ведь и власти не занимают граждан против их воли излишним трудом, поскольку государство это так устроено, что прежде всего важна только одна цель: насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни. <...>

Итак, оттого, что государство состоит из хозяйств, хозяйства эти по большей части возникают по родству. Ибо женщины (когда войдут они в возраст) вступают в брак и переходят в дом мужа. Дети же мужского пола и затем внуки остаются в семье и повинуются старшему из родителей. Если только от старости не выжил он из ума. Тогда ему наследует ближайший по возрасту. (...)

Во главе хозяйства, как я сказал, стоит старейший. Жены служат мужьям, дети — родителям, и вообще младше по возрасту — старшим.

Каждый город делится на четыре равные части. В середине каждой части есть рынок со всякими товарами. Туда каждое хозяйство свозит определенные свои изделия, и каждый вид их помещают в отдельные склады. Любой глава хозяйства просит то, что надобно ему самому и его близким, притом без денег, вообще безо всякого вознаграждения уносит все, что только попросит. Да и зачем ему в чем-либо отказывать? Когда всех товаров вполне достаточно и ни у кого нет страха, что кто-нибудь пожелает потребовать более, чем ему надобно? Ибо зачем полагать, что попросит лишнее тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка? Действительно, во всяком роде живых существ жадным и хищным становятся или от боязни лишиться, или — у человека — только от гордыни, которая полагает своим достоинством превосходить прочих, чрезмерно похваляясь своей собственностью — порок такого рода среди установленных утопийцев вообще не имеет никакого места. К рынкам, которые я упоминал, примыкают рынки для провизии, куда доставляют не только овощи, фрукты и хлеб, но и рыбу и все, что только можно есть у четвероногих и у птиц. За городом выделены особые места, где проточная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, убитый и освеженный руками рабов (утопийцы не позволяют своим гражданам забивать животных, оттого что, они полагают, из-за этого понемногу погибает милосердие — начеловечнейшее чувство нашего естества); и запрещают они привозить в город что-либо грязное, нечистое, от гниения чего может ухудшиться воздух и возникнуть болезнь.

Кроме того, на каждой улице стоят вместительные дворцы, находящиеся на равном расстоянии друг от друга; у каждого из них свое название. Там живут сифогранты; к каждому из дворцов приписаны тридцать хозяйств, как раз по пятнадцати с каждой стороны, там должны они вместе

принимать пищу. Экономы из каждого дворца в определенный час приходят на рынок и получают провизию сообразно с числом своих людей. Первая забота, однако, о больных, которых лечат в общественных приютах. Ибо утопийцы имеют четыре больничных приюта¹³ в окрестностях города, недалеко от его стен; они столь обширны, что каждый из них можно сравнить с маленьким городом: это сделано так для того, чтобы не размещать больных тесно и поэтому неудобно, сколь много бы их ни было, и для того, чтобы одержимым таким недугом, который при соприкосновении обычно передается с одного человека на другого, можно было удалиться на большее расстояние. Эти приюты так устроены и так полны всем, что надобно для здоровья, столь нежно и заботливо пекутся там о больных, столь опытные врачи находятся там все время, что — хотя никого туда и не отсылают против воли — никого, однако, нет во всем городе, кто, страдая от хвори, не предпочел бы лежать там, нежели у себя дома. После того как больничный эконом получит еду, предписанную врачами, все лучшее распределяется поровну между дворцами — каждому сообразно с числом людей; разве что еще принимаются во внимание правитель, первосвященник и траинборы, а также послы и все чужестранцы (если они есть; они бывают мало и редко; но, когда они появляются, то для них отводят определенным образом построенные дома). В эти дворцы в часы, установленные для обеда и ужина, созываемая звуками медной трубы, сходится вся сифогрантия. Кроме разве тех, которые лежат в больничных приютах или дома. Однако после удовлетворения дворцов никому не возбраняется брать с рынка пищу домой. Ведь известно, что никто не сделает этого беспричинно, ибо, если никому и не запрещается обедать дома, то никто, однако, не делает это охотно, оттого что считают неблагопристойным и глупым тратить усилия на приготовление худшей пищи, когда прекрасный и сытный обед готов во дворце, совсем поблизости. В этом дворце всю сколько-нибудь грязную работу выполняют рабы. Впрочем, обязанности варки и приготовления пищи лежат только на женщинах; они также по очереди, одна из каждого хозяйства, заняты всем, что подается на стол. Располагаются за тремя или большим числом столов в зависимости от числа сотрапезников. Мужчины помещаются у стены, женщины — в стороне, дабы если случится неожиданно какая-нибудь беда (это обыкновенно происходит иногда с беременными), могли

они встать, не нарушая порядка, и уйти оттуда к кормилицам.〈...〉

В помещении кормилиц сидят все дети, которые еще не совершили искупительного жертвоприношения. Прочие незрелые — в их число входит каждый из обоих полов, кто не достиг брачного возраста, — либо прислуживают сотрапезникам, либо, если они этого еще не могут сделать по летам своим, стоят рядом, причем в полном молчании. Те и другие питаются тем, что достается им от сидящих, и нет у них иного времени, назначенного для обеда.〈...〉

Каждый обед и ужин начинается с какого-нибудь чтения, которое имеет отношение к нравам, оно, однако же, кратко и неумолимо. После него старшие ведут достойную беседу, не печальную и не без шуток. И не занимают они весь обед длинными речами, но охотно слушают молодых и даже намеренно вызывают их, дабы вызвать таким образом дарование и ум каждого, проявляющиеся в застольной беседе.〈...〉

Таким образом, живут они вместе в городе, а в деревнях, которые находятся друг от друга дальше, все они едят дома, каждый свое. Ведь каждой семье хватает пищи, оттого что из деревень и приходит все то, чем кормятся горожане.〈...〉

...Нет там никакой возможности для безделья, никакого предлога для лени, нет ни одной винной лавки, ни одной пивной, нигде нет лупанара. Никакого повода для подкупа, ни одного притона, ни одного тайного места для встреч, но пребывание на виду у всех создает необходимость заниматься привычным трудом или же благопристойно отдыхать.

Из этого обыкновения необходимо следует у этого народа изобилие во всем. И оттого, что оно равно простирается на всех, получается, конечно, что никто не может стать бедным или нищим.〈...〉

Между тем с золотом и серебром, из которого делают деньги, поступают они так, что никто не ценит их более, чем заслуживает того сама их природа; а кому не видно, насколько хуже они, чем железо?〈...〉

Из золота и серебра не только в общих дворцах, но и в частных домах — повсюду делают они ночные горшки и всякие сосуды для нечистот¹⁴. К тому же утопийцы из этих металлов изготавливают цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает

шею, и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии. <...>

Эти, столь сильно отличающиеся от прочих народов, установления порождают столь же отличающееся у монашество. <...>

Хотя в каждом городе немного тех, кто освобожден от прочих трудов и приставлен к одному только учению (это как раз те, в ком с детства обнаружались выдающиеся способности, отменное дарование и склонность к полезным наукам), однако учатся все дети, и большая часть народа, мужчины и женщины, всю жизнь — те часы, которые, как мы сказали, свободны от трудов, — тратят на учение. <...>

Первый из всех и главный у них спор о том, в чем состоит человеческое счастье — в чем-нибудь одном или же во многом. И в этом деле, кажется, более, чем надобно, склоняются они в сторону группы, защищающей удовольствие¹⁵, в котором, считают они, заключено для людей все счастье или же его важнейшая доля.

Еще более тебя удивит, что они для этого приятного мнения ищут покровительства религии, которая сурова и строга и обыкновенно печальна и непоколебима. Ведь никогда они не говорят о счастье, чтобы не соединить с ним некоторые начала, взятые из религии, а также философии, использующей доводы разума, — без этого, они полагают, само по себе исследование истинного счастья будет слабым и бессильным. Эти начала такого рода. Душа бессмертна и по благодати Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после этой жизни нам награда, а за гнусности — кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить в это и признать, приведет разум. <...>

Они полагают, что счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном. Ибо к нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель, в которой одной только и полагает счастье противоположная группа¹⁶. Ведь они определяют добродетель как жизнь в соответствии с природой, и к этому нас предназначил Бог. В том, к чему надлежит стремиться и чего избегать, надобно следовать тому влечению природы, которое повинуетя разуму. <...>

Следовательно, говорят они, приятную жизнь, то есть удовольствие как предел всех наших деяний, предписывает

нам сама природа. Жить по ее предписанию — так определяют они добродетель.〈...〉

Духовные удовольствия утопийцы ценят более (они считают их первыми и самыми главными). Важнейшая часть их, полагают они, происходит из упражнений в добродетели и из сознания благой жизни. Из тех удовольствий, которые доставляет тело, пальму первенства они отдают здоровью. Ибо к радостям еды, питья — всего, что только может таким образом порадовать, полагают они, надобно стремиться, но только для здоровья. Ибо все это приятно не само по себе, но оттого, что оно противостоит тайком подкрадывающемуся недугу. Как мудрецу более приличествует избегать болезней, чем желать иметь от них снадобья, скорее надобно прогонять страдания, чем искать облегчения от них, так и утопийцы думают, что предпочтительнее не нуждаться в удовольствиях такого рода, чем утешаться ими.〈...〉

Они полагают, что презирать красоту, ослаблять силы, обращать проворство в лень, истощать тело постами, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы в высшей степени безумно, жестоко по отношению к себе и чрезвычайно неблагодарно по отношению к природе. Это значит отвергать свои обязательства перед ней, отклонять все ее дары. Разве только кто-нибудь, пренебрегая своими выгодами, станет более пылко печься о других людях и об обществе, ожидая взамен этого своего труда от Бога большего удовольствия.

В ином случае это значит сокрушать самого себя из-за пустого призрака добродетели безо всякой пользы для кого-либо или для того, чтобы быть в силах менее тягостно переносить беды, которые, возможно, никогда не произойдут.

Таково их суждение о добродетели и удовольствии. Они верят, что если религия, ниспосланная с небес, не внушит человеку чего-либо более святого, то с помощью человеческого разума нельзя выискать ничего более верного.〈...〉

〈...〉Рабами они не считают ни захваченных в войне (кроме тех, кого они сами взяли в бою), ни детей рабов, ни, наконец, никого из пребывающих в рабстве у других народов, кого могут они купить. Но они обращают в рабство тех, кто у них допустит позорный поступок, или же тех, кто в чужих городах осужден на казнь за совершенное им злодеяние (такого рода люди встречаются весьма часто). Многих из них иногда они приобретают по дешевой цене, чаще же получают их даром. Эти рабы не только постоянно пребывают в работе,

но и находятся в цепях. Со своими согражданами-рабами утопийцы обходятся суровее, оттого, что, они полагают, те заслужили худшей участи, так как, прекрасно воспитанные, отменным образом были они обучены добродетели, однако не смогли удержаться от преступления.

Иной род рабов, когда какой-нибудь трудолюбивый и бедный работник из другой страны своей волей решается идти к ним в услужение. С такими они обходятся хорошо и не менее мягко, чем с гражданами, разве что работы дают немного больше, оттого что те к ней привыкли. Когда такой раб пожелает уехать (это случается нечасто), его не удерживают против воли, но и не отпускают ни с чем.〈...〉

Женщина выходит замуж не ранее восемнадцати лет. Мужчина — не прежде, чем ему исполнится на четыре года больше. Если мужчина или женщина до супружества будут соединены тайной страстью, его и ее тяжело наказывают. Таким вообще запрещается супружество, если только правитель милостью своей не отпустит им вину. Однако отец и мать семейства, в котором был допущен проступок, подвергаются великому бесчестью, оттого что они, наблюдая, небрежно исполняли свой долг. Это злодеяние утопийцы карают так сурово, потому что заботятся о будущем; если же не удерживать людей от случайного сожительства, то в супружестве редко укореняется любовь, а ведь надобно будет всю жизнь провести с одним человеком и, сверх того, придется переносить все тяготы, которые это с собою несет.

Далее, при выборе супруга они сурово и строго соблюдают, как нам показалось, наинелепейший и весьма смешной обряд. Женщину, будь то девица или вдова, почтенная и уважаемая матрона показывает жениху голой, и какой-либо добропорядочный мужчина ставит в свой черед перед девушкой голого жениха. Когда мы, смеясь, не одобрили этого обычая, как нелепость, утопийцы, напротив, выразили удивление редкостной глупостью всех прочих народов, которые при покупке жеребенка, когда дело идет о небольшой трате денег, бывают столь осторожны, что, хотя он и так почти голый, они отказываются его приобрести, пока не снимут с него седло и не стащат всю сбрую, чтобы не затанлась под этими покрывками какая-нибудь язва. При выборе супруги, от чего на всю жизнь человек получит удовольствие или же отвращение, поступают они столь небрежно, что, обволакивая все остальное тело одеждой, всю женщину оценивают по пространству едва лишь одной ладони (ибо, кроме лица,

ничего не видно) и женятся не без великой для себя опасности сделать свою жизнь несчастной (если что-нибудь позже произойдет). Ибо не все столь мудры, чтобы смотреть на одни только нравы; даже сами мудрецы в супружестве соединяют с духовными добродетелями некоторую долю телесных достоинств. Короче говоря, под этими нарядками может скрываться весьма гадкое уродство, которое сможет целиком отвлечь душу от жены, когда от нее уже совершенно нельзя будет отделаться. Если какое-нибудь уродство приключится случайно после вступления в брак, то каждому необходимо нести свой жребий, однако, дабы не попался кто-нибудь в ловушку прежде этого, надобно оградить себя законами. Заботиться об этом следует с весьма большим усердием, оттого что в этих частях света только утопники довольствуются одной женой. Брак там расторгается нечасто и не иначе, чем смертью; исключением служит прелюбодеяние и случай, когда невозможно снести тяжелый нрав. Оскорбленной стороне сенат дает право переменить жену или мужа. Оставшийся все время влачит жизнь позорную, а также безбрачную. В противном случае, против воли жены, если нет на ней никакой вины — за исключением того, что появился у нее какой-то телесный изъян, — ее нельзя отвергать. Ибо они полагают жестоким покидать кого-либо тогда, когда он более всего нуждается в утешении, и думают, что это же будет неверной и слабой защитой в старости, так как старость приносит болезни и сама есть болезнь.

Впрочем, если нравы супругов недостаточно схожи между собой, то, после того как обе стороны найдут себе тех, с кем надеются прожить слаще, иногда бывает, что они по обоюдной воле расстаются и вступают в новый брак. Однако не без согласия сената, который не допускает разводов до того, как члены его совместно со своими женами не разберут дела со всей тщательностью. Да и тогда нелегко. Оттого что утопники знают, что доступная, легкая надежда на новый брак менее всего полезна для укрепления супружеской любви.

Осквернителей брака наказывают тяжелейшим рабством, и если обе стороны состояли в браке, то претерпевшие обиду (если только они этого желают), отвергнув совершившего прелюбодеяние, сочетаются браком между собой или же с кем захотят. Но если один из оскорбленных сохраняет любовь к весьма мало достойному супругу, то закон не препятствует при желании сопровождать осужденного на рабство; и тогда случается, что раскаяние одного и послуш-

ное усердие другого, вызвав сострадание правителя, возвращает виновному свободу. Впрочем, вторичное преступление карается уже смертью.

За остальные злодеяния никакой закон не предписывает никакого определенного наказания, но когда совершается какой-нибудь жестокий и непростительный поступок, то кару определяет сенат. Жен учат мужа, родители — детей, если только не допустят они такой большой вины, за которую положено там карать прилюдно. Почти все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство. Утопийцы полагают, что в этом не меньше страха для преступников и больше выгоды для государства, чем если бы стали они торопиться убить виновных и сразу от них избавиться. Ибо своим трудом они принесут больше пользы, чем своей смертью, а их пример на более долгий срок отвратит других от подобного злодейства. Если же и при таком обхождении они примутся снова бунтовать и брыкаться, то их, наконец, убивают как свирепых зверей, которых ни тюрьма не может унять, ни цепь. Но для терпеливых не вся надежда насовсем потеряна: если уймутся они от долгого страдания и выкажут раскаяние, которое подтвердит, что прегрешение печалит их более, чем наказание, то иногда прерогатива правителя, а иногда голосование народа смягчает их рабство или же прекращает его.〈...〉

Кто хочет обманом получить какую-нибудь должность, лишается надежды на любую.〈...〉

Законов у них весьма мало. Ведь людям с такими установлениями достаточно самых малочисленных законов.〈...〉

〈...〉Война утопийцам в высшей степени отвратительна как дело поистине зверское, хотя никому из зверей не присуща она с таким постоянством, как человеку. Вопреки обыновению почти всех народов, для утопийцев нет ничего бесславнее славы, добытой на войне. Тем не менее они в назначенные дни усердно занимаются военными упражнениями; и не только мужчины, но и женщины, дабы не оказаться неспособными к войне, когда случится в этом необходимость. Однако они не затевают войны зря, а разве только когда или сами защищают свои пределы, или же прогоняют врагов, или когда они жалуют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности).〈...〉

Кровавые победы вызывают у них не только досаду, но и стыд. Они полагают, что даже очень дорогие товары

безрассудно покупать за чрезмерную цену. Если утопийцы побеждают и подавляют врагов искусством и хитростью, то весьма сильно этим похваляются, устраивают по этому поводу государственнический триумф и воздвигают памятник, словно после отважного подвига. Ибо они хвастаются, что были мужественны и вели войну доблестно, что ни одно живое существо, кроме человека, не может побеждать таким образом, то есть силой ума. Ибо, говорят они, медведи, львы, вепри, волки, собаки и прочие твари сражаются силой своего тела; большинство из них превосходит нас своей мощью и лютостью, однако они уступают всем нам умом и проинцательностью.

Во время войны утопийцы заботятся только об одном — добиться прежде всего того, после чего не надо было бы затевать войну. <...>

<...> Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как Бога Солнце, другие — Луну, третьи — какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог — это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью или славой. Но гораздо большая часть утопийцев — она же и намного более разумная — полагает, что совсем не те боги, а некое единое божество, вечное, неизмеримое, неизъяснимое, которое выше понимания человеческого рассудка, разлито по всему этому миру силой своей, а не огромностью. Его они называют родителем. Только на его счет они относят начала, рост, увеличение, изменения и коицы всех вещей, никому, кроме него, не воздают они божеских почестей. <...>

А после того как они услышали от нас об имени Христовом, Его учении, образе жизни и чудесах, о не менее достойном удивления упорстве стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых за долгий срок и на большом пространстве привела на их путь столь многочисленные народы, ты не поверишь, с какой готовностью и они Его признали; они сделали это то ли по какому-то тайному Божию научению, то ли оттого, что эта религия оказалась ближе всего к той ереси, которая у них сильнее всего; хотя, я думаю, немаловажно было то, что они услышали, что Христу нравилась общая жизнь Его учеников, и что она до сих пор сохраняется в наиболее верных христианских общинах. <...>

Утоп с самого начала, когда узнал, что до его прибытия жители беспрестанно воевали из-за религии, заметив, что

при общем несогласии разные секты сражаются за родину раздельно, воспользовался случаем и одолел их всех. Одержав победу, он прежде всего объявил нерушимым, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии; если же кто-нибудь станет обращать в свою религию также и других, то он может это делать спокойно и рассудительно, с помощью доводов, не злобствуя при этом против прочих религий, если они не уговорит советами, то не смеет действовать силой и обязан воздерживаться от поношений. Того, кто об этом спорит чрезмерно дерзко, утопийцы наказывают изгнанием или же рабством.

Утоп учредил это, не только заботясь о мире, который, как он видел, полностью разрушается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти, но, решая так, он полагал, что это важно для самой религии, о которой он не дерзнул сказать ничего определенного, как бы сомневаясь, не требует ли Бог разного и многообразного почитания и поэтому одним виушает одно, другим — другое. Конечно, он думал, что страшно и нелепо силой и угрозами принуждать к тому, чтобы всем казалось истинным то, во что веришь ты сам. Более того, если истинна одна религия, а все прочие суетны, то Утоп легко предвидел, что, наконец, истина когда-нибудь выплывет и обнаружится сама собой (если повести дело разумно и умеренно). Если же бороться за истину оружием и смутой, то наилучшая и святейшая религия погибнет из-за самих суетных суеверий, подобно тому, как гибнут хлеба в терновнике и кустах (оттого что наихудшие люди наиболее упорны).

Поэтому он оставил все это дело открытым и дозволил, чтобы каждый был волен веровать, во что пожелает, — за исключением того, что свято и нерушимо запретил кому бы то ни было до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души гибнут вместе с телом¹⁷, что мир несется наудачу, не управляемый провидением. И поэтому утопийцы верят, что после земной жизни за пороки установлены наказания, за добродетель назначены награды.〈...〉

Я правдивейшим образом описал вам, как смог, устройство этого государства, которое я во всяком случае считаю наилучшим, а также и единственным, какое по праву может притязать называться государством.〈...〉

Ибо в иных местах каждому человеку известно, что если он сам о себе не позаботится, то как бы ни процветало государство, он все равно погибнет от голода; поэтому

необходимость побуждает его прежде принимать в расчет себя, а не народ, то есть других людей.

Наоборот, здесь, где все принадлежит всем, ни у кого нет сомнения, что ни один отдельный человек ни в чем не будет иметь нужды, если только он позаботится о том, чтобы были полиы общественные житицы. Оттого что здесь нет скаредного распределения добра, нет ни одного бедного, ни одного нищего. И, хотя ни у кого там ничего нет, все, однако же, богаты.

Разве жить вовсе безо всяких тревог, с радостной и спокойной душой не значит быть очень богатым? Не надобно дрожать за собственное пропитание, мучиться от жалобных требований жены, страшиться бедности сына, беспокоиться о приданом для дочери. Каждый может быть уверен, что будут сыты и счастливы и он сам, и все его близкие: жена, сыновья, внуки, правнуки и весь длинный ряд потомков, о которых высокородные люди думают заранее. <...>

Когда я внимательно наблюдал и размышлял обо всех государствах, которые процветают и доныне, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых¹⁸, под предлогом и под именем государства думающих о своих выгодах. Они припоминают и измышляют все пути и способы, чтобы, во-первых, не боясь потери, суметь удержать то, что они сами накопили пагубными ухищрениями, а потом — для того, чтобы откупить для себя труд всех бедных людей и воспользоваться им, заплатив за него как можно дешевле. Эти затеи стали уже законом, как только богатые от имени государства, а значит и от имени бедных, постановили однажды, что их нужно соблюдать.

И эти очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой все то, чего хватило бы на всех! Сколь далеко им, однако же, до счастья государства утопийцев! Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. <...>

У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже переиhrал законы утопийского государства как по причине собственной выгоды, так и под влиянием Христа-Спасителя (который по великой мудрости Своей не мог не знать, что лучше всего, а по блакости Своей не мог присоветовать того, о чем знал, что оно — не лучше всего); но противится этому одно чудище, правитель и наставник всякой гибели — гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. <...>

Впрочем, я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, чего нашим странам я скорее бы мог пожелать, нежели надеюсь, что это произойдет. (...)

Печатается по: Томас Мор. Утопия. М., 1978, с. 110, 129, 130, 132—138, 159, 160, 162—164, 172, 174, 175—179, 180—185, 186—188, 189, 190, 191, 192—196, 197, 198, 200, 203, 204, 205, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 222, 223, 224, 225, 230, 232—235, 237, 242, 244, 245, 255, 256, 257, 258—260, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Утопию» Т. Мор писал с 1514 г. по сентябрь 1516 г. Рукописного оригинала не сохранилось. Первое печатное издание «Утопии» вышло в 1516 г. в бельгийском городе Лувене. Главный надзор за изданием осуществляли два знаменитых друга Мора — Эразм Роттердамский и Петр Эгидий. Видимо, опасаясь цензурных преследований, Мор решил издать свой труд за границей. По этим же соображениям Мор прибегает в своем произведении к своеобразной зашифровке: в «Утопии» много скрытых цитат, аллюзий, намеков на тексты и события, известные читателю того времени.

Слово «утопия» придумано Мором (по-гречески *οὐ* — нет, *τοπος* — место). Утопия — место, которого нет. «Утопия» начинается с рассказа о посольстве Мора во Фландрию, где он познакомился с Петром Эгидием, выдающимся нидерландским гуманистом. Чтобы создать у читателя впечатление достоверного рассказа, Мор умело переплетает действительность и вымысел. Так, он рассказывает в «Утопии», что он встретил Петра Эгидия в сопровождении пожилого бородатого незнакомца, моряка и путешественника Рафаэля Гитлодея. Этому вымышленному персонажу Мор придумал фамилию, состоящую из греческого слова, первая часть которого означает «болтовня», «вздор», вторая — «опытный, сведущий». Этой фамилией Мор хотел подчеркнуть, что речь идет о лице несуществующем. Вместе с тем этого придуманного Гитлодея Мор изображает сподвижником знаменитого путешественника Америго Веспуччи.

«Утопия» написана в форме диалога Мора и Гитлодея.

Современники Мора с увлечением читали «Утопию». Высокую оценку она получила у знаменитых гуманистов Эразма, Эгидия и других. Нашлись и такие, кто, не поняв остроумной мистификации Мора, готовы были отправиться на поиски Утопии. Впервые на русском языке вышли два издания «Утопии» в конце XVIII в. В советское время на русском языке «Утопия» издавалась шесть раз. Настоящая публикация сделана по переводу «Утопии» Ю. М. Каганом («Наука», 1978).

² К. Маркс это рассуждение Мора использует в первом томе «Капитала» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 731). Крылатое слово о прозорливости овец попало в английскую народную поэзию.

³ Платон — древнегреческий философ-идеалист (ок. 427—347 до н. э.), ученик Сократа; трактат Платона «Государство», содержащий идею уничтожения частной собственности и создания общности имуществ, оказал большое влияние на взгляды многих представителей утопического социализма: Мора, Кампанеллы, Уинстэнли, Мелье и других. В «Государстве» Платона Сократ говорит о «прекрасном городе».

⁴ Слово «абракса» — abraxas (греч.) — в соответствии с числовым значением греческих букв, входящих в это слово, составляет 365, т. е. число дней в году. Это число имело мистический смысл у теологов древности и средневековья. Т. Мор употребляет слово «абракса» для обозначения мистической природы острова «Утопия».

⁵ В Англии того времени было 54 города.

⁶ Амаурот — от греческого слова «теминый», «туманный»; есть предположение, что это намек на Лондон.

⁷ Филарх — от греческого слова «глава фило», «начальник».

⁸ Это слово, вероятно, означает «мудрый», «старший».

⁹ Возможно, от греческих слов «властитель» и «первый», «главный».

¹⁰ Намек на положение рабочих в Англии. Английское рабочее законодательство того времени устанавливало 14—15-часовую продолжительность рабочего дня.

¹¹ Возможно, слово иранского происхождения со значением «высокий».

¹² Адем — слово, составленное, вероятно, самим Мором. Приставка «а» — отрицание, «демос» — народ, т. е. «без народа».

¹³ В Лондоне того времени было четыре больших больницы для бедных.

¹⁴ В статье В. И. Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма» сказано: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 225).

¹⁵ Имеется в виду учение греческого философа Эпикура (341—270 до н. э.).

¹⁶ «Противоположная группа» — философы-стоики, противники эпикурейцев.

¹⁷ Бессмертные души — одно из главных положений христианства.

¹⁸ Намек на рассуждение об олигархии в «Государстве» Платона.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева К. Д., Белов А. М. На острове Утопия. Л., 1961.
 Алексеев М. П. Славянские источники «Утопии» Т. Мора. М., 1955.
 Валлич Э. И. Н. М. Карамзин — первый русский рецензент «Утопии» Томаса Мора. — В кн.: История социалистических учений. М., 1977.
 Варшавский А. С. Опередивший время. М., 1967.
 Волгин В. П. Историческое значение «Утопии». — В кн.: Мор Т. Утопия. 2-е изд., доп. М., 1953.
 Деборин А. М. Социально-политические учения нового времени. М., 1958, т. 1.
 Застенкер Н. Е. Будущее по Томасу Морю. — В кн.: Будущее науки. Междунар. ежегодник. М., 1976, вып. 9.
 Томас Мор, 1478—1978. Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.
 Осиповский И. Н. Томас Мор. М., 1974.
 Осиповский И. Н. Томас Мор. Утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978.
 Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. — Соч. М., 1957, т. 1.
 Штекли А. Э. «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль. — Коммунист, 1978, № 18.

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА

1568

1639

Шел август 1599 года...

Восстание готовилось почти год. Готовилось очень обдуманно и тщательно. Сам Кампанелла, его единомышленники и друзья встречались с повстанцами, уже действовавшими в горах, договаривались с надежными людьми в городах. Уточнялись планы, в заговор вовлекались все новые люди — крестьяне, монахи, торговцы, ремесленники, патриоты-дворяне... Удалось даже связаться с командующим турецким флотом. Итальянец по происхождению, уроженец Калабрии — той самой области на юге Италии, где назревало восстание, — он обязался оказать поддержку в борьбе с испанцами на море и на суше, не

пропустить к берегам Италии испанские корабли, когда те попытаются доставить подкрепление...

Еще несколько дней, пусть даже недель — и дело свободы победит!

Все нити восстания уверенно держит в руках монах Томмазо Кампанелла. Ему скоро минет 31 год. За плечами уже большая жизнь, полная нелегких испытаний. Сыну сапожника, ему в детстве здорово повезло: случай помог овладеть грамотой. Хотелось учиться дальше. Но как? Для бедняка дорога к знаниям шла тогда только через монастырь. И 14-летний юноша уходит в монастырь ордена св. Доминика. Ему было 23 года, когда вышла в свет его первая книга — «Философия, основанная на ощущениях». Именно тогда инквизиция впервые арестовала его.

И вот теперь Кампанелла руководит заговором, который освободит его родную Калабрию от испанской тирании.

А что же потом, когда восставшие победят, когда последний испанский солдат будет сброшен в море? Ужели людям труда жить будет все так же плохо, как и сегодня?

Нет, не бывать этому! Не для того тысячи людей вот-вот возьмутся за оружие. На освобожденной от иноземного ига земле утвердится республика равноправных и свободных людей... Еще немного...

Но оказалось, достаточно всего лишь двух нестойких душ, чтобы планы восстания стали известны испанцам. Начались повальные аресты. Сложное сооружение заговора, столь тщательно, с таким усердием возводимое, рухнуло в несколько дней.

Была еще возможность бежать, скрыться... Но Кампанелла надеялся на подход дружественной эскадры. Надеялся, что аресты вывели из строя пока еще не очень многих...

6 сентября его арестовали. Он вошел в тюрьму, чтобы выйти из нее только 27 лет спустя...

Началась новая полоса жизни — нескончаемые изуверские пытки. Даже видавшие виды тюремщики удивлялись выдержке Кампанеллы. «В оковах, но все же свободный, один, но все же не одинокий, стенаю, но спокойный, я слушаю своих врагов». Он считал своим долгом жить, чтобы помочь выстоять другим арестованным. Чтобы рассказать о пути ко всеобщему счастью, который он открыл, который известен только ему, и если он не поведает о нем, то путь этот будет утрачен, быть может, навсегда...

Кампанелла сочиняет один трактат за другим. Заучивает их наизусть. А если появляется возможность, листок за листком передает написанное на волю.

Летом 1601 г. Кампанелла начинает писать «Город Солнца». Пишет лежа, едва выводя буквы полумертвыми пальцами — буквально через несколько дней после одной из самых страшных пыток. Потом он сам переводит книгу на латинский язык, чтобы издать за границей.

Из тюрьмы Кампанелла выходит в 1626 г. Но всего лишь месяц спустя снова арест и еще два года заключения. Наконец его выпускают. Он живет в монастыре, под надзором. Но это не так уж мало для человека, ухитрявшегося работать даже в промозглых тюремных подземельях. Томмазо выступает на диспутах, хлопочет об издании сочинений, пишет новые трактаты. И... участвует в новом заговоре. Для освобождения все той же родной Калабрии от все тех же испанцев. И опять провал! И хотя Кампанелла живет в Риме, нити заговора ведут к нему.

Измученный, он вынужден бежать во Францию. Там и проходят последние годы его жизни — в условиях крайней нужды и непрерывных происков агентов инквизиции.

ТЕКСТЫ

ГОРОД СОЛНЦА ¹

⟨...⟩ На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена бóльшая часть города; многочисленны же его окружности выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его равна семи. А благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам ². Из одного круга в другой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света. И так, право, он выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы употребить вдвое больше усилий; а для овладения третьим — еще того больше. Итак, чтобы захватить каждый следующий, надо было бы постоянно употреблять вдвое больше усилий и труда. Таким образом, если бы кто задумал взять этот город приступом, ему пришлось бы брать его семь раз. Но, по-моему, невозможно взять и первый круг: настолько широк окружающий его земляной вал и так укреплен он бастионами, башнями, бомбардами и рвами.

Итак, войдя северными воротами ³ (которые окованы железом и так сделаны, что могут легко подыматься и опускаться и накрепко запираются благодаря удивительно ловкому устройству своих выступов, прилаженных для движения в выемках прочных косяков), увидел я ровное пространство шириною в семьдесят шагов между первым и вторым рядом стен. Оттуда можно видеть обширные палаты, соединенные со стеною второго круга так, что они, можно сказать, составляют как бы одно целое здание. На половине высоты этих палат идут сплошные арки, на которых находятся галереи для прогулок и которые поддерживаются снизу прекрасными толстыми столбами, опоясывающими аркады наподобие колоннад или монастырских переходов.⟨...⟩

«Город Солнца» Т. Кампанеллы

Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солице»⁴, на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Сии и Мор⁵, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солица. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должности лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу

наук: имеется: Астролог, также и Космограф, Геометр, Историкограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев⁶.

По повелению Мудрости, во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом. Величина их находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т. п. На внешнем изгибе стены находится прежде всего крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые карты всевозможных областей, при коих помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете; так же как и вина, масла и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снабжены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества и чем сходятся они с явлениями небесными, среди

металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне — всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусственно; так что я был совершенно поражен, увидев рыбу епископа, рыбу цепь, паицирь, гвоздь, звезду, мужской члени, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас. Там можно увидеть и морских ежей, и улиток, и устриц, и т. д. И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса⁷ они считают за действительную существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви; и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно: мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они согласно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели; видел я там Моисея, Озириса, Юпитера, Меркурия, Ликурга, Помпилия, Пифагора, Замолксия, Солона и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтут и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря, Александра, Пирра, Ганимбала и других достопочтенных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом Римляни, изображения

которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по всему свету нарочитых разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно их занимает. Узнал я там и то, что Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание⁸. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчины и женщины давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные. (...)

Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения Монголами, разбойниками и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них *все общее*. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо, ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного

состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине. <...>

Они пылают такой любовью к родине, какую и представить себе трудно; гораздо больше даже, чем Римляне,— которые, как известно по преданиям, добровольно умирали за отечество,— потому что значительно превзошли их в отрешении от собственности. Я, по крайней мере, уверен, что и братья, и монахи, и клирики наши, не соблазняясь они любовью к родным и друзьям, стали бы гораздо святее, меньше были бы привязаны к собственности и дышали бы большею любовью к ближнему. <...>

Хотя им и неоткуда делать друг другу никаких подарков,— потому что все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует, никому, однако, не отказывая в необходимом,— но дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу и взаимно делятся знаниями; а то в похвалах, словах, при исполнении обязанностей и во взаимном одолжении необходимого.

Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе,— сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве. <...>

У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей: есть должность, называемая Великодушие, есть именуемая Мужество, затем Целомудрие, Щедрость, Правосудие — уголовное и гражданское, Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость, Воздержность и т. д. На каждую из подобных должностей избираются те, кого еще с детства признают в школах наиболее пригодным для ее занятия. Поэтому, так как нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы,— они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные

лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка. {...}

Мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы спустя некоторое время занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего,— каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над инами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев. {...}

Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое — у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием: наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотба да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначают женщины; точно так же они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя: так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежды. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к занятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что она у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислуживать за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!

Столы ставят у них в два ряда, сиденьями по обеим сторонам; с одной стороны сидят женщины, с другой — мужчины, и, как в монастырских трапезных, не бывает там никакого шума. Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятию и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного. И, право, приятно смотреть, как ловко прислуживает им такая красивая молодежь в подпоясанной

одежде, и видеть, как столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви. Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что готовить старикам, что молодым и что для больных. Должностные лица получают большие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей. А по праздничным дням они любят и петь за столом; поют или в несколько голосов или кто-нибудь один под аккомпанемент лютни и т. п. И так как все в равной мере принимают участие в домашнем хозяйстве, то никогда ни в чем не оказывается никакого недостатка. Почтенные пожилые люди наблюдают за кухней и прислуживающими в столовой и тщательно следят за чистотой постелей, помещений, посуды, одежды, мастерских и кладовых.

Одежду их составляет белая нательная рубаша, а поверх нее платье, являющееся одновременно и камзолом и штанами, сшитое без складок, с разрезами от плеч до голени и от пупа до зада между ляжками. (...) Они меняют одежды четыре раза в год: когда Солнце вступает в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога⁹; распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды отдельных кругов. И удивительно, сколько у них имеется одновременно всякой нужной одежды, плотной или легкой, смотря по времени года. Одежду носят они белого цвета, и стирается она ежемесячно щелоком или мылом.

Нижние помещения заняты мастерскими, кухнями, кладовыми, магазинами, оружейными складами, столовыми и мыльнями. Однако моются они возле колонн галерей, а вода стекает по желобам, ведущим в сточные канавы. На каждой площади отдельных кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана. У них имеется вода и ключевая и в водоемах, которые наполняются дождевой водой, скопляющейся на крышах и стекающей по акведукам с песком. Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника. Всеми ремеслами занимаются они внизу, под колоннадами, а отвлеченными науками — наверху на балконах и галереях, где находятся соответствующие картины; а в храме изучаются священные науки. При входах в дома

и на зубцах круговых стен имеются солнечные часы и часы с колоколами и флаги, показывающие время и направление ветра. <...>

Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение. <...>

Те же, кто воздерживается от совокупления до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях. Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга. <...>

Вскормленный грудью младеец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и борются; знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. <...>

Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. <...>

Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унижительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д.

Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтению ногам ходить, задю испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюны, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком. Но у нас, увы, не так; в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

Но в Городе Солица, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копы и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодными, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому, что у них есть все, бедными — потому, что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов¹⁰. <...>

Наблюдав, что у Соляриев жены общины в деле услужения и в отношении мужа, однако же не всегда и не как у живот-

ных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил. Думаю, однако, что в этом они, может быть, и ошибаются. Но сами-то они приводят в подтверждение себе мнение Сократа, Катона, Платона и св. Климента.〈...〉 Возможно, однако, что когда-нибудь этот обычай у них бы и вывелся, ибо в подчиненных им городах общим является только имущество, а никак не жены, разделяющие лишь общее услужение и занятия мастерствами. Однако Солярии приписывают подобный порядок несовершенству других людей из-за малой осведомленности в философии. Тем не менее они посылают узнавать обычаи других народов и всегда усваивают себе лучшие из них.〈...〉

Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромы несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть; щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его хотя бы в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит. 〈...〉

Правителю Мощи подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров. Кроме того, ведает он атлетами, обучающими всех воинским упражнениям и которые, будучи зрелого возраста, являются опытными руководителями и учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу, метанию камней и т. д. под руководством низших наставников; теперь же начинают они обучаться битве с врагами, конями и слонами, владеть мечом, копьем, стрелами и пращей, ездить верхом, нападать, отступать, сохранять военный строй, помогать соратникам, предупреждать нападение врагов и побеждать их. Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц, дабы при надобности помогать мужчинам при обороне города и охранять его стены при неожиданном нападении и приступе, по примеру восхваляемых ими Спартанок и Амазонок¹¹.

Благодаря этому они отлично умеют стрелять из аркебузов, отливать свинцовые пули, бросать камни с бойниц, отражать нападение и отучаться от всякого страха, тем более что проявление трусости жестоко наказуется. Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бессмертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяются к добрым или злым духам, сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам¹² и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей. <...>

Да если бы им и никогда не приходилось воевать, они все равно продолжали бы заниматься военным делом и охотой, чтобы не изнеживаться и не быть застигнутыми врасплох при всяких случайностях. А кроме того, на том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующие их благополучию, потому что тамошнее население стремится жить по обычаям Соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей. Из-за этого часто начинается война с Соляриями под тем предлогом, что они захватили пограничные владения и живут нечестиво, не поклоняясь идолам и не следуя суевериям язычников и древних брахманов. Нападают на них Индийцы, подданными которых были они раньше, и Тапробанцы, от которых первое время находились они в зависимости.

Тем не менее победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию, оскорблению, разбою или же когда угнетаются их союзники, или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании, — они немедленно собираются на Совет. Тут первым делом они коленопреклоненно молят бога о внушении им наилучшего решения, а затем обсуждают обстоятельства дела, после чего уже объявляется война. Тотчас снаряжается священник, именующийся ходатаем; он требует от неприятелей возмещения за грабеж, или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании. В случае отказа он объявляет войну, призывая карающего бога Саваофа¹³ погубить стоящих за неправо дело. Если же неприятели медлят с ответом, священник дает им время на размышление: царю — один час, а республике — три часа, во избежание возможности какого-нибудь обмана. И так начинается война против нарушителей естественного права и религии. <...>

Они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почетными. А тот, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и большим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например кузнечное или стрелковое и т. п., считаются у них и самыми похвальными, и никто не уклоняется от занятия ими, тем более что склонность к ним обнаруживается от рождения, а благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а, наоборот, развивающим его силы. Менее тяжелыми ремеслами занимаются женщины. Все должны уметь плавать, и для этого устроены у них водоемы как за стенами города, так и внутри их, около фонтанов. Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним в город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен по соответственной оценке недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги. {...}

Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей плода. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами и, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженными на поля: пахать, сеять, окучивать, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище! Между тем вооруженная полевая стража делает обходы, постоянно сменяя друг друга. Землю они не удобряют ни навозом, ни илом, считая, что от этого загнивают семена и при употреблении их в пищу расслабляют тело и сокращают жизнь, подобно тому, как женщины прикрашенные, а не прекрасные благодаря своей деятельности, производят хилое потомство. Поэтому и землю они не прикрашивают, а тщательно ее обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. {...}

Благородное искусство разведения и выращивания лошадей, крупного и мелкого скота, собак и всякого рода домашних и ручных животных ценится у них так же высоко, как и во времена Авраама¹⁴. При случке они заботятся, чтобы животные могли давать наилучший приплод.(<...>)

Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь, подобном перечисленным, занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование прнсуше именно таким людям, а не невеждам. Достойно удивления, как все, и женщины и мужчины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата. Есть у них и рощи и леса, где они часто охотятся за дикими зверями.

Морское дело находится у них в большом почете. У них имеются особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма; но есть и такие, которые двигаются посредством ветра и весел. Они прекрасно знакомы со звездами и с морскими приливами и отливами. В плавание они ходят для ознакомления с различными народами, странами и предметами. Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, только если на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную.(<...>)

Пищу их составляют мясо, коровье масло, мед, сыр, финики и разные овощи. Сначала они были против того, чтобы убивать животных, так как это представлялось им жестоким, но, рассудив затем, что одинаково жестоко убивать и растения, также одаренные чувством, и что тогда пришлось бы им умирать с голоду, они уразумели, что низшие твари созданы для высших, и поэтому теперь употребляют всякую пищу. Однако животных племенных, как, например, коров и лошадей, убивают они неохотно. Они тщательно различают полезную и вредную пищу и питаются согласно требованиям медицины. Пища непрерывно меняется трижды: один день они едят мясо, другой — рыбу, третий — овощи, а затем возвращаются снова к мясу, дабы и не отягощаться и не изнуряться.

Старики употребляют пищу удобоваримую и едят три раза в день и понемногу; община ест дважды в день, а дети — четыре раза, согласно предписанию Физика. Живут они по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот.

Пьют они чрезвычайно умеренно. Юношам не разрешается пить вина вплоть до девятинадцати лет, за исключением тех случаев, когда это необходимо по состоянию здоровья. По достижении этого возраста они пьют вино, разбавленное водой, как и женщины. Старики за пятьдесят лет большею частью воды не добавляют.

Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдающего за этим Главного Врача. Ничего из того, что создано богом, не считается вредным, если только не употребляется это в неумеренном количестве. Поэтому летом питаются они плодами, так как они влажны, сочны и освежительны в летнюю жару и засуху; зимою употребляют сухую пищу, а осенью едят виноград, ибо он создан богом против меланхолии и уныния. <...>

Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. <...>

Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами по совещании между собою не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко. <...>

Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание — око за око¹⁵, нос за нос, зуб за зуб и т. д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманном намерением. Если же это случилось во время ссоры и совершено непредумышленно, то приговор смягчается, но не самими судьями, а тремя правителями, от которых можно апелля-

ровать к ☉, но не в порядке судопроизводства, а в порядке просьбы о помиловании, которое он может даровать. Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется, но перед судьей и Мощью излагается обвинение, приводятся свидетели и говорит в свою защиту ответчик, которого судья тут же или оправдывает, или осуждает; если же он апеллирует к одному из трех правителей, то оправдание или осуждение переносится на следующий день. На третий день ответчик может быть или помилован и отпущен ☉, или же приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д.

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей и ликторов ¹⁶ у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однакоже виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства, или против бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. <...>

<...> Если кто-либо, совершив проступок, сам, не дожидаясь обвинения, добровольно повинится в нем, явившись к начальству, и принесет покаяние, пока его не обвинили, то наказание как за сокрытое преступление к нему не применяется и изменяется на другое. Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И так как они всегда ходят и работают отрядами, то для уличения преступника требуется пять свидетелей; иначе его отпускают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет суровое наказание.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой. <...>

Первосвященник у них сам ☉, а из должностных лиц священниками являются только высшие; на их обязанности лежит очищать совесть граждан, а весь Город на тайной исповеди, которая принята и у нас, открывает свои прегрешения властям, которые одновременно и очищают души, и узнают, каким грехам наиболее подвержен народ. Затем сами священноначальники исповедуют трем верховным правителям и собственные и чужие грехи, обобщая их и никого при этом не называя по имени, а указывая, главным образом, на наиболее тяжкие и вредные для государства. Наконец, трое правителей исповедуют эти же грехи вместе со своими собственными самому ☉, который узнает отсюда, какого рода прегрешениям наиболее подвержен Город, и заботится об искоренении их надлежащими средствами. Он приносит богу жертвы и молитвы и прежде всего всенародно исповедует перед богом грехи всех граждан во храме перед алтарем всякий раз, когда это необходимо для очищения, не называя, однако, по имени никого из согрешивших. <...>

Женщины носят длинные волосы, собирая и связывая их все узлом на затылке и заплетая в одну косу; мужчины же — только один локон, выстригая кругом него все остальные волосы, повязывая платок и поверх него надевая круглую шапочку чуть пошире головы. На походе носят они шляпы, а дома — береты: белые, красные или пестрые, сообразно со своим мастерством или занятием; у должностных лиц они больше и пышнее. <...>

Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле. Тела умерших не погребаются в земле, а во избежание моровых болезней сжигаются и обращаются в огонь, столь благородную и живую стихию, которая исходит от солнца и к солнцу возвращается. Этим исключается и возможность возникновения идолопоклонства. Остаются, однако, изваяния и изображения героев, на которые часто взирают красивые женщины, предназначенные государством для деторождения. <...>

Человек должен быть всецело предан религии и всегда почитать своего творца. Но это невозможно исполнить

подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях, помнит: *Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им*¹⁷. Откуда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем. <...>

Они неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какую мучили одного почитаемого ими философа¹⁸ враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издали и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения. <...>

Печатается по: Кампанелла. Город Солнца. М., 1954, с. 34, 35, 39, 40—44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 56—60, 61, 64, 65, 67, 69—71, 72, 73—75, 76, 77, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 97—100, 102, 103, 106, 107, 118, 124.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначальный текст «Города Солнца» был написан Кампанеллой в тюрьме на итальянском языке; сохранилось одиннадцать списков, которые все относятся к первым десятилетиям XVII в.

В 1613 г. Кампанелла перевел «Город Солнца» на латинский язык, но перевод оставался неизданным в течение десяти лет. Впервые латинский текст «Города Солнца» был издан в 1623 г. Т. Адами во Франкфурте.

Латинский перевод «Города Солнца» в 1637 г. был включен во второй том подготовленного самим Кампанеллой Собрания сочинений и издан в 1637 г. в Париже. Итальянский текст «Города Солнца» был впервые опубликован в 1904 г.

На русский язык «Город Солнца» был переведен в 1906 г. и издан в том же году в Петербурге в качестве бесплатного приложения к журналу «Всемирный вестник». Отдельной книгой «Город Солнца» на русском языке вышел в Петербурге в 1907 г. в переводе с латинского А. Г. Генкеля. Перевод Генкеля неоднократно перениздавался.

Настоящая публикация воспроизводится по третьему изданию перевода Ф. А. Петровского (Кампанелла. Город Солнца. М., 1954). Перевод напечатан в академическом издании серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина.

«Город Солица» написан в форме диалога. Основное повествование ведется от первого лица. Рассказ построен по традиционной литературной схеме того времени: путешественник во время своих странствий попадает в неведомую, вновь открытую страну, где находит идеально устроенное общество (такую же схему использовал Т. Мор для написания «Утопии»).

В «Городе Солица» беседа происходит между заезжим моряком-генуэзцем и заведующим монастырским «странноприимным домом» — гостинником. Мореход начинает свой рассказ о посещении им во время кругосветного путешествия острова Тапробаны, где он и обнаружил Город Солица.

Тапробана — старинное название о-ва Цейлона. Географическое расположение Цейлона не соответствует описанию Кампанеллы. Цейлон расположен не на экваторе, как указывается в тексте, а между экватором и тропиком Рака. Но на старинных картах, которые, несомненно, видел Кампанелла, экватор проходит через Тапробану. Тапробана упоминается в «Утопии» Т. Мора.

Таким образом, Кампанелла дает «точный адрес» своего идеального государства.

² Согласно системе Птолемея, семь планет — Солице, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

³ Устройство этих подъемных ворот напоминает обычные для эпохи Кампанеллы крепостные ворота.

⁴ В дальнейшем тексте Кампанелла продолжает называть его «Солице» или обозначает астрономическим знаком Солица ☉.

⁵ Пои, Си и Мор (Pop, Sip, Mor) — обозначения этих правителей взяты из соответствующих букв итальянских слов: *Possanza* — мощь, *Sapienza* — мудрость, *Amore* — любовь. По учению Кампанеллы, эти три положительных определения всякого бытия в совершенном виде соединяются в верховном существе, а в Городе Солица — в его верховном правителе Солице (Метафизике).

⁶ Пифагорейцы — последователи древнегреческого мыслителя Пифагора. В связи со своим учением о мире, основой которого было Число, пифагорейцы выработали сложную систему обрядов, которые Кампанелла имеет в виду, говоря о жителях Города Солица.

⁷ Феникс — мифическая птица египтян, связанная с культом солнца; изображалась в виде орла с красными и золотыми перьями. Согласно преданию, через каждые пятьсот лет Феникс сжигает себя и вновь возникает из пепла; Феникс — символ вечного возрождения.

⁸ Способ книгопечатания был известен китайцам со II в. н. э. Огнестрельное оружие начало применяться в Китае раньше, чем в Европе, — вероятно, с XIII в. н. э.

⁹ Соответственно четырем временам года, т. е. в начале марта, июня, сентября и декабря.

¹⁰ Здесь идеализация ранней христианской общины, описываемой в «Деяниях апостолов», как общины коммунистической.

¹¹ Амазонки — в греческой мифологии народ женщин-воительниц, живших в Малой Азии или на острове Лемнос.

¹² Брахманы — последователи брахманизма, религии, предшествовавшей буддизму. По их учению, все исходит из высшего космического духовного начала и к нему возвращается. Для брахманов характерна строгая обрядовая регламентация, связанная с аскетизмом. Жрецы этой религии составляют высшее сословие или касту брахманов.

¹³ Саваоф — ветхозаветное обозначение бога.

¹⁴ Авраам — библейский патриарх, легендарный основатель еврейского народа.

¹⁵ Этот обычай взят Кампанеллой из Ветхого завета.

¹⁶ Ликторы — стражники в Древнем Риме, носившие как знак власти сопровождаемых ими должностных лиц связки прутьев со вложенным в них топором. Здесь, очевидно, имеются в виду помощники палачей.

¹⁷ Имеются в виду слова Евангелия (Матф., 7, 12; Лука, 6, 31).

¹⁸ Подразумевается эпизод из жизни самого Кампанеллы.

ЛИТЕРАТУРА

- Баткин Л. М. Парадокс Кампанеллы. — Вопросы философии, 1971, № 2.
- Блюм А. В., Горфункель А. Х. Запрещенная книга о Кампанелле. — В кн.: Памятники культуры. М., 1977.
- Волгин В. П. Коммунистическая утопия Кампанеллы. — В кн.: Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М., 1975.
- Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1954.
- Клибанов А. И. Послание Кампанеллы московскому государю и православному духовенству. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Львов С. Я. Гражданин Города Солица. Повесть о Томмазо Кампанелле. М., 1979.
- Петровский Ф. А. Кампанелла: Биографический очерк. — В кн.: Кампанелла Т. Город Солица. М., 1954.
- Рутенбург В. И. Кампанелла. Л., 1956.
- Чиколини Л. С. Социальная утопия в Италии, XVI — начало XVII в. М., 1980.
- Штекли А. Э. Кампанелла. М., 1966.
- Штекли А. Э. «Город Солица»: утопия и наука. М., 1978.

ДЖЕРАРД УИНСТЭНЛИ

1609

после 1652

В английской буржуазной революции XVII в., в период ее высшего подъема, родилось движение народных низов — «диггеров». «Диггеры» — буквально. «копатели» — это деревенская и городская беднота, предпринимавшая попытки захвата и коллективного возделывания как общинных, так и находящихся в частном владении, но пустующих земель. Своим идеалом они провозгласили «свободную республику», коллективную собственность и коллективный труд. Идеологом и вождем диггеров был Джерард Уинстэнли. Мы очень мало знаем о нем.

...Городок Уиган в Ланкашире. Семья Эдуарда Уинстэнли, «торговца шелком и

бархатом». Сын его, Джерард, не получил сколько-нибудь систематического образования. В 30-х годах он обучался торговому делу в Лондоне, в 1637-м становится членом компании торговцев готовым платьем; есть сведения, что до 1643 г. он вел мелкую торговлю сукном. Экономическая депрессия, связанная с гражданской войной, разорила его. Пришлось переселиться в деревню...

С 1648 г. началась литературная деятельность Уинстэили. Сначала — несколько небольших памфлетов на религиозные темы. В 1649 г. (в Англии к этому времени устанавливается республика) выходит первое социально-политическое произведение Джерарда — «Новый закон справедливости», затем — декларация от имени «бедного и угнетенного люда Англии».

Весной того же года небольшая группа людей (среди ее вожаков — и Уинстэили) захватила в графстве Сёррей (приход Кобхем) пустующую землю и принялась совместно ее обрабатывать. Так было положено начало движению диггеров. Их колония продержалась — истовым трудом и истовым упорством — только год. Несколько раз за это время окрестные лендлорды, новые власти предпринимали настоящие походы против нее, сносили постройки, вытапывали посевы, разгоняли скот. В конце концов имущество кобхемских диггеров было полностью уничтожено.

Уинстэили избежал ареста. Он пишет новые работы. Самая яркая из них — «Закон свободы», изданная в 1652 г., — план коренного преобразования общества путем ликвидации частной собственности на землю, установления республики мелких производителей, основанной на общем пользовании землей и ее плодами... «Закон свободы» — последнее из сохранившихся произведений страстного проповедника равенства.

ТЕКСТЫ¹ЗНАМЯ, ПОДНЯТОЕ ИСТИННЫМИ ЛЕВЕЛЛЕРАМИ²

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЛАСТЯМ АНГЛИИ

И ВСЕМ ВЛАСТЯМ В МИРЕ,

*обнаруживающая причины,**по которым простой народ Англии**начал и дает согласие копать и обрабатывать землю,**сеять хлеб на холме св. Георгия в Сёррее³;**от тех, кто подписался, и от многих тысяч,**дающих свое согласие*

В начале времен великий творец — разум создал землю, чтобы она была общей сокровищницей, чтобы хранила зверей, птиц, рыб и человека, господина, предназначенного править этими созданиями; ибо человек обладал властью, дарованной ему над зверями, птицами и рыбами; но вначале не было произнесено ни единого слова о том, что одна ветвь человечества будет править другою.

И причина этому та, что каждый отдельный человек, мужчина или женщина, есть сам по себе совершенное создание. И тот же самый дух, который создал земной шар, пребывает в человеке, чтобы он управлял землею. Так как плоть человеческая подчинена разуму, создатель дал его человеку, чтобы быть учителем и наставником для самого себя, поэтому он и не нуждается в поисках во-вне наставника или правителя, помимо себя, и не нуждается ни в каком человеке для поучения себя, ибо тот же самый помазанник, который обитал в сыне человеческом, научил и его всем вещам.

Но с тех пор плоть человеческая (этот царь зверей) начала наслаждаться предметами творения больше, чем духом разума и справедливости, который проявляет себя в пяти чувствах — слухе, зрении, вкусе, обонянии и осязании; с течением времени он впал в умственную слепоту и слабость сердца и обращается во-вне в поисках наставника и правителя. И таким образом эгоистическое воображение, овладев пятью чувствами и управляя ими, как царь, вместо разума, и работая об руку с алчностью, подстрекнуло одного человека

THE
Law of Freedom
 IN A
PLATFORM:
 Or, True
Magistracy Restored.

Humbly presented to *Oliver Cromwel*,
 General of the Common-wealths Army in Eng-
 land. And to all English-men my brethren whether in
 Church-fellowship, or not in Church-fellowship, both
 forts walking as they conceive according to the Or-
 der of the Gospel: and from them to all the
 Nations in the World.

Wherein is Declared, What is Kingly Government,
 and what is Commonwealths Government.

By *Jerrard Winstanley*.

*In thee, O England, is the Law arising up to shine,
 If thou receive and practise it, the crown it wil be thine,
 If thou reject, and stil remain a froward Son to be,
 Another Land wil it receive, and take the crown from thee.*
 Revel. 11. 15. ——— Dan. 7. 27.

L O N D O N,

Printed by *J. M.* for the Author, and are to be sold by *Giles
 Calvert* at the black Spred-Eagle at the West end of *Pauls*. 1652.

наставлять и управлять другими; и тем самым дух был убит, и человек был ввергнут в рабство и стал большим рабом себе подобных, чем полевые звери были рабами ему.

Вслед за тем земля (сотворенная, чтобы быть общей сокровищницей для помощи всем — как зверям, так и людям) была обнесена изгородями и поделена на огороженные участки наставниками и правителями, а остальные люди были превращены в слуг и рабов.<...>

И до тех пор, пока мы или кто-либо другой признаёт за лендлордами⁴ и держателями право для одних называть землю своею, а для других — арендовать у них, или для одних — сдавать в аренду, а для других — работать за аренду, это значит бесчестить дело творения; как будто справедливый творец взирал на лица и поэтому сотворил землю для немногих, а не для всех. И пока мы или кто-либо другой будем сохранять частную собственность, мы тем самым соглашаемся держать творение в том рабстве, под которым оно стонет, препятствуем делу восстановления и грешим против света, который дан нам, и утрачиваем наш мир из страха перед плотским человеком.

А что эта частная собственность есть проклятие, ясно из того, что те, кто покупает и продает землю и является лендлордами, получили ее либо путем угнетения, либо убийства, либо воровства; и все лендлорды живут нарушением седьмой и восьмой заповедей: «не убий» и «не укради».

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК ПАРЛАМЕНТУ И АРМИИ,
показывающий, что представляет собою королевская власть;

а также, что цель тех, кого называют диггерами,
представляет жизнь и костяк того дела,

за которое высказывался парламент и боролась армия,
усовершенствование дела которых сделает Англию
первой среди наций или той десятой частью города
Вавилона⁵, которая первой отделяется от зверя
и которая возлагает корону на голову Христа,
чтобы править миром в справедливости

<...>Теперь, сэры, где бы мы ни спрашивали о королевской власти, я надеюсь, что ни один человек не смутится заявить об этом и не испугается изгнания ее, имея опору в акте парламента⁶, в присяге солдат и согласие народа на своей стороне; ибо королевская власть подобна большому развесистому дереву: если вы срубите верхушку и оставите

корни и боковые сучья, оно снова разрастется и получит свежие силы.

Если кто-нибудь задаст мне вопрос: что такое королевская власть? Я отвечу: королевская власть бывает двоякого рода: одна — это королевская власть справедливости и это власть всемогущего бога, правящего мирно над всем творением и держащая его в своей руке. И это сила всеобщей любви, ведущая народы по пути истины, поучающая каждого поступать так, как он хотел бы, чтобы поступали по отношению к нему⁷, ныне снова борющаяся плотью и кровью, свержающая все, что не может устоять, и приводящая каждого в единение с собою, единый дух любви и справедливости, который будет продолжать вести дело к восстановлению. Но эта королевская власть стоит надо всем, она попирает ногами все — алчность, высокомерие, зависть, себялюбие и других подобных врагов и отнимает царство и правление над творением из рук себялюбивой и заносчивой плоти. И над землею царит только один царь справедливости и он поистине — сам Христос, который изгонит проклятие. Но это не та королевская власть, изгнание которой имел в виду парламентский акт, претендующий на ее утверждение, хотя против нее борются и парламент, и армия, и духовенство, и народ. Но когда им будет дано узреть ее, тогда они будут плакаться, потому что они преследовали ее.

Но другая королевская власть есть власть несправедливости и поистине диавол. О если бы парламент и армия обладали таким сердцем, чтобы осуществить свой собственный акт, тогда народ никогда не стал бы жаловаться на вас за нарушение Ковенанта⁸, за вашу алчность, высокомерие и чрезмерное себялюбие, переполняющие вас. А у вас, с своей стороны, никогда не было бы оснований сетовать на недовольство народа вами. Поистине причина того несогласия, которое отделяет вас от народа, и есть королевская власть, та самая королевская власть, акт об уничтожении которой вы провели. Поэтому блюдите, чтобы он был исполнен с вашей стороны. Ибо королевская власть справедливости ждет этого, иначе она исторгнет вас, как лицемеров и как соль, утратившую свою силу. Ибо она следит за всеми вашими деяниями и поистине на всех них лежит изобилие ржавчины, которая не позволяет им блистать.

Эта королевская власть есть алчность во всех ее видах или власть себялюбия, правящая в лице одного или многих людей над другими и порабащая тех, кто равен им по

творению. <...> И эта королевская власть обычно возводится на престол правления под именем прерогативы, когда она правит другими в лице одного, и под именем государственной привилегии парламента, когда она правит другими в лице многих. И эта королевская власть всегда возвышается и утверждается силою меча, и поэтому ее называют убийцей или великим красным драконом, который сражается против Михаила⁹, ибо он порабощает себе слабый народ, отказывая каждому в равной свободе по отношению к земле, которую закон справедливости даровал каждому человеку при его сотворении. Это, говорю я, и есть королевская власть при господстве тьмы, и поскольку она правит в людях, она восстанавливает их друг против друга и является причиной всех войн и жалоб; она известна своими внешними проявлениями и по сей день ее действия наполняют все повсюду, ибо эта власть тьмы царствует и будет царствовать, и она является единственным врагом, который борется против творения и иациональной свободы. <...>

Если вы исследуете до основания жизнь этой темной королевской власти, изгнание которой вы провели парламентским актом и скрепили клятвой, то вы увидите, что она зарождается в железном лоне проклятой алчности, которая отдает землю одной части человечества и отнимает ее у другой; но та часть, которая обладает землею, не имеет права по закону творения присваивать ее себе и отстранять от нее других, но она отняла ее у них кражей и убийством во время завоевания. Так когда наш норманн Вильгельм¹⁰ пришел в Англию и завоевал ее, он изгнал ангелов и отдал землю своим иормандским солдатам, чтобы каждый огородил свою часть, и отсюда произошла частная собственность. Ибо это плод войн с самого их начала, она отнимает собственность у слабого и передает ее в руки сильного, и продолжает поддерживать проклятие рабства. <...>

Вы порицаете нас, простой народ, за то, что будто бы мы не желаем никакого правительства. Истинно говорю, джентльмены, мы от всего сердца желаем справедливого правительства, но нынешнее правительство предоставляет свободу и достаток джентри¹¹, дабы у них было изобилие и они собирали сокровища земли под замок от бедных, так чтобы у богатых сундуки ломились от золота и серебра, а дома были полны зерна и всякого добра, куда ни глянешь, тогда как бедный, трудом добывающий все, едва перебивается, и должен умирать с голоду, если не может работать, как раб. Таким

образом, законы отдают всю землю одной части человечества, предшественники которой получили ее путем завоевания, и отказывают в ней другим, которые, по справедливому закону творения, могут требовать ее в равной доле; и однако вы говорите, что это — справедливое правительство, но оно, конечно, есть не что иное, как себялюбие, т. е. великий красный дракон, убийца.

Англия — это тюрьма. Многообразное крючкотворство законов поддерживается мечом, замками, засовами и воротами тюрьмы. Юристы — тюремщики, а бедный люд — заключенные; ибо если человек попадет в лапы кого-нибудь из них, начиная от бейлифа до судьи, то или он погибнет или останется разбитым на всю жизнь.

И, конечно, эта власть закона, этот величайший идол, который народ сотворил себе, является гнетом для творения, источником праздности, роскоши, обмана, единственным врагом Христа, царя справедливости. (...)

ЗАКОН СВОБОДЫ, ИЗЛОЖЕННЫЙ В ВИДЕ ПРОГРАММЫ, ИЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВЛЕНИЯ.

*смирненно поднесенный Оливеру Кромвелю¹²,
генералу республиканской армии в Англии,
и моим братьям-англичанам, собратьям по церкви,
а также и не собратьям по церкви, шествующим в жизни,
как они полагают, в соответствии с предписаниями Библии,
и всем народам мира, в котором поясняется,
что такое королевское правительство
и что такое республиканское правительство,
Джерардом Уинстэнли*

В тебе, о Англия, встает закон, сияя.
Прими ж его, себя короною венчая.
Но коль отвергнешь и пребудешь непокорной,
Его страна другая примет и возьмет корону.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ОЛИВЕРУ КРОМВЕЛЮ,
ГЕНЕРАЛУ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ В АНГЛИИ

Сэр,

Бог облек вас величайшей для человека почестью со времен Моисея¹³, поставив главою народа, который изгнал угнетателя фараона. Ибо нормандское владычество, покорив

наших предков, отняло у них свободное распоряжение английской землею и превратило их в своих слуг. Но бог избрал вас своим победоносным орудием, дабы изгнать завоевателя и вашими победами вновь вырвать нашу землю и наши свободы из рук этой нормандской власти.

От вас хотят еще, чтобы вы сделали следующее: обеспечили искоренение власти угнетателя вместе с ним самим и озаботились тем, чтобы свободное владение землею и пользование свободами было закреплено за угнетенным простым людом Англии.

Ибо ни венец чести не сможет принадлежать вам, ни победы ваши не смогут быть названы победами, пока завоеванные земли и свобода не перейдут в руки тех, кто ради них подвергал опасности свою жизнь и свое благосостояние. <...>

Все, что отвоевано у завоевателя, отвоевано объединенными усилиями простых людей и по всей справедливости, все простые люди, помогавшие вам, должны быть освобождены вместе с вами от владычества завоевателя, ибо закон Давида¹⁴ гласил: «Добыча будет поделена между теми, которые пошли на войну, и теми, кто оставался дома».

А поскольку власть над землею находится в ваших руках, вы должны сделать одно из двух: либо, первое,— освободить землю для угнетенного простого люда, который помогал вам и платил жалованье армии, и тогда вы выполните заветы писания и ваши собственные обязательства, и таким образом получите заслуженную почесть.

Либо, второе,— вы должны только изъять власть завоевателя из рук короля и передать ее в руки других лиц, по-прежнему соблюдающих древние законы, и тогда ваша мудрость и честь будут утрачены навсегда и вы либо погубите себя, либо положите основание величайшему рабству для потомства, какое вы когда-либо знали¹⁵.

Вы знаете, что пока король находился на вершине своей угнетающей власти, народ только роптал против него в частных домах. Но затем проповедовали с крыш домов, что он — тиран и изменник миру в Англии, и он был свергнут.

Справедливая сила в творении та же и по сие время: если окажется, что вы и другие, стоящие с вами у власти, пойдете по стопам короля, то сможете ли вы оградить вас самих или ваших потомков от низложения. Разумеется, нет. <...>

Ни один человек не может стать богатым иначе как либо от трудов рук своих, либо от трудов людей, помогающих ему.

Если человек не получает помощи от своего соседа, он никогда не скопит имущества в сотни и тысячи за один год. Если другой человек помогает ему в работе, то эти богатства будут постольку же его, поскольку и его соседа, ибо они — плоды трудов другого человека так же, как и его собственных.

Но все богатые люди живут в довольстве, питаюсь и одеваюсь трудами других людей, а не своими собственными. И в этом их позор, а не благородство. Ибо давать — более благословенное дело, чем получать. Но богатые люди получают все из рук земледельцев, а то, что они дают, — это плоды трудов других людей, а не их собственных. А посему они несправедливые деятели на земле.

И неужели ни один человек не будет обладать более почетными титулами, чем другой?

Да, поскольку человек двигается по службе, он поднимается до почетных чинов, пока не достигнет высшего достоинства быть верным республиканцем в парламенте. Равным образом тот, кто откроет какую-нибудь тайну природы, будет награжден почетным званием, хотя бы он и был молодым человеком. Но никто не будет иметь почетного звания, пока не заслужит его своими трудами или благодаря возрасту или прохождению службы. Каждый человек, старше шестидесятилетнего возраста, будет пользоваться уважением как человек почитаемый со стороны всех, кто моложе его.(<...>)

Будет ли каждый смотреть на дом своего соседа, как на свой собственный и будут ли жить все вместе одной семьей?

Нет, хотя земля и склады будут общими для всех семейств, однако каждая семья будет жить отдельно, как и теперь. Дом каждого человека, его жена, дети, обстановка для убранства дома, все, что он получит со складов или добудет для нужд своей семьи, — все это будет составлять собственность его семьи для ее мирного существования. И если какой-нибудь человек захочет взять у другого жену, детей, обстановку дома без его согласия или пожелает нарушить покой его жилища, он должен будет подвергнуться каре, как враг республиканского правления.(<...>)

Разве не будет у нас юристов?

В них не будет надобности, ибо не будет купли и продажи. Не будет потребности и в толковании законов, ибо простая буква закона будет одновременно и судьей и юристом, контролируя поступки каждого человека. Принимая во внимание, что у нас ежегодно будет созываться парламент, будут

выработаны правила для каждого действия, которое может предпринять человек.

Но в каждом приходе ежегодно будут избираться должностные лица для наблюдения за исполнением законов в соответствии с буквой закона, так что не будет большого труда рассматривать обиды, как это происходит при королевском правительстве, доставляя деньги юристам, поработавшим простым людям закону прерогативы завоевателя или его воле. Сыны раздора, Симон и Левент¹⁶, не должны нести бразды правления в свободной республике.

С первого взгляда вам, возможно, покажется странным это правление. Но я прошу вас: не судите ни о чем, не испытывайте. Положите эту программу республиканского правления на одну чашу весов и положите монархию или королевское правительство на другую и посмотрите, на какой окажется подлинный вес подлинной свободы и мира. Среднего пути между обоими нет, ибо человек должен быть либо свободным и истинным республиканцем, либо сторонником монархии, тираническим роялистом.

Если некоторые скажут, что это приведет к бедности, то они, конечно, ошибутся, ибо будет полное изобилие всех земных благ при меньшем труде и волнениях, чем теперь при монархии. Нужды не будет, ибо каждый человек сможет наполнить свой дом, как он пожелает, и никогда не залезет в долги, ибо общественные склады оплачивают все.

Если вы скажете: некоторые будут жить в праздности. Я отвечу: нет. Это заставит ленивых людей быть трудолюбивыми. (...) Не будет ни нищих, ни туземцев.

Если вы скажете, что это будет толкать людей на распри и столкновения, я отвечу: это заставит перековать мечи на орала¹⁷ и водворит такой мир на земле, что народы больше никогда не будут знать войн. В действительности, королевское правление есть питомник войн, потому что люди, брошенные в когти нищеты, вынуждены бороться за свободу и отбирать у других людей их имущества и добиваться господства. Посмотрите на все армии и вы увидите, что они не делают ничего иного, как разоряют одних людей и обогащают других; одним даруют свободу, других обращают в рабство. Разве это не язва человечества? (...)

Одного я желаю, чтобы республиканская земля, являющаяся древней общинной землей и пустошами, а также земля, недавно вырванная армиями победы из рук угнетателей — парки, леса, места охоты и тому подобное были бы

сделаны доступными для всех, кто пожелает вложить в них долю участия своим личным трудом, либо деньгами, и для всех, кто пожелает испробовать на опыте это правление и подчиниться его законам. А другим, кто не согласен, пусть будет позволено оставаться при их купле и продаже, т. е. при законе завоевателя, пока им будет угодно. <...>

ДРУЖЕСТВЕННОМУ И НЕ ПРЕДУБЕЖДЕННОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемая мною система правления есть царство первозданной справедливости и мира на земле, хотя оно было долго сокрыто под личиной королевской алчности, высокомерия и гнета.

Ныне начинается его воскрешение; не презирай его, пока оно мало. <...>

У всех народов земля приобретается куплей и продажей, ибо все законы королей имеют отношение к этим актам.

Нижеследующая же программа ¹⁸ представит тебе земное правление без купли и продажи, законы которого являются законами свободной и мирной республики, которая изгоняет все, что ее оскорбляет, ибо на всей святой горе справедливого закона или правителя-миротворца нет ни одного колючего терния ¹⁹.

Каждая семья будет жить отдельно, как и теперь. Каждый мужчина будет иметь свою жену, и каждая женщина — своего мужа, как и теперь. Всякое дело будет доведено до состояния большего совершенства, чем теперь. Все дети будут образованы и воспитаны в большем подчинении родителям и старшим, чем теперь. Земля будет возделана, и собранные плоды будут доставляться на склады общими усилиями каждой семьи: богатства складов будут общими запасами для каждой семьи. В стране не будет ни тунеядцев, ни нищих.

А так как могут возникнуть нарушения от безрассудного невежества, то для этой цели будет добавлен закон.

Ибо если кто-нибудь оскорбит своего соседа вызывающими словами, либо нанесением ему ударов, либо нанесением оскорбления жене соседа или его детям, или какого-либо ущерба его дому или обстановке, находящейся в нем, или если кто вздумает жить в праздности за счет труда других людей, то будут законы для его строгого наказания и должностные лица, которые будут следить за исполнением этих законов, согласно надлежащему порядку республиканского правления ради спокойствия каждой семьи в стране. <...>

Некоторые люди, слыша о всеобщей свободе, полагают, что должна быть общность всех плодов земли, независимо от того, будут ли они работать или нет, и поэтому они рассчитывают жить в праздности за счет труда других людей.

Другие, по причине того же самого безрассудного скотского невежества, полагают, что будет общность всех мужей и жен, и посему намереваются вести скотский образ жизни.

Иные думают, что не будет закона, но что все придет в полное смятение из-за отсутствия правительства, но настоящая программа доказывает обратное.

Именно потому, что должны и могут происходить нарушения от невежества и внезапных фантазий, прибавлен закон.

То, что истинная справедливость, по моему суждению, именует общностью, заключается в освобождении земли от всякого рода королевской кабалы лордов маноров²⁰, от угнетателей лендлордов, явившихся результатом завоевания, подобно грабителю, отнимающему кошелек у честного человека на большой дороге, потому что он сильнее.

И в том, что ни земля, ни плоды ее не будут ни продаваться, ни покупаться населением друг у друга, так как это является рабством, принесенным королями-завоевателями, которые ставили свое клеймо на серебре, чтобы каждый покупал и продавал от его имени.

И хотя теперь это бывает, но люди не будут жить в праздности, ибо земля будет обработана и урожай собран, а плоды будут свежены в амбары и складочные помещения силами каждой семьи.〈...〉

Каждый человек будет воспитываться, изучая ремесла и виды сельскохозяйственного труда, и все ремесла будут поддерживаться и улучшаться ради обогащения республики в гораздо большей степени, чем теперь, при королевской власти.

Каждый ремесленник будет получать материалы — кожу, шерсть, лен, злаки и тому подобное из общественных складов для обработки их, не продавая и не покупая ничего. И когда различные работы будут произведены, то одежда, обувь, шапки и тому подобное будет доставлено ремесленниками в специальные магазины, как это практикуется и теперь, без купли и продажи. И каждая семья, поскольку она нуждается в таких вещах, которых она не может производить сама, пойдет в эти магазины и получит без денег совершенно так же, как теперь получает за деньги.〈...〉

Если кто-нибудь скажет, что это будет порождать праздность, я отвечу, что данная программа доказывает обратное, так как тунеядцы и нищие будут принуждены работать.

Если кто-нибудь скажет, что это даст возможность одним насильно отнимать блага у других и присваивать их себе на том основании, что земля и плоды ее являются общими запасами, я отвечу, что<...> хотя склады и общественные магазины будут пополняться общими силами через отдельные семьи и ради пользы каждой семьи<...> дом каждого человека будет составлять его личную собственность и вся обстановка, находящаяся в нем; также и запасы, которые он получит со складов, будут принадлежать только ему. Жена каждого мужчины и муж каждой женщины будут принадлежать только им, а также их дети будут находиться в их распоряжении до тех пор, пока они не вырастут.

И если кто-либо пожелает отнять его дом, обстановку, продовольствие, жену или детей, говоря, что все общее, и таким образом нарушая закон мира, то такой человек явится нарушителем и понесет наказание, которое определено правительством.<...>

Ибо, хотя общественные склады и являются общей сокровищницей, но частное помещение каждого человека не является общественной собственностью, иначе как по его согласию, и законы республики должны ограждать личное спокойствие каждого и его частное жилище против грубости и невежества, которые могут появиться в человеческом роде.

Если кто-либо в безумии своем допустит насилие или грубость в обращении с женщинами, ссылаясь на общность, то соответствующие законы покарают подобное невежественное и безумное поведение, ибо законы республики суть законы умеренности, трудолюбия и чистоты нравов.<...>

Ибо вы должны утвердить либо республиканскую свободу у власти, обеспечив мир для каждого, что есть справедливость; либо должны будете опять установить монархию.

Монархия бывает двоякого рода: либо король правит единолично, либо правят многие, используя принципы монархии, ибо власть короля покоится на законах, а не на названии, и будет ли король править единолично или будут ли многие править, пользуясь принципами монархии, среди угнетаемого народа при всяком удобном случае могут и будут возникать ропот, недовольство, волнения и распри.

Но если будет утверждена общая свобода и угнетаемые получают довольство, это предотвратит ропот и распри и укрепит всеобщий мир на земле. <...>

*Каковы наименования должностных лиц
в свободной республике*

В частной семье должностным лицом является отец или хозяин.

В городе, в сити ²¹ или в приходе	{	Миротворец	{	Это называется либо палатой судей, либо сенатом графства
		Отдел наблюдателей из четырех лиц		
		Солдат		
		Смотритель за работами		
		Палач		
В области или графстве	{	Судья	{	Это называется либо палатой судей, либо сенатом графства
		Миротворцы каждого города этого округа		
		Наблюдатели и солдаты, помогающие им		
Для всей страны	{	Парламент	{	
		Республиканское министерство		
		Начальник почты		
		Армия		

<...> Человеческий род в юности, подобно молодому ребенку, резв и глуп, пока его не обломает воспитание и наказание; пренебрежительное же отношение к этому вопросу, так же как и недостаток мудрости в его разрешении, были и остаются причиной серьезной вражды и волиений в мире.

Поэтому закон республики требует, чтобы не только отец, но и все наблюдатели и должностные лица считали своей обязанностью воспитывать детей в хороших правилах и следить за тем, чтобы они были обучены тому или другому ремеслу, и не допускать, чтобы дети какого-нибудь прихода проводили в праздности свои дни, как это бывало со многими, но чтобы они воспитывались, как подобает людям, а не зверям, так чтобы республика могла быть основана трудолюбивыми, мудрыми и опытными людьми, а не глупыми лентяями.

Человечество можно рассматривать в его четырех возрастах: в детстве, юности, в возмужалом возрасте и в старости. Детство и юность могут считаться от рождения до сорокалетнего возраста; в течение этого отрезка времени, после того как ребенок будет отнят от груди матери, которая будет кормить его сама, если только ей в этом не воспрепятствует какой-нибудь природный недостаток, его родители будут наставлять его в любезном и скромном поведении по отношению ко всем людям. Затем они пошлют его в школу, где он будет учиться читать законы республики и будет созревать умом, вырастая из детского возраста, продолжая свое обучение, пока он не ознакомится со всеми искусствами и языками, и это имеет тройное основание:

во-первых, ознакомившись с данными о положении во всем мире и пользуясь этими накопленными знаниями, они будут более способны управлять собою, как разумные люди;

во-вторых, они могут благодаря этому стать хорошими республиканцами и оказывать помощь в правлении, будучи знакомы с природой правления;

в-третьих, если Англия представится случай отправить послов в какую-нибудь другую страну, то мы можем избрать тех лиц, которые знакомы с ее языком; если же придет посол из другой страны, то у нас будут люди, понимающие ее речь.

Но дети одного рода не будут воспитываться только в кинжии учености, без других занятий, не будут схоластами, как их называли, подобно тем, какие существуют при монархическом правлении, которые вследствие нелюбви к труду и тренировки ума в хитрости проводят свое время в изобретении способов для собственного выдвижения, чтобы стать лордами и хозяевами над своими трудящимися братьями, как делают Симон Волхв и левиты²², что является причиной всех смут в мире.

Поэтому для избежания опасных последствий праздности книжных ученых, будет разумно и безопасно для общего мира, чтобы дети, воспитанные в школе до зрелости ума, потом были направлены в обучение ремеслу, искусству и наукам, к которым они проявляют умственные и физические способности, и продолжали бы занятия ими, пока не достигнут сорокалетнего возраста.

Ибо вся работа на земле или ремесленная должна выполняться юношеством и лицами, утратившими свободу. Затем от сорока лет до восьмидесяти, если только человек проживет

так долго, т. е. от начала зрелого возраста и до глубокой старости, он будет освобожден от всякого труда и обязанностей, если только не пожелает нести их сам.

И из этого возраста должны избираться все должностные лица и наблюдатели за соблюдением законов республики.

Ибо как все люди должны быть рабочими или хранителями складов, пока они не достигнут сорока лет, так никто не может быть избран общественным должностным лицом, пока ему не исполнится сорок лет, ибо к этому возрасту человек приобретает опыт управлять собою и другим; когда же молодые умы избираются в правительство, они легко зазнаются и т. п. {...}

Законы против праздности

Если кто-либо откажется учиться ремеслу или нести работу во время сева или жатвы, или откажется быть хранителем в складах, однако захочет питаться и одеваться, как и трудящиеся люди, то блюститель сначала будет увещевать его наедние; если он будет пребывать в праздности, блюстители сделают ему выговор, после чего ему будет дан месячный срок в присутствии народа; при дальнейшей праздности он будет наказан кнутом и снова оставлен на свободе на один месяц; при дальнейшем неповновении он будет передан в руки смотрителя за принудительным трудом и определен на работу на двенадцать месяцев или на срок, пока не подчинится правильному порядку. Причиной, по которой каждый юноша должен быть обучен тому или иному труду, является предотвращение высокомерия и недовольства; это делается ради их физического здоровья, для наслаждения ума, чтобы они имели возможность свободно трудиться совместно с другим. И это обеспечит республику изобилием пищи и всего необходимого.

Законы о складах

В каждом городе и сити будут устроены склады для льна, шерсти, кож, сукна и для всех предметов жизненной необходимости, которые прибывают из-за моря; они будут называться главными складами, из которых каждая отдельная семья может получать те предметы, в которых она испытывает потребность, как для пользования ими у себя дома, так и для работы в своем ремесле или для вывоза в деревенские склады.

Каждый частный дом или магазин в городе или сити будет специальным складом или магазином, каковыми они являются и теперь; эти магазины будут снабжаться от частного производства той семьи в соответствии с тем ремеслом, которым она занимается, или продуктами производства менее крупных семейств, занимающихся тем же ремеслом, как снабжаются и теперь все магазины в городе.

Хранители складов будут выдавать товары, находящиеся в их ведении, не взимая денег так же, как они будут принимать их, не уплачивая денег.

Если кто-нибудь из хранителей складов пренебрежет своими обязанностями, то по справедливой жалобе наблюдатели доведут об этом до сведения палаты судей и последняя вынесет ему приговор об отставке его от данного дома и поста. И он будет назначен на какую-нибудь другую производственную работу под наблюдением смотрителя, а его место получит другое лицо, ибо тот, кто имеет возможность жить на свободе, но не хочет этого, должен испытать рабства.

Законы о лицах, утративших свою свободу

Все лица, утратившие свою свободу, будут одеты в белую шерстяную одежду, чтобы отличаться от других.

Они будут находиться под управлением смотрителя, который будет назначать их носильщиками или сельскохозяйственными рабочими для выполнения любых работ, в выполнении коих нуждается кто-нибудь из свободных людей. <...>

Если кто-нибудь из них откажется выполнять такую работу, смотритель прикажет наказать его кнутом и посадит его на грубую пищу. В чем же здесь тяжесть? Свободный человек выполняет более легкую работу, а эти люди будут нести наиболее тяжелую. А какую цель это преследует? Убить их высокомерие и неразумие, чтобы они стали полезными людьми для республики.

Жены и дети людей, утративших свою свободу, не будут рабами, если они не утратили свою свободу, как это сделали их родители и мужья.

Тот, кто нарушит закон, сначала подвергнется словесному внушению наедине или публично, как уже было указано выше; в следующий раз он будет наказан кнутом, в третий раз будет лишен свободы либо на определенный срок, либо навсегда, и никогда не сможет быть выбранным на должность.

Человек, лишившийся свободы, будет общественным слугою у кого-нибудь из свободных людей, из тех, кто придет к смотрителю и попросит у него человека для выполнения работы; причем предусматривается, что раз один свободный человек назначил его на работу с согласия смотрителя, другой свободный человек не сможет снять его с этой работы, пока она не будет выполнена.

Если кто-либо из этих нарушителей оскорбит словами закон, он будет крепко наказан кнутом и посажен на грубую пищу; если же нарушители восстанут против закона с оружием в руках, они будут преданы смерти, как изменники. <...>

Тем рабам, которые дают явное доказательство своего смирения, прилежания и старания соблюдать законы республики, может быть возвращена свобода, по истечении срока их рабства, согласно приговору судей; но если они остаются противниками закона, они будут пребывать в рабстве до истечения второго срока.

Ни одному из них не будет возвращена свобода, пока не истечет двенадцать месяцев их принудительного труда для республики, ибо они должны находиться зиму и лето в одинаковых условиях.

Если кому-нибудь из них будет возвращена свобода, судьи и палата сенаторов объявят о его освобождении и дадут ему свободу носить платье любого цвета и по его желанию. <...>

Законы о браке

Каждый мужчина и женщина будут располагать полной свободой вступить в брак с тем, кого они полюбят, если они смогут добиться любви или расположения со стороны того, с кем они хотели бы сочетаться браком, и ни рождение, ни приданое не смогут расстроить брака, потому что мы все одной крови, одного человеческого рода, а что касается приданого, то общественные склады являются приданым для каждого мужчины и каждой девушки и открыты как для одного, так и для другой.

Если мужчина будет возлежать с девушкой и породит ребенка, он должен жениться на ней.

Если мужчина изнасиловал женщину и она будет кричать и не соглашаться, и факт насилия будет доказан двумя свидетелями или признанием самого мужчины, то он будет предан смерти, а женщина будет свободна; это есть кража женской личной свободы.

Если мужчина пожелает насильно увезти жену другого мужчины, то за первую попытку он подвергается внушению со стороны мирового посредника перед всей конгрегацией²³; за вторую попытку он будет обращен в слугу под надзором смотрителя сроком на двенадцать месяцев; если же он изнасиловал жену другого мужчины, а она будет кричать, то так же, как и за изнасилование девушки, мужчина будет приговорен к смерти.

Когда мужчина и женщина согласятся вступить в брак, они доведут об этом до сведения всех наблюдателей²⁴ в округе и некоторых из своих соседей; когда же соберутся все вместе, мужчина заявит сам лично, что он берет эту женщину себе женою, и женщина скажет то же самое, и что они призывают наблюдателей в свидетели.

Ни один глава семьи не позволит, чтобы к обеду или к ужину было приготовлено мяса больше, чем может быть израсходовано или съедено в его хозяйстве присутствующими, или в течение такого времени, пока мясо не испортится. Если же в семье какого-либо человека будет наблюдаться постоянная порча пищи, наблюдатель сделает внушение хозяину частным образом. Если же это злоупотребление будет продолжаться в семье вследствие небрежности управления семьей, миротворец²⁵ сделает ему выговор за это перед всем народом и пристыдит его за его безрассудство. В третий раз он будет обращен в слугу на двенадцать месяцев под надзором смотрителя, дабы он знал, что значит добывать питание, а на другого человека на это время будет возложено наблюдение за его домом.

Ни один человек не сможет стать во главе дома и иметь слуг, пока он сам не прослужит семь лет под началом мастера. Основание тому — человек должен достигнуть определенного возраста и разумного поведения прежде, чем он станет главой семьи, чтобы сохранить мир в республике.

Вот, человек, справедливый закон. Будешь его соблюдать.
Он, может быть, уже был в мире убит. Но опять
Правда брезжит в сиянии. Ложь на троне царит.
От созерцания их грудь ежечасно щемит.
Знание к нам снизошло раинить, а не исцелять.
Разве я звал тебя к нам? Хочешь ты нас обольщать!
Там, где познание растет, множится там и печаль.
Зреть великий обман, в мир несущий скрижаль.²⁶
Слово даст человек и тотчас опять отречется,
Клятвы нарушив свои, коли успеха добьется.
Где же та сила, что может дурное исправить.
К нам снизойди, научи к истине путь наш направить.

Где, смерть, скрываешься ты, знак мне зачем не даешь?
 Знай, не боюсь я тебя. Слово мое — не ложь.
 Тело мое возьми, стихиям верин прах земной.
 Пусть я в них пребываю, вкушая мир и покой.

Печатается по: Джерард Уинстэнли. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950, с. 54, 55, 66, 138—141, 152, 153, 181—183, 200—204, 205, 206, 221, 222—224, 257, 314—317, 346, 347, 354—359.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящем издании публикуются выдержки из трех памфлетов Уинстэнли: «Знамя, поднятое истинными левеллерами», «Новогодний подарок парламенту и армии», «Закон свободы».

«Знамя, поднятое истинными левеллерами» написано в 1649 г. и связано с началом движения диггеров, когда была создана их коммуна в Сёррее; «Новогодний подарок парламенту и армии» написан к 1 января 1650 г. с целью дать истолкование главнейшим революционным актам, направленным против монархии; «Закон свободы» — главное произведение Уинстэнли, написанное в 1651—1652 гг. Этот памфлет вышел через два года после подавления движения диггеров, он содержит план полного переустройства общества на основе ликвидации частной собственности на землю.

Памфлеты, написанные Уинстэнли, публиковались немедленно вслед за их написанием в отличие от большинства произведений представителей утопического социализма. Это объясняется революционной обстановкой, породившей движение диггеров. Коммуна диггеров оставила после себя ряд памфлетов и писем, представляющих исключительный исторический интерес. Часть этих документов подписана одним Уинстэнли, под некоторыми кроме подписи Уинстэнли стоят подписи его товарищей по общине диггеров.

Собрания сочинений Дж. Уинстэнли вышли в 1941 г. в Нью-Йорке и в 1944 г. — в Лондоне.

На русском языке отрывки из произведений Уинстэнли были опубликованы В. П. Волгиным в хрестоматии «Предшественники современного социализма в отрывках их произведений» в 1928 г.; в наиболее полном виде памфлеты изданы в 1950 г. в серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина, перевод Е. Г. Денисовой, изд-во «Academia»; в настоящей публикации перепечатка сделана из последнего издания.

² Левеллеры (англ. Levellers, букв. «уравнители») — радикальная мелкобуржуазная демократическая партия времен английской буржуазной революции XVII в. Они выступали за уничтожение монархии и сословных привилегий, но были решительными противниками ликвидации частной собственности и уничтожения дворянского землевладения, резко отмежевываясь от диггеров, которые называли себя истинными левеллерами.

³ Коммуна диггеров в Сёррее существовала с весны 1649 г. по весну 1650 г.

⁴ Лендлорды — собственники крупных поместий, обладавшие во времена Уинстэнли административными и судебными правами по отношению к лицам, живущим в их владениях; до сих пор представляют аристократическую прослойку правящего класса Англии.

⁵ Вавилон (в переводе с шумерского «врата бога») — крупнейший культурный и экономический центр Вавилонии и всей Передней Азии в III—I тысячелетия до н. э.; здесь — в значении мирового величия, славы.

⁶ 7 февраля 1649 г. палата общин приняла резолюцию, гласящую, что «должность короля в этой нации... излишня, обременительна, составляет угрозу свободе, безопасности и общественным интересам народа... и поэтому она должна быть отменена». Акт, вводящий в силу эту резолюцию, был принят 19 марта и обнародован 30 мая 1649 г. Акт, провозглашающий Англию свободной республикой, был принят 19 мая 1649 г.

⁷ См. наст. изд. с. 102, прим. 17.

⁸ «Национальный Ковенант» — торжественное обязательство, принятое английским парламентом совместно с шотландскими пресвитерианами 25 сентября 1643 г., которое предполагало провести в жизнь «действительную реформацию».

⁹ Имеется в виду архангел Михаил, который изображается в иконографии с поверженным им драконом, символом зла.

¹⁰ В 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм во главе армии западноевропейских рыцарей, искателей добычи и земель, вторгся в Англию, разбил англосаксонское ополчение в битве при Гастингсе и положил начало новой династии английских королей. Нормандские завоеватели составили высший правящий класс Англии; Уинстэтли связывал возникновение королевского деспотизма и феодализма с нормандским завоеванием, он считал, что оно нанесло удар естественным вольностям народа, его прирожденным правам и заложило основы тирании короля и лордов. Чтобы освободить страну, революция должна искоренить последствия завоевания и вернуть Англию к исконным порядкам, существовавшим до нормандского вторжения.

¹¹ Среднее и мелкое дворянство в Англии XVI—XVII вв., сумевшее приспособиться к развитию капитализма, главный союзник буржуазии в английской буржуазной революции XVII в.

¹² Оливер Кромвель (1599—1658) — деятель английской буржуазной революции XVII в., один из главных организаторов парламентской армии, одержавшей победы над королевской армией в первой (1642—1646) и второй (1648) гражданских войнах. Кромвель содействовал казни короля и провозглашению республики в 1649 г. Подавил движение левеллеров и диггеров, в 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат. Кромвель, по определению К. Маркса, совмещал в одном лице Робеспьера и Наполеона английской революции.

¹³ Моисей — по Библии спаситель еврейского народа от египетского рабства, законодатель и вождь народа во время странствий по пустыне в поисках обещанной богом земли.

¹⁴ Давид (конец II в. — 950 г. до н. э.) — объединил с Иудеей израильские племена, царь Израильско-Иудейского государства.

¹⁵ Уинстэтли прозорливо предвидел, что, став на путь защиты интересов собственников, Кромвель подготавливает почву для реставрации королевской власти.

¹⁶ Библейские образы, олицетворяющие жадность, продажность, корыстолюбие.

¹⁷ Библейское выражение; вошло во многие языки как пословица.

¹⁸ Имеется в виду «Закон свободы».

¹⁹ Аналогия с библейским рассказом о казни Иисуса Христа. Перед казнью на горе Голгофе, которая у верующих почитается святой, палачи надели ему на голову колючий терновый венок.

²⁰ Манор (лат. «остаюсь», «проживаю») — феодальная вотчина в средневековой Англии.

²¹ Сити — в средние века городское поселение, имевшее собор, являющийся резиденцией епископа; термин «сити» применялся также к городским поселениям, получившим права самоуправления.

²² Служители религиозного культа у древних евреев; образовали во второй половине I тысячелетия до н. э. замкнутую корпорацию, владели землями, получали десятину.

²³ Конгрегация — церковный термин; у католиков так называются организации, руководимые монашескими орденами, в которые наряду со священнослужителями входят и миряне; здесь употреблено в значении общества, объединения.

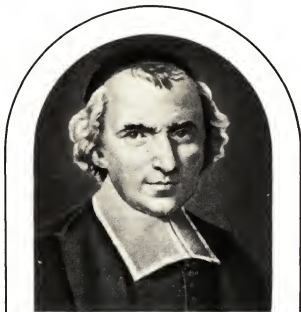
²⁴ Так Уинстэнли называет одно из республиканских должностных лиц.

²⁵ Одно из главных должностных лиц в республике Уинстэнли.

²⁶ Скрижали — в библейской мифологии каменные доски с «десятью заповедями», врученные пророку Моисею богом Яхве на горе Синай.

ЛИТЕРАТУРА

- Барз М. А. Социальная утопия Уинстэнли. — В кн.: История социалистических учений. Сб. статей. М., 1962.
- Волгин В. П. Диггеры и Уинстэнли. — В кн.: Дж. Уинстэнли. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950.
- Костюченко Л. Г., Селиверстов Д. А. Теоретическое обоснование социалистического идеала Д. Уинстэнли. — В кн.: Философско-методологические проблемы общественного развития. М., 1979.
- Селиверстов Д. А. Социальная утопия Д. Уинстэнли. — В кн.: Научный коммунизм: проблемы и исследования. М., 1976, вып. 8.
- Сталин В. Уинстэнли — идеолог коммунизма в Великой английской революции. — Известия АН СССР, 1935, № 1.
- Сталин В. Утопия Джерарда Уинстэнли. — Исторический журнал, 1942, № 34.

ЖАН МЕЛЬЕ

1664

1729

Жан Мелье, сельский священник из Шампани, умер за 60 лет до начала Великой французской революции конца XVIII в. Тем не менее он активно участвовал в ней — участвовал своим знаменитым трудом «Завещание».

Отец Жана — сельский ткач. Достаточно зажиточный, он имел возможность определить сына в духовную семинарию. В 23 года Жан Мелье получает сан священника. Некоторое время спустя ему дают самостоятельный приход, и он оказывается в деревне Этрепиньи. Здесь ему и предстояло провести сорок лет жизни — до последнего дня.

Мелье хорошо знал все, что касалось жизни крестьян. И не просто знал. Он разделял

целиком все то, чем жили, о чем думали, к чему стремились его прихожане.

Он не использовал своего поста для личного обогащения. И когда в конце жизни Мелье первый и единственный раз собрался отправиться в Париж, то ему пришлось занять деньги на поездку у богатого крестьянина.

Однажды, в 1716 г., Мелье вместе со своими прихожанами выступил против их всемогущего сеньора: повинности, которые он наложил на крестьян, становились совсем уж непомерными. За это Мелье получил серьезные взыскания со стороны церковного начальства.

В последние годы Мелье взялся за сочинение, названное потом «Завещанием». И хотя ему грозила слепота, он в трех экземплярах переписал это объемистое произведение. Более того, стремясь обеспечить его сохранность, он нотариально оформил его как завещание. На бумаге, в которую был завернут экземпляр рукописи «Завещание», адресованный прихожанам, рукой Мелье написано:

«Я видел и познал ошибки, заблуждения, бредни, безумства и злодеяния людские. Я почувствовал к ним ненависть и отвращение. Я не осмелился сказать об этом при жизни, но я скажу об этом по крайней мере умирая и после смерти. Пусть знают, что я составляю и пишу настоящий труд, чтобы он мог служить свидетельством истины для всех тех, кто его увидит и прочтет, если им будет угодно».

И если жизнь Мелье оказалась в общем-то тихой, то книге его была предначертана великая судьба. Не было, пожалуй, другого такого произведения во Франции XVIII в., где бы давалась такая яркая картина безысходного положения крестьян, угнетаемых дворянами и духовенством, такая сильная критика церкви и освящающей социальную несправедливость религии... Мелье ратовал за установление общества, где бы не было богатых и бедных, угнетателей и угнетаемых, он считал необходимым уничтожить частную собственность на землю, установить общность имущества.

В XVIII в. книга Мелье многократно переписывалась, тайком передавалась из рук в руки. Ее списки уничтожали, тех, у кого их находили, привлекали к суду, и все же ее читали многие, и не только французы. Списки книги обнаружены в Голландии, Пруссии.

В 1742 г. Вольтер составил краткое «Извлечение» из труда Мелье, которое распространялось в рукописных копиях.

В 1761 г. он же отпечатал это «Извлечение» (два издания за год!) в женевской типографии и разослал бесплатно по многим адресам. На этот раз «Извлечению» было дано название «Избранные мнения Жана Мелье, адресованные его прихожанам, по поводу некоторых из злоупотреблений и заблуждений вообще и в частности».

Другой замечательный французский просветитель, Поль Анри Гольбах, в 1772 г. опубликовал книгу «Здравый смысл кюре Мелье». Эта книжка многократно переиздавалась и в том же году и в последующем,— правда, уже без имени Мелье: слишком опасным оно стало. Недаром книжка Гольбаха была приговорена парижским парламентом к сожжению.

Полное издание «Завещания» было осуществлено в 1864 г. в Амстердаме — в 200-летнюю годовщину рождения мыслителя.

ТЕКСТЫ

ЗАВЕЩАНИЕ¹

⟨...⟩ Цель моя — по мере сил моих открыть вам глаза, хоть и поздно, на те нелепые заблуждения, среди которых мы все, сколько нас есть, имеем несчастье родиться и жить.⟨...⟩

Я все более убеждался в слепоте и злобе людей, в бессмысленности их суеверий, в несправедливости, с которой ими управляют. Таким образом, хотя я никогда не был тесно связан с миром, я мог сказать вместе с мудрым Соломоном², что видел — и видел, можно сказать, с удивлением и негодованием, — как по всей земле царит беззаконие.⟨...⟩ Я видел столько злобы в мире, что даже самая совершенная добродетель и самая чистая невинность не были свободны от злословия клеветников. Я видел — и это можно еще и теперь наблюдать на каждом шагу, — как множество несчастных людей подвергается без всякой вины и основания преследованиям и несправедливому угнетению, видел, что их несчастье никому не трогает, что они нигде не находят милосердного покровителя, который пришел бы им на помощь.⟨...⟩

⟨...⟩ Знайте, друзья мои, что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство; что все законы и повеления, издаваемые именем и властью бога и богов, — не что иное, как измышленные человека, точно так же, как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов. Все это выдуманно ⟨...⟩ хитрыми и тонкими политиками, потом обработано и умножено лжепророками, обманщиками и шарлатанами, затем слепо принято на веру невеждами и, наконец, поддержано и закреплено законами государей и сильных мира сего, которые воспользовались этими выдумками для того, чтобы с их помощью легче держать в узде народ и творить свою волю, ибо в сущности все эти выдумки не что иное, как узды для коров, как говорил сьер де Монтень³, они служат лишь для обуздания умов невежд и простофилей. На мудрых не наденешь эту узду, они не поддаются ей, только невежды и простофили могут верить этим рассказам и позволить водить себя таким образом за нос. Когда я говорю

здесь вообще о вздорности и ложности религий мира, я имею в виду не только языческие и различные другие религии, которые и вы сами тоже считаете ложными, — я имею в равной мере в виду также вашу христианскую религию, которую вы называете католической, апостольской и римской; в самом деле, она не менее вздорна и ложна, чем всякая другая религия, и, пожалуй, нет религии, столь смехотворной и нелепой в своих основных положениях и главных пунктах, как эта, столь противоречащей самой природе и здравому смыслу. <...>

Религия, которая терпит, одобряет и даже поощряет злоупотребления, противные справедливости и хорошему управлению, которая поощряет даже тиранию сильных мира во вред народу, не может быть истинной, не может быть действительно богоустановленной, так как все божественные законы и установления должны быть справедливыми и беспристрастными, и всякая религия, если она божественна, должна порицать и осуждать все, что противно справедливости и доброму управлению. <...>

<...>Первым злом является огромное неравенство (disproportion) между различными состояниями и положениями людей; одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда. Такое неравенство глубоко несправедливо, потому что оно отнюдь не основано на заслугах одних и на проступках других; оно ненавистно, потому что, с одной стороны, лишь внушает гордость, высокомерие, честолюбие, тщеславие, заносчивость, а с другой стороны, лишь порождает чувства ненависти, зависти, гнева, жажды мщения, сетования и ропот. Все эти страсти оказываются впоследствии источником и причиной бесчисленных зол и злодеяний, существующих в мире. Последних несомненно не было бы, если бы люди установили между собой правильное соотношение, необходимое лишь для установления и сохранения между ними справедливого подчинения, а не для тиранического властвования одних над другими.

Все люди равны от природы. Они все в равной степени имеют право жить и ступать по земле, в равной степени имеют право на свою естественную свободу и свою долю в земных благах, все должны заниматься полезным трудом, чтобы иметь необходимое и полезное для жизни. Но люди

живут в обществе, а так как общество (или община людей) не может быть благоустроенным и, даже будучи благоустроенным, не может сохранять добрый порядок без наличия некоторой зависимости и подчинения, то для блага человеческого общества безусловно необходимо, чтобы была между людьми некоторая зависимость и некоторое подчинение одних другим. Но вместе с тем эта зависимость и это подчинение одних другим должны быть справедливы и соразмерны, т. е. они не должны допускать чрезмерного возвышения одних и чрезмерного принижения других, гордыни одних и попираания других, предоставления слишком многого одним и лишения всего других. <...>

<...> Еще одно зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща. <...>

В самом деле, посмотрим: что происходит от этого распределения благ и богатств земли в частную собственность для использования их порознь отдельно от других, как каждому вздумается? Получается то, что каждый старается получить их возможно больше всякого рода путями как хорошими, так и дурными; ибо жадность ненасытна и, как известно, в ней корень всех зол. Имея полный простор для удовлетворения своих вожделений, она не упускает случай и заставляет людей идти на все, чтобы иметь обилие благ и богатств как для обеспечения себя от нужды, так и для удовлетворения всевозможных своих прихотей. Оттого и получается, что наиболее сильные, наиболее хитрые и ловкие, зачастую они же и самые злые и недостойные, лучше всех других наделены земными угодьями и всякими удобствами жизни. <...>

Это еще не все. От злоупотребления, о котором я говорю, а именно от неправильного распределения благ людьми, получается еще другое зло. Если одни имеют все или гораздо больше, чем полагалось бы им по справедливости, а у остальных, напротив, нет ничего или они испытывают недостаток в большинстве вещей, для них необходимых, то в результате возникают чувства ненависти и зависти между людьми. Эти чувства порождают ропот, мятежи, жалобы, смуты и войны, причиняющие бесконечное зло в жизни людей. Из этого источника рождаются также тысячи тысяч неприятных процессов, которые частные лица вынуждены вести между

собой, чтобы отстаивать свое достоинство и права, на какие они претендуют. Эти тяжбы доставляют им тысячу физических мук и тысячу тысяч душевных тревог и часто доводят обе стороны до полного разорения. Поэтому те, у кого ничего нет или у кого нет самого необходимого, как бы вынуждены волей-неволей прибегать ко многим неблагоприятным средствам для того, чтобы существовать. Отсюда возникают обманы, мошенничества, плутни, несправедливости, хищения, кражи, налеты, убийства, разбои, грабежи, причиняющие великое зло людям. <...>

Вы удивляетесь, бедняки, что в нашей жизни так много зла и тягот? Это оттого, что вы одни несете всю гяжесть полуденного зноя, как виноградари в евангельской притче ⁴; это происходит оттого, что вы и вам подобные несете на своих плечах все бремя государства. Вы отягощены не только всем бременем, возлагаемым на вас вашими королями, государями, которые являются вашими главными тиранами; вы содержите еще вдобавок все дворянство, все духовенство, все монашество, все судебное сословие, всех военных, всех откупщиков, всех чиновников соляной и табачной монополии; одним словом, всех трутней и бездельников на свете. Ибо только плодами ваших тяжких трудов живут все эти люди со своими слугами. Вы своим трудом доставляете все необходимое для их существования и сверх того все, что может служить к их развлечению и удовольствию. Что случилось бы, например, с самыми великими государями и с самыми великими властителями земли, если бы народ не содержал их? Ведь только от народа, с которым они, однако, так плохо обращаются, только от народа, повторяю, исходит все их величие, все богатство и могущество. <...>

<...> Если бы люди, и в частности наши хриstopоклонники, не сделали бы брак нерасторжимым, а, напротив, предоставили бы одинаковую свободу мужчинам и женщинам беспрепятственно сходиться, следуя своему влечению, равно как свободу расходиться и расставаться друг с другом, когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза, тогда без сомнения, не было бы столько неудачных браков, столько случаев несчастных семейных союзов, как это наблюдается теперь; не было бы столько раздоров и несогласий, как наблюдается теперь между мужьями и женами. <...>

Разнородное воспитание, образование и образ жизни вызывают в людях чувство отчуждения и создают различия

в темпераменте, мнениях, чувствах; поэтому люди не могут мирно ужиться и, следовательно, не могут единодушно стремиться к общему благу; это создает смуты и постоянные раздоры между ними. Но если все воспитаны и наставлены с юности в одних и тех же принципах морали и усвоили себе к руководству одни и те же правила жизни, тогда они все беззаветно стремятся к благу, все единодушно и мирно стремятся к общему благу. <...>

Платон, божественный Платон⁵, желая создать государство, в котором сограждане могли бы жить в полном согласии, с полным основанием изгоняет в нем слова «мое» и «твое», совершенно разумно полагая, что пока есть, что делить, всегда найдутся недовольные, отчего происходят смуты, расколы и тяжбы. <...>

<...> К этой жизни сообща, как лучшей и наиболее подходящей для людей, христианская религия вначале хотела, по всей видимости, привести своих последователей. Это явствует не только из того, что она внушала им смотреть друг на друга как на братьев и как на равных, но также и из практики первых христиан. Ибо в их книгах⁶ говорится, что они все отдавали тогда в общую казну и что между ними не было ни одного бедняка. <...> Оттого-то они сделали одним из главных пунктов символа своей веры и своей религии «общину святых», т. е. общность благ, находившихся в распоряжении святых, желая этим сказать и подразумевая под этим, что они все были святые и что все блага были у них общим достоянием, но эта якобы святая община, или общность имуществ, не долго продержалась у них; ибо жадность, прокрадываясь в их сердце, скоро разрушила эту общность имуществ и внесла между людьми ту же разнь, какая существовала у них прежде. Тем не менее, они не желали, чтобы казалось, что они совсем уничтожили этот пункт своего символа веры и своей религии, самый главный и единственный, который они должны были хранить в самой строгой нерушимости. И что же они сделали? Они, а именно первые и главные среди них, заполучив себе львиную долю, решили сохранить навсегда в силе самый пункт их символа веры, но связать слово общность (communio) с воображаемым причащением (communion) благ духовных, на самом деле существующих лишь в фантазии. <...>

Монахи, как народ более разумный и предусмотрительный в этом отношении, чем прочие, всегда старались сохранить все свои блага в общем владении и пользоваться ими

сообща.〈...〉 Несомненно, что если бы они перестали владеть своим достоянием сообща и вздумали поделить все между собой и пользоваться каждый в отдельности своей частью и долей, как кому захочется, то они вскоре стали бы такими же, как прочие, и были бы подвержены всем бедствиям и всем трудностям жизни.〈...〉

〈...〉Наконец, вот еще одно зло, которое делает большинство людей окончательно несчастными на всю жизнь. Это почти повсеместная тирания великих мира сего, тирания королей и князей, которые господствуют почти на всей земле и имеют неограниченную власть над всеми прочими людьми. Ибо все эти короли и князья в настоящее время — подлинные тираны, они тиранят и не перестают тиранить самым жестоким образом бедные народы, которые им подчинены в силу множества обременительных законов и обязанностей, повседневно их гнетущих.〈...〉

Итак, раз короли желают без конца обогащаться и стать неограниченными владыками всего, то бедным народным массам приходится исполнять все, что те требуют от них, приходится отдавать им все, что у них спросят; и все это под страхом разных принудительных мер: наложения секвестра⁷ и продажи за долги их имущества, заключения в тюрьму и других насильственных мер, заставляющих стенать население под игом жестокого рабства.〈...〉

〈...〉Один древний автор говорил некогда, что реже всего тиран доживает до старости, и причина этого та, что люди никогда не поддаются слабости и подлости оставлять долго тиранов в живых и позволять им долго царствовать. У них хватало духа и мужества отделаться от тиранов, когда тираны злоупотребляли своей властью; но в настоящее время уже более не редкость видеть, что тираны долго остаются в живых и подолгу царствуют. Люди незаметно свыкались с рабством и теперь так сжились с ним, что даже почти не думают, чтобы вернуть себе свободу; им кажется, что рабство есть естественное состояние. Поэтому гордыня тиранов все растет, и они изо дня в день все более и более усиливают нестерпимый гнет своего тиранического правления⁸.〈...〉

Поймите же, дорогие народы, что заблуждения и суеверия вашей религии и тирания ваших царей и всех тех, кто управляет вами под сенью их власти, являются роковой и проклятой причиной всех ваших зол, тягостей, тревог и бедствий. Вы будете счастливее, если вы избавитесь от того и другого нестерпимого ярма: от гнета суеверия и от гнета

тирании, и будете управляться только добросовестными и мудрыми управителями. А поэтому, если у вас мужественное сердце и если вы желаете освободиться от ваших зол, то страхните с себя окончательно иго тех, которые вас угнетают, страхните с себя по дружному соглашению иго тирании и суеверия, с общего согласия отвергните всех ваших священников, всех ваших монахов и всех ваших тиранов с тем, чтобы поставить на их место добросовестных, умных и дальновидных управителей, способных мирно управлять вами, способных добросовестно отправлять правосудие над всеми вами, одинаково и неусыпно блюсти общественное достояние и спокойствие, людей, которым вы пожелаете безоговорочно и добросовестно повиноваться. Ваше благополучие находится в ваших руках. Ваше освобождение будет зависеть только от вас, если вы сумеете все столковаться друг с другом. У вас есть все необходимые средства и силы, чтобы освободиться и превратить в рабов самих своих тиранов; ибо ваши тираны, какими могущественными и страшными они ни представляются, не могут иметь никакой власти над вами без вас самих; все их величие, все их богатство, все их силы и все их могущество — только от вас. Ваши дети, ваши родственники, ваши товарищи и друзья служат им на войне и в гражданских должностях. Тираны ничего не сумели бы сделать без них и без вас. Они пользуются вашими собственными силами против вас самих для того, чтобы всех вас, сколько вас ни есть, сделать своими рабами; они воспользовались бы этими силами также и для уничтожения всех вас, одних вслед за другими, если б какой-нибудь из их городов или какая-нибудь из их провинций дерзнули воспротивиться им и страхнуть с себя их иго. Но не то было бы, если бы весь народ, все города и все провинции пришли к единодушию, если бы они все сговорились между собой, чтобы всем освободиться от общего рабства, в котором находятся. Тогда тираны были бы быстро сметены и уничтожены.

Объединись же, народ, если есть у тебя здравый ум; объединитесь все, если у вас есть мужество освободиться от своих общих страданий! Поощряйте все друг друга к такому благородному, смелому и важному делу! Начните с тайного сообщения друг другу своих мыслей и желаний! Распространяйте повсюду с наивозможной ловкостью писания, вроде, например, этого, которые всем показывают пустоту, заблуждения и суеверия религии и которые всюду вселяют ненависть к тираническому управлению князей и царей.

Поддерживайте все друг друга в этом справедливом и необходимом деле, которое касается общего интереса всего народа!(<...>)

Если вы умны, отложите прочь все чувства ненависти и личной вражды между собою; обратите всю свою ненависть и все свое негодование против своих общих врагов, против этих надменных знатных родов, которые вас тиранят, которые вас делают такими жалкими и вырывают у вас все лучшие плоды ваших трудов. Объединитесь все в единоклубной решимости освободиться от этого ненавистного и омерзительного ига их тиранического господства.(<...> Да не будет другой религии, кроме религии решимости окончательно уничтожить тиранов и суеверный культ богов и их идолов; да не будет никакой другой религии, кроме стремления поддерживать повсюду справедливость и нелицеприятие; да не будет никакой другой религии, кроме религии добросовестного труда и благоустроенной жизни всех сообща; да не будет никакой другой религии, кроме стремления охранять народную свободу, и, наконец, да не будет никакой другой религии, кроме взаимной любви друг к другу и нерушимого сохранения мира и доброго согласия в вашей среде!(<...>)

Вы будете оставаться жалкими и несчастными, вы и ваши потомки, пока не объединитесь все вместе или, по крайней мере, пока не достигнете единоклубия и не выступите смело за избавление от рабства, в котором вы все пребываете и до которого вы все доведены нестерпимым игом тиранического господства князей и ненавистным гнетом пустых и суеверных обрядов ложной религии.(<...>)

Печатается по: Ж. Мелье. Завещание. М., 1954, т. I—III, т. I, с. 55, 57, 82, 83; т. II, с. 153—155, 198—203, 209—212, 214—217, 220—224, 226, 232; т. III, с. 350—351, 358—360, 364—366.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точной даты написания «Завещания» нет. Оставленное Мелье «Завещание» было написано его рукой на 366 страницах в трех экземплярах. Все три рукописных оригинала утеряны. Впервые «Завещание» было опубликовано в 1762 г. в Женеве в виде извлечений. Это анонимное издание исследователи единодушно приписывают Вольтеру. В нем впервые был дан краткий очерк жизни Мелье. «Извлечение» Вольтера не только сильно сокращенное (63 с.), но и значительно искаженное издание «Завещания». Вольтер сделал извлечения из первой части труда, его интересовала только критика истоков христианской религии и христианских догматов. В «Извлечениях» Вольтера

не отражены революционные и материалистические взгляды Мелье, искажена сама сущность труда Мелье, его социальная направленность. В 1722 г. было анонимно издано другое извлечение из «Завещания». Автором его был Гольбах, который дал более полное изложение всего «Завещания». Описание «Завещания» было сделано в 1790 г. Сильвеном Марешалем, будущим сподвижником Бабефа, в книге «Катехизис кюре Мелье».

На русском языке «Завещание» Мелье впервые было опубликовано только в советское время, в 1925 г., в сокращенном переводе под редакцией А. Деборина.

Настоящая публикация дается в переводе Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова под редакцией Ф. А. Коган-Бернштейн, изданном в серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина, изд-во «Academia», М., 1954.

² Соломон — царь объединенного Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э.; согласно библейской традиции, славился необычайной мудростью.

³ Мишель де Монтень (1533—1592) — французский философ-гуманист, написал книгу «Опыты», в которой выступил против религиозного догматизма и схоластики. Мелье часто ссылается на Монтеня, критикуя религиозные установления.

⁴ Здесь имеется в виду притча о злых виноградарях, в которой явно отразился классовый протест бедняков земледельцев (виноградарей), убивших сына своего господина (Лука, 20, 9—16).

⁵ См. наст. изд., с. 77, прим. 3.

⁶ Имеются в виду «Деяния апостолов» — анонимное раннехристианское сочинение, датируемое II в. н. э., включенное в Новый завет. «Деяния апостолов» повествуют о ранней христианской общине, состоящей из апостолов — учеников Христа; у Мелье отсутствует идеализация «раннехристианского коммунизма», характерная для Кампанеллы (см. наст. изд., с. 101, прим. 10.).

⁷ Секвестр — запрещение, налагаемое государственной властью на пользование имуществом.

⁸ Здесь имеется в виду текст из Псалтиря, произведения иудейской религиозной лирики, сборника религиозно-философских и жанровых песнопений, вошедший в христианский культ; относится к VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирало А. А. Социальные и идейные истоки утопического коммунизма: Мелье, Морелли и Мабли. — В кн.: Труды Ин-та философии АН БССР. Минск, 1958, вып. 1.
- Деборин А. М. Жан Мелье (К 225-й годовщине со дня смерти). — Вопросы философии, 1954, № 1.
- Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. К истории публикации исследования В. П. Волгина о Жане Мелье. — В кн.: История и историки. М., 1979.
- Кучеренко Г. С. Жан Мелье и передовая общественная мысль Франции первой половины XVIII в. — В кн.: Французский ежегодник, 1965. М., 1966.
- Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968.
- Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964.
- Поршнев Б. Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.
- Ям К. Е. Жан Мелье и французский атеизм XVIII века. М., 1979.

ГАБРИЕЛЬ БОННО ДЕ МАБЛИ

1709

1785

Рожденный дворянином, Мабли (родной брат известного французского философа Кондильяка) имел все возможности для успешной карьеры. Поначалу все шло вроде бы именно так, как хотелось его родным. Получив хорошее образование в Лионе, Мабли отправляется в Париж, где влиятельный родственник устраивает его в привилегированную духовную семинарию. Но неожиданно Мабли покидает ее и возвращается в родной Гренобль, чтобы взяться за изучение древней литературы. Правда, вскоре после того, как Мабли перешагнул 30-летний рубеж, он вновь оказывается в Париже. Все та же родня устраивает его в министерство

иностранных дел. Несколько лет Мабли действует на этом поприще. Перед ним открывается путь к быстрому продвижению по служебной лестнице. Но в 1746 г. Мабли покидает министерство, чтобы никогда больше не возвращаться на службу. Он отказывается даже от такой почетной должности, как воспитатель наследника престола (ведь ему пришлось бы преподавать дофину, что «короли созданы для народов, а не народы для королей»). Отказывается Мабли и вступить в Академию: это требовало бы произнесения речи в честь кардинала Ришелье... И в дальнейшем он ведет уединенную жизнь скромного, ограниченного в средствах человека.

Однако четырехлетняя служба вблизи королевского двора не могла пройти бесследно для наблюдательного и критического ума Мабли: отвратительным выглядело с близкого расстояния абсолютистское самодержавие. Нет, не такое государство нужно людям! А какое? Взгляд Мабли обращается к демократическим учреждениям Древней Греции. Более того, только «коммунистические» порядки древности вполне соответствуют, по его мнению, «природе человека» и «естественным законам».

Вся дальнейшая жизнь Мабли — неустанная литературная деятельность. Понятно, что в тогдашней Франции, где власти жестоко душили всякое проявление свободомыслия, издавать произведения, критикующие абсолютизм, а тем более пропагандировать идеалы коммунистического устройства общества было делом трудным, а то и невозможным. Значительную часть своих работ Мабли публикует в Женеве и Амстердаме. Некоторые же из них были напечатаны лишь после Великой французской революции, когда автора уже не было в живых.

Как политический писатель Мабли приобрел европейскую известность. И не только европейскую. К примеру, последняя книга, вышедшая незадолго до его смерти, «Заметки об управлении и законах Соединенных Штатов Америки», написана в ответ на просьбу двух крупных политических деятелей США, В. Франклина и Дж. Адамса, сообщить свое мнение о конституции этой страны.

Произведения Мабли были известны и в России; одно из них переведено в 1773 г. А. Н. Радищевым...

ТЕКСТЫ¹

О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИЛИ ПРИНЦИПЫ ЗАКОНОВ

⟨...⟩ Чудовищное разнообразие правительственных форм, законов и нравов на земле, — зрелище, способное забавлять людей легкомысленных, но удручающее людей мыслящих, убедившихся, к стыду нашего разума, что человеческим родом всегда управляла какая-то слепая и капризная судьба. Каждый хотел создать себе счастье по своей прихоти и искал его то в роскоши и наслаждениях, то в алчности и изнеженности, то в угнетении других и в подобных же безумствах, а природа, установившая иной порядок вещей, насмеялась над нашими нелепыми затеями. Она наказала нас за наши заблуждения; почти все народы сделались жертвами неразумных законов, которые они сами себе создали. Повсюду общество было подобно скопищу угнетателей и угнетаемых. Тысячи жестоких революций уже тысячи раз меняли лицо земли и уничтожали величайшие империи и тем не менее столько раз повторявшийся опыт не заставил нас заподозрить, что мы ищем счастье там, где его нет. ⟨...⟩

Чем больше я об этом размышляю, тем больше я убеждаюсь, что неравенство имуществ и состояний разлагает, так сказать, человека и изменяет естественные влечения его сердца, ибо бесполезные потребности вызывают у него бесполезные для его истинного счастья желания и заполняют его ум самыми несправедливыми и нелепыми предрассудками или заблуждениями. Я считаю, что равенство, ограничивая наши потребности, сохраняет в моей душе мир, противящийся возникновению и развитию страстей. Разве не было бы непонятным безрассудством наше стремление к изысканности, искусственности и утонченности, если бы неравенство состояний не приучило нас видеть в этой смешной изнеженности свидетельство превосходства, заслуживающего какого-то почета? Почему бы я позволил себе смотреть свысока на человека, который, быть может, выше меня по своим достоинствам? Почему бы я присвоил себе какое-то предпочтение?

Почему бы я стал претендовать на какую-то власть над ним? И не открыл ли бы я таким образом путь тирании, рабству и самым пагубным порокам общества, если бы неравенство состояний не открыло мою душу честолюбию, а неравенство имуществ — жадности? Мне кажется, что только неравенство научило людей предпочитать добродетелям множество вещей бесполезных и вредных. Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочить законы. Равенство должно принести все блага, потому что оно объединяет всех людей, возвышает их душу и воспитывает их в чувствах взаимного доброжелательства и дружбы. Я заключаю из этого, что неравенство приносит все несчастья людям; оно унижает людей и сеет между ними раздоры и ненависть. Если граждане равны между собой и ценят в людях только добродетели и таланты, соревнование само собой останется в справедливых границах. Уничтожьте равенство, и тотчас соревнование превратится в зависть и ревность, потому что цели его не будут честными. (...)

Нужно ли мне говорить вам о нищенстве, позорящем ныне Европу, подобно тому как рабство некогда позорило республики греков и римлян? По-видимому, еще мало было тех несчастий, которые мы сами себе создали, — целые народы вооружились одни против других, и все права человечества были нарушены. Земель, которых хватало гражданам, имевшим при равенстве простые и немногочисленные естественные потребности, говорит Платон², не могло хватить на поддержание общества, которого неравенство состояний приучило почитать богатство, роскошь и наслаждения. Оказалось выгодным грабить своих соседей, и, так как грабеж был полезен, его вскоре стали почитать более, чем справедливость, о которой мы с тех пор имеем только ложное представление. Мы себе создали два рода мер и весов; и, к стыду нашего разума, богатые карают смертной казнью за кражу, потому что они боятся быть обкраденными, и одобряют завоевания, потому что они сами грабят народы. (...)

Природа сделала равенство законом для наших предков, и о своих намерениях она заявила столь ясно, что не знать их было невозможно. На самом деле, кто может отрицать, что, выйдя из рук природы, мы находились в самом совершенном равенстве? Разве она не дала всем людям одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум? Разве расточаемые ею на земле блага не принадлежали им сообща?

Где вы найдете основание неравенства? Разве она дала каждому особую вотчину? Разве она провела межи на полях? Она не создала ни богатых, ни бедных. Разве она поставила в привилегированное положение некоторые расы, осыпав их особыми благодеяниями, подобно тому как для установления власти человека над животными она одарила нас многими высшими качествами? Она не создала ни великих, ни малых, она не предназначила одних быть господами других. <...>

Известно, что спартанцы жили в течение шестисот лет в самом совершенном равенстве, и вы не можете отрицать, что учреждения, просуществовавшие в течение шестисот лет, не были созданы энтузиазмом, мимолетным фанатизмом или по капризу моды, а следовательно, могли бы сохраниться и в течение миллиона лет³. В чем секрет Ликурга⁴, сотворившего это чудо? Он <...> не довольствуясь равным разделом земель, приносящим лишь преходящее и кратковременное благо, отнял у своих сограждан их право собственности на землю. Она принадлежала республике, которая наделяла ею отцов семейств на правах usufrukta⁵. Среди спартанцев появились разного рода злоупотребления; они стали, наконец, хозяевами своих земель, распоряжающимися ими по своему усмотрению, и эта пагубная революция привела к гибели республику и законы Ликурга. Мне кажется, что из этого можно извлечь самые полезные поучения о природе собственности и сделать вывод, что счастье для нас возможно только при общности имуществ. <...>

Я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол. Поэты, которых Платон хотел изгнать из своей республики, лучше, чем законодатели и большинство философов, знали происхождение и развитие чувств человеческого сердца. Они назвали золотым веком то счастливое время, когда собственность была неизвестна, и они поняли, что различие «твоего» и «моего» вызвало все пороки. <...>

Если общества при своем образовании не знали собственности, почему же не могли бы они и дальше существовать без нее?

Когда, размножившись, люди сознали, наконец, необходимость иметь постоянные жилища и обрабатывать землю, могло ли быть их первой мыслью — произвести раздел и установить право собственности? Вводя новое установление,

наш ум обычно руководствуется еще своими привычными идеями. Поэтому благоразумно думать, что наши предки, вынужденные работать, чтобы добиться более удобного существования, соединили свои силы для общего труда, как они уже объединились для образования государственной власти. Работая сообща, они сообща и собирали урожай. Вы видите, как мудро природа подготовила все, чтобы привести нас к общности имущества, и удержать от падения в бездну, куда нас бросило установление собственности. Что касается меня, признаюсь, я далек от того, чтобы считать эту общность неосуществимой химерой, и с трудом догадываюсь, как люди дошли до учреждения собственности. У меня есть на это лишь предположения, не вполне меня удовлетворяющие; и если бы я не боялся оказаться непочтительным к своим предкам, как бы только ни упрекал я их в совершении ошибки, которую почти невозможно было свершить. <...>

Кажется, что в то время, которое предшествовало учреждению собственности, ничего не было легче, как удерживать людей в повиновении долгу, ибо ничего не было легче тогда, как заботиться об их нуждах и удовлетворять их. Я себе представляю, что граждане того времени были распределены по группам; наиболее сильные из них предназначены были обрабатывать землю, другие — заниматься грубыми ремеслами, без которых общество не может обойтись. Я вижу повсюду общественные магазины, содержащие богатства республики; а должностные лица, действительно являющиеся отцами отечества, не имеют иных функций, кроме поддержания нравственности и распределения между семьями необходимых им вещей.

По-видимому, счастье этого золотого века нарушила ленность. Возможно, что одни люди, нерадивые и менее деятельные, чем другие, существовали за счет труда общества и служили ему с меньшим усердием и рвением. <...>

Чтобы остановить развитие зла, на которое мы жалуемся, почему бы нам не внести закон, предписывающий выдавать каждому урожай, собранный его трудом? Разделим поровну наши земли; нужда, самый могущественный из всех законов, изгонит лень; она даст силу, энергию и трудолюбие, и наши правители освободятся от занятия, которого они не могут выполнить. <...>

Я не страшусь того, что общность имущества сделает граждан равнодушными к судьбе государства. Чем меньше люди заняты своим богатством, своей роскошью и своими

наслаждениями, тем более они заинтересованы в общественном благе; они как бы забывают себя и любят только законы; опыт подтверждает это, а разум подтверждает опыт. Если у меня нет никакой собственности, и я получаю от правительства все, в чем я нуждаюсь, будьте уверены, что я буду любить свое отечество, ибо я ему буду обязан всем. Не будем строить себе иллюзий: собственность разделяет нас на два класса — богатых и бедных. Первые всегда предпочтут свою собственность собственности государства, а вторые никогда не будут любить правительство и законы, допускающие, чтобы они были несчастны. Граждане моей республики будут сравнивать свое положение с положением своих врагов, желающих поработить их; гордые своим равенством, ревностные к своей свободе, они убедятся, что, перейдя под чужую власть, они могут все потерять, и их отчаяние придаст новую силу всем их добродетелям!<...>

Если бы я мог разрушить предрассудки, которые вводят в заблуждение наш разум, если бы я мог вырвать из нашего сердца всевластные страсти, порабащающие его, я не колебался бы ни минуты перед тем, чтобы вернуть людей к самому совершенному равенству. Если бы мне дали возможность, я бы вам дал законы, более строгие, чем платоновские; ибо я, между прочим, недоволен тем, что этот философ, который хотел представить нам картину совершенной республики, потерпел неудачу в своем замысле по той причине, что он не посмел сделать в отношении простых граждан то, что считал нужным сделать в отношении правителей. Он, правда, чувствовал, что для создания должностных лиц и воинов, столь совершенных, как он того хотел, надо было сделать их недоступными жадности и честолюбию, а следовательно — не оставлять им никакой собственности, никакого имущества и возложить на общество содержание их. Опасаясь даже, как бы семейные интересы или кровные связи не отвлекли их от исполнения долга, он довел свое благоразумие и предосторожность до крайности, установив между ними общность жен; вот единственный закон, к которому, я думаю, сумело бы приспособиться наше распутство.<...>

Платон боится, как бы философы, которым он доверяет управление государством, не предпочли уединение бремени государственных дел и как бы они не ответили отказом на призыв своих сограждан управлять ими. Что касается меня, я боялся бы, как бы людям, имеющим все страсти, какими наделила их собственность, не наскучили добродетели, кото-

рые Платон с большим трудом собрал в своих правителях и воинах. Он признаётся, что его республику постигнет та же судьба, какая постигла другие государства, и что после многих волнений его философы, пресыщенные своей мудростью, восстанут против государства, договорятся между собой о разделе земель и превратят остальных граждан в рабов. В поисках причины этого фатального упадка Платон обращается к судебной астрологии, в которой я не очень хорошо разбираюсь. Но вместо того, чтобы взваливать вину на звезды и воображать, что после какой-то революции они не сумеют более производить людей, способных к изучению философии, не проще ли и не благоразумнее ли было бы обвинить в этом пороки, которые Платон оставил своим гражданам, наделив их собственностью, и которые незаметно привились бы правителям и воинам? <...>

Но оставим Платона; и не бойтесь <...> что я вздумаю создать республику более совершенную, чем платоновская; у меня нет матернала, чтобы соорудить такое здание. Если бы я задумал предложить высшему классу граждан отказаться от своих прерогатив и слиться с последним сословием в государстве, представляете ли вы, как будет принято мое предложение? Возмущенное честолюбие знатных окажется единственной их страстью. Я мог бы рассуждать, доказывать; мои рассуждения будут бесполезны, мои доказательства напрасны. Предложу ли я им счастье — его с презрением отвергнут, и все будет принесено в жертву сохранению величия, от которого часто устают и к которому, однако, всегда стремятся. Если эта неудача не обескуражит меня и я попытаюсь восстановить равенство путем нового распределения имущества, в надежде, что со скупостью легче справиться, чем с честолюбием, — я, несомненно, прослышу безумцем, и вскоре мне придется убедиться, что жадность не более уступчива, чем честолюбие. <...>

Если бы силой красноречия и доказательства <...> было бы совершено чудо и удалось бы принудить знатных и богатых согласиться на полное равенство с лицами, которых они презирают, — я не знаю, согласился ли бы на это незнатные и бедные люди, или, по крайней мере, смогли ли бы они проинкнуться соответствующим их новому положению чувствами. Это вовсе не шутка: почти во всей Европе они дошли до такой степени унижения и нищеты, что испытывали бы своего рода отвращение или стыд к тому, чтобы быть равными со знатыми и богатыми, и пришли бы в смущение, находясь

рядом с ними. <...> У народа бывают приступы наглости, но совершенно отсутствует принцип равенства. Я сотни раз замечал, что даже лица, которые гордятся справедливостью и силой своих взглядов, дают себя увлечь блеском величия и богатства и бессознательно вновь опускаются до того состояния, в котором они, по воле судьбы, родились.

Знатные правы, когда боятся, как бы незнатные не лишили их величия. Все государства при своем возникновении имели законы, благоприятствовавшие равенству; и, однако, во всех государствах создались оскорбительные различия и преимущества между гражданами; и хотя богатства и звания вначале не были очень внушительны, они все же были достаточны для подчинения себе большинства: настолько могущественна власть богатства и звания! Подумайте, сколько понадобилось времени даже римским плебейам, чтобы решиться разделить с патрициями управление государством. А между тем, народ там не привык, чтобы его считали за ничто, как его считают теперь почти во всей Европе. <...>

Если вы хотите заложить фундамент совершенной республики, я советую <...> отправиться искать себе граждан в лесах Америки или Африки. Несчастные дикари тех мест только невежественны, поэтому им не пришло еще в голову обрабатывать землю, обзаводиться стадами и постоянными жилищами и заботиться сегодня о нуждах завтрашнего дня. Постоянно неуверенные в своей судьбе, постоянно подавленные невозможностью удовлетворить свой голод и потребность в отдыхе, постоянно занятые охотой или рыбной ловлей, они не имеют времени думать о том, как избавиться от своей нищеты. Но какая энергия во всех движениях их души? Их пороки и их предрассудки не влекут их, как наши, к роскоши, к изнеженности, к наслаждениям, к обманчивой славе, к честолюбию, к алчности. Какие мы могли бы предложить им реформы и установления, которые были бы выше их сил?

Легче принудить этих дикарей заниматься полезными ремеслами, чем заставить нас отказаться от лишних и бесполезных. Я нахожу в их, едва намечающемся, обществе самое совершенное равенство. Оно не допускает какого-либо различия между вождем племени и последним отцом семейства; он вождь потому, что он храбрее других, и он перестанет быть им, если допустит, чтобы кто-нибудь превысил его. Их народы, сеющие маниоку⁶, еще не разделили свои поля канавами,

изгородами или межами; их женщины копают землю, сеют и убирают урожай сообща. Их мужья не обязаны по закону делить охотничью добычу между жителями поселка, но они были бы опозорены в собственных глазах, если бы они этого не делали. Гостеприимство им дорого, и, не задумываясь, они расточают прохожим все, что у них есть. Рассказывают даже, что во Флориде некоторые племена, сеющие индийский хлеб, или маниоку, ссыпают свой урожай в общественные амбары, и каждая семья берет из них в определенном порядке и без жадности нужное ей количество зерна. Какие счастливые склонности для установления общности имущества! Вот на берегах Огайо или Миссисипи Платон мог бы учредить свою республику. Как жаль, что, передавая этим народам наши пороки и наши предрассудки, мы верим, что несем им цивилизацию!<...>

Если равенство не существует более, если граждане разделили между собой земли, если общность имущества не может быть восстановлена, каковы же, спросите вы, обязанности законодателя? Он должен подражать кормчему, которого противные ветры властно сбивают с его пути. Он не покоряется их ярости, он лавирует, он располагает свои паруса так, чтобы идти ближайшим путем. Страсти, которые породила собственность, являются в государстве тем, чем ветры на море. Не потворствуйте им — они увлекут вас, и вы погибнете.<...>

Страсть, которую нам дала собственность, — это жадность; если я не ошибаюсь, от нее происходят все наши пороки и все наши несчастья; надо, следовательно, взяться за нее. Но эта яростная страсть обретает новые силы в борьбе: чем сильнее ее страх, тем наглее она становится и всегда одерживает победу. Трудно законодателю победить ее в открытой борьбе. Следовательно, он должен употребить хитрость и искусство, и первое следствие, которое я извлекаю из этого принципа, заключается в том, что на собственность, которая была однажды установлена в государстве, надо смотреть как на основу порядка, мира и общественной безопасности.<...>

Если мы хотим, чтобы правители были справедливыми, нужно, чтобы у государства было мало потребностей, а для того, чтобы еще больше приучить правителей к справедливости, надо, чтобы законы не предоставляли им возможности иметь больше потребностей, чем остальным гражданам.<...>

Способствуя лишь установлению простых потребностей и нравов, законы создали систему управления, предупреждающую или задерживающую разрушения, производимые жадностью. Дайте исчезнуть этой простоте, и я ручаюсь вам, что предписания, сделанные для того, чтобы заменить ее, не будут иметь никакого успеха. Чрезмерные потребности республики не могут длительно сочетаться со скромностью нравов. Будьте уверены, что правители, беспрестанно колеблющиеся законы в угоду своим потребностям, неминуемо будут низвергнуты. Следовательно, все то, что служит увеличению потребностей государства или его правителей, является по природе своей пороком.〈...〉

СОМНЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ФИЛОСОФАМ-ЭКОНОМИСТАМ ПО ПОВОДУ ЕСТЕСТВЕННОГО И НЕОБХОДИМОГО ПОРЯДКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

〈...〉С тех пор как мы имели несчастье придумать земельную собственность и неравенство состояний, жадность, тщеславие, честолюбие, зависть и ревность стали разрывать наши сердца и, овладев правительствами, угнетают государства. Установите общность имуществ, и как легко тогда будет установить равенство состояний и утвердить на этой двойной основе счастье людей.〈...〉

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ГРАЖДАНИНА

〈...〉Гражданская война бывает иногда великим благом. Дайте же мне слово не изумляться, не негодовать; я сейчас разовью вам мою мысль, которую я вам высказал из шалости слишком неожиданно и резко. Гражданская война — это зло потому, что она противоречит безопасности и счастью, к которым люди стремились при образовании общества, и потому, что она губит множество граждан. Гражданская война — это зло, подобно тому, как ампутация руки или ноги является злом потому, что она противоречит организации нашего тела и причиняет мне жгучую боль. Но когда у меня гангрена руки или ноги, эта ампутация — благо.

Итак, гражданская война является благом, когда общество без помощи этой операции подвергается гибели от гангрены и, говоря без метафор, подвергается риску погибнуть от деспотизма. <...> Когда гражданская война вызывается анархией <...> гражданская война великое зло. <...>

Совсем иное происходит, когда гражданские войны зажигают любовь к родине, уважение к законам и вызывают справедливую защиту прав и свободы нации. Войны Цезаря, Помпея, Октавия и Антония⁷ были глупостью; каков бы ни был победитель, важно то, что место несуществующих больше законов занимает властелин. Все эти честолюбцы и их соучастники, появившиеся тогда во главе событий, взаимно уничтожали друг друга; из их пепла рождались другие тираны. Но не взгляните ли вы тем же взором на войну, которую предприняли Соединенные Провинции⁸ для своего освобождения от владычества Филиппа II⁹? Средство было крутое, я согласен; но оно спасительно. <...>

Меня поражает та нравственная слабость, то глубочайшее смирение, та глупость и то одиночество, то медленное, беспрерывное и огромное опустошение, которое производит наш европейский деспотизм и которое подавляет народ. Если гражданская война и причиняет больше бед, то ведь эти беды, по крайней мере, преходящие, и, встряхивая душу, они вселяют в нее бодрость, необходимую для того, чтобы их перенести. <...>

Добродетельный гражданин вправе вести гражданскую войну, если существуют тираны, т. е. правители, имеющие притязания пользоваться властью, которая может и должна принадлежать только законам, и притом властью настолько сильной, чтобы угнетать своих подданных. Считать гражданскую войну всегда несправедливостью, призывать граждан не отвечать силой на насилие — это доктрина, более всего противоречащая нравственности и общественному благу. <...> Обречать подданных на постоянное и неизменное терпение — это значит довести королей до тирании и расчистить им путь к ней. Если народ не считает себя вправе защищаться от нападающих на него чужестранцев, он, несомненно, будет ими покорен. Нация, не желающая сопротивляться своим внутренним врагам, неизбежно, следовательно, должна быть угнетаема. <...>

Для возникновения республики достаточно любви к свободе, но сохранить ее и сделать цветущей может только любовь к законам; таким образом союз этих чувств должен

стать главной целью политики. Мы напрасно будем стараться установить этот ценный союз или сохранить его, если мы не добьемся беспристрастного и благосклонного ко всем требованиям граждан правительства. <...>

Печатается по: Г. Мабли. Избранные произведения. М.—Л., 1950, с. 57, 58, 73—75, 78—80, 90—93, 97, 99, 109—113, 115—117, 119—121, 124, 125, 128, 129, 181, 266, 267, 270, 273, 306.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напряженная литературно-публицистическая деятельность Мабли приходится на конец 40—80-е годы XVIII в. В дореволюционной Франции с ее цензурным гнетом пропаганда свободолюбивых идей, наполненных страстной ненавистью к деспотизму и тирании, наталкивалась на препятствия. Труды Мабли не всегда могли быть напечатаны во Франции. Большинство трудов Мабли издавалось анонимно за границей.

В настоящее издание включены отрывки из следующих произведений Мабли: «О законодательстве или принципы законов» (1776), «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ» (1768), «О правах и обязанностях гражданина». Последнее произведение Мабли написал в 1758 году, но по цензурным условиям эта книга не могла быть опубликована при его жизни. Она вышла лишь через 30 лет, в 1789 году, уже после смерти Мабли.

Первое полное собрание сочинений Г. Мабли вышло в 1792 году в г. Лионе.

Публикуемые работы впервые по-русски были изданы в сокращенном переводе Ф. Б. Шуваевой в серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина, изд.-во «Academia», М., 1950.

² О Платоне здесь и далее — см. наст. изд., с. 77, прим. 3.

³ Здесь идеализация древнегреческого рабовладельческого государства, свободные жители которого владели равными участками государственной земли с прикрепленными к ним илотами.

⁴ Ликург — легендарный законодатель Древней Спарты. Древние авторы относят время его жизни к VIII в. до н. э. По преданию, Ликург создал все спартанские учреждения, установил равные земельные наделы спартамцам; Мабли считает Ликурга образцом разумного законодателя.

⁵ Узуфрукт (лат. usufructus) — важнейшее положение римского права, предоставляющее известному лицу пожизненное и неотчуждаемое право пользования.

⁶ Маннока — съедобный вид растений, который возделывают в тропиках для получения из его корней муки и пищевых продуктов.

⁷ Цезарь, Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.) — римский полководец; опираясь на армию, фактически уничтожил республиканское управление и стал монархом; убит в результате заговора республиканцев; Помпей Великий, Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец; командовал римскими войсками в войне против понтийского царя Митридата VI; эта война окончилась победой римлян. Октавий — Октавиан Август (63 до н. э.—14 н. э.) — римский император, полководец; одержал победу над римским полководцем

Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой, своими победами завершил гражданские войны в древнеримском государстве, начавшиеся после смерти Цезаря; Антоний, Марк (ок. 83—30 до н. э.) — римский полководец; получил в управление восточные области римской державы; разбит войсками Октавиана Августа.

⁸ По Утрехтской унии 1579 г. семь северных провинций Нидерландов заключили оборонительный союз против Испании. В 1581 г. они официально отложились от испанской монархии и стали называться республикой Соединенных Провинций Нидерландов.

⁹ Филипп II (1527—1598) — испанский король, укрепил испанский абсолютизм, поддерживал инквизицию, усилил гнет в Нидерландах. Правление Филиппа II Мабли считает примером тирании, против которой необходимо вести справедливую гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА

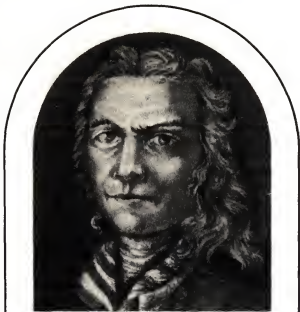
Волгин В. П. Уравнительные теории XVIII в. Мабли. — В кн.: Очерки по истории социализма. 4-е изд., доп. М.—Л., 1935.

Волгин В. П. Социальное учение Мабли. — В кн.: Мабли. Избранные произведения. М.—Л., 1950.

Казарин А. И. Мабли как гуманист и мыслитель. — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 2.

Сафронов С. С. Коммунистическая система Мабли. М., 1950.

Сафронов С. С. Исторические взгляды Мабли. — В кн.: Французский ежегодник, 1971. М., 1973.

МОРЕЛЛИ

Морелли — французский писатель, философ, один из ранних провозвестников утопического коммунизма. Можно даже сказать, что он был идейным вдохновителем Бабефа и его товарищей по «Заговору равных». Но, как это ни парадоксально, о нем мы почти ничего не знаем. Возможно даже, что «Морелли» — это чей-то псевдоним.

Есть, правда, данные, позволяющие думать, что человек с таким именем все-таки существовал, давал частные уроки в одном городке на Марне — единственная достоверная деталь, что-то сообщающая о нем. Но с другой стороны, многие современники были убеждены, что «Кодекс природы» — самое

значительное произведение Морелли, вышедшее в Амстердаме в 1755 г. — принадлежал великому энциклопедисту и материалисту XVIII в. писателю Дени Дидро. И Грахх Бабеф, произнося свою защитительную речь на судебном процессе, направленном против «Заговора равных», назвал именно Дидро автором «Кодекса природы» и потому учителем «равных».

Как бы то ни было, за сравнительно короткий срок, с 1745 по 1755 г., в Париже и Амстердаме вышло полдюжины сочинений, автором которых считается Морелли. Наиболее значительные из них — «Базилиада» и «Кодекс природы, или истинный дух ее законов».

В первом из названных трудов (Морелли выдает его за «перевод с индийского») дается картина коммунистического общества, якобы существующего в одной из дальних стран. А во втором в довольно развернутом виде излагаются философские и социальные идеи автора, раскрывается структура коммунистического общества так, как ее представлял себе Морелли. Одна из главных идей: люди забыли старинные законы родственной привязанности и любви, а ведь по ним жили когда-то древние скифы и до сих пор живут еще племена индейцев в Северной Америке. Только просвещенное и разумное законодательство способно возратить человечество к «золотому веку», утраченному вследствие распространения частной собственности. Преодолеть пороки существующего общества можно только при условии, если ничто не будет принадлежать отдельно кому бы то ни было, если каждый гражданин будет «должностным лицом, обеспеченным работой и получающим содержание на общественный счет», если все без исключения будут трудиться на пользу общества «сообразно своим силам, дарованиям и возрасту».

ТЕКСТЫ

КОДЕКС ПРИРОДЫ ¹

⟨...⟩ Надо нзумляться, больше того — надо признать чудом то количество нелепостей, которое наша мораль, почти одна н та же у всех наций, подносит нам под названием бесспорных принципов и правил. Эта наука, которая в своих основных аксиомах и их следствиях должна была бы быть столь же простой и очевидной, как сама математика, искажена в действительности таким множеством туманных и сложных идей, столькими мнениями, основанными на ложных предпосылках, что для человеческого ума представляется почти невозможным выбраться из этого хаоса: он прнучается убеждать себя в том, в чем он не в силах разобраться. В самом деле, существуют миллионы положений, которые считаются несомненными и которыми вечно аргументируют, — это *предрассудки*. ⟨...⟩ Люди в продолжение стольких веков находятся во власти заблуждений, непрерывно смущающих их покой. ⟨...⟩

У человека нет ни *врожденных* идей, ни *врожденных* наклонностей. В первые минуты своей жизни он погружен в *полное безразличие* даже к собственному существованию. Слепое чувство, которое ничем не отличается от такого же чувства у животных, является первым двигателем, нарушающим это безразличие. ⟨...⟩

Природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил; затем, твердо установив число этих потребностей на всю остальную нашу жизнь, она устроила так, чтобы они всегда несколько превышали границы наших возможностей. ⟨...⟩

Если бы человек не встречал никаких препятствий к удовлетворению своих потребностей, то каждый раз после удовлетворения их он впадал бы в свое первоначальное состояние безразличия и выходил бы из него лишь тогда, когда его возбуждало бы ощущение вновь возникающих потребностей; легкость их удовлетворения не требовала бы

знаний, превосходящих инстинкт животного, и человек был бы не более общественным, чем животное. <...>

Мир — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это. <...>

Посмотрим еще раз, что сделала природа, чтобы расположить людей к единодушию, к общему согласию, и как она предупредила столкновение притязаний, которое могло бы произойти в некоторых частных случаях.

1. Она заставляет людей, на основании одинаковости их чувств и потребностей, понять равенство их состояний и прав и необходимость общего труда.

2. Разнообразя эти потребности в каждый данный момент, вследствие чего мы не все испытываем их в одинаковой степени и в одно и то же время, она предупреждает нас, чтобы мы поступались иногда этими правами в пользу других, и побуждает нас делать это без труда.

3. Иногда она предотвращает возникающие между нами противоречия, соперничество желаний, вкусов, склонностей, создавая достаточное количество предметов для удовлетворения всех их в отдельности. Или же она разнообразит эти желания и наклонности, чтобы помешать им направиться одновременно на предмет, имеющийся в единственном числе; *trahit sua quemque voluptas**.

4. Разнообразя силу, труд, таланты сообразно различным возрастам нашей жизни или устройству наших органов, она предугадывает нам различные занятия.

5. Она хотела, чтобы трудность и утомительность добывания предметов, нужных для удовлетворения наших потребностей, всегда несколько превышающих наши силы, когда мы одни, заставили нас понять необходимость прибегнуть к посторонней помощи и внушили нам приверженность ко всему, что нам помогает. Отсюда наше нерасположение к одиночеству, наша любовь к приятным сторонам и выгодам могущественного соединения — общества.

Наконец, чтобы пробуждать и поддерживать между людьми взаимопомощь и взаимную благодарность, чтобы указать

* «Каждый собственной страстью влечется» (Вергилий. Эклога II, 65). — Ред.

им те моменты, когда им диктуются эти обязанности, природа предусмотрела малейшие детали: она заставляет людей испытывать поочередно тревогу или спокойствие, усталость или отдохновенность, упадок или прилив сил.

Все размерено, все взвешено, все предусмотрено в чудесном *автомате* общества: его колёса, его противовесы, его пружины, его работа. Если видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели.

Одним словом, хотя эта машина состоит из разумных частей, она в некоторых отдельных случаях работает в общем независимо от их разума; рассуждения этого вожакого не допускаются, он остается лишь зрителем того, что совершает чувство. <...>

Если бы было установлено, что знатность людей и почтение к ним соответствуют их доброте и что уважение к ним будет расти лишь в той мере, в какой они будут становиться лучше, — то между ними не существовало бы никогда другого соревнования, кроме желания сделать друг друга счастливыми. Тогда *праздность*, *безделье* были бы единственными преступлениями и единственным бесчестьем. Тогда честолюбие заключалось бы не в желании поработать или угнетать людей, а в том, чтобы превзойти их в изобретательности, трудолюбии, прилежании. Уважение, похвала, почести, слава были бы постоянным проявлением чувств благодарности и взаимной радости, а не постыдной данью низости или страху со стороны тех, кто их воздает, или суетной опорой того, что называют счастьем, и возвышением для тех, кто их требует и получает.

Единственный порок, какой я знаю во вселенной, — это *жадность*; все другие пороки, какое бы название им ни давали, представляют собою только его оттенки и степени: это Протей, Меркурий, это основа, которая приводит ко всем порокам. Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство; разложите на составные части даже большинство наших лжедобродетелей — всюду вы получите в конечном результате этот тонкий, губительный элемент — *любостяжание*. Вы найдете его даже на дне бескорыстия.

Между тем, могла ли бы эта всеобщая чума — *частный интерес*, эта изнурительная лихорадка, эта *губительная болезнь* всякого общества — могла ли бы она привиться там,

где она никогда не находила бы не только пищи, но и никакого опасного возбудителя?

Я думаю, что никто не станет спорить против очевидности следующего положения: *там, где не было бы никакой собственности, не могло бы существовать ни одно из ее пагубных последствий.* <...>

Если вы хотите брать людей такими, какими они являются в естественном состоянии, то отправимся в Америку: там мы найдем несколько племен, представители которых благоговейно соблюдают, по крайней мере в своих взаимных отношениях, драгоценные законы этой общей матери-природы, которые я отстаиваю всеми своими силами ². <...>

Так как не подлежит сомнению, что всякая нация обязана своим происхождением одной или несколькими семьям, то она должна была, по крайней мере в течение некоторого времени, сохранять форму *патриархального правления* и повиноваться только законам, диктуемым чувством любви и нежности, которое поощряется и поддерживается среди братьев и родственников примером главы семьи. Под господством этой мягкой власти все имущество в семье было общее; себе самой эта власть ничего не присваивала в собственность.

Таким образом, всякий народ на земном шаре, по крайней мере при своем зарождении и на своей родине, управлялся так, как в наше время управляются маленькие народности Америки и как управлялись, говорят, древние скифы ³, бывшие своего рода рассадником других наций. Но по мере того как вместе с количеством семей народы эти численно возрастали, ослабевали чувства братского единения, а также власть отцов, становившаяся слишком раздробленной.

Те из этих наций, которые, в силу каких-нибудь особых причин, остались наименее многочисленными или дольше жили в своем отечестве, сохранили наиболее длительно свою первую, совершенно простую и естественную форму правления. Даже нации, значительно возросшие численно, но не менявшие места своего жительства, должны были сохранить форму правления все еще несколько патриархальную, несмотря на ослабление чувств, которые, по-видимому, могут властно царить только среди небольшого числа лиц, связанных почти все узами родства.

Нации, которым становилось слишком тесно в своей стране и которым приходилось вследствие этого переселяться, были вынуждаемы условиями путешествия и его

трудностями или положением и природою своего нового места поселения вводить у себя порядки, по необходимости отменявшие установления патриархального строя; отсюда — новый ущерб чувствам, лежащим в его основе.

Таким образом, я различаю три физические причины ослабления патриархального правления.

Первая причина — это увеличение числа семей; *привязанность*, основанная на *кровном родстве*, как и *дух общности*, уменьшается пропорционально возрастанию их числа.

Второй причиной являются переселения, заставляющие каждую семью порывать узы общности, так как каждая из них берет на себя заботу об одной части поклажи или продовольствия.

Наконец, третья причина обусловлена трудностями, возникающими при устройстве на новых местах.

В этих причинах, ослабивших или угасивших чувства *кровного родства* и разрушивших почти всякую *общность*, я вижу источник распрей, которые могли возникнуть между отдельными лицами и семьями или между целыми нациями, а следовательно, и пагубное начало всякой междоусобицы, войны и разбоя. <...>

Всякий раздел имущества, равный или не равный, всякая частная *собственность* на эти доли представляют собою во всяком обществе то, что Гораций называет *summi materia mali* *. Все политические и моральные явления суть следствия этой гибельной причины: ею можно объяснить и решить все теоремы или проблемы о происхождении и прогрессе; взаимной связи и сродстве добродетелей и пороков, беспорядков и преступлений; об истинных мотивах хороших и дурных поступков; о всех решениях и колебаниях человеческой воли; об извращенности страстей; о бессилии предписаний и законов сдерживать их; о *технических* даже недостатках этих уроков; наконец, о всех чудовищных порождениях заблуждений ума и сердца. Причиной всех этих действий, говорю я, можно считать упорство, с которым все законодатели разрывали или позволяли разрывать основную связь всякой общности путем узурпации владений из фонда, который должен был принадлежать нераздельно всему человечеству. <...>

Напрасно вы будете приписывать эти печальные перемены случаю, слепому року, будто бы являющемуся причи-

* «Зла исток величайшего» (Гораций. Оды, III, 24, с. 49). — Ред.

ной шаткости империй, как и судьбы частных лиц: это слова, лишенные всякого смысла. <...>

Если какой-нибудь народ придет к единодушному соглашению подчиняться только законам природы, как они изображены нами выше, если он будет соответственным образом вести себя под руководством своих отцов семейств, то это будет *демократия*.

Если для более верного соблюдения этих священных законов и исполнения их в большем порядке и с большей быстротой народ передаст власть в руки нескольких мудрецов, на которых будет возложена обязанность, так сказать, давать сигнал к действиям, указываемым и предписываемым этими законами, — это правление будет *аристократическим*.

Если для еще большей точности и правильности в движениях политического организма его пружины приводит в действие только одно лицо, тогда государство становится *монархией*, которая до тех пор не придет в упадок, пока в нее не проникнет частная собственность, — если это несчастье случится, оно может все погубить, но при нашей гипотезе существует тысяча способов предупредить его. <...>

Почти все народы имели или имеют еще и теперь представление о золотом веке — очевидно это то время, когда между людьми господствовала еще совершенная общественность, законы которой я развил выше. Быть может, золотой век — век первобытной невинности, когда человек в течение многих веков жил не сознавая, что это наилучший для него строй, и в этой его неосознанности причина его порчи. Эта порча вызвала состояние варварства, разбоя, бедствия которых показали людям ценность их первоначального состояния. Они попытались приблизиться к нему посредством законов, которые долгое время были очень несовершенны и отменялись другими законами, более совершенными. Эти последние заменялись и будут, очевидно, заменяться новыми, еще более удовлетворительными, и так далее, пока очистившийся разум перестанет игнорировать уроки природы и будет постоянно находиться только под ее влиянием. Дойдя до этого счастливого предела, разумное создание приобретает всю доброту или нравственное совершенство, на какие оно способно; вероятно, по этим ступеням провидение ведет к нему человеческий род. <...>

Когда народы, уставши от собственных преступлений, начали вздыхать по радостям общественности и слушаться

приказаний и советов тех людей, которых они считали способными восстановить ее, то разве не было легко заставить их познать основную причину всех их зол — *собственность* и внушить им ненависть к ней? Не было надобности в длинных рассуждениях, чтобы выяснить даже самой грубой толпе необходимость упразднить собственность навсегда. Разве для некоторых законодателей это было бы труднее, чем диктовать страшные законы? Нисколько. Но вместо того, чтобы при помощи этого прекрасного средства вернуть человека к его естественной добродетельности, всю цену которой ему дали почувствовать его недавние несчастья; вместо того, чтобы прочно утвердить его в этом счастливом состоянии, — они лишь подвесили его, если так можно выразиться, между этой точкой опоры и пропастью. <...>

<...> Я даю этот очерк законов в форме прибавления и вне плана, так как, к несчастью, слишком верно, что в настоящее время было бы почти невозможным основать подобного рода республику.

По этому тексту, не нуждающемуся в длинных комментариях, всякий разумный читатель может судить, от скольких бедствий эти законы избавили бы людей. <...>

Я не имею дерзкой претензии преобразовывать род человеческий, но у меня достаточно мужества, чтобы говорить истину, не смущаясь воплями тех, которые страшатся ее, потому что в их интересах обманывать человечество или оставлять его во власти заблуждений, жертвой которых они являются сами. <...>

*Основные и священные законы,
которые уничтожили бы в корне пороки
и несчастья общества*

I

В обществе ничто не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которые каждый употребляет для удовлетворения своих потребностей, для удовольствий или для своего повседневного труда.

II

Каждый гражданин будет должностным лицом, обеспеченным работою и получающим содержание на общественный счет.

III

Каждый гражданин будет содействовать, со своей стороны, общественной пользе сообразно своим силам, дарованиям и возрасту. В зависимости от этого будут определены его обязанности, согласно распределительным законам.

Распределительные, или экономические законы

I

Для того чтобы все происходило в образцовом порядке, без путаницы, без замешательства, будут проведены перепись всей нации и разделение ее по *семьям*, по *трибам*⁴ и по *городам*, а если она очень многочисленна, то и по *провинциям*.

II

Каждая триба будет состоять из одинакового числа семей, каждый город — из одинакового числа триб, и так далее.

III

По мере роста нации будут пропорционально увеличиваемы трибы и города, но лишь до тех пор, пока из этого прироста нельзя будет образовать новые города, столь же населенные, как другие.〈...〉

IV

Число *десять* и его кратные будут основанием всякого гражданского деления вещей или лиц — другими словами, все переписи, всякое распределение на классы, всякая распределительная мера и т. д. будут состоять из десятичных частей.

V

В каждом *десятке*, *сотне* и т. д. граждан будет состоять известное число рабочих каждой профессии; это число будет пропорционально трудности их работы и количеству того, чем нужно снабдить население каждого города, не утомляя слишком этих рабочих.

VI

Чтобы регулировать распределение произведений природы или искусства, будет приниматься в соображение, во-первых, что существуют произведения *прочные*, *стойкие*, т. е.

такие, которые могут быть сохраняемы или служить долго, и что между всеми произведениями этого рода бывают такие: 1) которые служат для повседневного и всеобщего употребления; 2) которые служат для употребления хотя и всеобщего, но не постоянного; 3) некоторые необходимы постоянно только известному лицу, а всем прочим — лишь время от времени; 4) другие никогда не бывают предметом ни постоянного, ни общего пользования — таковы произведения, служащие только для простого украшения или составляющие предмет вкуса. Все стойкие произведения будут складываться в общественных магазинах, причем одни будут распределяться ежедневно или в назначенные сроки между всеми гражданами, чтобы удовлетворять обычные потребности жизни и служить материалом для работ различных профессий, а другие будут выдаваться тем, кто их употребляет.

VII

Во-вторых, будет обращено внимание на то, что существуют произведения природы или искусства, которые скоро портятся; эти вещи будут приносимы на общественные рынки и там распределяемы лицами, ведающими их возделыванием или производством.

VIII

Произведения всякого рода будут взяты на учет, и количество их будет соразмерно либо с количеством граждан каждого города, либо с количеством тех, кто их употребляет. Те из этих произведений, которые не портятся, будут, согласно тем же правилам, публично раздаваемы, а излишек их отложен в запас.

IX

Если количество предметов не первой необходимости, употребляемых всеми или некоторыми лицами, убудет настолько, что его окажется недостаточно и может случиться, что хотя бы одни граждане будут лишены их, тогда всякая раздача приостанавливается или же снабжение этими вещами производится в меньшем размере, пока недостача не будет пополнена. Надо будет, однако, тщательно остерегаться, чтобы подобные случаи не происходили относительно вещей первой необходимости.

X

Избыточные запасы каждого города, каждой провинции будут направлены либо в те местности, где их может оказаться недостаточно, либо сберегаемы для будущего.

XI

Согласно священным законам, между гражданами не должно быть ни продажи, ни обмена. Таким образом, тот, например, кому нужны будут овощи, зелень или фрукты на один день, пойдет за этим на общественный рынок, куда эти продукты будут приносимы лицами, их возделывающими. Если кому-нибудь нужен хлеб, то он получит его на определенное время у того, кто его печет, а тот, в свою очередь, получит в общественном магазине муку, необходимую ему для изготовления хлеба на один или несколько дней. Тот, кому нужна будет одежда, получит ее у того, кто ее шьет; портной получит необходимую для этого материю у того, кто ее фабрикует, а этот последний получит потребное сырье в общественном магазине, куда его принесут лица, его добывающие. Тот же порядок будет применяться относительно всех других предметов, которые будут распределяться между отцами семейств для их личного употребления и для употребления их детей.

XII

Помощь, оказываемая нацией соседней или чужой нации продуктами своей страны, или такая же помощь, получаемая от них, есть единственный вид торговли, происходящий путем обмена и при посредничестве граждан, которые обо всем будут докладывать публично. Но при этом будут приняты все меры, чтобы такая торговля не занесла бы в республику ни малейшей собственности.

Законы земельные

I

Каждый город будет иметь свою территорию, по возможности не разделенную и наиболее правильной формы, притом не на правах собственности и лишь в количестве, достаточном для прокормления его жителей, и для того, чтобы дать занятие лицам, на которых будет возложена обработка земли.

II

Если город окажется расположенным в бесплодной местности, жители его будут заниматься лишь ремеслами, а соседние города будут доставлять им продовольствие. Тем не менее, такой город будет иметь, подобно другим, свою корпорацию *земледельцев*, либо для того чтобы добыть все возможное на своей территории, либо для помощи при возделывании земель соседних городов.

III

Каждый гражданин без исключения обязан будет в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет заниматься земледелием, разве только ему помешает какой-либо недуг.

IV

В каждом городе этот корпус молодежи, предназначенный для земледелия, будет состоять из земледельцев, садоводов, пастухов, дровосеков, землекопов, возчиков гужом и по воде, плотников, каменщиков, кузнецов и лиц других профессий, относящихся к строительному делу.〈...〉

Законы городского благоустройства

I

〈...〉Величина каждого города будет приблизительно одинаковая.〈...〉

II

Вокруг большой площади правильной формы будут построены в одинаковом и привлекательном стиле общественные магазины для всяких припасов и залы для общественных собраний.

III

За этой оградой будут правильно расположены городские кварталы, равные, одинаковых очертаний и правильно разделенные улицами.

IV

Каждая триба займет квартал, каждая семья — просторное и удобное помещение. Все эти здания будут одинаковой формы.〈...〉

VI

На некотором расстоянии вокруг городских кварталов будут построены в виде галерей мастерские всех механических профессий для всех рабочих корпораций, численность которых превысит 10 человек.<...>

VII

Вне этой ограды, состоящей из мастерских, будет построен другой ряд зданий, предназначенных для жилья лиц, занятых в земледелии и связанных с ним профессиях, а также для того, чтобы служить мастерскими для этих профессий, сараями, кладовыми, помещениями для скота и складами орудий — всегда в количестве, необходимом для обслуживания каждого города.

VIII

На некотором расстоянии за всеми этими оградами будет построено в самой здоровой местности просторное и удобное здание для помещения и лечения в нем всякого больного гражданина.<...>

X

С другой стороны, в наименее приятном и наиболее пустынном месте будет построено здание, окруженное высокой стеной и разделенное на несколько маленьких помещений, запертых железными решетками. Сюда будут заключаемы лица, заслуживающие, чтобы их удалили на время из общества.

XI

Близко отсюда будет кладбище, окруженное стеною, где будут построены отдельно своего рода пещеры с толстыми каменными стенами, достаточно просторные и снабженные крепкими решетками, куда будут заключать на всю жизнь, а затем там же и хоронить тех граждан, которые будут наказаны вечным изгнанием из общества, т. е. прекратят свое существование как граждане.<...>

Законы об общих порядках

I

В каждой профессии самые старшие и в то же время самые опытные будут в порядке старшинства руководить

поочередно в течение пяти дней пятью или десятью из своих товарищей, умеренно облагая их труд в счет той доли, которая была бы иаложена на них самих.

II

В каждой профессиональной корпорации на каждые десять или двенадцать рабочих будет один мастер: его обязанностью будет учить их, проверять их работу, давать отчет об их работе и поведении старшие корпорации, который будет выбираем на год. Каждый мастер будет носить это звание пожизненно и поочередно занимать должность старшины корпорации.

III

Мастером какой-либо профессии можно будет сделаться не ранее как через год по оставлении своей земледельческой работы и возвращении к своей прежней профессии, следовательно, только по достижении 26-летнего возраста.

IV

В каждой профессии тот, кто сделает какое-нибудь важное открытие, сообщит о нем всем членам своей корпорации; он станет тогда мастером, даже не достигнув установленного возраста, и будет назначен старшиною корпорации на следующий год. Нарушение очереди будет допускаемо только в этом случае; затем она будет восстановлена опять.

V

В десять лет каждый гражданин начнет учиться той профессии, к которой будет чувствовать склонность или к которой будет казаться способным, не будучи, однако, принуждаем к этому. В возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет он женится, от двадцати до двадцати пяти лет он будет заниматься какой-нибудь отраслью земледелия, в двадцать шесть лет он будет мастером либо в своей профессии, если вернется к ней, либо в той профессии, связанной с земледелием, которой он будет продолжать заниматься. (...) Если он выберет какой-нибудь другой род занятий, тогда он может быть мастером лишь в тридцать лет. В сорок лет каждый гражданин, не имеющий определенных обязанностей, будет добровольным работником, т. е., не будучи освобожден от

работы, он будет заниматься лишь тем трудом, какой выберет сам, и выполнять лишь те задания, какие он на себя возложит; часами отдыха он вправе будет распоряжаться, как ему угодно.

VI

Немощные люди и дряхлые старики будут получать удобные помещения, стол и содержание в общественном доме, предназначенном для этой цели в каждом городе.〈...〉

VII

Старшины всех профессий будут указывать часы отдыха и труда и предписывать, какую работу надо сделать.〈...〉

Законы о роскоши

I

Каждый гражданин, начиная с тридцатилетнего возраста, будет одеваться по своему вкусу, но без чрезмерной роскоши. Он будет также кормиться в своей семье, соблюдая умеренность и воздержанность в еде и напитках. Настоящий закон предписывает сенаторам и старшинам сурово подавлять излишества в этом направлении, подавая в то же время собою пример скромности.

II

От десяти до тридцати лет молодые люди каждой профессии будут носить форменное платье из одной и той же материи, чистое, но обыкновенное и подходящее для их занятий. Каждая корпорация будет отличаема каким-нибудь цветом, соответствующим главному предмету ее труда, или каким-либо другим знаком.

III

У каждого гражданина будет рабочее платье и праздничное, украшенное скромно и к лицу, все сообразно средствам республики и так, чтобы никакое украшение не могло доставить кому бы то ни было преимуществ или особого внимания. Всякое тщеславие будет подавляемо старшинами и отцами семейств.

*Законы о форме правления,
долженствующие предупредить
всякую тиранию*

I

Каждый отец семейства, достигший пятидесятилетнего возраста, будет сенатором. Ему будет принадлежать совещательный и решающий голос в издании и разъяснении целей законов, хранителем коих будет сенат.

II

Мнения других глав семейств или старшин профессиональных корпораций будут запрашиваемы, когда дело будет идти о регулировании того, что касается их занятий.

III

В каждой трибе каждая семья поочередно дает трибе начальника, который будет им в течение всей своей жизни.

IV

Каждый начальник трибы поочередно в течение одного года исполняет обязанности начальника города.〈...〉

Законы об управлении

X

Всем сенаторам, политическим начальникам, начальникам мастерских, ремесленным мастерам будут оказывать такой же почет и повиновение в их общей службе отечеству, каким отцы семейств пользуются со стороны своих детей.

XI

Формула всякого общественного приказа будет: *«Разум требует, Закон приказывает»*.

XII

Все эти законы об управлении, как законы *основные*, будут почитаться священными и нерушимыми. Они не будут подлежать ни изменению, ни отмене с чьей бы то ни было стороны, под страхом и т. д.〈...〉

*Законы брачные,
долженствующие предупредить
всякий разврат*

I

Всякий гражданин должен будет тотчас по достижении брачного возраста вступить в брак; никто не будет освобожден от этого закона, разве если исполнению его помешает природа или состояние здоровья данного лица. Безбрачие не будет дозволено никому ранее сорокалетнего возраста.〈...〉

III

Первое супружество будет нерасторжимо в течение десяти лет, после которых будет допускаясь развод с согласия обеих сторон или по желанию одной только стороны.〈...〉

VII

Разошедшимся лицам нельзя будет вступать в брак с лицами, более молодыми, чем они сами, равно как с более молодыми, чем лицо, которое они покинули. Право это будет предоставлено только овдовевшим.

VIII

Лицам того или другого пола, состоявшим раньше в браке, не будет дозволяться брак с холостыми еще или незамужними молодыми особами.〈...〉

X

В случае развода дети обоего пола останутся при отце, и его жена по последнему браку одна будет считаться их матерью; ни одна из предшествовавших ей жен не вправе будет присваивать себе это звание по отношению к детям своего мужа.

XI

Сыновья одного отца, хотя бы женатые и имеющие детей, станут главами семейств только после смерти их отца.〈...〉

*Законы о воспитании,
долженствующие предупредить последствия
слепой снисходительности отцов
к своим детям*

IV

По достижении пятилетнего возраста все дети каждой трибы будут собраны вместе и помещены в предназначенные для этого дома, мальчики и девочки отдельно. Их пища, одежда и первоначальное обучение будут везде совершенно одинаковыми, без всяких отличий, согласно правилам, которые предпишет сенат.

V

Известное число отцов и матерей семейств будет под надзором главы трибы заботиться об этих детях, как о своих собственных, в течение пяти дней; затем их сменит по очереди такое же число других родителей. Они постараются внушить своим питомцам умеренность и послушание, предупредить путем мягких увещаний или легких наказаний всякие ссоры, капризы, дурные привычки. Обращение со всеми детьми будет совершенно равное.

VI

По мере развития умственных способностей у детей их начнут обучать отечественным законам. Их научат уважать эти законы, повиноваться своим родителям, начальникам и лицам зрелого возраста. Их приучат быть любезными с равными себе, поддерживать с ними дружбу, никогда не лгать. Они будут упражняться в каком-нибудь легком, подходящем для их возраста занятии и время от времени в играх, которые могут их развить физически и подготовить к труду. Им не будут предписывать ничего, не объяснив разумности предписываемого. Эти первоначальные наставления будут затем культивироваться учителями, заботам которых они будут поручены по выходе из раннего детства.

VII

Дети, оказавшиеся до десятилетнего возраста достаточно крепкими, чтобы изучать начатки профессии, к которой их сочтут годными, будут посылаемы ежедневно на несколько часов в общественные мастерские, чтобы начать там свое обучение.

VIII

Каждый ребенок по достижении десятилетнего возраста покинет этот общий родительский дом, чтобы перейти в мастерские. Здесь детям дадут помещение, стол и одежду, а обучать их будут мастера и старшины каждой профессии, которых они должны будут слушаться, как своих родителей, — все это будет осуществляться сообща в каждой корпорации и в каждой мастерской, где дети каждого пола будут обучаемы отдельно подходящим для них занятиям.

IX

Кроме механических упражнений в определенной профессии учителя и учительницы, равно как и старшины профессий, будут делать детям наставления морального характера. Если по мере развития умственных способностей у детей некоторые из них придут к мысли о существовании божества и, услышав разговоры об этом, станут задавать вопросы относительно этого высшего существа, тогда им объяснят, что это благодетельная первопричина всего, чем они восхищаются и что они находят привлекательным и хорошим. Наставники остерегутся всячески давать детям какие-либо туманные представления об этом неизреченном существе и пытаться объяснить его природу терминами, лишенными смысла. Детям скажут просто, что создатель вселенной может быть познаваем только по его творениям, которые свидетельствуют о нем только как о существе бесконечно добром и мудром, но несравнимом ни с чем смертным. Молодым людям объяснят, что заложенные в человеке чувства общественности суть единственные выразители намерений божества и, лишь наблюдая их, можно достигнуть понимания того, что такое бог. Им скажут, что цель законов — совершенствовать эти чувства и систематически применять их предписания ко благу общества.

X

Все нравственные предписания, правила, размышления будут выводимы из основных и священных законов, притом всегда в направлении к общественному единению и любви. Предметом призыва будет осуществление нераздельной связи личного счастья с общим благом, а целью поощрений будут служить уважение и дружба близких людей, сограждан и начальников.

XI

Начальники и сенаторы будут внимательно следить за тем, чтобы законы и уставы о воспитании детей соблюдались всюду точно и единообразно, в особенности же, чтобы мудро исправлялись и предупреждались недостатки детского возраста, могущие пробудить дух *собственности*. Они воспрепятствуют также тому, чтобы детский ум пропитался с самого нежного возраста какими-либо смехотворными баснями, сказками и выдумками.

XII

В возрасте 15—16 лет, когда молодые люди женятся, они покинут общественные академии, чтобы вернуться в отцовский дом, откуда они будут в назначенные часы отправляться ежедневно в мастерские, чтобы там заниматься своей профессией, пока не достигнут надлежащего возраста для занятия земледелием. Тогда они перейдут в предназначенные для этого помещения.

*Законы о научных занятиях,
долженствующие помешать блужданиям человеческого ума
и всяким трансцендентным⁵ мечтаниям*

I

Число лиц, посвящающих себя наукам и искусствам, которые требуют больше проницательности, изобретательности и талантов, чем физической силы, будет твердо устанавливаемо как для каждого рода занятий, так и для каждого города. Соответственное обучение граждан, обнаруживших наибольшие задатки, начнется рано, причем, однако, это не освободит их от занятия какой-нибудь отраслью земледелия, когда они достигнут надлежащего возраста для работы в ней. За исключением числа учителей и учеников, установленного для наук и искусств, никому не будет дозволено посвящать себя им ранее тридцатилетнего возраста. (...)

II

Никакой иной моральной философии, кроме той, которая трактует о плане и системе законов, не будет. Наблюдения и предписания этой науки будут основываться только на полезности и мудрости этих законов, на сладости уз родства и дружбы, услуг и признательности, которые связывают со-

граждан, на любви к труду и пользе его, на всех общих и частных правилах доброго порядка и полного согласия. Изучение этой науки будет общее для всех граждан. <...>

V

Будет существовать своего рода кодекс всех наук, где к метафизике и морали никогда не будет добавляться ничего выходящего за границы, предписанные законами; вновь заноситься туда будут только открытия в области физики, математики и механики, подтвержденные опытом и рассуждением. <...>

*Законы о наказаниях, столь же немногочисленные,
как немногочисленны нарушения долга,
столь же мягкие, сколько действительные*

I

Всякий гражданин, без различия ранга и достоинства, хотя бы это был даже глава нации, который окажется — страшно подумать! — настолько извращенным, что лишит жизни или смертельно ранит кого-нибудь, или же попытается посредством интриги либо иным путем уничтожить священные законы с целью ввести проклятую собственность, — будет судим Верховным сенатом и, по признанию виновным, заключен на всю жизнь, как буйный помешанный и враг человечества, в построенную на кладбище пещеру. <...> Его имя будет навсегда вычеркнуто из списка граждан, его дети и вся его семья отрекутся от этого имени и будут зачислены отдельно в другие трибы, города или провинции, причем, однако, никому не будет дозволено относиться к ним с презрением или ставить им в укор вину их родителей, под страхом изгнания из общества на два года. <...>

XIV

Лица, облеченные властью, обязаны будут сами следить за своими подчиненными, выговаривать им или наказывать их в случаях, предоставленных их компетенции, передавать виновных в распоряжение высшей власти за более значительные вины без всякого снисхождения, под страхом лишения своей должности на время или навсегда, смотря по важности упущения.

Печатается по: Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов. М.—Л., 1956, с. 66, 73—79, 80—81, 95, 96, 115—117, 121, 122, 140—141, 145, 146, 169, 170, 194, 209—225, 232—242, 244, 248.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Кодекс природы» был издан анонимно в Амстердаме в 1755 г. В 1841 г. «Кодекс» был издан Ф. Вильгарделем впервые под именем Морелли.

На русском языке «Кодекс» был опубликован в 1923 г. под редакцией акад. В. П. Волгина. Настоящая публикация сделана с издания «Кодекса природы» в переводе М. Е. Ландау, под редакцией Ф. Б. Шуваевой, вышедшего в серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина, изд-во «Academia», 1956.

² См. наст. изд., с. 13; 22; с. 208, прим. 2; с. 295, прим. 2.

³ Общее название, данное греками населению, обитавшему в VII в. до н. э.— III в. н. э. в Северном Причерноморье; некоторые греческие авторы приписывали скифам общность имущества.

⁴ Триба (лат. *tribus*) соответствовала в Древнем Риме, во-первых, племени, во-вторых, территориальному и избирательному округу. Здесь, видимо, территориально-социальная единица: триба объединяет несколько семей и соответствует кварталу города.

⁵ Трансцендентный (от лат. *transcendental* — выхожу за пределы) — запредельный по отношению к чему-то.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин В. П. Очерки по истории социализма, 4-е изд., доп. М.—Л., 1935.
 Волгин В. П. Коммунистическая теория Морелли.— В кн.: Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. М.—Л., 1956.
 Вольский С. Морелли.— В кн.: Идеи планирования в прошлом и настоящем. М., 1930, кн. 2.
 Разумовская М. В. Утопическая поэма Морелли и роман «Письма перуанки». — Филологические науки, 1975, № 2.

ГРАКХ БАБЕФ

1760

1797

Родители нарекли его обычным именем — Франсуа Нозль. Сам он назвал себя потом (в начале 90-х годов) Гракхом, чтобы память о двух братьях, народных трибунах Древнего Рима, всегда была с ним.

Вся жизнь Бабефа — с самого раннего детства — непрерывная борьба.

Сначала, как, впрочем, и всю остальную жизнь, — с нуждой. Отец его, потомственного крестьянского рода, был отставным военным, некоторое время — мелким чиновником, затем поденщиком, батраком. О школе мальчику нечего было и думать. Отец сам обучил его тому, что знал. Подростком Бабеф ходил «по людям», чтобы хоть немного помочь

семье, находившейся в самой горькой нужде. К двадцати годам ему удалось стать чиновником, занимавшимся приведением в порядок феодальных архивов. Эта служба дала возможность Бабефу хорошо постигнуть ту механику, посредством которой дворянство во главе с королем ищадно угнетало трудовой народ — крестьянство, рабочих мануфактур, городскую бедноту.

Бабеф становится непримиримым врагом феодально-абсолютистских порядков. И где бы потом он ни бывал, где бы ни проживал — в провинциальных городках или в самом Париже, он не прекращал борьбу против деспотов и угнетателей народа.

Еще до революционных событий, потрясших Францию в 1789—1793 гг., Бабеф приходит к коммунистическим идеям (отметим, между прочим, знакомство его с идеями Мабли), выступает за коллективное ведение хозяйства («коллективные фермы»), в защиту «самого низшего класса человеческого рода».

Когда в 1789 г. король вынужден был созвать съезд представителей всех сословий, так называемые Генеральные штаты, которые не собирались уже более полутора столетий, Бабеф, служивший в поземельном архиве в городе Руа, редактирует указы города Генеральным штатам, устраивает публичное сожжение бумаг архива, дарующих привилегии феодалам.

В дни, когда восставшие парижане штурмуют Бастилию — один из самых мрачных застенков Парижа, олицетворявший феодальный абсолютизм, Бабеф оказывается в столице. Он активно участвует в политической, литературной борьбе, выпускает известный свой труд «Постоянный кадастр», требуя уничтожения дворянского землевладения и осуществления «аграрного закона» — уравнительного раздела всех земель.

Трудно проследить за дальнейшими перипетиями жизни Бабефа в сложных, быстро меняющихся условиях революции. То он в Руа, то в каком-либо ином провинциальном городке, то в Париже. Временами он служит, постоянно вступая в острые конфликты с местной знатью. Иногда ему удается издавать собственные газеты — «Газету свободы печати», позже — «Народный трибун». Его много раз арестовывали. Неоднократно ему приходилось жить на нелегальном положении, и вместе с ним его жеие, сыновьям (их у него трое).

В феврале 1795 г. — очередной арест. Бабефа отправляют в одну из тюрем города Арраса. В ней тогда находилось уже немало революционеров различного толка. Тут-то и начинается вызревать «Заговор равных».

В октябре того же года власти вынуждены освободить Бабефа и его друзей. Оказавшись на свободе, он всю энергию отдает созданию конспиративной централизованной организации, которая осуществит новую революцию, установит диктатуру трудящихся, что в конце концов приведет к подлинному равенству: в будущей республике не будет частной собственности; более того, в ней будет запрещено все, что не может быть предоставлено каждому...

Руководит всем «Тайная Директория Общественного Спасения» из семи человек во главе с Бабефом. Ведется широкая агитация среди рабочих и бедноты Парижа, в войсках гарнизона. Агитаторы едут и в провинцию. Уже почти завершена подготовительная работа, надвигающееся восстание должно смести реакционную Директорию...

9 мая 1796 г. начались аресты: один из членов организации оказался предателем. Был арестован и Бабеф. После долгого судебного разбирательства 26 мая 1797 г. был оглашен приговор. Бабеф и ближайший его сподвижник Дартэ приговорены к смертной казни и на другой день гильотинированы. «Мужество им не изменило, — писал друг и соратник казнённых Буонарроти, — сильные духом, они пошли на казнь, как на триумф».

В предсмертном письме жене и детям Бабеф писал: «Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего благополучия...»

ТЕКСТЫ¹

ПИСЬМО ДЮБУА ДЕ ФОССЕ

июнь 1786 г.

Подлинная цивилизация, а это название следует давать только той, которая не находится в противоречии с законом нашей природы, но вытекает из него, подлинная цивилизация, говорю я, не допускает этого постоянного движения то вперед, то назад, этого нескончаемого прилива и отлива, где в непрерывном волнении этот уровень то ищет себя, то бежит от себя. Подлинная цивилизация принимает и величественно закрепляет для себя некий уровень, который означает конец всех бед, всех стенаний, всех рыданий, всякого зубовного скрежета. Лишь когда все спокойны за свою судьбу, тогда только достигается цель человеческого общества, ибо, если только оно не является сообществом, враждебным принципам справедливости, оно должно быть установлено с единственной целью, чтобы слабый не был более несчастен, чем сильный, жена не была более несчастной, чем муж, мать — несчастливее, чем отец, чтобы дети не были несчастнее отца и матери, сестры — братьев, младшие — старших. Счастье отдельных личностей, семей, народов, полов может быть лишь следствием уравнивания: уравнивание способствует совершенству и уничтожает лишь то, что разрушительно. Раньше или позже оно уничтожит порабощение женщины; оно провозгласит ее освобождение.〈...〉

Рождаясь, человек〈...〉начинает осуществлять свое естественное право². Все дети одинаково чувствуют, что они имеют право жить. Это их естественное право, которому у родителей соответствует обязанность, выполняемая ими с любовью, ибо они счастливы кормить их, одевать, направлять и защищать до тех пор, пока они не будут в состоянии содержать себя собственным трудом.〈...〉

Любому человеческому существу, достигшему возраста силы и разума, если оно в добром здравии, природа обыч-

но дает больше сил, чем необходимо для поддержания своего существования. Предусмотрительная природа, заложившая в сердце человека социальный инстинкт, предназначила продукт этого избытка обществу, т. е. той части индивидуальной семьи, которая еще не способна обеспечить удовлетворение своих потребностей, — детям, а также той части как индивидуальной, так и общей семьи, которая временно или окончательно уже не способна, — больным, старикам, увечным. Природа — мать для всех нас, если она нам дала избыток силы, то не для того, чтобы мы им злоупотребляли и выкраивали себе львиную долю: мы все ее дети, и она хочет, чтобы мы обращались друг с другом как братья. *Распределение! Распределение!* На этой столь обширной и столь плодородной земле есть все, что нужно для удовлетворения потребностей каждого. Распределение без исключений, без предпочтений — таково желание и повеление природы. Всякий раз, как ребенок, старец, больной, увечный страдают или умирают вследствие нужды, мрачные последствия этого презрения к их праву на жизнь возлагают страшную ответственность на все общество, но особенно на тех, кто в своей необузданной жадности присвоил себе больше, чем следовало по его естественному праву.

Каждый, кто из любви к праздности, с преступным умыслом эгоиста приравнивает себя к неспособным трудиться, чтобы поглощать предназначенный для них избыток произведенных благ, является паразитом, недостойным никакого сочувствия: ничего не заслуживает тот, кто может и не хочет применить силы и способности, данные ему природой. Такой бездельник отрекся от своего естественного права, и если он не исправится, он будет лишен его. Он сам себе вынес смертный приговор. В любом истинно справедливом и истинно братском обществе такого рода лень была бы чем-то неслыханным, и если бы мне позволено было рассмотреть здесь до конца все вопросы, я мог бы без труда доказать, что она будет единственным преступлением, в отношении которого должна быть сохранена смертная казнь; ее исполнение заключалось бы в том, что общество оставило бы такого человека на произвол судьбы. (...)

Собственность, в той степени, в какой она является просто способом осуществления права на жизнь, одним из выражений того, что есть наиболее основного, наиболее существенного в естественном праве, заслуживает не меньше уважения, чем само это право, ибо в этом случае она является лишь

одним из элементов труда, способность к которому дана была человеку как единственный способ воспрепятствовать тому, чтоб это право стало иллюзорным. Но есть и чрезмерная собственность, которая распространяется за пределы подлинного права. Appetit к собственности есть что-то всепоглощающее, это страсть не менее жгучая и не менее отвратительная, чем жажда золота. Достаточно пробудиться этому аппетиту, как он возбуждается и возрастает от всего, что человек себе присваивает: под его влиянием собственность становится похожей на масляное пятно, она захватывает все больше и больше и стремится постоянно расширяться, так что нет возможности сказать, где она остановится, или указать какую-нибудь уважительную причину этого движения. Чем больше имеет зараженный этой манией собственник, тем больше он хочет иметь. «У него глаза больше, чем живот» — гласит пословица. Он жаждет все огородить, все захватить, все притянуть к себе — равнину, косогор, холм, все, что охватывает его взор. Все это он хотел бы для себя, для себя одного; красивые виды, перспективы, водные пути, горизонты — все должно быть в его власти, он бы рад завладеть земным шаром. (...)

Сколько преступлений можно поставить в упрек крупной собственности! (...)

Откуда такое плохое распределение людей на Земле? Дело в том, что до настоящего времени человеческого общества не было. Существуют только общества, т. е. более или менее значительные скопления людей, наций, лишенных свободы и просвещения, с которыми честолюбивые и деспотические вожди обращались как со своей собственностью, считали принадлежащими им телом и душой и старались вызвать у них взаимную вражду, чтобы еще сильнее их поработить и иметь возможность, по своему усмотрению, следуя своему капризу или выгоде, бросить их на арену битв и заставить истреблять друг друга. Дело в том, что до сих пор каждое из этих объединений, т. е. отдельное общество, со своим языком, своей одеждой, своими нравами, своей религией, своими предрассудками, своими антипатиями, разжигаемыми и поддерживаемыми, имело собственные гражданские законы и собственные политические законы, направленные против всемирного братства. Каждое из этих обществ было загнано в свои границы как скот и тиранической властью своих повелителей удерживалось в состоянии нищеты. В целом в истории человечества были общества, но Общество,

это высокопочтаемое едннство, на которое всегда ссылаются, от нмеин которого постоянно говорят, это великое общество существует лишь в воображенни. Это общество, едннственно подлинное, это общество, прекрасное царящим в нем согласнем, не будет нметь правнтельства, а только администрацию, а это, по-моему, далеко не одно н то же.<...>

ПОСТОЯННЫЙ КАДАСТР³

<...>В естественном состоянии все люди равны. Нет никого, кто не согласился бы с этой истиной. Однако для того, чтобы оправдать крайнее неравенство имуществ в общественном состоянии, утверждают, что даже в состоянии дикости все люди, строго говоря, не пользовались абсолютным равенством, потому что природа не наделила каждого из инх в одинаковой степени чувствительностью, умом, воображеннем, трудолюбием, активностью н силой; следовательно, она не наделила людей одинаковыми средствами, чтобы работать для своего счастья н приобретать те блага, которые его обеспечивают. Но если общественный договор был, действительно, заключен на основе разума, разве он не должен был нметь целью устранение того, что есть порочного н несправедливого в естественных законах?<...>

Вместо этого общественные законы дали возможность интриге, хитрости н изворотливости ловко овладеть общественной собственностью.<...>

Естественный порядок может быть нскажен, изменен, потрясен, но его полное разрушение само ведет к его восстановлению. Если после того, как большинство людей будет полностью лишено земли, они лишатся еще и возможности выйти из положения с помощью труда, то какое же решение они примут? «Надо уважать собственность!» Но если из двадцати четырех миллионов человек пятнадцать миллионов не имеют инкакой собственности, нбо остальные девять миллионов не проявили достаточного уважения к нх правам, чтобы обеспечить нм по крайней мере средства поддержания их существования, так что же, пятнадцати миллионам надо решиться умереть с голоду из любви к девяти миллионам в благодарность за то, что те нх полностью ограбили? Вероятно, они не очень охотно на это решатся, н богатому классу лучше было бы добровольно выполнить свой долг перед ними, чем ждать, пока они не придут в отчаяние.

Кто-то уже сказал: «Каждый человек должен иметь возможность найти себе работу, и законы должны следить за тем, чтобы оплата была достаточной для его существования».

Мы должны повторить сами себе: небольшое число людей могло все захватить только благодаря укоренившемуся мнению, предоставившему непомерное вознаграждение за определенные виды деятельности. Это замечание имеет в виду влияющие феодального режима и хитрости духовенства. Имущественное неравенство никогда не дошло бы до такой возмутительной крайности, если бы всегда сохранялось убеждение в том, что все профессии одинаково ценны, когда они имеют целью общую пользу, и что *всякий человек, обладающий добродетелями, делает честь своему ремеслу*. (...)

ПИСЬМО Ж.-М. КУПЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЮ ⁴

Бове, 10 сентября 1791 г.

(...) Я раздумываю о том, чего можно ждать от человека, проповедовавшего глухим следующие достопамятные истины (которыми, я убежден, он сам пропитан), что «необходимо проникнуться теми великими принципами, на которых зиждется общество, — первоначальное равенство, общие интересы, общая воля, декретирующая законы, и сумма всех сил, составляющая суверенитет».

Брат! Предписание древнего закона — любви ближнего своего, как самого себя; прекрасное правило Христово — делайте другим все то, что вы хотели бы, чтобы они делали вам ⁵; конституция Лигурга ⁶, самые прекрасные учреждения римской республики — я имею в виду *аграрный закон*; Ваши принципы, только что мною воспроизведенные; мои принципы, изложенные Вам мною в моем последнем письме, состоящие в обеспечении всем людям, во-первых, пропитания и, во-вторых, равного образования; все это отправляется от единой общей точки и направлено опять-таки к единому общему центру.

И этот центр — это все та же единая цель, к которой будут стремиться все конституции мира, по мере того как они будут совершенствоваться. Тщетно опрокидывать троны королей, учреждать республику, постоянно произносить слово «равенство» — вы всегда будете гнаться за пустым призраком и ничего не добьетесь.

Мой брат, Вам я это говорю в полный голос, но еще не скоро я осмелюсь говорить это шепотом другим людям: *аграрный закон*, это закон, которого страшатся и приближение которого чувствуют богатые и о котором совсем не думают многочисленные бедняки, т. е. сорок девять пятидесятих человеческого рода, который, однако, без этого закона полностью вымрет на протяжении самое большее двух поколений (мы вместе произведем математическую проверку этого ужасного предсказания в любой момент по Вашему желанию); этот закон, который, как мы с Вами в этом убедились, был предметом самых горячих желаний Маблн; этот закон, который возникает на горизонте столетий только при обстоятельствах, подобных тем, в которых мы находимся, т. е. когда крайности сходятся, когда земельная собственность, единственное подлинное богатство, сосредоточена в немногих руках, а всеобщая невозможность утоления страшного голода побуждает большинство людей требовать передачи им великого мирового поместья, где творец хотел, чтобы каждый обладал необходимой частью для добывания своего пропитания; этот закон<...> есть вывод из всех законов<...>

Нельзя, я думаю, ожидать хорошего приема, если выступить напрямик с предложениями такого рода в нашем несчастном собрании. Его добродетель окажется вынужденной в борьбе с коррупцией пользоваться оружием, которое обычно применяется последней: политике надлежит противоставить политику. Первые постановления должны быть хорошо замаскированы, и они несколько не должны казаться направленными к согласованной цели.<...>

Земля не должна быть отчуждаемой;<...> каждый человек при своем рождении должен найти ее в достаточном размере, как он находит воздух и воду, а умирая, он должен оставить ее в наследство не своим близким, а всему обществу;<...> только система отчуждаемости привела к тому, что у одних оказалось все, а другим не осталось ничего...

Мои пожелания заключаются в том:

1) Чтобы депутаты любого Законодательного собрания признали от имени народа, что термин «Учредительное собрание» — это нелепость; что уполномоченные народом депутаты обязаны всегда делать все, что они признают полезным для счастья народа... Из этого вытекает обязанность и необходимость дать средства существования этому огромному

большинству народа, которое, несмотря на всю свою добрую волю трудиться, уже не имеет их: *аграрный закон, совершенное равенство.*

2) Что право вето, подлинный атрибут суверенитета, должно принадлежать народу, и с достаточно очевидным успехом (поскольку мы увидим в дальнейшем в небольшом сочинении, озаглавленном «О ратификации закона», о котором я Вам сообщал, что мои аргументы похожи на те, которыми пользуется автор) я доказал возможность его осуществления вопреки всему, что могло бы быть сказано против этого... Не следует ли ждать от этого народного вето, что страждущая и постоянно до того подверженная жестокому чувству голода сторона выдвинет требование обеспеченного имущества: *аграрный закон.*

3) Чтобы не было больше разделения граждан на несколько классов; чтобы все были допущены ко всем должностям; чтобы всем были предоставлены права голосовать, высказывать свои мнения на всех собраниях; чтобы серьезно наблюдали за собранием законодателей; чтобы соблюдалась свобода собраний в общественных местах, чтобы не было никаких осадных положений; чтобы был уничтожен корпоративный дух в национальной гвардии путем приема туда всех граждан без исключения и без другого назначения, кроме борьбы с внешними врагами родины... Из всего этого неизбежно воспоследует активное соревнование, усиление духа свободы, равенства, гражданской энергии, большие средства выявления общественного мнения и, следовательно, выражения общей волн, которая в принципе есть закон; требование первейших прав человека, следовательно, честно обеспеченного хлеба для всех: *аграрный закон.*

4) Чтобы все государственные дела рассматривались на пленарных заседаниях и чтобы не было больше комитетов... Таким образом, исчезнут небрежность, апатия, беспечность, эта склонность полностью полагаться на мнимое благоразумие горсти людей, ведущих за собой целое собрание и около которых гораздо легче быть соблазненным коррупцией. Отсюда же следует, что все сенаторы обязаны серьезно заниматься поставленным на обсуждение вопросом и определить свое отношение к нему со знанием дела. Это будет также предупреждением всем защитникам народа о необходимости отстаивать его самые заветные интересы, следовательно, о наблюдении за тем именно, чтобы все могли жить: *аграрный закон...*

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО САНКЮЛОТОВ, ИЛИ СОВЕРШЕННОЕ РАВЕНСТВО ⁷

[апрель — май 1793 г.]

Требование прав 24 миллионов людей по отношению к 25-му миллиону.〈...〉

Если признано, что в вознаграждение за работу, которую он умеет делать, человек имеет право требовать от общества все, что ему необходимо для существования, т. е. не только хлеб, но и все вещи, соответствующие сумме потребностей общественного человека, то исследование моей задачи уже очень продвинуто... или, даже вернее, ее решение уже полностью налицо.

Но мой план предусматривает (чего никто еще не делал):

1) подробно разработать неоспоримые доказательства справедливости этого права каждого никогда и ни в чем не нуждаться и постоянно пользоваться всеми возможностями, являющимися результатом труда и производства всего общества;

2) обосновать способы, как сделать возможным равное распределение между всеми членами общества всего необходимого для счастливого существования каждого из них.〈...〉

ПИСЬМО СЫНУ ⁸

14 плювиоза [2 февраля 1794 г.]

Ты прав, братец мой, восхваляя принцип, содержащийся в Декларации прав: не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы делали тебе.

Это прекраснейшее из всех правил. Если бы люди точно следовали ему, они все были бы счастливы. Каждый сказал бы: я хочу пользоваться всем, что мне необходимо, но я должен желать, чтобы и все другие, мне подобные, люди также пользовались всем, что им необходимо. Таким образом, я должен иметь лишь ту долю средств, которую возможно предоставить каждому члену общества в вознаграждение за то, что каждый в соответствии со своими способностями будет участвовать в труде на пользу общества. Таким образом, можно будет сказать, что царит равенство, что все люди — братья. Не будет больше бездушных богачей, оскорбляющих

14 Pluvîôse.

Tu as eu raison, mon frère,
de trouver bien beau le
principe contenu dans la
Déclaration des Droits: Ne
fais pas aux autres ce que
tu ne voudrais pas qu'il te
fût fait.

C'est là la plus belle de toutes
les maximes. Si les hommes la
suivaient bien exactement, ils
seraient tous heureux. Chacun
dirait: Je désire jouir de tout
ce qui m'est nécessaire, mais
je dois désirer que chacun des
autres hommes mes pareils
jouissent également de tout ce
qui leur est nécessaire; ainsi
je ne dois ~~posséder~~ avoir
que la portion de jouissances
qu'il est possible de procurer à

бедняков. Не будет больше бедняков, лишенных всего и вынужденных для поддержания своего печального существования продавать свои услуги богатым, становиться их рабами, покоряться во всем их воле. Друг мой, это столь драгоценное равенство, возвышенный принцип которого так поразила тебя, это и есть моя мораль, это религия твоего отца, его конституция, его основной закон, это предмет всех его привязанностей, и он полагает, что пока люди не примут эту систему, не будет между ними ни мира, ни благоденствия, ни справедливости. Многие люди, недостаточно осознавшие исключительную справедливость этой системы и то, как легко ее организовать, возражают против того и другого. Но их очень легко убедить в неосновательности их суждений и заставить их замолчать. Именно это я постараюсь доказать тебе со всей очевидностью и разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца, до установления этой системы совершенного равенства, которое обеспечит всеобщее счастье, тем более восхитительное, что оно будет построено на основаниях, делающих его неизменным. Только по достижении этой цели завершатся усилия нашей республики.

Твой папа целует тебя

Г. Бабеф

ПИСЬМО ШАРЛЮ ЖЕРМЕНУ⁹

* 10 термидора III года [28 июля 1795 г.]

(...) Это хорошо, что ты предвидишь все те возражения, которые враги рода человеческого не преминут выдвинуть против нашей системы, вернее против системы природы. Излагая эти возражения, ты вместе с тем их опровергаешь. Ты их опровергаешь довольно успешно, однако, на мой взгляд, ты оставляешь некоторые слабые, незащищенные места. Мне кажется, что нашим противникам было бы легко побить нас, если я не приду к тебе на помощь, противопоставив им нечто посильнее того, что ты выдвигаешь против них.

«Вы разрушаете торговлю, вы уничтожаете промышленность, вы утверждаете туеядство; сельское хозяйство будет заброшено вследствие того, что великая семья окажется перед необходимостью мобилизовать многочисленные фаланги, чтобы завоевать и обеспечить свою независимость»¹⁰

Таковы возражения, которые ты предвидишь, и я думаю, что в самом деле трудно представить себе другие, заслуживающие того, чтобы их опровергали. Мы сейчас рассмотрим в отдельности каждое из только что изложенных.

«Вы разрушаете торговлю». Конечно, мы разрушаем торговлю, и мы это делаем вполне сознательно. Ты, мой друг, мой дорогой генерал, очень кстати напоминаешь нам о примере Ликурга¹¹, который в своей республике тоже разрушил торговлю и объяснил нам, что это — тончайший яд, используемый тиранами для того, чтобы прivity поработленным им народам пагубное влечение к роскоши и пышности; ты привел нам также пример Тира и Карфагена¹², павших под бременем собственного величия вследствие крайностей роскоши, изнеженности, похоти и деградации человеческой личности, этих уродливых неизбежных порождений торговли. Но разве не можем мы добавить нечто более убедительное, более наглядное, попросту внимательно и пристально приглядевшись к уязвимым местам торговли, к ее результатам, к тому воздействию, которое она оказывает на большинство граждан, на ее свойство выкачивать пот почти из всех, дабы создавать золотые озера для очень немногих? Сторонники торговли говорят, что она должна все оживать. Она должна доставлять пищу всем своим агентам, от рабочего, возвращающего и обрабатывающего сырье, до руководителя мануфактуры, управляющего большим производством, и купца, доставляющего готовые изделия в различные точки государства. Да, торговля должна это делать, но она этого не делает. Она должна доставлять пищу всем своим агентам, она должна доставлять ее равными долями, но она доставляет ее очень неравными долями. Я спрашиваю вас, кто такие эти 99 плохо одетых людей из 100, которых я встречаю на улице? Присмотревшись, я замечаю, что все они агенты торговли. Я вижу, что те, кто выращивает лен, коноплю, кто их обрабатывает, равно как и шерсть, кто прядет то и другое, кто делает плотно и ткани, кто обрабатывает кожи, отделяет обувь, почти все сами ходят без рубашки, без платья, без обуви. Я также вижу, что почти во всем нуждаются те, кто своими руками делает мебель, хозяйственные и ремесленные инструменты, строит дома и т. д. Если затем я наблюдаю то незначительное меньшинство, которое ни в чем не нуждается, я вижу, что его составляют все те, кто ни к чему не прикладывает рук, все те, кто только считает, комбинирует и постоянно придает все новые формы весьма старому заговору одной

часть против целого; я имею в виду тот заговор, посредством которого заставляют работать множество рук, но те, кому эти руки принадлежат, не получают плодов своей работы; эти плоды скапливаются в огромном количестве в руках преступных спекулянтов, следящих за тем, чтобы они расходились только между их сообщниками, умеющими, подобно им самим, обзавестись денежными знаками, справиться с установленными по соглашению между ворами ценами всех вещей и сделать так, чтобы огромное множество рук, из коих все вышло, не могли ничего приобрести, ни к чему дотронуться или получили лишь пышную пену или тощую корочку. Трибун Гракх возмущен до бешенства при виде такого беспорядка. Он также говорит: торговля должна все оживить, она должна доставлять *равное* пропитание всем своим агентам. {...}

Уничтожение торговли в том виде, в каком она ныне существует, входит в план Гракха, в этот план, устраивающий всякого рода злоупотребления. Стало быть, ясно, что мы уничтожаем только злоупотребления торговли, а не саму торговлю. {...} Когда все работницы производства будут отправлять на общий склад продукты своей индивидуальной работы в натуре и агенты распределения, работающие не на себя, а в интересах великой семьи, направят каждому гражданину его равную долю общей массы продуктов всей ассоциации в возмещение всего сделанного для них выработки, тогда, я полагаю, торговля не только не будет уничтожена, но и будет усовершенствована, ибо станет выгодной для всех. {...}

«Вы уничтожаете промышленность». С чего вы это взяли? Наши учреждения никого не перемещают, не расстраивают ничего из того, что есть. Все, что ныне делается, будет делаться и впредь, то, что каждый производит, будет производиться и дальше, и теми же лицами. Земледелец останется земледельцем; то же будет и со всеми другими работниками. Вся перемена будет состоять в том, что вместо того, чтобы каждый, как ныне, занимался своим промыслом ради своей малой Республики, все будут заниматься им в пользу большой Республики; вместо того, чтобы быть вынужденным ломать себе голову, придумывая, как бы мне обмануть моих ближних относительно важности выполняемой мной работы, либо стараясь создать преувеличенное представление о ее ценности, либо присваивая большое количество материалов или рабочих рук, — вместо всего этого я работаю свободно и спокойно

но, чтобы сделать лишь то, что должен сделать один человек, будучи уверенным: то, что я делаю, доставит мне и моей семье все необходимое; наконец, вместо того, чтобы быть вынужденным обменивать работу моих рук, как в прошлом, на денежные знаки, иной раз превышающие, а в другой раз не достигающие уровня моих повседневных потребностей, я буду обменивать эту работу на все необходимые мне предметы и буду уверен в том, что эта же работа всегда доставит мне все, что мне нужно, даже в те промежутки времени, когда я не смогу работать, а именно: в детстве, во время болезни и в старости,— ибо общество, заинтересованное в том, чтобы быть справедливым, примет на себя обязанность в виде аванса взять меня на иждивение в моем нежном возрасте, во время моей нетрудоспособности, а также в моей старости с тем, чтобы я мог служить обществу в том возрасте, когда я нахожусь в расцвете сил. Где тот безрассудный человек, который сочтет недостаточным поощрением эту гарантию, что ни он, ни его дети никогда не испытают недостатка в чем-либо? Чего же большего можем мы желать от наших нынешних учреждений? Мы, конечно, ненасытны: наши замыслы обогащения не имеют границ, но это происходит потому, что сами наши учреждения таковы, что нет столь огромного состояния, которое не могло бы исчезнуть под воздействием неизбежных случайностей. Мы никогда не уверены в том, что наше потомство и мы сами застрахованы от нужды. Но мы неизбежно ограничим свое тщеславие, когда будем знать как обуздать судьбу, когда у нас уже не будет больше никакой тревоги ни относительно нашей собственной участи в любую пору жизни, ни относительно участи всех наших потомков.

«Вы утверждаете тунеядство». Наоборот, именно его мы и уничтожаем. Предлагаемое нами равное распределение продукции всех объединенных промыслов основывается на обязательном равенстве вкладов, по крайней мере в той степени, в которой природа наделила каждого либо интеллектуальными, либо физическими способностями. Таким образом, поскольку одним из главных устоев ассоциации является обязательство сотрудничать, дабы иметь право получать, бездельники среди нас не смогут безнаказанно существовать. Закон объявит, что посягать на равенство есть тяжкое преступление и что пытаться получить свою долю, ничего не сделав для того, чтобы ее заработать, столь же серьезное посягательство на равенство, как и попытка получить долю двоих. Никому не будет позволено жить за счет других, в

Республике не будет трутней. Совсем нетрудно будет установить за ними наблюдение, которое будет их сдерживать; и, внимательно рассмотрев этот вопрос, я предвижу, что в нашей системе уголовному кодексу не придется предусматривать другие случаи, кроме преступления против равенства, состоящего в нежелании работать; я также предвижу, что судам не придется карать за другие преступления, кроме этого.

«Сельское хозяйство будет заброшено, вследствие того что великая семья окажется перед необходимостью мобилизовать многочисленные фаланги, чтобы завоевать и обеспечить свою независимость». Я нахожу, что ты достаточно на это ответил одним лишь напоминанием о мобилизации 1,5 млн. человек во Франции. Эта мобилизация вовсе не привела к упадку сельского хозяйства. Чтобы распространять противоположные взгляды, надо быть или злонамеренным, или неспособным усвоить, подобно парижанам, правильные представления о соотношении между численностью сельского населения и числом рабочих рук, необходимым для ведения сельского хозяйства. Людям, обладающим несколько более точными представлениями, известно, что, благодаря применению [сельскохозяйственных машин], таких как плуг и другие вспомогательные орудия, и благодаря тому, что объединение земельных владений в немногих руках привело повсюду к созданию крупных хозяйств, сейчас имеется рабочих рук в 10 раз больше, нежели их требуется для обработки земли, а кто видел и наблюдал деревню до революции, может сказать, сколько он видел людей, пребывающих в томительной праздности. Если бы сохранился старый порядок вещей, то после роспуска всех наших армий это явление повторилось бы, и в еще более устрашающем виде, с еще более катастрофическими признаками, ибо, вернувшись в свои деревни, наши солдаты образовали бы колоссальную массу работников, нуждающихся в занятии, чтобы заработать на жизнь, и не находящих этого занятия вследствие чрезмерной конкуренции.

Итак, нечего бояться, что земледелие будет заброшено. (...)

Ты очень правильно думаешь, и твое мнение точно совпадает с моим, относительно прекращения всякой торговли с нашими соседями на то время, пока не закончится дело обновления. Даже и после его завершения нам вовсе еще не нужно торговли одной нации с другой. Мы, конечно, сами

обладаем, как ты это отмечаешь, тем, что нам необходимо, и мы должны быть достаточно трезвыми и достаточно умеренными в наших желаниях, чтобы уметь обходиться без чужеземных излишеств. Они могли бы возродить у нас вкус к изнеженности и роскоши, и это бы нас опять погубило. Кроме того, государственная торговля могла бы привести к возвращению частной торговли и идей, порождаемых алчностью. Однако, как и ты, я хочу, чтобы мы не изолировались, как волки, от других жителей Европы, я хочу, чтобы мы отнюдь не стали непреступными для них, и я также согласен на то, чтобы они могли приезжать, наслаждаться зрелищем нашего счастья и увозить с собой прекрасное желание подражать нам; все это вопреки тому, что великий народ, одаренный некоторой мудростью, китайцы, дали нам пример знаменитой стены, будто бы не позволяющей иностранцам порокам, иностранному властолюбию преступно приближаться к земле, искони являющейся убежищем для многих добродетелей. Но я хотел бы, чтобы мы явили восхищению созерцанию других народов еще одну добродетель, которая выразилась бы в том, чтобы дать им, исключительно в виде дара, все наши излишки, и с искренним простодушием принять, только в качестве подарка, не требуя его, все, что они захотят нам предложить.

Это, конечно, великая идея — твоя надежда на воодушевление одного человека другим, на внезапное побуждение к свободе большей части рода человеческого. Но надо еще посмотреть, что осуществимо. То, что ты предлагаешь, было бы осуществимо, если бы было возможно беспрепятственно пропагандировать достаточно продолжительное время, чтобы массе стала совершенно ясной та цель, в достижении которой она заинтересована. Но если бы ты захотел посвятить в это дело всю страну, прежде чем попытаться осуществить наш замысел, ты был бы задержан на первых же шагах теми, кто ныне располагает властью; ты, стало быть, был бы вынужден произвести через своих надежных исполнителей без предварительной подготовки умов в одну ночь, в один час, твой всеобщий пожар¹³. Но твоих надежных исполнителей приняли бы за разбойников, и с ними расправились бы попросту, как с поджигателями. Неважно, что они одновременно распространяли бы наш священный манифест. Его вовсе не стали бы читать, все умы были бы охвачены ужасом. С одной стороны, люди образованные, но чьи интересы враждебны нашей системе, использовали бы волиение, преду-

беждение, возмущение толпы против вооруженных факелами апостолов, они воспользовались бы этим, чтобы побудить повсюду срывать наш манифест; с другой стороны, непросвещенная толпа, действительно взволнованная только что упомянутыми мною действиями, слишком чуждая новым идеям реформации, особенно такой необычной, как наша, очень мало способная в одно мгновение проникнуться ими, конечно, всецело пошла бы на поводу у врагов равенства, а наш проект, похороненный при самом своем рождении во мраке забвения, оказался бы искаженным наемными предателями, находящимися на службе у сильнейших, и дошел бы до потомства как одна из тех попыток, в которых нелепость и безумие сочетаются с неслыханно жестоким желанием осуществить переворот, разрушающий всякий разумный и справедливый порядок.

Тогда как, я думаю, при том способе, который я предлагаю, а именно поднять на восстание сперва только какой-нибудь небольшой район нашей страны, легче будет заставить местных жителей в короткое время оценить наши принципы, осуществить их там, привлечь там множество людей, которые станут их проповедниками и пропагандистами, и крики энтузиазма, которые они неизбежно вызовут, сразу привлекут на нашу сторону всю округу, и так, постепенно, я надеюсь, наша Вандея будет распространяться от одних к другим достаточно быстро, со всей желательной скоростью, чтобы не приходилось беспокоиться о сохранении и умножении достигнутых успехов и можно было располагать сроком, необходимым для создания временной администрации равенства.〈...〉

МАНИФЕСТ ПЛЕБЕЕВ ¹⁴

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

Проспект

ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВА — ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ.〈...〉

Цель Французской революции также — всеобщее счастье. Тот почетный труд трибуна, который я имел мужество взять на себя, возлагает на меня высокий долг указать французам путь, способный привести их к этой сладостной цели. Пусть они следуют за мной, и они достигнут ее, вопреки множеству

расставленных на этом пути препятствий, вопреки всем козням, интригам и заговорам роялизма и патрициата.

После роковой реакции термидора¹⁵ патрициату и роялизму удалось повернуть народ к противоположной цели — *ко всеобщему несчастью*. Ныне народ достиг предела. Его положение слишком противостоит естеству, слишком ужасно. Давно пора положить этому конец. Тот, кто выступает как защитник подлинного народа и как самый беспощадный враг народа раззолоченного, обязан разъяснить 24 млн. угнетенных, как можно противодействовать, как можно продолжать революцию после того, как от нее отрекались, показать, что нет таких сил, какими бы грозными они ни казались, которые могли бы воспрепятствовать достижению истинной цели, единственно справедливой цели, *цели всей общественной организации — общего счастья*.

Мы тоже кое-что знаем о том, какими средствами приводят в движение людей. Их интересы — лучший рычаг. Последние тираны, организаторы голода, руководители массовых убийств прекрасно это знали. Они всячески внушали народу, что правление свободы — это уродливая химера, что, чем дальше пытались продлить его, тем больше сталкивались с ухищрениями рабства, с голодом, преследованиями, смертью... что, стало быть, все заинтересованы в возвращении режима абсолютной власти. Мы тоже используем личные интересы людей, но мы это сделаем более честно, не столь незаконно, не столь ужасно. Мы докажем всем нашим согражданам, что свобода есть свобода... что Республика может и не быть соединением всех тираний, всех страшных бедствий... что народное правление должно и может обеспечить зажиточность и счастье каждого человека, ненарушимое благоденствие всех членов общества.

Те, кто клеветает на народ, утверждают, что он апатичен, малодушен и, следовательно, быть угнетенным — его неотвратимая судьба. Молчите, глупые властелины! Молчите и вы, подлые рабы! Народ вам докажет, что он отнюдь не беспечен. Он покажет вам окончательно, на что он способен, когда те, кто его просвещает, покажут ему, в чем *благо* революции... когда ему ясно и наглядно объяснят, чем в конечном счете должна все же быть для него эта революция, вопреки всем противодействиям врагов *всеобщего счастья*. Пред вашими изумленными, охваченными ужасом взорами народ обнаружит свое бесстрашие и чудодейственную силу, когда узнает, ради какой важной и величественной цели он

это делает... когда узнает, что делает это ради того положения, которое он по праву должен занимать... когда он узнает (сорвем, наконец, все покровы и скажем, в чем *суть*), когда он узнает, что это делается ради того, чтобы гарантировать каждому члену общества *состояние устойчивого благоденствия, достаток для всех*, достаток прочный, не зависящий от бездарности, безнравственности и злой воли правителей... когда он узнает, что можно положить конец тому неустойчивому и всегда бедственному положению, в котором по воле тиранов всех времен томится большинство людей. Ни одна плотина тирании не будет тогда в состоянии противостоять бурному народному потоку, сметающему все на своем пути.

Таково учение, апостолом которого я объявляю себя во всеуслышание. Французы! Свободные и справедливые люди! Приготовьтесь следовать этому новому евангелию; я всегда буду апеллировать к вам, чтобы решить, чиста ли его мораль. Все вы, принявшие мои первые опыты, были слишком благородны и доброжелательны: я в них не изложил вам даже половины истины. Теперь я открою вам великие истины природы. Я обмакну свою дерзновенную кисть в краски исконной справедливости, первоизданной правды. Республиканцы Севера и Юга, нет, нет, вы не впадете в уныние. Вы не снизойдете до восстановления короля или какой-либо другой тирании... вы не допустите, чтобы возобладало мнение, будто та или иная форма порабощения необходима для блага и спокойствия народов. Вы отнюдь не утомлены, как утверждают; вы это доказали не так давно. Эти же недавние события показали, что неверно также утверждение, будто вы уже не сильны. Несмотря на гнусные избиения, на ужасные убийства, вы сохраняете свое превосходство над поборниками рабства. Вы не допустите поэтому, чтобы оно утвердилось в каком бы то ни было виде. <...>

Защитникам народа и самому народу должна быть чужда та дипломатия, претендующая на макиавеллистическую ¹⁶ мудрость, та лицемерная политика, подобающая лишь тиранам, к которой прибегают в последнее время патриоты и которая лишила их прекраснейших плодов победы 13 вандемьера ¹⁷. Размышления, основанные на множестве примеров, привели меня к убеждению, что истина должна быть только ясной и неприкрытой. Правду надо говорить всегда, надо предавать ее гласности, осведомлять весь народ о том, что касается его важнейших интересов. Всякие окольные пути, всяческое притворство, всевозможные доверительные

беседы в узком кругу или среди так называемых корифеев ведут лишь к удушению энергии, к тому, что общественное мнение блуждает, колеблется, впадает в неуверенность, беспечность и раболепство, а это позволяет тирании беспрепятственно укрепляться. Неизменно руководствуясь убеждением, что ничего великого нельзя достичь иначе, как вместе со всем народом, я полагаю также, что для того, чтобы что-нибудь вместе с ним сделать, необходимо говорить ему обо всем, постоянно показывать ему, *что надо делать*, и не столько бояться неудобств гласности, используемых ловкими политиками, сколько полагаться на огромную силу, всегда берущую верх над всяческой политикой... Надо учесть, сколько сил теряется, если оставить общественное мнение в состоянии апатии, без пищи и без цели, и сколько их приобретается, если возбуждать его активность, просвещая его и указывая ему определенную *цель*.<...>

Не будем закрывать глаза на истину. Что такое вообще революция? Что такое, в частности, Французская революция?

Это — открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными¹⁸.

Теперь мы подошли к главному вопросу. Рассмотрим некоторые его стороны.

Когда дурные и несправедливые учреждения доводят нацию до того, что ее большинство оказывается разоренным, униженным, изнемогающим под тяжким бременем; когда существование большинства становится столь мучительным, что оно больше не в состоянии выдержать, тогда обычно и вспыхивает восстание угнетенных против угнетателей. Угнетение, которое испытывают люди, и становится причиной того, что они приходят в движение, трогаются с места, стремясь улучшить свое положение.<...>

Мы обнаруживаем, что большинство членов общества лишены своих прав и нуждаются в самом необходимом. Не требуется долгих исследований, чтобы убедиться: если наиболее здоровая, наиболее трудолюбивая, наиболее многочисленная часть народа нуждается в самом необходимом, то это отнюдь не по вине природы. Природа никогда не бывает неблагодарной, она никогда ни в чем не отказывает всем своим детям... Не ее это вина, если они неправильно распределяют между собой ее дары. Не ее вина, если одни столь преступны и дерзки, что грабят, а другие столь слабы и глупы, что дают себя грабить. Стало быть, ясно, что то, чего не хватает большинству, имеется в *излишке* у меньшин-

ства. Следовательно, это меньшинство образует в государстве касту захватчиков, узурпаторов. Члены этой касты говорят вам, что они добились ограбления большинства своих братьев законным путем. Но вскоре было обнаружено, что это стало возможно только при помощи ужасных учреждений, утвержденных правительствами. Тогда стали изучать деятельность этих правительств и установили, что они являются сообщниками патрициев-захватчиков. Вскоре с несомненностью выясняется, что ограбление большинства может быть лишь следствием согласованного действия законов, создавших эти учреждения. Эти-то законы и дали возможность горстке людей захватить все. Но в таком случае эти законы не что иное, как страшный кодекс разбоя, они отнюдь не могут легализировать присвоение общих богатств бандой захватчиков, которая исключительно ими распоряжается. Даже не обращаясь к причинам, достаточно рассмотреть следствия. Бесспорно, что если полезнейшая часть нации оказывается лишенной собственности, то такое положение вещей могло быть результатом лишь ряда комбинаций, которые были осуществлены благодаря законам, благоприятствующим стяжанию и честолюбию. Это — человеконенавистнические законы. Они могут уничтожить первоначальный Общественный договор¹⁹, который естественно гарантировал сохранение, навечно и неизменно, достаточного удовлетворения потребностей всех и всякого члена общества. Стало быть, надо требовать осуществления этой гарантии первоначального договора. Есть две вещи, против которых следует восстать — против законов, утвердивших нарушение первоначального договора, и против последствий этого нарушения. Надо восстановить эти священные учреждения, навсегда обеспечивающие полноту прав и потребностей каждому члену великой семьи.

Можно не сомневаться, что именно таков смысл провозглашенного во Франции в 1789 г. манифеста, содержащего объявление войны. Такова торжественная декларация плебеев патрициям и серьезный пролог восстания и революции.

Эта война плебеев и патрициев, или бедных и богатых, существует не только с того момента, когда ее объявляют. Она извечна, она начинается с тех пор, как общественные учреждения способствуют тому, что одни забирают все, а другим ничего не остается. И до тех пор пока не последует обнародование манифеста, патрициат, по-видимому, почти совсем не опасается плебейского восстания. Богатым кажется,

что, делая вид, будто они чувствуют себя в безопасности, и внушая бедным, будто их состояние неизбежно вытекает из законов природы, они создают наилучший барьер против каких-либо начинаний со стороны бедноты. Но, когда восстание провозглашено, борьба принимает острый характер и каждая из борющихся партий использует все средства, чтобы добиться победы.

Плебс ставит себе на службу все добродетели: справедливость, человеколюбие, бескорыстие.

Патрициат призывает к себе на помощь все пороки: хитрость, двуличие, коварство, алчность, надменность, честолюбие. <...>

Необходимо *устрашить преступление* и вернуться к ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ правлению, единственно подобающему возрожденным французам, единственно достойной награде за их длительные труды, за их славные республиканские подвиги, к единственному правлению, которое они всегда стремились получить и которого они уже было добились.

Патриоты! Многочисленные демократы, рассеянные по всей этой обширной Республике! Сосредоточьте ваше внимание на моей *независимой* газете. После кораблекрушения я предлагаю вам эту спасительную доску. Ухватитесь за нее. Сплачивайтесь все вокруг этого пассажирского судна демократии. Корабль недалеко. Он испытал некоторые поверхностные повреждения, но остается целым и невредимым в самом главном. Терпение! Мне достаточно нескольких рейсов, чтобы всех вас туда доставить. Объединимся же, еще раз образуем внушительный грозный союз против негодяев. Вернем на землю добродетели. Придем на помощь слабым и обездоленным.

Вспомним, что мы совершили революцию лишь для того, чтобы исправить беды, удручающие мир, чтобы поставить каждого человека на то место, которое принадлежит ему по праву, чтобы устранить беспорядки и общую нищету, порожденные отвратительными учреждениями, чтобы восполнить ужасную нехватку, от которой страдает большинство, и уничтожить угнетательский избыток у меньшинства, чтобы достигнуть *цели общества, заключающейся во всеобщем счастье*. Да, цель этой революции — достаток для всех, образование для всех, равенство, свобода, счастье для всех. Такова наша цель. Вот то, чего мы уже почти достигли; вот то, чего мы должны опять достичь. Солдаты свободы! Нельзя допустить, чтобы данные вам торжественные обещания

не были выполнены... нельзя лишить вас вознаграждения, заслуженного с такой доблестью и ценой пролитой крови!.. Дети, жены, старцы, увечные, неимущие, вы тоже получите то вспомоществование, которое и вам было обещано и является лишь справедливым вознаграждением для одних и государственными ссудами для других. Сильные мужи! Крепкие и полные энергии руки! Вы освободитесь от мысли, что в возмещение за ваши столь полезные для общества труды вы можете не получить даже того, что вам необходимо для пропитания. <...>

А вы, представители народа, думайте только о том, чтобы помогать этому движению, а отнюдь не мешать ему. Это для вас единственное средство спасения: Прислушивайтесь к голосу народа и будьте лишь исполнителями его воли. Вы услышите, как он говорит вам, что хочет *всеобщего счастья*; помогите завоевать его законным путем. В награду за это народ простит вам то, что вы были одно время исполнителями воли фальшивого народа, народа меньшинства, жестокого врага огромного бесчисленного народа, того народа, которому мы обязаны всем и который заслуживает всего. В награду за это подлинный народ спасет вас от зубов прожорливого и плотоядного народа, злоба которого продолжает подспудно угрожать вам, несмотря на все некогда полученные им от вас благодеяния. Какие бы предосторожности вы ни приняли против его бешенства, не воображайте, что вам не грозят больше его укусы; не думайте, что вы сможете от него спастись без помощи и без постоянной поддержки подлинного народа. Мы вам это уже указали: фальшивый и угнетательский народ обладает весьма широкими и весьма многочисленными мятежными силами. Его бешенство достигло высшей точки, и вместе с мыслью о безвозвратных потерях, ожидающих его в случае поражения, оно доведет его до свершения самых крайних и ужасных действий. Представители этого фальшивого народа обладают немалыми способностями, они их полностью исчерпают, прежде чем окончательно откажутся от своих катастрофических проектов. Они все испытывают для осуществления своих разнообразных угроз, направленных против вас. Они вам бросили следующую угрозу, которую они отыскивали у Монтескье²⁰: *(богатый) народ придет в бешенство*, — или другую: *наказание последует сразу за нарушением общественного мнения* («порядочных людей»). Вы сможете смеяться над этими угрозами лишь тогда, когда вы искренне призовете к себе плебейские массы,

бесчисленные и неукротимые фаланги санкюлотов. Но заметьте, что на серьезную помощь с их стороны вы можете рассчитывать лишь при условии, если вы им обеспечите, если покажете им на близком расстоянии, ту *обетованную землю*, которую в противном случае они вскоре окажутся в состоянии завоевать с другими *Моисеями*²¹.<...>

Теперь пора перейти к существу дела. Пора заговорить о самой демократии; определить, что мы разумеем под этим и чего мы от нее ждем, наконец, согласовать со всем народом способы ее установления и сохранения.

Ошибаются те, кто думает, что меня волнует лишь вопрос о замене одной конституции другой. Мы нуждаемся больше в учреждениях, чем в конституциях. Конституция 1793 года лишь потому была встречена приветствиями всех честных людей, что она подготовляла путь учреждениям. Я перестал бы ею восхищаться, если бы она не могла быть средством достижения этой цели. Любая конституция, оставляющая в действии старые учреждения, несправедливые и убийственные для людей, не может вызвать у меня энтузиазма. Любой человек, призванный возродить людей, который будет с трудом тащиться по старой колее предшествующих законодательств, варварски увековечивающих деление на счастливых и несчастных, не будет в моих глазах законодателем, он не внушит мне уважения.

Начнем же с создания хороших учреждений, плебейских учреждений, и мы сможем быть уверены в том, что за этим последует хорошая конституция.

Плебейские учреждения должны обеспечить *всеобщее счастье*, равное благосостояние всех членов общества.<...>

Подлинное равенство не есть химера. Практический опыт его был удачно осуществлен великим трибуном Ликургом. Известно, как он добился учреждения этой великолепной системы, при которой общественные обязанности и выгоды были равно поделены, достаток стал уделом всех и никто не мог приобрести излишков.<...>

Жан-Жак²² лучше уточнил этот же принцип, написав: *для того чтобы общественное состояние усовершенствовалось, надб, чтобы каждый имел достаток и никто не имел избытка*. Эта короткая фраза, на мой взгляд, эликсир «Общественного договора». Его автор выразил это столь внятно, как только было возможно в то время, когда он писал, и этих немногих слов достаточно для тех, кто способен понимать.

Дидро тоже вполне недвусмысленно высказывается о сущности единственно правильной, соответствующей требованиям справедливости, общественной системы ²³; *рассуждайте сколько вам угодно о лучшей форме правления*, говорит он, *вы ничего не добьетесь, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия*. Нет надобности специально объяснять, что при лучшей форме правления надлежит исключить для всех управляемых возможность стать богаче или обладать большей властью, нежели любой из их собратьев; что получение справедливой, равной и достаточной доли всех благ должно стать разумным пределом для жадности и честолюбия каждого человека.

И Робеспьер ²⁴ говорит нам, что такова суть всякого договора, основанного на справедливости, на первоначальных правах или законах природы. *Цель общества*, говорит он в своей Декларации прав, *всеобщее счастье*, т. е., очевидно, равное счастье всех людей, *которые рождаются равными в правах и потребностях*. И несколько дальше излагается еще одно правило вечной морали: *Не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы делали тебе*. Иначе говоря: «Делай другим все то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе; заботься о том, чтобы каждый из остальных был так же счастлив, как ты сам желаешь быть, чтобы, следовательно, он был совершенно равен тебе, ни больше, ни меньше».

А когда эти неоспоримые истины захотели все же оспоривать, разве не во всеоружии высшего разума выступил Сен-Жюст ²⁵, беря их под двойную защиту в своем замечательном обращении к вам, всегда угнетенным санкюлотам: «Подлинная сила на Земле — это бедняки, они вправе разговаривать как хозяева с теми правительствами, которые ими пренебрегают».

Религия *строгого равенства*, которую мы осмеливаемся проповедовать всем нашим обездоленным и голодным братьям, даже им покажется, пожалуй, непривычной, хотя она и вполне естественна; она покажется им, повторяю, пожалуй, новой по той причине, что мы так привыкли к нашим старым, варварским и извращенным учреждениям, что нам уже трудно постичь другие, более справедливые и более простые. <...>

Давно пора. Пора народу, попираемому и истребляемому, выразить более величественно, более торжественно и более общо, чем когда-либо ранее, свою волю, чтобы были

уничтожены не только пятна, не только побочные стороны нищеты, но и само ее существование.

Пусть народ провозгласит свой Манифест. Пусть он даст в нем определение демократии, такой, какую он хотел бы иметь, такой, какая она должна быть, исходя из строгих принципов. Пусть он в нем докажет, что для тех, кто обладает избытком, демократия означает обязанность восполнить то, чего не хватает людям, не имеющим достатка; что весь *дефицит* у этих последних происходит только от того, что те, другие, их обокрали. Обокрали на законном основании, если угодно, т. е. с помощью разбойничьих законов, которые при последних режимах, как и при более древних, допускали всякие плутни; с помощью законов, подобных всем действующим поныне; с помощью законов, по которым я, чтобы жить, вынужден постоянно продавать что-нибудь из предметов обихода и нести мои последние тряпки ко всем вора, которых эти законы защищают! Пусть народ объявит, что он требует возвращения всего украденного, всех этих позорных конфискаций, которым богачи подвергли бедных. Такое возвращение будет, конечно, столь же законно, как и возвращение имущества эмигрантам. Путем восстановления демократии мы хотим, во-первых, вернуть себе свои лохмотья и старую мебель и, во-вторых, добиться того, чтобы те, кто их у нас отобрал, были бы впредь лишены возможности возобновить подобные злодеяния. Затем мы хотим посредством демократии добиться того, к чему, как мы показали, стремились все, кто способен постигнуть какую-либо правильную идею. {...}

Мы докажем, что удел каждого человека не должен ухудшиться с переходом от естественного состояния к общественному.

Мы дадим определение собственности.

Мы докажем, что земля ничья, что она принадлежит всем.

Мы докажем, что все, что отдельный человек захватывает сверх необходимого для его пропитания, является воровством у общества.

Мы докажем, что пресловутое право *отчуждения* есть гнусное, человекоубийственное преступление.

Мы докажем, что наследование по семейному праву является не меньшим злодеянием; что оно изолирует друг от друга членов общества и превращает каждую семью в маленькую республику, неизбежно интригующую против большой Республики, и это ведет к утверждению неравенства.

Мы докажем, что, когда имущество члена общества *недостаточно* для удовлетворения всех его повседневных потребностей, это есть результат похищения его природной личной собственности захватчиками общих благ.

По этой же причине все, что член общества имеет свыше необходимого для удовлетворения его повседневных потребностей, является результатом ограбления им других сочленов по обществу и неизбежно лишает этих сочленов их доли в общих благах *.

Что самые тонкие рассуждения бессильны противостоять этим непреложным истинам.

Что превосходство таланта и предприимчивости является лишь химерой и благовидным обманом, который всегда служил заговорщикам в их кознях против равенства.

Что различия в оценке и значении произведений человеческого труда покоятся лишь на представлениях о них некоторых людей, сумевших навязать эти представления другим.

Что совершенно ошибочно на основе этих представлений рабочий день того, кто делает часы, оценивается в 20 раз выше рабочего дня того, кто пашет землю.

Что, однако, вследствие этой ложной оценки заработка рабочего-часовщика дает ему возможность приобрести достояние 20 работников плуга, которых он, таким образом, экспроприирует.

Что все пролетарии стали таковыми лишь в результате установления, в различных вариантах, подобного соотношения во всех других отраслях; причем повсюду оно основывалось исключительно на той разнице в оценке, которая возникла в силу общественного предрассудка.

Что нелепо и несправедливо притязать на большее вознаграждение тому, чья работа требует более высокого уровня умственного развития, большего прилежания и напряжения ума; что это несколько не увеличивает вместимости его желудка.

Что нет никаких оснований притязать на вознаграждение, превышающее удовлетворение личных потребностей.

Что только общественный предрассудок придает особую ценность умственному развитию; нужно еще, возможно,

---

* Улучшенное общественное состояние. «Пусть у всех будет достаток, и ни у кого не будет излишка». Ж. Ж. Руссо. Это изречение заслуживает самого серьезного внимания.

выяснить, не заслуживает ли ее в той же мере природная сила, физический труд.

Что только люди умственных занятий дали столь высокую оценку произведениям своего мозга; можно не сомневаться, что если бы это зависело от людей физического труда, они установили бы, что заслуги рук не меньше, чем заслуги головы, а усталость всего тела равна усталости той его части, которая занята размышлением.

Что без этого необходимого уравниения более смышленным, более предприимчивым дается патент на ограбление, право беспрепятственно обирать тех, кто менее одарен этими качествами.

Что именно таким образом в общественном состоянии было разрушено, опрокинуто имущественное равновесие, ибо убедительно доказано наше великое положение: *добиться обладания излишком можно, только сделав так, чтобы у других не было достатка.*

Что все наши общественные установления, все наши взаимоотношения являются лишь актами непрерывного разбоя, освящаемого абсурдными и варварскими законами, под сенью которых мы заняты только тем, что обираем друг друга.

Что наше общество плутов вследствие того, что в нем заложены такие скверные основы, порождает всевозможные пороки, преступления и несчастья, против которых тщетно объединяются некоторые честные люди, объявив им войну; они не могут победить, потому что нападают не на зло в самом его корне, а применяют лишь паллиативы, которые они находят среди ложных идей, вызванных нашей общей развращенностью.

Что из всего сказанного ясно: все, чем владеют те, чья собственность превышает их индивидуальную долю в общественном имуществе, является кражей и узурпацией.

Что, следовательно, справедливо отобрать у них это. (...)

Что произведения мастерства и умения становятся, таким образом, общей собственностью, достоянием всего общества с того момента, как изобретатели и труженники их создали; потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми пользовались новые изобретатели и труженники при своих новых открытиях.

Что, поскольку приобретенные знания являются общим достоянием, они должны в одинаковой мере распределяться между всеми.

Что только в силу злонамеренности, предрассудков или по недомыслию можно оспаривать истину, что такое равное распределение знаний между всеми сделало бы всех людей почти равными по способностям и даже по талантам.

Что образование противостоит естественно, когда оно основано на неравенстве и является исключительным достоянием только части общества; ибо тогда оно становится в руках этой части машинной, оружием, с помощью которого она сражается против другой части, безоружной, и, следовательно, без труда усмиряет ее, обманывает ее, грабит ее, порабощает ее самым позорным образом.

Что нет более важной истины, чем та, которую мы уже однажды приводили и которую провозгласил один философ: *рассуждайте сколько вам угодно о лучшей форме правления; вы ничего не добьетесь, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия.*

Что, следовательно, общественные учреждения должны вести к этой цели, они должны навсегда отнять у каждого надежду стать более богатым, более влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан.

Что, точнее говоря, надлежит *обуздать судьбу*: сделать каждого из членов общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств; *обеспечить каждому человеку и его потомству, сколь бы многочисленно оно ни было, достаток и ничего, кроме достатка*; и навсегда уничтожить все возможности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда.

Что единственный способ достигнуть этой цели состоит в том, чтобы установить *общее управление*; уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает; обязать его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и создать простую администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина. (...)

Что при таком правлении исчезнут межевые столбы, изгороди, стены, замки на дверях, ябеды, тяжбы, кражи, убийства — все преступления; суды, тюрьмы, виселицы, наказания, отчаяние, вызываемое всеми этими бедствиями;

зависть, ревность, ненасытность, спесь, обман, двуличие, наконец, все пороки; не будет больше (и это, конечно, самое важное) червя постоянно грызущей каждого из нас тревоги относительно того, что ждет нас завтра, через месяц, через год, в старости, что ждет наших детей и внуков.

Таково сжатое изложение того страшного Манифеста²⁶, который мы предложим угнетенному большинству французского народа; мы даем ему первый набросок этого Манифеста, чтобы народ мог его заранее постичь. Народ! Пробудись к надежде, стряхни с себя оцепенение... Развеселись при виде того, как грядет счастливое будущее! Друзья королей! Расстаньтесь с мыслью, что страдания, коими вы удручаете народ, окончательно поставят его под иго единого властителя. А вы, патриции! богачи! республиканские тираны! откажитесь и вы, одновременно и разом, от ваших угнетательских машинаций по отношению к этой нации, которая еще не совсем забыла свои клятвы в верности свободе. Ее взорам открывается перспектива более радостная, нежели все то, чем вы ее завлекаете. Преступные властители! в тот самый момент, когда вам кажется, будто вы можете пригнуть этот добродетельный народ к земле своей железной дланью, он даст вам почувствовать свое превосходство, он освободится от узурпированной вами власти и сбросит цепи, в которые вы его заковали, он вернет себе свои священные первоначальные права. Вы слишком долго играете на его великодушии; вы слишком долго издеваетесь над его страданиями...

«Народ лишен энергии,— говорите вы,— он страдает и умирает, не смея жаловаться». Летописи Республики не будут запятнаны таким позором. Память о французах не перейдет к потомству, отягощенная таким унижением. Да будет это произведение сигналом, да будет оно молнией, которая оживит и возродит всех, преисполненных некогда пылом и мужеством! Всех, кто горел когда-то пламенем во имя общественного блага и полной независимости. Пусть народ почерпнет оттуда подлинную идею РА В Е Н С Т В А! Пусть эти слова: *равенство, равные, плебейская доктрина* станут кличем объединения всех друзей народа. Пусть народ подвергнет обсуждению все эти великие принципы; пусть развернется борьба вокруг знаменитого вопроса *о подлинном равенстве* и вокруг вопроса о С О Б С Т В Е Н Н О С Т И! Пусть он вкусит на сей раз его мораль, пусть оно зажжет в нем огонь, который будет гореть до полного завершения его

дела! Пусть он низвергнет все эти старые варварские учреждения и пусть заменит их учреждениями, продиктованными природой и вечной справедливостью. О, да, все страдания народа достигли предела; хуже уже быть не может! Только полный переворот может избавить от них! Пусть же эта жестокая война между богатым и бедным примет наконец менее подлый характер! Пусть она не будет более отмечена постоянной дерзостью одной стороны и постоянной трусостью другой. Пусть бедняки ответят наконец своим обидчикам!.. Воспользуемся тем, что они нас довели до крайности. Двинемся вперед без лишних слов как люди, обладающие сознанием своей силы. Пойдем смело к Р А В Е Н С Т В У. Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видно общее счастье.

О, коварные или невежественные люди! Вы кричите, что необходимо избежать гражданской войны? Что никоим образом не следует сеять раздоры в народе?.. А может ли быть более возмутительная гражданская война, нежели та, где на одной стороне сплошные убийцы, а на другой — только беззащитные жертвы? Разве можно объявить преступником того, кто хочет вооружить жертвы, чтобы они защищались от убийц? Не лучше ли такая гражданская война, где обе стороны могут защищаться друг от друга? Пусть, если угодно, обвиняют нас в сеянии раздоров. Тем лучше: уж лучше раздоры, чем ужасное согласие, при котором душат голодающих. Пусть стороны вступят в бой; пусть вспыхнет бунт, и каким бы он ни был, всеобщим или частным, медленным или более поздним, во всех случаях мы будем удовлетворены! Пусть *Священная гора* или *плебейская Вандея*²⁷ возникнет либо в каком-то одном месте, либо во всех 86 департаментах! Пусть создаются заговоры против угнетения, большие или малые, тайные или явные, на 100 тыс. тайных собраний или лишь на одном; все равно, только бы возникали заговоры, только бы угнетателей ни на мгновение не покидали отныне страх и угрозы совести. Мы дали громогласный сигнал, так, чтобы он дошел до многих, дабы увеличить число наших сообщников; мы разъяснили им, почему им следует действовать, и дали некоторое представление о способе действия, и мы почти уверены в том, что заговоры возникнут. Пусть тирания испытает, способна ли она преградить нам путь... Говорят, народ не имеет руководителей. Пусть же они появятся, и народ сразу разобьет свои цепи и завоюет хлеб для себя и для своих потомков.

Повторим еще раз: все страдания достигли предела; хуже быть не может; только полный переворот может исправить положение!!! Итак, пусть все смешается!.. Пусть все стихии спутаются, смешаются и столкнутся между собою!.. Пусть все ввергнется в хаос, и пусть из хаоса изыдет мир новый и возрожденный! <...>

Печатается по: Гракх Бабеф. Соч. В 4-х т. М., 1975—1977, т. 1—3; т. 1, с. 83, 88—91, 95, 101, 296—297; т. 2, с. 274—277, 382, 470; т. 3, с. 401—407, 428—430, 440—441, 474—476, 503, 510, 511, 518—524.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящем издании тексты из произведений Бабефа публикуются по четырехтомному Собранию сочинений Гракха Бабефа (М., изд-во «Наука»). Это — первое научное издание сочинений Бабефа, осуществленное на русском и французском языках в Москве и Париже. При подготовке этого издания была проведена международная опись рукописных и первопечатных произведений Бабефа. Четвертый том сочинений Бабефа вышел после того, как была закончена работа над рукописью данной хрестоматии. Поэтому произведения, включенные в этот том, в настоящее издание не вошли.

Текст письма Дюбуа де Фоссе опубликован впервые в четырехтомном Собрании сочинений Г. Бабефа; Дюбуа де Фоссе (1742—1817) — видный деятель якобинского общества, позднее отошел от революционной деятельности.

² Большое идейное влияние на Бабефа оказал Руссо, особенно его идея «естественного права человека», одна из разновидностей антропологического принципа в философии.

³ Бабеф окончил написание «Постоянного кадастра» в 1789 г., предприняв много усилий к его изданию. Он надеялся, что продажа книги выведет его из состояния жестокой нужды, но эти надежды не оправдались, было продано всего несколько экземпляров книги. Сейчас «Кадастр» стал библиографической редкостью: едва ли не единственный экземпляр книги хранится в Национальной библиотеке в Париже; Кадастр — систематизированный свод сведений о каком-либо объекте.

⁴ Купе, Жак Мишель (1737—1809) — до революции аббат; был членом Законодательного собрания, Конвента и Совета пятисот. В Конвенте Купе поддерживал якобинцев, голосовал за смертный приговор Людовику XVI.

⁵ См. наст. изд., с. 102, прим. 17.

⁶ О Ликурге см. наст. изд., с. 150, прим. 4.

⁷ Эта рукопись осталась незаконченной, писал ее Бабеф в апреле — мае 1793 г. Санкюлоты (от франц. «длинные штаны») — термин времен Великой французской революции XVIII в.; так называли представителей городской бедноты, которые в отличие от богачей носили не короткие, а длинные штаны; санкюлотами стали называть себя якобинцы.

⁸ Письмо Бабефа сыну Эмилю написано из тюрьмы Аббатства.

⁹ Жермен, Шарль — соратник и единомышленник Бабефа, активный участник «Заговора равных».

¹⁰ Текст, заключенный в кавычки, взят из письма Жермена к Бабефу, в котором Жермен опровергал предполагаемые аргументы противников «системы равенства».

¹¹ См. наст. изд., с. 150, прим. 4.

¹² Тир — древний город-государство в Финикии (современный Сур в Ливане), основан в IV тысячелетии до н. э.; Карфаген — древний город-государство в Северной Африке (в районе современного города Туниса), основан в IX в. до н. э. финикийцами.

¹³ Жермен в своем письме выражал надежду, что все общественное преобразование можно будет осуществить «при помощи надежных исполнителей в одну ночь, в определенный час...». Бабеф предостерегал Жермена против подобных утопических иллюзий.

¹⁴ Это произведение Бабеф написал во время пребывания в аррасской тюрьме и переслал его Ш. Жермену. Этот документ Бабефа распространялся в аррасских и парижских тюрьмах. «Манифест» является произведением, в котором коммунистические идеи Бабефа нашли свое наиболее ясное и четкое изложение; «Манифест» был опубликован 30 ноября 1795 г. в 35-м номере «Трибуны народа». Бабеф был освобожден из тюрьмы 18 октября 1795 г.; в начале ноября 1795 г. он опубликовал проспект газеты «Трибуна народа» и ее 34-й номер; здесь он начал открытое изложение своей коммунистической доктрины. В четырехтомном издании эти материалы вместе с собственно «Манифестом» объединены под названием «Манифест плебеев» (см.: *Бабеф Г. Соч. В 4-х т., т. 3, с. 428—524*).

¹⁵ Имеется в виду контрреволюционный переворот, который произошел 9 термидора (27/28 июля) 1794 г.; в результате была свергнута якобинская диктатура; Бабеф, определяя эти события как «катастрофу», дает им точную историческую оценку.

¹⁶ Макнавелли, Никколо (1469—1527) — итальянский политический деятель, писатель; считал, что ради упрочения государства допустимы любые средства; под «макнавеллизмом» понимают политику, пренебрегающую нормами морали.

¹⁷ 13 вандемера — 5 октября 1795 г. произошел контрреволюционный мятеж в Париже, подавленный революционными силами.

¹⁸ В этом определении проявляется понимание Бабефом конфликтов и противоречий эпохи.

¹⁹ См. наст. изд., с. 295, прим. 4.

²⁰ Монтескье, Шарль Лун (1689—1755) — французский просветитель, философ, противник абсолютизма.

²¹ Пророк Монсей, по библейскому сказанию, вывел израильтян из египетского плена в обетованную землю.

²² Имеется в виду Руссо, Жан-Жак, которого очень высоко ценит Бабеф.

²³ Бабеф, как и большинство его современников, приписывал Дидро «Кодекс природы», написанный Морелли; об истории издания «Кодекса природы» см. наст. изд., с. 174, прим. 1.

²⁴ Робеспьер, Максимилиан (1758—1794) — деятель Великой французской революции XVIII в., один из руководителей якобинцев, фактически возглавил в 1793 г. революционное правительство; казнен термидорианцами; Бабеф придавал большое значение речи Робеспьера 21 апреля 1793 г., в которой был изложен его проект Декларации прав человека.

²⁵ См. наст. изд., с. 383, прим. 11.

²⁶ Имеется в виду «Манифест плебеев».

²⁷ Бабеф имеет в виду народное восстание; Вандея — департамент на западе Франции, являвшийся центром роялистских мятежей в период Великой французской революции XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин В. П. Движение «равных» и их социальные идеи.— В кн.: *Буонарротти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа*. М.— Л., 1948, т. 1.
- Волгин В. П. Место бабуизма в истории социальных идей.— В кн.: *Французский ежегодник*, 1960. М., 1961.
- Далин В. М. Бабеф накануне и во время Великой французской буржуазной революции. (1785—1794). М., 1963.
- Далин В. М. К истории «Плебейского Манифеста»: Бабеф в Аррасской тюрьме.— В кн.: *История социалистических учений*. М., 1964.
- Деборин А. М. Социально-политическая доктрина Бабефа.— В кн.: *Из истории общественных движений и международных отношений*. М., 1957.
- К двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа.— В кн.: *Французский ежегодник*, 1960. М., 1961.
- Черткова Г. С. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции. М., 1980.
- Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л., 1927.
- Щеголев П. П. Гракх Бабеф. М., 1933.

АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН

1760

1825

Биографы Сен-Симона непременно рассказывают, что каждое утро в спальне юного Анри раздавался возглас камердинера: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Так начинался день этого юного дворянина, очень рано поверившего в свое необыкновенное будущее.

Клод Анри де Рувруа Сен-Симон, потомок старинного рода французских аристократов, получил хорошее образование. Среди его наставников был, например, Жан-Лерон д'Аламбер, замечательный математик и энциклопедист. Весьма рано мальчик проявил свой недюжинный характер: в тринадцать лет он категорически отказался от первого

причастия. Желая навсегда отучить сына от дерзкого непокорства, отец отправляет его в тюремную крепость. Анри ухитрился бежать. Кое-как близким родичам удалось уладить конфликт.

В 17 лет Сен-Симон поступает на военную службу — то была, как известно, дворянская традиция. Однако военная карьера его мало интересовала. Может быть, он очень скоро покинул бы службу, но как раз в это время английские колонии в Америке начинают войну за свою независимость. Десятилетний Сен-Симон вступает волонтером во французский экспедиционный корпус и отправляется за океан, чтобы помочь североамериканским колонистам в их борьбе против Англии за независимость. Он участвует во многих сражениях, быстро повышается в чинах. Позднее он не без гордости говорил, что считает себя «одним из основателей свободы Соединенных Штатов».

Лишь в 1783 г. Сен-Симон возвращается на родину. Оказывается, что отчего крова у него больше нет. Отец умер, братья и сестры разбрелись по стране. Наследства нет — его растащили кредиторы. В отставку уходить нельзя, приходится жить на офицерское жалованье. Вскоре Сен-Симон получает чин полковника. А некоторое время спустя, не взяв даже формального отпуска, отправляется в странствия по Европе. Голландия, Испания... Сен-Симон выдвигает различного рода проекты: организация военной экспедиции в Индию, превращение Мадрида в морской порт.

В 1789 г. во Франции начинается революция. Осенью этого года Сен-Симон возвращается на родину.

Снова в родной Пикардии. Сен-Симон поддерживает и с увлечением пропагандирует идеи равенства, братства, свободы. Он отказывается от своего дворянства и графского титула. Больше того, вообще расстается с аристократической фамилией Сен-Симон и называет себя «гражданином Бономом» (т. е. Простаком).

Деятельность Сен-Симона в революционные годы полна противоречий. Ранее горячо поддерживавший освободительные идеи, он затем отходит от них, испытывая, по его словам, «отвращение к разрушению». Примерно с 1797 г. Сен-Симон обращается к научным занятиям: слушает лекции в Политехнической и Медицинской школах, занимается в библиотеках, посещает с образовательными целями Англию и Германию. Наконец, уже в самом начале нового века он берется за перо.

Еще недавно богатый человек, Сен-Симон теперь не всегда имеет деньги для сносного обеда. Ему приходится зарабатывать на кусок хлеба нелегким трудом переписчика в парижском ломбарде. Несколько лет (1805—1810) он живет даже на содержании своего бывшего слуги, а когда тот умирает, доходит до настоящей нищеты. «Вот уже две недели я питаюсь хлебом и водой, работаю без огня; я все продал вплоть до моей одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов,— пишет Сен-Симон в 1812 году.— Страсть к науке и общественному благу, стремление найти способ прекращения мирным путем страшного кризиса, переживаемого всем европейским обществом, довели меня до такой нужды».

Вот тогда, в те годы, и написаны главные произведения Сен-Симона. В последнем из них, «Новое христианство» (1825), он, по словам Маркса, «прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений» *. С горячим убеждением человека, устами которого говорит сам господь бог, Сен-Симон проповедует: «Люди *должны относиться друг к другу как братья*»; общество должно заботиться о возможно более быстром улучшении нравственного и физического состояния бедного класса...

К концу жизни Сен-Симона вокруг него сплотился небольшой кружок друзей, учеников, последователей.

Многие работы Сен-Симон завершить не успел; они остались в набросках, планах. Но главное он все-таки сказал: «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 154.

ТЕКСТЫ¹ПИСЬМА ЖЕНЕВСКОГО ОБИТАТЕЛЯ
К СОВРЕМЕННОКАМ

Я уже не молод². Всю жизнь я очень деятельно наблюдал и размышлял, и целью моих трудов было ваше счастье; я создал план, который, мне кажется, может быть вам полезен, и я его изложу. <...>

Какое прекрасное занятие — труд на благо человечества! Какая величественная цель! Разве человек имеет лучшее средство приблизиться к божеству? И в этом направлении он в себе самом находит наилучшее вознаграждение за перенесенные труды.

Когда я сравниваю тот возвышенный пост, на который человечество возведет гениального человека, с креслом академика, то я вижу, что избранник человечества будет находиться в гораздо более выгодном положении, чем академик; он будет пользоваться полнейшей независимостью и получит возможность развить всю присущую ему энергию, не отвлекаясь какими-либо посторонними соображениями; никакая ложная осторожность не замедлит развития его гения, не нанесет ущерба его работе и счастью. Чтобы не потерять приобретенного положения, он воодушевится, беспокойным взором окинет труды своих предшественников, захочет превзойти их, покинуть избитые пути, чтобы прокладывать новые: воодушевление его будет постоянно возрастать, и он достигнет истинной цели, будет способствовать прогрессу человеческого духа. <...>

Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоявшим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям. Когда их делали академиками, они почти всегда засыпали в своих креслах, а если и писали, то лишь с трепетом и только для того, чтобы высказать какую-нибудь маловажную истину. Одна лишь независимость

дает пищу любви к человечеству и стремлению к славе, этим двум сильнейшим двигателям гениального человека. Если же академик — раб, удивительно ли, что он ничего не творит? <...>

Со своим проектом я обратился *непосредственно* к человечеству, так как оно в *целом* должно интересоваться им, но я вовсе не предавался безумной надежде, что оно сразу займется его осуществлением; я всегда думал, что успех зависит от более или менее энергичных действий, на которые решатся в этом случае люди, пользующиеся наибольшим влиянием на человечество. Лучшим средством привлечь их на свою сторону будет возможно полное разъяснение этого вопроса; вот цель, какую я себе ставлю, обращаясь к различным группам человечества, разделяемого мною на три класса: первый — это тот, к которому имеем честь принадлежать мы с вами; он шествует под знаменем прогресса человеческого духа и состоит из ученых, художников и всех людей, разделяющих либеральные идеи. На знамени второго написано: никаких *нововведений*! К этому классу принадлежат все собственники, которые не входят в первый. Третий, объединяемый идеей *равенства*, включает в себе остальное человечество ³. <...>

В настоящий момент в Европе действия правительств не стеснены никаким заметным противодействием со стороны управляемых; но, судя по состоянию умов в Англии, в Германии, в Италии, легко предсказать, что это спокойствие долго не продлится, если только своевременно не будут приняты необходимые меры предосторожности, ибо, господа, не надо скрывать от себя, что кризис, в котором находится человеческое сознание, является общим для всех просвещенных народов, и что *симптомы*, какие наблюдались во Франции во время происшедшего там взрыва ⁴, разумный наблюдатель может заметить у англичан и даже у немцев.

Господа! Приняв мой проект, вы сведете кризисы, которые эти народы должны испытать на себе и *которых не может предотвратить никакая сила в мире*, к простым переменам в их правительствах и финансах и избавите их от испытанного французским народом всеобщего брожения. Это такое брожение, когда все отношения между членами нации становятся непрочными, и величайший из всех бичей — анархия — свободно производит свои опустошения до тех пор, пока обусловливаемая ею среди нации нищета не возбудит в душе самых невежественных людей желания восстановить порядок ⁵. <...>

Теперь, друг мой <...> я обращаюсь ко всем моим соотечественникам в целом с изложением своих мыслей по поводу французской революции.

Уничтожение привилегий по праву рождения потребовало усилий, которые разрушили скрепы старой организации, и это не было препятствием к общественному переустройству; но обращенный ко всем членам общества призыв выполнять правительственные функции не принес успеха. Помню ужасных жестокостей, являвшихся вполне естественным следствием такого применения принципа равенства, которое вручило власть невежественным людям, оно создало в конце концов форму правления совершенно не пригодную, так как число правителей, *которые все были платными, чтобы дать доступ к управлению людям немущим*, настолько увеличилось, что труда управляемых едва хватало на их содержание, а это вело к результату, совершенно противоположному постоянному желанию немущих: платить поменьше налогов.

Эта мысль мне кажется правильной. Первые жизненные потребности наиболее властны; немущие же могут их удовлетворять лишь очень неполно. Физиолог ясно видит, что их настойчивым желанием является уменьшение налогов или, что то же, увеличение заработной платы.

Я думаю, что всем классам общества будет хорошо при таком устройстве: духовная власть в руках ученых, светская — в руках собственников; власть же выбирать людей для выполнения обязанностей великих вождей человечества — в руках всего народа; заработная плата правителям — уважение. <...>

Знай, что я посадил Ньютона⁶ рядом с собой и что я поручил ему направлять просвещение и повелевать жителям всех планет.

Собрание двадцати одного избранника человечества будет названо советом Ньютона и будет представлять меня на земле; оно разделит человечество на четыре части, которые будут называться: английской, французской, германской, итальянской; каждая из них будет иметь свой совет, составленный таким же образом, как и главный. <...>

*Все люди будут работать*⁷; они все будут смотреть на себя, как на работников, прикрепленных к мастерской, работы которой имеют целью приблизить человеческий ум к моему божественному провидению. Главный совет Ньютона будет управлять всеми работами; он приложит все усилия к тому, чтобы хорошо уяснить следствия закона всемирного

тяготения; это единственный закон, которому я подчинил вселенную⁸.〈...〉

Так говорил со мной бог⁹: разве человек мог бы создать религию, превосходящую все существовавшие раньше? Надо было бы в таком случае предположить, что ни одна из них не была установлена божеством. Смотрите, как ясны заповеди в открытой мне религии, смотрите, как обеспечено их исполнение. На каждого возложена обязанность постоянно направлять свои силы на пользу человечеству. Руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого¹⁰, но богатч получает повеление работать головой, а если его мозг неспособен к работе, то он обязан будет работать руками, ибо Ньютон, конечно, не оставит на этой планете, одной из ближайших к солнцу, работников, которые по своей прихоти отказываются приносить пользу мастерской.

Служители религии не будут людьми, которым принадлежит исключительное право избрания вождей человечества; все верующие будут сами выбирать своих вождей, а качества, по которым будут узнаваться люди, призванные богом представлять их, будут уже не ничтожные добродетели, как целомудрие и воздержание,— это будут таланты¹¹, это будет высшая степень таланта.〈...〉

ОЧЕРК НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

〈...〉Все, что было в прошлом, и все, что произойдет в будущем, образует один ряд¹², первые члены которого составляют прошлое, а последние — будущее. Таким образом, изучение пути, пройденного человеческим разумом до настоящего дня, укажет нам, какие полезные шаги остается сделать разуму на путях науки и счастья.〈...〉

Остановлюсь на кризисе, в котором мы находимся в настоящее время, и скажу, что этот кризис (крайне жестокий, так как вся Европа объята пламенем войны и армии обеих сторон составляют теперь многие миллионы людей¹³), несомненно, обусловлен причиной величайшего значения. Причина же, могущая наиболее сильно действовать на общество,— это изменение, совершенствование общей идеи, общей веры.

Именно эта причина действует на самом деле; она заключается в переходе просвещенного класса от идеи многих частных законов, определяющих отдельные явления различных отраслей физики, к идее единого закона, управляющего всеми ими¹⁴.〈...〉

Верование в единую причину было твердо обосновано Сократом¹⁵, но это верование подлежало совершенствованию, которое человеческий разум, как видим, осуществил только после многовековых трудов. Было два способа восприятия идеи *единой причины*. В одном главную роль играло воображение, в другом — наблюдение и рассуждение.〈...〉

Вера в бога только отодвигает трудность, ибо она не избавляет от изучения природы, не выясняет сущности законов, которым подчинен мир; эта вера оказывается совершенно лишней и станет абсолютно бесполезной, как только удастся в совершенстве познать эти законы¹⁶.〈...〉

Цицерон¹⁷ не верил в возможность установления новой религиозной системы; точно так же теперь многие считают невозможным создание новой системы верований. Однако вскоре после уверений, данных Цицероном и многими другими мыслителями его эпохи, место политизма заняла другая религия, более возвышенная по своей морали; и теперь можно с уверенностью сказать, что в ближайшем будущем необходимо установится такая система веры, мораль которой будет гораздо выше христианской, и что только таким путем мы можем выбраться из болота и идти вперед: всякий попятный шаг был бы нам только бесполезен; к счастью, он для нас невозможен...

*Будущее слагается из последних членов ряда, в котором первые члены составляют прошлое; таким образом, изучение развития человеческого разума в прошлом откроет нам путь, по которому он пойдет в будущем*¹⁸.〈...〉

Наилучшее применение, которое мы могли бы дать в настоящее время своим умственным силам, это: 1) сообщить науке о человеке позитивный характер, основывая ее на наблюдениях и разрабатывая методом, употребляемым в других отраслях физики; 2) ввести науку о человеке (построенную таким образом на физиологических знаниях) в народное образование и сделать ее главным предметом преподавания.

Для достижения этой цели нужно составить следующие ряды:

Первый ряд: сравнение между структурой неорганизованных и организованных тел. Результат этого сравнения — доказательство, что действия, производимые неорганизованными телами, и воздействие организованных тел на внешний им мир пропорциональны степени совершенства в структуре тех и других.

Второй ряд: сравнение различных организованных тел по степени их организованности. Результат этого сравнения — доказательство: 1) что из всех известных нам тел человек наилучше, т. е. наиболее организован; 2) что чем более животное организовано, тем более оно разумно.

Третий ряд: сравнение ума животных в различные эпохи их существования. Результат этого сравнения — доказательство, что все животные способны совершенствоваться пропорционально степени совершенства их первоначальной организации и что если человек является единственным животным, которое совершенствовалось, то это потому, что он мешал умственному развитию других животных, к которому они были способны.

Четвертый ряд: сравнение состояния человеческих знаний в различные эпохи. Результат этого сравнения — доказательство, что человеческий ум непрерывно прогрессировал и никогда не делал попятных шагов.

Пятый ряд: хронологическая картина главных научных и политических событий с XV в. до настоящего дня. Результатом обсуждения фактов, отмеченных в этой картине, должно быть: объяснение причин кризиса, переживаемого ныне человеческим родом, анализ этого кризиса<...> предположение о пути его окончания, указание средств, находящихся в распоряжении ученых, для сокращения его длительности и для завершения его в согласии с интересами всех европейских народов.<...>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Французская революция начинается немного лет спустя после издания *Энциклопедии*; на поверхность, как пена, всплывает чернь; невежественный класс завладевает всей властью¹⁹ и вследствие своей неспособности приводит к голоду среди изобилия.

Гениальный человек²⁰ осуществляет пожелания всех просвещенных людей, реформируя монархию и дав ей Сенат и Законодательный корпус в качестве конституционных ограничений.

Англия и Франция возобновляют, каждая на свою ответственность, попытку Карла V и Людовика XIV подчинить все население Европы своему светскому игу²¹. Соперничество, которое между ними возбуждает это намерение, приводит к войне, захватывающей все европейские народы²².

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ²³

Здесь мы подошли к будущему. То, что я говорю, должно явиться предсказанием. Я мог бы его значительно расширить, но я ограничиваюсь в данный момент тем, что относится к науке о человеке.

Наука о человеке, основанная на физиологических знаниях, будет включена в народное образование, и те, которые будут выкормлены этой научной пищей, достигнув зрелого возраста, будут пользоваться при рассмотрении политических вопросов методом, употребляемым в других отраслях физики в применении к соответствующим явлениям. Между трудами XVIII и XIX вв. будет та разница, что вся литература XVIII в. стремилась разрушить, между тем как литература XIX в. будет стремиться преобразовать общество. <...>

ТРУД О ВСЕМИРНОМ ТЯГОТЕНИИ

<...> Прогресс человеческого ума дошел до того, что наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из познаний, приобретенных в высших науках и в области физики. Придать политике положительный характер ²⁴ — вот к чему стремится мое честолюбие. <...>

Историю называют тренингом ²⁵ королей. По тому, как короли управляют, видно, что этот тренинг никуда не годится. История, действительно, в научном отношении еще не вышла из детских пеленок. Эта важная отрасль нашего знания пока представляет собой лишь собрание фактов, более или менее точно установленных. Но эти факты не объединены никакой теорией, они еще не увязаны в порядке последовательности. Таким образом, история — еще весьма неудовлетворительный руководитель как для королей, так и для их подданных: она не дает ни тем, ни другим средств для заключения о том, что *произойдет из того, что уже произошло*. Пока существуют только истории отдельных наций, причем авторы этих историй ставят себе главной задачей высоко ценить качества своих соотечественников и умалять их у своих соперников. Ни один историк еще не стал на общую точку зрения; никто не написал еще истории всего человеческого рода, никто, наконец, еще не сказал королям: вот что будет следствием происшедших событий, вот порядок вещей, к которому поведет просвещение, вот цель, к которой

вы должны направить огромную власть, находящуюся в ваших руках. <...> Мы надеемся издать еще до истечения года наш третий очерк, который даст хороший набросок общей научной теории, основанной на идее всемирного тяготения, рассматриваемой как общий, единый и неизменный закон, которому бог подчинил мир и по которому он им управляет; этого наброска будет достаточно, чтобы дать корпорации ученых средства применить новую общую теорию к политической науке.

Результатом этих трудов будет реорганизация европейского общества посредством особого учреждения, общего для всех народов, которые его составляют. Это учреждение, смотря по степени просвещения каждого народа, будет представляться ему научным или религиозным, но оно во всяком случае окажет положительное политическое действие в обуздании честолюбия народов и королей, действие, которое, вероятно, сначала будет направлено против Англии, но неизбежно будет применено во всей своей силе и к французам, если они не возвратятся к своим естественным границам и конституционным путем не откажутся выходить из них.

Сила ученых Европы, объединенных в одну общую корпорацию и имеющих своей связью философию, основанную на идее тяготения, будет неизмерима. <...>

ПИСЬМА АМЕРИКАНЦУ

<...> Если я задам вопрос, какая страсть вызвала французскую революцию и какой класс общества испытывал ее сильнее всех, я отвечу: страсть к равенству, и люди, принадлежащие к последнему классу, были склонны больше всех в силу своего невежества, как и в силу своего интереса неистово отдаться ей. Последствием страсти к равенству было разрушение социальной организации, существовавшей в момент взрыва.

Я спрашиваю теперь: если все разрушено, то не нужна ли теперь другая страсть, чтобы ускорить работу нового строительства, или, другими словами: страсть или сдержанность может окончить революцию?

Привычки, созданные старыми учреждениями, представляют большие препятствия к установлению действительно нового строя. Подобное установление требует великих философских трудов и больших денежных жертв. Одна лишь страсть может побудить людей к великим усилиям. Сдер-

жанность — не действенная сила, она робка по существу и, далекая от того, чтобы ломать сложившиеся привычки, она стремится к тому, чтобы их сохранить. Сдержанность побуждает лишь согласовать привычки, созданные абсолютистскими и теологическими учреждениями, с идеями и учреждениями свободными и промышленными; однако эти последние по сути дела имеют исключительный характер: ничто не произойдет до тех пор, пока они не одержат верх, пока они не освободятся окончательно от чуждых элементов, от этой ржавчины, затрудняющей работу их пружин.

Когда заявляют, что французская революция окончательно разрушила феодальные и теологические власти, — это преувеличение; она их не уничтожила, она лишь значительно уменьшила доверие к тем принципам, которые служили им основой, так что теперь эти власти не имеют достаточно сил и доверия, чтобы служить узами общества.

В каких идеях найдем мы эти органические, эти необходимые узы? В промышленных идеях, — там и только там должны мы искать нашего спасения и прекращения революции.

⟨...⟩ Я полагаю, что единственной целью, к которой должны быть направлены все наши мысли и все наши усилия, является организация промышленности, понимаемой в наиболее широком смысле, охватывающей собой все виды полезных работ, теорию, как и ее приложение, умственный труд, как и физический; организация, наиболее благоприятствующая промышленности, другими словами, правление, где политическая власть имеет силу и действует лишь в направлении, необходимом для устранения всех помех полезным работам, правление, где все устроено, чтобы трудящиеся, соединение которых составляет истинное общество, могли непосредственно и с полной свободой обмениваться между собой продуктами своих различных работ; такое, наконец, правление, где общество, которое одно лишь знает, что ему годится, чего оно хочет и что предпочитает, было бы единственным судьей достоинства и полезности работ, чтобы, следовательно, производитель ожидал лишь от потребителя оплаты своего труда, вознаграждения за свою услугу, какова бы она ни была. Мы хотим лишь облегчить и осветить естественный ход вещей. Мы хотим, чтобы люди отныне делали сознательно, более непосредственно и более плодотворно то, что до сих пор они делали, так сказать, бессознательно, медленно, нерешительно и слишком непродуктивно.

После освобождения общин, мы видим, как промышленный класс, выкупив свою свободу, пришел к созданию себе политической власти. Власть эта состоит в том, что введение налогов возможно лишь с его согласия. Он возрастает и обогащается, вместе с тем он становится более влиятельным, и его социальное бытие улучшается во всех отношениях, в то время как классы, которые можно назвать феодальными и теологическими, непрерывно лишаются уважения и действительной власти; отсюда я заключаю, что промышленный класс будет продолжать свои достижения и овладеет, наконец, всем обществом.

Вот каков ход вещей, вот куда мы идем — старые учреждения, не имеющие уже силы поддерживать то, что они воздвигли, навсегда придут в упадок и исчезнут.

Бывают революции, отличающиеся прежде всего ограниченным, национальным характером; бывают частичные революции, затрагивающие лишь одно какое-нибудь социальное учреждение. Эти последовательные революции способствуют наступлению в дальнейшем всеобщей революции. <...>

В философском отношении — с тех пор как арабы ввели в Европу опытные науки, а в политическом отношении — со времени освобождения общин человеческий разум, очевидно, направляется ко всеобщей революции, т. е. он направляется к установлению такого порядка вещей, при котором его существование должно испытать значительное общее улучшение.

В цепи событий, следовавших в течение двух достопамятных эпох, о которых я говорил, в числе наиболее выдающихся звеньев можно отметить революцию Лютера, английскую революцию при Карле I, изгнание Стюартов, американскую революцию и французскую, и, по моему мнению, приблизился момент, когда произойдет всеобщая революция²⁶, революция, охватывающая все цивилизованные народы, в какой бы части земного шара они ни жили.

Правительства не будут больше управлять людьми²⁷, их обязанность ограничится лишь устранением всего того, что мешает полезным работам. Они будут иметь в своем распоряжении мало власти и мало денег, так как немного власти и немного денег достаточно для того, чтобы достигнуть цели. Средства, необходимые для работ большей или меньшей полезности, будут доставляться добровольными подписками, и подписчики сами будут следить за тем, как этими средствами будут распоряжаться. <...>

В то время как богословы и феодалы оспаривали друг у друга власть, промышленность, оставаясь в стороне от этой борьбы, пользовалась большей свободой, и народ оказывался в выигрыше от господских раздоров. <...>

Революция оказала нам плохую услугу, и можно опасаться, что она причинит нам еще много зла, и ее неудача повергнет нас в отчаяние. Обвинение в наших несчастьях — могучее оружие в руках врага, — уничтожим или по крайней мере обезвредим его и, отделив в нашем сознании свободу от революции, оставим революции все ее безумства и воздадим свободе все ее почести, облечем ее доверием и силой, верием ей ее принципы.

Будем твердо знать, чего мы желаем, чтобы нельзя было ввести нас в обман. Если мы остаемся во власти идейной воли, в которую уже давно бросила нас рабская печать и с которой мы, кажется, примирились, то кто же мы такие, если не добыча для первого властелина, который пожелает завладеть нами? Народу мало любить свободу, чтобы быть свободным, — ему прежде всего необходимо познание свободы.

Наука о свободе, как и все другие науки, располагает своими данными и своими обобщениями, но эта наука не признана, о ней догадываются лишь немногие, и до тех пор, пока она не станет общим достоянием, свобода будет получать силу и положение только извне, у нее не будет своей собственной жизни, она будет равна почти нулю.

Нас погубило отсутствие общих идей, и мы действительно возродимся только при помощи общих идей.

Старые идеи одряхлели и не могут помолодеть, нам нужны новые. <...>

Мы почувствовали необходимость прервать этот литургический сон политических писателей, дать их вниманию другое направление и поставить перед философами новую задачу, которую налагает на них новый век, век индустриальный.

ВЗГЛЯД НА СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ

<...> Революционные потрясения, трудности, переживаемые нами уже долгое время, страстное желание покончить со всем этим заставили нас (и вполне основательно) благословлять хартию²⁸ как зарю лучших дней. Но когда мы рукоплещем этому, как прибывшие в гавань путешественники, которым нечего уже бояться моря, когда мы в исступлении кри-

чим, что революция кончилась навсегда, мы выражаем скорее наши вожеления, чем разумную уверенность, скорее наши желания, чем наши познания. И действительно, разве в этих уверениях нет ничего легкомысленного? Разве мы достаточно размышляли об этом? Разве мы уверены, что разрешенный хартией вопрос есть единственный или хотя бы важнейший вопрос, подлежащий разрешению? Вот что поставлено, казалось бы, перед всеми умами, но о чем еще никто не задумался.

Мы придаем слишком большое значение форме правительства. {...}

Закон, устанавливающий власть и форму правления, не имеет такого значения и такого влияния на благосостояние наций, как закон, устанавливающий собственность * и регулирующий пользование ею. Пусть, однако, не воображают, что мы считаем закон о разделении властей несущественным; мы далеки от подобной ереси. Конечно, форма парламентского правительства весьма предпочтительна перед всеми другими, но это есть только форма, а учреждение собственности — суть; именно этот институт служит основанием общественного здания.

Таким образом, наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свободы и в отношении богатства.

С этим общим вопросом и связан трактуемый нами здесь вопрос.

Пока потребители будут обладать большинством в советах при определении их доли, эта доля будет очень велика, так велика, как они захотят; значит, вопреки вашим парламентским формам вами будут управлять по произволу. Наоборот, с того момента, как право вотировать налоги получат исключительно промышленники, т. е. люди, заинтере-

---

* Мы вовсе не хотим сказать, что во время революции совсем не занимались правом собственности. Это право, конечно, обсуждалось, когда церковные имущества объявили национальным достоянием, ибо это решение явилось результатом дискуссии о праве собственности *духовенства*, но общий вопрос о праве собственности, о форме ее организации с наибольшей выгодой для нации не дискутировался. Мы настоятельно просим читателя не упускать из виду наших постоянных заявлений, что наибольшим злом кажется нам беспорядок и что поддержание порядка, независимо от принятых решений и происходящих из них выгод, требует, чтобы закон никогда не получал обратной силы, ибо затруднений в этом случае было бы больше, чем пользы.

сованные в свободе и государственной экономии, они будут платить то, на что будет их согласие; они действительно будут свободны в использовании своих прав во всем их объеме. <...>

Ведь промышленники представляют собой тот класс, который больше других заинтересован в поддержании порядка. Наступает ли беспорядок извне, случается ли война, арендаторы в стране, сделавшейся театром военных действий, совершенно разоряются, их гумна разграбляются, их скот поедается, в то время как собственники отделиваются потерей доходов за несколько лет. В городах магазины торговцев опустошаются, их состояние полностью расхищается, в то время как домовладельцы отделиваются потерей некоторой наемной платы, легче, чем в случае пожара: при таком чрезвычайном несчастье у них остается по крайней мере земля, на которой были построены их дома. Народные восстания, внутренние беспорядки приносят те же результаты. <...>

Из краткого обзора хода развития и успехов промышленности следует, что:

1) *в политическом отношении* промышленный класс, бывший в рабском положении при своем возникновении, постепенно поднимался, возвеличивался в своем общественном бытии и, наконец, в настоящее время в состоянии взять в руки всю власть. Это потому, что палата общин, наделенная исключительным правом вотиrowания налогов, тем самым обладает огромной общественной властью, от которой зависят все остальные. Поэтому, если сильная политическая власть еще не находится в руках промышленности, то только потому, что в палате общин еще не образовалось, как это должно было быть, большинства из членов общин, т. е. из представителей промышленности;

2) *в гражданской области* реальная сила принадлежит в настоящее время промышленности, а феодальный класс попал в зависимость от нее в отношении всех своих нужд. <...>

Единственный класс общества, которому мы желаем усиления властолюбия и политической смелости, единственный класс, честолюбие которого идет на пользу, а смелость необходима, есть в общем класс промышленников, ибо их частные интересы силой вещей вполне согласуются с общими интересами. В свете этой истины мы окинули взглядом дело промышленников, рассматривая его как действительный центр и очаг цивилизации. <...>

ПРИТЧА (ПАРАБОЛА)

⟨...⟩ Социальная организация мало совершенна, люди позволяют управлять собой насилию и хитрости ⟨...⟩ человеческий род в политическом отношении еще находится в безразличном состоянии, ибо ученые, художники и ремесленники, единственные люди, труды которых приносят обществу положительную пользу и которые почти ничего ему не стоят, находятся под властью принцев и других правителей, являющихся лишь более или менее неспособными рутинерами; ибо люди, пользующиеся уважением и разными национальными наградами, обязаны своими привилегиями главным образом лишь случайности рождения, лести, интриге и другим мало почтенным действиям; ибо те, которым поручено управлять общественными делами, делят между собой ежегодно половину налогов, а из той части, которая не идет в их личную пользу, они не расходуют даже и третьей части полезным для управляемых образом.

Эти предположения показывают, что современное общество являет собой воистину картину мира, перевернутого вверх ногами, ибо нацией в качестве основного принципа принято положение, что бедные должны быть великодушны к богатым, и вследствие этого менее обеспеченные ежедневно лишают себя части необходимых им средств для того, чтобы увеличить излишек крупных собственников; ибо величайшие преступники, воры высшего порядка, грабящие у всей совокупности граждан триста или четыреста миллионов в год, облечены властью наказывать мелкие проступки против общества; ибо невежество, суеверие, лень и страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, а способные, бережливые и трудолюбивые люди подчинены им и используются лишь в качестве орудий; ибо, одним словом, во всех родах занятий неспособные люди управляют способными, безразличные призваны наставлять граждан добродетели, наиболее преступные — карать мелкие провинности.

О ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

⟨...⟩ В новом политическом строе единственной и постоянной целью общественной организации должно быть возможно лучшее применение для удовлетворения потребностей

человека знаний, добытых науками, искусствами и ремеслами, распространение этих знаний, их совершенствование и возможно большее накопление, словом, возможно более полезное сочетание всех отдельных работ в области наук, искусств и ремесел. (...)

В обществе, организованном с определенной целью — стремиться к процветанию при помощи наук, искусств и ремесел, наиболее важный политический акт, состоящий в определении направления, в котором общество должно идти, не совершается больше людьми, занимающими общественные должности, — он совершается самым общественным органом. (...) Дело управления тогда сводится к нулю или почти к нулю, поскольку оно заключается в повелевании. Все вопросы, которые должны решаться при такой политической системе, а именно: какими мероприятиями общество может увеличить свое благосостояние при помощи современных знаний в области наук, искусств и ремесел, какие меры нужно принять для распространения этих знаний и для возможно большего их развития, какими, наконец, средствами эти различные задачи могут быть осуществлены с наименьшими расходами и в кратчайшее время, — все эти вопросы, говорим мы, а также все вопросы, которые они могут породить, безусловно положительного характера и доступны обсуждению; решение их возможно лишь на основе научных доводов, совершенно не зависящих от человеческого произвола и доступных обсуждению всеми, кто владеет в достаточной мере образованием. Все общественные обязанности будут неизбежно возложены на людей, наиболее способных * выполнить их согласно общей цели ассоциации.

При таком порядке вещей исчезнут все три основных порока современной политической системы: произвол, неспособность и интрига.

---

* И в настоящее время пользуется признанием принцип, согласно которому должности должны замещаться наиболее способными людьми, но этот принцип не имеет ничего общего с принципом, который мы пытаемся установить. Способность, которую отстаивают поддерживающие этот принцип люди, есть способность к насилию и коварству, а это не только не имеет ничего общего со способностью, о которой здесь идет речь, но более того, мы глубоко убеждены, что было бы весьма прискорбно, если бы этой способностью обладала существующая политическая власть, так как необходимым результатом этого было бы продление существования уродливой социальной системы за ее естественные пределы. Нынешняя неспособность гораздо предпочтительнее этой способности.

О ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЕ

⟨...⟩ Какими средствами будут пользоваться друзья человечества для преобразования общества? ⟨...⟩

Единственное средство, какими будут пользоваться друзья человечества, это проповедь, как устная, так и письменная. Они будут проповедовать королям, что в силу своего христианского долга и в силу собственных интересов сохранения своих наследственных прав они должны поручить ученым положительного направления руководство общественным обучением и дело усовершенствования научных теорий, а наиболее способным в административных делах промышленникам — заботу об управлении светскими делами.

Они будут проповедовать народам, что они должны единодушно заявлять государям о своем желании, чтобы руководство общественными делами как в духовной, так и в светской области было всецело предоставлено классам, наиболее способным руководить ими в духе общих интересов и наиболее заинтересованным в том, чтобы дать им такое направление.

Друзья человечества будут продолжать свою устную и письменную проповедь столько времени, сколько окажется необходимым, чтобы побудить государей (вследствие внутреннего убеждения либо под влиянием всемогущего общественного мнения) осуществить те перемены в организации общества, которых требуют прогресс просвещения, общий интерес всего населения, настоятельный и непосредственный интерес громадного его большинства.

Одним словом, единственное средство, которое будут применять друзья человечества, будет состоять в проповеди, и единственная цель этой проповеди — побудить королей воспользоваться предоставленной им народом властью для осуществления ставших необходимыми политических перемен. ⟨...⟩

КАТЕХИЗИС ПРОМЫШЛЕННИКОВ

Вопрос. Что такое промышленник?

Ответ. Промышленник — это человек, который трудится для производства или для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; значит,

земледелец, сеющий зерно или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр — промышленники; фабрикант обуви, шляп, полотна, сукна, кашемировой материи — также промышленник; купец, извозчик, матрос торгового судна — промышленники. Все промышленники вместе трудятся для производства или для доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности: они составляют три крупных класса, которые называются земледельцами, фабрикантами и торговцами.

Вопрос. Какое положение в обществе должны занять промышленники?

Ответ. Промышленный класс должен занять первенствующее положение, потому что он важнее всех, потому что он может обходиться без всех других классов, но никакой другой класс не может обходиться без него, потому что он существует своими собственными силами и своим личным трудом. Другие классы должны трудиться для него, потому что они являются его созданиями, и он поддерживает их существование; одним словом, так как все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для нее.

Вопрос. Какое положение в обществе занимают промышленники?

Ответ. Промышленный класс современной общественной организацией поставлен на последнее место. Социальный строй все еще предоставляет больше уважения и влияния второстепенным трудам и даже праздности, чем самым важным трудам, трудам, приносящим прямую пользу. <...>

Вопрос. Значит, вы проповедуете в этом катехизисе восстание и возмущение? Ведь классы, обремененные по преимуществу властью и почетом, конечно, не расположены отказываться добровольно от выгод, которыми они пользуются.

Ответ. Мы далеки от того, чтобы проповедовать восстание и возмущение; наоборот, мы покажем единственный способ помешать актам насилия, которые могут угрожать обществу и которых ему будет трудно избежать, если сила промышленности останется пассивной среди тех партий, которые борются за власть.

Общественное спокойствие не может быть устойчивым до тех пор, пока на самых выдающихся промышленников не будет возложено управление государственным достоянием.

Вопрос. Объясните нам это, скажите нам, почему общественное спокойствие будет находиться под угрозой, если наиболее выдающиеся промышленники не станут во главе управления государственным достоянием?

Ответ. Причина этого очень проста: общее политическое стремление громадного большинства общества состоит в том, чтобы им управляли возможно дешевле, чтобы им управляли возможно мягче, чтобы им управляли наиболее способные люди, притом так, чтобы общественное спокойствие было вполне обеспечено. Но единственный способ удовлетворить все эти разнообразные желания большинства состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам руководство государственным достоянием. Ибо наиболее значительные промышленники больше всего заинтересованы в поддержании спокойствия, они наиболее заинтересованы в экономии государственных расходов, они также больше всего заинтересованы в ограниченном произволе; наконец, из всех членов общества они лучше всего доказали свои положительные административные способности, так как успех их частных предприятий свидетельствует об их способностях в этой области.

При настоящем положении вещей общественное спокойствие находится под угрозой по той причине, что курс правительства находится в прямом противоречии с вполне определенными стремлениями нации. Нация желает прежде всего, чтобы управление стоило ей возможно дешевле, но никогда правительство не обходилось ей так дорого; оно стоит ей гораздо больше, чем до революции. До революции нация делилась на три класса, а именно: на дворян, буржуа и промышленников²⁹. Дворяне управляли, буржуа и промышленники их оплачивали.

Теперь нация делится только на два класса: буржуа, сделавшие революцию и направившие ее в своих интересах, уничтожившие исключительную привилегию дворян пользоваться государственным достоянием. Они заставили допустить себя в класс правителей, так что теперь промышленники должны содержать дворян и буржуа. До революции нация платила 500 миллионов налогов, теперь она платит миллиард, и этого миллиарда еще недостаточно; правительство часто прибегает к значительным займам.

Общественное спокойствие будет находиться под все возрастающей угрозой, потому что налоги по необходимости будут все увеличиваться. Единственное средство

помешать восстаниям, которые могут разразиться, состоит в том, чтобы поручить наиболее значительным промышленникам дело управления достоянием государства, т. е. поручить им составление бюджета.

Вопрос. То, что вы сказали, очень хорошо, чрезвычайно интересно и имеет громадную важность, но вы не даете нам прямых указаний о том, что мы желаем знать. Мы просим вас разъяснить нам вот что: возможно ли без употребления насильственных средств изъять высшее управление денежными делами общества из рук дворян, военных, легистов³⁰ и рантье, одним словом, из рук непромышленных классов, чтобы передать его в руки промышленников?

Ответ. Насильственные средства годятся для того, чтобы низвергать и разрушать, но они годятся только для этого. Мирные средства — единственные, какие можно употреблять в целях созидательных, творческих, словом, в целях установления прочных учреждений. Но акт, которым наиболее значительным промышленникам будет передано высшее руководство денежными интересами нации, есть акт строительства. Это самое важное политическое мероприятие, какое могло бы быть принято; оно послужит основанием всего нового социального здания; оно завершит революцию и обезопасит нацию от всяких новых потрясений. Наиболее значительные промышленники будут бесплатно выполнять обязанности по составлению бюджета, а потому будет мало желающих выполнять эту обязанность. При составлении бюджета промышленники будут ставить себе целью экономию в управлении государственными делами; поэтому они назначат чиновникам умеренные оклады. На эти места будет мало охотников, количество их значительно уменьшится, точно так же сократится и количество претендентов, неизбежно установится такой строй, где большое количество должностей будет исполняться безвозмездно, так как праздные богачи не найдут иного средства приобрести себе уважение. {...}

Промышленники будут употреблять исключительно мирные средства, т. е. средства обсуждения, доказательства и убеждения; только опираясь на них, они возьмут высшее руководство достоянием государства из рук дворян, военных, легистов, рантье и государственных чиновников, чтобы передать его в руки наиболее значительных людей в своей среде.

Вопрос. Мы допускаем пока, что промышленники не будут стремиться прибегать к насилию для того, чтобы взять

высшее руководство денежными интересами общества из рук дворянства и буржуазии и передать его в руки наиболее значительных в своей среде, но из мирных намерений промышленников еще не вытекает, что этот класс общества способен занять первенствующее положение; мы просим вас сказать, какими средствами добьются промышленники тех коренных изменений в обществе, о которых идет речь.

Ответ. Промышленники составляют больше двадцати четырех двадцать пятых нации; они, таким образом, преобладают как физическая сила. Они производят все богатства и потому владеют денежными средствами. Они превосходят других и в умственном отношении: именно их расчеты содействуют наиболее непосредственно процветанию государства.

Так как, наконец, они больше всех способны управлять денежными делами нации, то человеческая, как и божественная, мораль призывает наиболее выдающихся из них к управлению финансами.

Промышленники обладают всеми необходимыми средствами; они обладают могучими средствами для того, чтобы произвести перемену в социальной организации, которая переведет их из класса управляемых в класс управляющих. <...>

Вопрос. То, что вы нам говорите, очень интересно и увлекательно. Ряд представленных вами наблюдений очень ясен и твердо установлен; выводимые вами следствия вытекают из него вполне естественно. Одним словом, мы испытываем сильнейшее искушение принять вашу систему и, конечно, примем ее, если вы можете ответить нам на четыре ³¹ следующие возражения.

Первое из этих возражений или, лучше сказать, первый пункт, который мы просим разъяснить нам, это — может ли осуществиться предлагаемая вами перемена социальной организации без ущерба для института королевской власти?

Ответ. Институт королевской власти имеет всеобщий характер, отличающий его и ставящий его выше всех других институтов. Его существование не связано ни с какой политической системой вообще. Этот институт будет подходить одинаково ко всем системам социальной организации, установления которых может потребовать прогресс цивилизации. <...>

РАССУЖДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

*Доказательства способности французских пролетариев
хорошо управлять собственностью*

Мы хотим здесь доказать, что наиболее многочисленный класс, т. е. народ, состоит теперь из людей, не нуждающихся более в особом надзоре, из людей, умственные способности которых достаточно развиты, а предусмотрительность достаточно изощрена, чтобы можно было без всяких затруднений установить систему социальной организации, допускающую их в качестве равноправных членов общества.

Можно считать, что народ делится на два класса: на класс людей, занятых земледельческим трудом, и на класс людей, получающих работу у фабрикантов и торговцев. <...>

В начале революции большая часть владельцев торговых и промышленных предприятий была разорена грабежами, имевшими место при восстаниях. Те, кто уцелел от грабежей, были разорены законом о максимуме³², а состояние тех, кто счастливо избежал обеих этих бедствий промышленности или сохранил наличные деньги, было потеряно вследствие реквизиций и сожжения английских товаров.

Что произошло бы после этих общих бедствий, если бы большое количество рабочих, занятых у разоренных и морально подавленных своими несчастьями промышленников и торговцев, не оказалось достаточно способным их заместить? Промышленность и торговля Франции потеряли бы на долгое время большую долю своего значения, и Франция выплачивала бы теперь иностранцам гораздо более значительную промышленную дань, чем до революции; одним словом, французское производство сократилось бы.

В действительности, наоборот, производство всякого рода продуктов бесконечно выросло после и даже во время самих бедствий; в действительности люди, до того занятые во всех торговых и фабричных заведениях в качестве простых рабочих, стали предпринимателями и руководителями работ, причем они оказались более искусными и деятельными, чем их предшественники. Таким образом, сейчас Франция гораздо более процветает, больше производит и имеет большее значение в земледелии, промышленности и торговле, чем

до революции, хотя большая часть теперешних руководителей всеми этими предприятиями вышла из народа.

Может ли существовать более веское и более полное доказательство того, что народный класс, т. е. громадное большинство нации, достиг такого высокого умственного развития, что во Франции без всяких неудобств для общественного спокойствия, а наоборот, с громадными преимуществами для всех классов общества может быть установлен общественный строй, имеющий своей непосредственной целью всеобщее благо³³. {...}

НОВОЕ ХРИСТИАНСТВО

РАЗГОВОР КОНСЕРВАТОРА С НОВАТОРОМ

*Новатор*³⁴. Господь сказал: «Люди должны относиться друг к другу как братья». Этот высший принцип содержит в себе все, что есть божественного в христианской религии.

Консерватор. Как? Вы сводите к одному-единственному принципу все, что есть божественного в христианстве!

Новатор. Господь, несомненно, все свел к одному принципу; из этого принципа он несомненно все и вывел. Без этого его воля в отношении людей не имела бы определенной системы. Было бы кощунством утверждать, что всемогущий основывал свою религию на многих принципах.

Согласно же тому принципу, который господь преподавал людям в качестве правила их поведения, они должны организовать свое общество так, чтобы оно было наиболее выгодно наибольшему числу людей; они должны поставить целью всех своих трудов и всех своих действий — в наикратчайшее время и наиполнейшим образом улучшить моральное и физическое состояние наиболее многочисленного класса.

Я утверждаю, что именно в этом, и только в этом, заключается божественная часть христианской религии. {...}

{...} Новое христианство³⁵ призвано доставить торжество принципам общей морали в той борьбе, которая происходит между этими принципами и стремлениями достигнуть частичного блага за счет блага общего. Эта обновленная религия призвана создать для всех народов состояние вечного мира, объединяя их против той нации, которая пожелала бы достигнуть своего частного блага за счет общего блага всего человечества, объединяя их против всякого правительства, которое проникнуто антихристианским духом до такой степени, чтобы общенациональные интересы принести в жертву част-

ным интересам правителей. Она призвана связать между собой людей науки, художников и промышленников и сделать их как общими руководителями человечества, так и защитниками специальных интересов всех отдельных народов, его составляющих. Она призвана поставить искусства, опытные науки и промышленность во главе священных знаний. (...)

Я должен был сначала обратиться к богатым и сильным, чтобы расположить их в пользу нового учения, я должен был внушить им, что оно совершенно не идет вразрез с их собственными интересами, ибо улучшить моральное и физическое существование бедного класса явно невозможно другими средствами, кроме тех, которые приводят к увеличению наслаждений богатого класса.

Я должен был внушить художникам, ученым и руководителям промышленного труда, что их интересы по существу совпадают с интересами народных масс, что они принадлежат к классу трудящихся, являясь в то же время его естественными вождями, что одобрение народными массами услуг, которые они им оказывают, есть единственная награда, достойная их славного труда. На этом обстоятельстве, ввиду его чрезвычайного значения, мне нужно было особенно настаивать, так как это единственное средство дать народам вождей, действительно заслуживающих их доверия, вождей, способных направлять их воззрения, чтобы они были в состоянии здраво судить о том, соответствуют ли те или иные политические мероприятия интересам большинства населения или же противоречат им. (...)

Государи!

Внемлите гласу бога, говорящего вам моими устами: станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестивых судей своей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумеете выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает употребить все силы на то, чтобы возможно быстрее увеличить социальное благополучие бедняка.

Печатается по: Сен-Симон. Избранные сочинения. М.—Л., 1948, т. I—II, т. I, с. 105, 108—109, 118, 123—124, 135—137, 138, 141—143, 146, 190—192, 193, 196, 199—202, 206—207, 212, 234, 235, 287—288, 312—316, 344, 347—349, 353—355, 370, 409—410, 433—434, 441, 445—447; т. II, с. 121—122, 124—130, 170, 318, 321—322, 365—366, 411, 425, 435.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первое собрание сочинений А. Сен-Симона вышло в 1832 г.

По-русски впервые отрывки из сочинений Сен-Симона в переводе И. А. Шапиро были опубликованы в 1910—1911 гг. в серии «Родоначальники позитивизма»; собрание сочинений Сен-Симона на русском языке, подготовленное проф. В. В. Святловским, вышло в 1923 г.; наиболее полное издание было подготовлено для серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина, перевод Л. С. Цетлина (Сен-Симон. Избранные сочинения. М.—Л., 1948). В настоящую публикацию включены тексты из последнего издания.

Составители включили фрагменты из следующих произведений Сен-Симона: «Письма женевого обитателя к современникам», «Очерк науки о человеке», «Труд о всемирном тяготении», «Письма американцу», «Взгляд на собственность и законодательство», «Притча» («Парабола»), «О теории общественной организации», «О промышленной системе», «Катехизис промышленников», «Рассуждения литературные, философские и промышленные», «Новое христианство».

«Письма женевого обитателя к современникам» — первое произведение Сен-Симона, написанное им в 1802 г., во время пребывания в Женеве, и появившееся в печати анонимно в 1803 г. в Париже; «Очерк науки о человеке» написан в 1813 г. Цель этого труда — обоснование идеи создания науки о человеке, включая в нее биологические, социологические и философские науки. Свой очерк Сен-Симон в копиях разослал наиболее компетентным, по его мнению, ученым для строгой научной критики. Сен-Симон призывал ученых объединить свои усилия для создания науки о человеке, которая поможет преодолеть переживаемый человечеством кризис и преобразовать общество; впервые «Очерк науки о человеке» был издан в 1859 г. учеником Сен-Симона Аифантези; «Труд о всемирном тяготении» написан в конце 1813 г., органически связан с «Очерком науки о человеке» и является его продолжением; впервые опубликован вместе с «Очерком науки о человеке» в 1859 г. «Письма к американцу» — очерк, помещенный в 1817 г. в одном из сборников статей, заметок, писем Сен-Симона. Американский адресат выдуман. Форма очерка подсказана Сен-Симону его личными впечатлениями от Америки, в войне за освобождение которой он участвовал; Сен-Симон считал полезным ознакомление «с прогрессом человеческого разума как в Старом, так и в Новом Свете... в результате этого должно произойти новое полезное сближение... Непрерывное сравнение состояния цивилизации двух стран... расширит круг политических идей» (см.: Сен-Симон. Избранные сочинения, т. I, с. 291—292); «Взгляд на собственность и законодательство» — это произведение относится к 1818 г.; в этом сочинении Сен-Симон хотел описать «конституционное средство для увеличения политической силы промышленности и умножения богатства Франции» (см.: Избранные сочинения, т. I, с. 350); «Притча» («Парабола») представляет собой извлечение из сборников писем и статей Сен-Симона, выходивших в 1819—1820 гг. под названием «Организатор»; эта статья послужила основанием для привлечения автора к суду по обвинению в оскорблении Бурбонской династии, но присяжные вынесли Сен-Симону оправдательный приговор; «О теории общественной организации» — это произведение написано в 1819 г., оно, как и «Притча», было помещено в одном из сборников «Организатора»; «О промышленной системе» появилось в печати в 1821 г. в виде отдельной книги; «Катехизис промышленников» — это произведение вышло в свет в течение 1823—1824 гг.; катехизис — распространенная форма религиозных книг, излагаю-

щих христианское вероучение в виде вопросов и ответов; «Рассуждения литературные, философские и промышленные» вышли в свет в 1825 г.; «Новое христианство» — последнее произведение Сен-Симона, написанное им в 1825 г., незадолго до смерти. Сен-Симон излагает содержание в форме разговора Консерватора с Новатором.

² Свое первое произведение Сен-Симон написал в 42 года.

³ В учении Сен-Симона большое место уделено теории классов. Сен-Симон считал основным содержанием исторического процесса борьбу общественных классов. Это утверждение Сен-Симона оказало большое влияние на дальнейшее развитие социалистических взглядов. Ф. Энгельс писал: «...понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими*, — это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 196). Вместе с тем у Сен-Симона нет отчетливого представления о происхождении классов и социально-экономическая характеристика современных ему классов не соответствует реальным взаимоотношениям того времени. Деление общества у Сен-Симона двучленно: феодальное и промышленное. Общественные тунядцы — феодалы; трудящиеся — это рабочие и предприниматели. К промышленникам примыкают ученые и художники. В состав промышленников входит вся буржуазия, за исключением рабтей, которые относятся к праздным. Это подчеркивал и Ф. Энгельс: «...в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 195); в приведенном отрывке Сен-Симон делит общество на собственников и *неимущих*, «объединяемых идеей равенства». Участием людей, не имеющих собственности, он объясняет разрушительный характер революции.

⁴ Сен-Симон имеет в виду Великую французскую революцию XVIII в. По словам Ф. Энгельса, «Сен-Симон был сыном великой французской революции...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 194). По мнению Сен-Симона, революции происходили в истории в силу неразвитости идей, разума, их порождала стихия бедности и стремление *неимущих* к равенству. Революция носит разрушительный характер и оставляет страну в неорганизованном состоянии. Свой проект общественных преобразований Сен-Симон считал средством избавления человечества от революционной анархии и разрушения. В этой части учение Сен-Симона имеет много общего с позицией Фурье.

⁵ Ф. Энгельс отмечает, что уже в «Женеvских письмах» Сен-Симон выдвигает положение о господстве в момент революции «*неимущих масс*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 195).

⁶ Открытый Ньютоном (1642—1727) закон всемирного тяготения Сен-Симон, так же как Фурье, кладет в основу своего мировоззрения.

⁷ Эту мысль Сен-Симона высоко оценил Ф. Энгельс (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 195).

⁸ Сен-Симон пришел к выводу об универсальном значении закона всемирного тяготения, открытого Ньютоном. Этот закон должен стать основой новой философии, из которой вытекает новая политическая система. Приведенный отрывок написан в форме воображаемой беседы Сен-Симона с богом.

⁹ Сен-Симон считал, что идея бога устарела, она соответствовала более примитивному состоянию человеческих знаний и человеческого разума.

Не идея бога должна лечь в основу философской концепции, а идея тяготения. Радикально порывая с существом богословской системы, Сен-Симон, однако, считал, что «простой народ» не способен воспринять положительную философию в чистом виде. «Простой народ» должен верить, что вселенной управляет всемогущее существо. Ученые должны распространять свои знания в народе, пользуясь языком божественного откровения, вкладывая в уста бога результаты своих научных работ. Многие произведения Сен-Симона являются причудливым переплетением обычной формы логических доказательств и формы «божественного откровения». В соответствии с этим свою положительную философию он называет религией, корпорацию ученых — духовенством.

¹⁰ Сен-Симон считал, что полное равенство принципиально недостижимо. Достижимое равенство состоит в том, что в справедливом обществе ликвидируется паразитизм старых правящих групп, все являются трудящимися. Сен-Симон отождествлял общество с большой мастерской, в которой не должно быть бесполезных работников. Различия между трудящимися будут заключаться в том, что одни работают руками, другие — головой. Богатого за то будут кормить бедные, что он работает головой.

¹¹ В новой общественной системе, по мысли Сен-Симона, положение человека будет определяться не случайностью происхождения, а способностями, при этом значение и доход каждого должны быть пропорциональны его способностям и его вкладу в общественный труд (см.: Избранные сочинения, т. I, с. 57).

¹² Понятие «ряд» заимствовано Сен-Симоном из математики, оно употребляется во всех сочинениях Сен-Симона для обозначения совокупности моментов, следующих в определенном порядке один за другим в развитии какого-либо процесса.

¹³ Сен-Симон имеет в виду войну с Наполеоном I антифранцузской коалиции государств.

¹⁴ См. наст. изд., с. 238, прим. 8.

¹⁵ Обращаясь к учению Сократа, Сен-Симон писал: «Сократ заметил, что принципы морали должны быть даны людям, опираясь на божественный авторитет; он заметил, что вера во многих богов весьма благоприятствует развитию страстей всякого рода, но мешает подчинению всех страстей единой страсти к общему благу, — поэтому Сократ провозгласил единство бога» (Избранные сочинения, т. II, с. 265); Сен-Симон считал Сократа родоначальником монотеизма.

¹⁶ Идея закономерности, объективности развития природы и общества — стержень системы Сен-Симона. Человеческий разум, по его мнению, развивался по восходящей линии и прошел несколько ступеней от идеи многих одушевленных причин до идеи единой одушевленной причины: от политеизма к монотеизму. Следующий шаг в познании открывает система самого Сен-Симона; он заключается в познании единого закона притяжения; единый закон должен сменить единого бога; новое учение, в свою очередь, сменил христианство и будет выше его.

¹⁷ Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель, сторонник республиканского строя.

¹⁸ В этом фрагменте ярко отражена методология сенсимонизма: философский идеализм сочетается с попытками представить исторический процесс как объективный, естественный.

¹⁹ Под Энциклопедией здесь имеется в виду «Толковый словарь наук, искусств и ремесел», подготовленный французскими просветителями XVIII в. во главе с Д. Дидро, вошедшими в историю под именем энциклопедистов; мысль Сен-Симона «о господстве невежественного класса» во время

революции высоко оценивает Ф. Энгельс (см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 195).

²⁰ Здесь имеется в виду Наполеон I.

²¹ Карл V Мудрый (1338—1380) — французский король, вел войну с Англией; Людовик XIV (1638—1715) — французский король, вел многочисленные войны.

²² См. наст. изд., с. 239, прим. 13.

²³ В подтверждение объективного хода развития истории Сен-Симон сформулировал закон о чередовании научных и политических революций: «История свидетельствует, что научные и политические революции чередовались между собой, что они последовательно были одни для других по причине, то следствием» (см.: *Избранные сочинения*, т. I, с. 203).

²⁴ Эту мысль Сен-Симона Ф. Энгельс оценивает как попытку вывести политику из экономического положения (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 196).

²⁵ Требник — богослужебная книга, содержащая тексты церковных служб и изложение порядка их совершения.

²⁶ Под «революцией Лютера» следует понимать реформаторскую деятельность Мартина Лютера (1483—1546), одного из вождей Реформации в Германии, основателя лютеранства, крупнейшего направления протестантизма; «Английская революция при Карле I» — имеется в виду английская буржуазная революция XVII в., в ходе которой был низложен и казнен английский король из династии Стюартов Карл I, «как тиран, изменник, убийца и враг государства»; «американская революция» — война за независимость североамериканских штатов 1775—1783 гг.; «французская» — имеется в виду Великая французская революция XVIII в.; признавая объективную неизбежность буржуазных революций, Сен-Симон указывал на их ограниченность и незавершенность, он считал, что основной недостаток этих революций заключался в том, что власть не была передана в руки промышленников и ученых. «Настоящей целью революции, той целью, которую поставил перед ней ход цивилизации, было образование новой политической системы. И именно потому, что эта цель еще не достигнута, не закончена еще и революция» (*Избранные сочинения*, т. II, с. 49—50).

²⁷ Ф. Энгельс отмечает, что Сен-Симон совершенно ясно высказал мысль, «что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об «отмене государства» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 196).

²⁸ Здесь Сен-Симон имеет в виду французскую конституцию, провозглашенную при реставрации Бурбонов Людовиком XVIII 4 июня 1814 г. под именем хартии. Эта хартия устанавливала во Франции взамен наполеоновского режима конституционную монархию с двумя палатами.

²⁹ См. наст. изд., с. 238, прим. 3.

³⁰ Легисты — средневековое название юристов-законоведов; они способствовали укреплению абсолютизма, опираясь на положения римского права.

³¹ Воображаемые оппоненты задали четыре вопроса: 1) о судьбе в будущем королевской власти; 2) об отношении короля к общественным финансам; 3) относится ли новый план преобразования только к Франции или касается других государств; 4) какая нация первой начнет переворот к промышленной системе. На второй вопрос Сен-Симон отвечает, что в будущем справедливым общество король поручит распоряжение финансами промышленникам; отвечая на третий вопрос, он утверждает, что переход к промышленной системе является универсальной исторической неизбежностью: «Все народы на земле стремятся к одной цели; она состоит в том, чтобы

перейти от правительственного, феодального, военного режима к административному, промышленному и мирному...» (Избранные сочинения, т. II, с. 202); на четвертый вопрос Сен-Симон ответил, что первой нацией, у которой начнется этот переворот мирным путем, будет французская нация (см. там же, с. 203—204).

³² Закон, принятый Конвентом под влиянием якобинцев в 1793 г., устанавливал твердые цены на хлеб и на другие продукты; этот закон ударил по интересам торговцев и спекулянтов; отменен после 9 термидора.

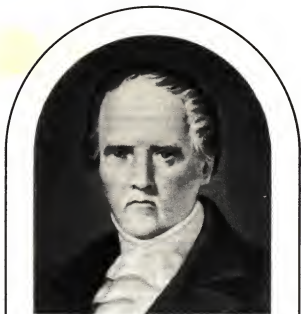
³³ В этом отрывке ясно выступают социалистические тенденции в учении Сен-Симона: очевидна его высокая оценка созидательной деятельности рабочего класса. Ф. Энгельс отмечал, что Сен-Симона «в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса...»» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 195).

³⁴ Произведение Сен-Симона «Новое христианство» написано в форме диалога Новатора и Консерватора.

³⁵ Сен-Симон считал, что религиозная система, не должна исчезнуть из духовной жизни человечества, ее только следует «согласовать с прогрессом наук» (см.: Избранные сочинения, т. II, с. 474). В соответствии с этим свою философскую систему он называет «новым христианством». Историческое христианство, согласно построению Сен-Симона, — это такая форма развития разума, в которой единобожие восторжествовало над многобожием. Важнейший моральный принцип христианства (все люди — братья) не мог реализоваться в эпоху рабства и феодализма, так как светская власть основывала свое могущество на праве сильнейшего. Прогресс цивилизации подготовил европейские народы к полному усвоению христианской морали. Новое христианство должно прийти на смену старому и в противоположность ему подчинить себе светскую власть и построить всю общественную систему на христианской морали (см.: Избранные сочинения, т. I, с. 67—68). Новое христианство имеет свой культ и свое духовенство. Поведение первоначальных христиан должно быть образцом для проповедников нового христианства. Единственное средство его распространения — убеждение. Сен-Симон писал: «Пусть нас преследуют, как и первых христиан, нам совершенно возбраняется употребление физической силы» (Избранные сочинения, т. I, с. 71). Новое христианство — учение и моральная система, призванные противостоять классовой борьбе. Сен-Симон считал, что необходимо принять все меры, чтобы распространение нового учения «не толкнуло бедный класс к актам насилия против богатых и правительств» (Избранные сочинения, т. I, с. 71). Во имя нового христианства должны объединиться короли Европы, власть которых, по мнению Сен-Симона, не противоречит промышленной системе, наоборот, король в новом обществе будет первым промышленником, как когда-то он был первым дворянином.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин В. П. Социальные учения Сен-Симона. — В кн.: *Сен-Симон*. Избр. соч. М.—Л., 1948, т. I.
- Волгин В. П. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961.
- Застенкер Н. Е. Аири де Сен-Симон. — В кн.: *История социалистических учений*. М., 1962.
- Кучеренко Г. С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.
- Левандовский А. П. Сен-Симон. М., 1937.
- Цетлин Л. С. Аири де Сен-Симон. (Биографический очерк). — В кн.: *Сен-Симон*. Избр. соч. М.—Л., 1948, т. 2.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

1772

1837

27 ноября 1837 года в Санкт-Петербургской газете «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» была напечатана статья «Карл Фурье». В ней говорилось о недавней смерти в Париже — «в каком-то чердаке... на соломе» — «великого преобразователя» Фурье. «Гений, посвятивший всю жизнь свою для блага человечества... жил в нищете, не имея часто насущного хлеба...» Он открыл «законы общественной гармонии», а «общество, среди которого жил Фурье, приговаривало ему еще награду, какую оно привыкло наделять до сих пор людей великих: забвенье, насмешки, оскорбление, злобу и страдания...»

Появление статьи вызвало переполох. Министр просвещения граф С. С. Уваров тотчас же направил попечителю Санкт-Петербургского учебного округа запрос, в котором выговаривал: только тем, мол, что издатель и цензоры «не слышали о Фурье и не знали, какое место принадлежит ему в ряду новейших мыслителей», и можно объяснить опубликование этой статьи. Редактор газеты и цензоры получили по выговору.

Охранительский инстинкт сработал точно: идеи французского социалиста Шарля Фурье, несмотря на все присущие им странности, и в самом деле, были опасны для самодержавного режима. Учение Фурье о социальной гармонии, т. е. об идеальном обществе, где все люди счастливы, где нет антагонистических противоречий, политической борьбы, эксплуатации одним другим, — это учение в корне подрывало аргументацию трубадуров официальной идеологии, вещавших о божественном происхождении и вечности существующих порядков, того «мира наыворот», борьбе с которым Фурье посвятил всю свою жизнь.

Франсуа-Мари-Шарль Фурье родился в городе Безансоне. Отец его был коммерсантом, и Шарлю пришлось пойти по его стопам. Его обучали купеческому делу, много времени и сил отдал он вынужденной службе на торговом поприще — был бухгалтером и кассиром, экспедитором и письмоводителем, коммивояжером и биржевым маклером. Он воочию увидел всю жестокость строя, где один наживается за счет другого. И потому, наверное, он так сильно возненавидел эту «мастерскую лжи», этот мир торгашества и спекуляции — настолько даже, что все остальные человеческие отношения современного ему общества воспринимал как проявление всеобщей купли-продажи.

При всей внешней заурядности Фурье был очень оригинальным, своеобразным человеком. В его личности слились воедино черты мудреца и чудака.

В детстве в нем очень рано развилась богатейшая фантазия. Очень любил Шарль музыку и яркие краски, цветы и кошек, слушать военные оркестры и любоваться пышными балами. Сострадание к слабым (мальчиком Шарль несколько лет подряд отдавал свой завтрак нищему, собиравшему милостыню возле дома) сочеталось у него с непримиримостью к идейным противникам и крайней подозрительностью по отношению к возможным конкурентам. Он никогда не останавливался перед саморекламой, но был предельно скромнее во

всем, что касается личной жизни (даже больной, отказывался от помощи и ухода), и крайне щепетилен в денежных расчетах. Высшей целью своей он считал выведение формулы счастья, основанного на полном удовлетворении всех человеческих страстей, в его представлениях о будущем содержалась идея свободной, ничем не искаженной любви мужчины и женщины, а на собственную его долю не выпало ни радости любви, ни счастья быть любимым. Нет, это было явное преувеличение, что последнее дыхание всеми забытый Фурье испустил на соломе, но это правда, что почти только насмешки и оскорбления слышал он всю свою жизнь. У него были ученики, своя «школа», но и среди последователей Фурье чувствовал себя одиноким и непонятым. Он не получил систематического образования, был самоучкой, испытывал предубеждение к научным трактатам, но обладал замечательной памятью, великолепным художественно-сатирическим дарованием и написал много сложных трудов. Мать считала его неудачником, окружающие — сумасшедшим, но даже противники не могли не признать самобытности его ума. Все силы своего духа отдал Фурье доказательству возможности и необходимости «вывести человеческий род из социального хаоса, искоренить на всей земле нищету и преступления», установить строй социальной гармонии; но доказательства его принимали иногда такую форму, что даже самые близкие ему люди отказывались их понимать и принимать.

В его сочинениях действительно много странного. Но вся экстравагантность его трудов не может скрыть глубину и верность его самых важных социально-философских идей.

В деталях и мельчайших подробностях описывал Фурье в своих произведениях идеальный строй будущего и возможные пути перехода к нему. Воображение часто перехлестывало границы разумного, неумная фантазия иногда забивала научный, здравый подход. Фурье писал об океане лимонада, о превращении ночи в день, о выведении людьми антикрокодилов и антиклопов... Над этими представлениями, как и над страстью Фурье все классифицировать, немало потешались. Но сквозь все эти фантазии пробивалась главная мысль: буржуазное общество настолько противоречиво, настолько античеловечно, что неизбежно — чем раньше, тем лучше — должно быть устранено, сменено обществом социальной гармонии, подготовленным всей предшествующей историей.

«Изобретатель» (так он любил себя называть), выдвинувший множество великолепных идей в самых разных областях человеческого знания — в психологии и педагогике, в философии и архитектуре, — Фурье многого не видел и не понимал. Сын своего времени, он не вполне оценил смысл Великой французской революции конца XVIII века, не уяснил экономического механизма капиталистической формы эксплуатации, не видел в пролетариате самый передовой класс, отрицал политическую борьбу как способ социальных преобразований, сохранял в будущем обществе нетрудовой доход... Он был полон иллюзий, но в одном был убежден вполне: настанет время, когда люди будут счастливы.

ТЕКСТЫ¹

ЗАБЛУЖДЕНИЕ РАЗУМА, ДОКАЗАННОЕ СМЕХОТВОРНЫМИ СТОРОНАМИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ НАУК

ПОЛИТИКА

Грядущие поколения не перестанут удивляться тому, что этот XVIII век, поднявшийся на гигантскую высоту в области наук и искусств, остался пигмеем в области науки вполне второстепенной — политики. У людей нового времени, как и у людей древности, она никогда не открыла ничего для счастья народов. В Афинах, как и в Париже, нищенство, осаждавшее входы во дворцы, доказывало всегда ничтожество ваших социальных наук и отвержение природой ваших методов и ваших законов. Вы воображаете себя совершенством из-за того, что устранили некоторые ужасы, ставящие состояние варварства еще ниже вашего состояния. Подобно малышу, считающему себя вполне взрослым в четыре года, потому что он повалил на землю малыша, которому только три, вы оцениваете свои социальные науки путем сравнения с науками людей строя варварства, совсем не имеющих никаких наук. В области политики вы умеете лишь смотреть вспять и похвалиться тем, что избегли зла до того, как достигли какого-нибудь добра. Ну, а где же вы на пути добра, когда нищенство, биржевая игра, банкротство, недобросовестность господствуют более чем когда-либо при вашем отвратительном строе цивилизации? <...>

Два порока, от которых при строе цивилизации нет средств, возвестили с незапамятных времен о бессилии политических наук: эти пороки — *нищета*, терзающая отдельных людей, и *революции*, терзающие государства.

Нищета

Каково бессилие наших общественных договоров доставить бедняку достойные и соответствующие его воспитанию средства к существованию, гарантировать ему первое из естественных прав — п р а в о н а т р у д! Под этими словами — *естественные права* — я разумею не бредни, известные под наименованием свободы, равенства². Бедняк не стремится

столь высоко, он не хочет быть равным богачам, он вполне довольствовался бы тем, чтобы жить столом их слуг: народ еще более благограумен, нежели того от него требуют. Он согласен на подчинение, на неравенство, на крепостную зависимость, лишь бы только вы имели в виду средства помочь ему, когда политические превратности лишат его работы, приведут к голоду, позору и отчаянию. Тогда-то он оказывается покорным политикой. Что сделала она, чтобы обеспечить его от превратностей судьбы — не помощью, а только осуществлением его обычного труда, от чего зависят его средства к жизни? Повсюду народ и даже образованный класс кишит несчастными, которые тщетно требуют занятия, тогда как им подобные безмятежно живут в безделии и изобилии. Почему политика насмехается над этими несчастными, давая им права на суверенитет, когда они требуют только прав на зависимое состояние, только права работать ради удовольствия бездельников?

Не скажете ли вы бедняку, что есть место в армии и на вспашке? Это ли источник для отца, отягощенного детьми, или для женщин, которые еще больше, чем мужчины, подвергаются опасности не иметь занятия и зарабатывать так мало, что у них нет никаких источников существования, кроме как в проституции? Тот, кто провел свою молодость в занятиях свободными искусствами, разве пригоден к тому, чтобы жить в лагере на снегу или тянуть лемех? Предоставлять ему плуг, ранец и ваши мастерские благотворительности, более отталкивающие образованного человека, чем сама смерть, — это значит подносить ему цикуту³. Если приходится, прожив всю жизнь среди образованного класса, смешаться с грубым простонародьем, разве это не значит спуститься живым в могилу? И такой-то помощью ваши общественные договоры полагают превзойти предусмотрительность природы⁴? Чтобы сравняться с нею, следовало бы дать нам по крайней мере то, что она дает дикарям и свободным животным, — работу, которая им нравится и к которой они привыкли на протяжении своей жизни, работу совместно с существами, чье общество им подходит. Дайте также и цивилизованному человеку работу, несменяемым обладателем которой он был бы и которой он мог бы заниматься, как ему угодно, когда ему угодно, не будучи зависим от несправедливого начальника, не смешиваясь с людьми, чьи нравы его отталкивают. Уравняйте возможности цивилизованного человека с возможностями дикаря, которого ничто не может лишить права на те же

работы, какими занимаются вожди его орды, — права на охоту и рыбную ловлю, плоды которых предназначены для него, а не для какого-то хозяина. Наконец, со всеми вашими науками, сделайте для бедняка столько, сколько природа сделала для дикарей и диких зверей без помощи наук. <...>

Правда, женщины при строе дикости очень несчастливы, и этого одного было бы достаточно, чтобы доказать, что строй дикости не является требованием природы; но если принимать в соображение только мужчин строя дикости и говорить в духе философов, которые ставят ни во что несчастье женщин, то посмотрите, насколько участь дикаря предпочтительна перед долей наших бедняков.

А какой человек строя цивилизации может льстить себя надеждой, что он или его дети не впадут в нищету? Более чем когда-либо она угрожает богачам и вельможам в столь обильный революциями век.

Революции

Если политика не сумела озаботиться благополучием отдельных личностей, смятых общественным договором, то озаботилась ли она больше благосостоянием государств? Выдвигая теперь против нее обвинения по этому пункту: когда ее упрекают в несчастьях отдельных людей, она укрывается за перспективой общего блага, опирается на этот повод для извинения за подавление отдельных личностей; но своими умозрениями принося в жертву отдельных людей, обеспечивает ли она благо массы, гарантирует ли она государства от революции? Нет, конечно. Революции следуют, все возрастая; все больше и больше видно, как они назревают вдали, при отсутствии какого-либо средства избежать их, и их неизбежность доказывает, что политика никогда не имела ни малейшего понятия о преобразованиях, которым может подвергнуться порядок цивилизации.

Революции возмещают об усталости и нетерпении природы: она находится в состоянии возбуждения, чтобы избавиться от строя цивилизации и варварства. Политические науки должны были ускорить это избавление, поднять постепенно социальный порядок к шестому и седьмому периодам⁵, но в тех немногих успехах, каких он достиг, строй цивилизации не извлек никакой помощи из политических наук, — он подвигается вперед машинально, путем бедственных опытов или благодаря игре случая, никогда не получая никакой помощи от философии. <...>

Мораль!!! Какие грустные мысли порождает это слово! Мораль!!! При этом слове ребенку кажется, что он видит вооруженных розгами учителей, молодая женщина представляет себе ревнивцев, угрожающих кипящими котлами ада; при имени морали честный человек вспоминает о множестве интриганов и преступников, которым мораль служила маской во все времена. <...>

В конечном счете мораль — это довольно нудные бредни, служащие для развлечения бездельников, когда она приспособляется к обстоятельствам; поэтому она сильно смягчилась, чтобы иметь дело с людьми нового времени, у которых репа уже более не в почете, так что моралисты позволяют уже не презирать богатства, — следует лишь *проявлять невнимание к ним, или не считаться с ними*, — забавные выражения, прекрасно доказывающие, что секта доведена до крайности в отношении выбора слов, как и в отношении выбора средств. Бедная мораль снова появилась у людей нового времени, чтобы здесь умереть своей естественной смертью. Тщетно перебирала она бредни древних, все их дватрибы⁶ против страстей и богатств, — у нее есть порок, осуждающий ее на небытие: это то, что она ныне отделена от суеверных обрядов, которые являются единственным подходящим развлечением для буржуазии и простонародья строя цивилизации. Шарлатаны, которых именуют моралистами, полностью могли предвидеть, что губят себя, отделяясь от религии. Народы почитают только человека, который обуздывает их при помощи бога и государя, и хотя ад кажется пятым колесом в социальном механизме, он постоянно обладает заметной полезностью, состоящей в том, что воздействует на детей строя цивилизации как тирания общественного мнения и рано приучает их к страху, который является стержнем нравов строя цивилизации; в этом смысле, кажется мне, хорошо сделали, придумав ад. <...>

Вы, притязавшие на честь быть нашими руководителями, моралисты, нагромоздившие этот ворох томов, где самые ученые люди видят лишь безвыходную путаницу, вы были бы гораздо более почитаемы, если бы вместо упорного поддержания своих догм вы откровенно признали ничтожество их. <...>

МОРАЛЬ

Отношения морали с политикой

Я установил эти отношения, доказывая, что секта моралистов является *излишней и опасной*, когда она вмешивается

в политические дела. Продолжаю об этом. Это не послужило основанием для отстранения ее от такого вмешательства, ибо политика строя цивилизации, будучи в сильной степени слепой, могла совершить ошибку — объединиться с таким немелким сотрудником, как она.

Слишком поздно было замечено, что политическая экономия заполонила все области шарлатанством. С середины XVIII века все умы присоединились к науке, объявляющей себя раздатчицей благосостояния и сулящей нациям огромные богатства, из которых каждый льстит себя надеждой извлечь свою долю. Захватническая деятельность экономистов была уже завершена, когда Руссо и Маблн предлагали еще всяческие усилия, чтобы восхвалять прелести бедности, сладость бедности, убийства и прочих видов времяпровождения добродетельных спартанцев и гражданских брехунов Афин и Рима⁷. Наконец, когда Французская революция привела к полному падению всех этих бредней о республиканских добродетелях и правах человека, моралисты хотели бы пойти на соглашение. (...)

Мы видим, как строй цивилизации клонится к упадку под действием бродил революции и феодальных монополий, которые он таит в себе. Вместо размеренной борьбы, вместо безусловно политических войн, какие наблюдались до Французской революции, теперь замечается только неукротимая ненависть, слышны лишь клики войны на смерть. Половина государей питает тайное ожесточение против другой половины, и все престолы установлены на пороховых бочках. С тех пор как каждая битва приводит к рождению и падению корон, собственность обеспечена менее чем когда-либо. В этой быстрой смене бурь короли, как и агитаторы, не допускают больше нейтральности у частных лиц: каждый собственник вынужден высказаться в этих политических спорах и видит, что его наследственное состояние является ставкой в столкновении партий. Многочисленные изменения, следовавшие в Европе, умножили семена гражданских смут. Обманчивое затишье царит ныне и поконится только на существовании одного государя⁸, окруженного кинжалами и ядами. В тот момент, когда он будет полагать, что заговоры подавлены, Англия вызовет новые; а если бы ему пришлось попасть в их западню, какая ужасная буря разразилась бы над строем цивилизации! Он оказался бы разрушенным своими собственными неистовыми силами: Англия поставила бы карту достоинства Европы, чтобы низвергнуть в пропасть Францию; ванден,

якобиньерки и коалиции⁹ восстановились бы сразу, и взрыв распространился бы на весь Запад. Вулкан, открытый в 89 году¹⁰ философией, совершил лишь первое свое извержение; второе не так уж далеко. Успех Французской революции побуждает к новым революциям. Война бедного против богатого имела успех в столь полной мере, что интриганы всех стран только и стремятся к тому, чтобы возобновить ее, и разве можно сомневаться в том, что в столь бурный век случай не приведет вскоре к новым возможностям для агитаторов, всегда имеющих наготове поддержку в английской казне! Да, нынешнее затишье — это лишь революционный антракт; это — мгновенный отдых Везувия. Когда видишь, как во всех странах растут налоги, армии и все зачатки финансового грабительства, разве можно сомневаться в том, что смуты вспыхнули бы и воспламенили всю Европу с того момента, когда континент потерял бы того, кому мы обязаны этим эфемерным затишьем? Да, сосуд Пандоры¹¹ открыт над нашим несчастливым поколением, и не без основания оно восклицает: *В каком веке мы родились!* Трепещите, государи и собственники, при мысли об этих страшных истинах и благодарите за открытие, которое избавит вас от столь печальной будущности, предоставляя вам выход из этого строя цивилизации, самого вулканического и самого отвратительного, какой когда-либо существовал.

Цивилизованные нации, поскольку вы подходите к избавлению, не стремитесь больше не замечать ужаса вашего положения, имейте смелость посмотреть в лицо вашим бедам во всем их объеме. Учтите в общественных бедствиях древних и новых времен необходимое следствие обречения богом, который, чтобы привести в замешательство ваших философов, осудил бесчестный строй цивилизации периодически падать в пучину революций.

Тогда как люди строя варварства, лишённые вашей просвещенности, умеют поддерживать на протяжении нескольких тысячелетий свои общества и грубые учреждения, почему ваши общества и учреждения столь быстро уничтожаются и зачастую в том же пятилетии, которое видело их рождение^{12?}

Остановите свои взоры на этом симптоме политической немощи: поразмыслите о хрупкости ваших произведений, об осмеянии их природой, которая непрерывно сокрушает ваши общества и ваши чудеса. <...>

Да, вулкан 1789 года бродит, тем более что он был внезапно закрыт; великие революции готовятся и грозят уничтожить современные государства, ужасы торгашества которых уже тяготят природу, как и разум.

Природе, кажется, угодно поднять отвратительный строй цивилизации для того, чтобы доставить себе удовольствие низвергнуть его и доказать нам при помощи повторных провалов нелепость руководящих нами наук. Вызывая образ преступного Сизифа¹³, строй цивилизации кажется осужденным карабкаться к благосостоянию, чтобы падать обратно, как только приблизится к цели; и наиболее мудро продуманные преобразования приводят лишь к пролитию потоков крови; так цивилизованные народы стонут в муках, ожидая того, что революции снова погрузят в небытие их колеблющиеся государства. <...>

Два порока мешали философии прийти к какому-нибудь открытию:

Вера в непроницаемость будущего и обращение взора вспять при движении, т. е. суждение о настоящем путем сравнения с прошлым, — таков первый порок.

Искание источников блага в порядке управления вместо искания блага в изменении бытового порядка — таков второй порок философии.

Отдавшись этим двум заблуждениям, она могла лишь укреплять бедствия рода человеческого, что бы она ни предпринимала. <...>

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

*Указания и методы,
приведшие к возведенному открытию.*

<...> С тех пор как философы доказали свою несостоятельность при первом их опыте — Французской революции, всяк согласен рассматривать их науку как заблуждение человеческого духа; потоки политического и морального просвещения стали представляться с тех пор лишь потоками иллюзий. Ну разве можно усматривать что-либо иное в писаниях этих ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на совершенствование своих теорий, сосредоточив у себя все познания прошлого и современности, при первом же своем выступлении порождают столько бедствий, сколько они сулили благодетей.

ний, и низводят общество строя цивилизации к варварскому состоянию?

Таковы были последствия первых пяти лет, на протяжении которых Франция подвергалась испытанию философских теорий.

После катастрофы 1793 года ¹⁴ иллюзии рассеялись; политические и моральные науки были опозорены и безвозвратно утратили доверие. Отныне следовало предвидеть, что от всех приобретенных познаний не приходится ждать счастья, что социального благоденствия надо искать в какой-то новой науке и проложить новые пути политическому духу; ибо было очевидно, что ни философы, ни их соперники не знают средств от социальных страданий и что под прикрытием догм тех и других вечно продолжались бы самые позорные бедствия, в том числе и нищета.

Таково было первое соображение, заставившее меня подозревать о существовании еще неизвестной науки и побудившее меня попытаться открыть ее. Далекий от того, чтобы быть устрешенным малым объемом своих познаний, я видел впереди только честь постигнуть то, чего не сумел открыть двадцать пять веков учения.

Я находил поощрение в многочисленных показателях заблуждений разума и особенно — в зрелище бедствий, которые претерпевает общественное хозяйство: нищеты, безработицы, успехов плутии, морского пиратства, торговой монополии, увода в рабство, наконец, многих других несчастий, перечисление которых я опускаю и которые заставляют подозревать, не является ли хозяйственный порядок строя цивилизации общественным бедствием, придуманным богом с целью наказать род человеческий.

Отсюда я пришел к предположению, что в этом хозяйственном порядке заключалось некое ниспровержение естественного порядка; что он действовал, быть может, противоречащим божественным видам образом; что стойкость стольких бедствий могла быть приписана отсутствию некоторых мероприятий, угодных богу и неведомых нашим ученым. {...}

О земледельческой ассоциации

Земледельческая ассоциация ¹⁵, если предположить, что она охватит около тысячи человек, представляет для хозяйства столь огромные благодеяния, что трудно объяснить беззаботность современных людей в этом отношении; существует же разряд ученых-экономистов, посвятивших себя специаль-

но расчетам усовершенствования хозяйства. Их пренебрежение исследованием метода ассоциации тем более непонятно, что они сами указали на некоторые выгоды, которые произошли бы от этого: например, они признали, и всякий мог признать это, как и они, что триста семейств ассоциированных селян имели бы лишь один-единственный амбар, хорошо содержимый, вместо трехсот плохо устроенных амбаров; одну-единственную чановую вместо трех сотен чанов, содержащихся большей частью с крайним незнанием дела; что у них было бы в разных случаях, а особенно летом, лишь три или четыре больших очага вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной повозке, что сберегло бы сотню полудней, потерянных сотней молочниц, которые таскают сотню кувшинов молока. Вот некоторые виды экономии, которые предвидели различные наблюдатели, но все же они не указали и двадцатой доли выгод, какие были бы порождены земледельческой ассоциацией.

Ее сочли невозможной, потому что не знали никакого способа образования ее; разве это основание для заключения, что его не откроют и что не следует искать его? Если примут во внимание, что она бы устроила [а зачастую удешевляла бы] доходы от всего хозяйства, не станут сомневаться в том, что бог не имел в виду средства к ее установлению, потому что он должен был заняться прежде всего организацией хозяйственного механизма, который является стержнем человеческих обществ. <...>

Следовательно, если я утверждаю, что при социетарном¹⁶ порядке люди возымеют вкусы, отличные от тех, какие у них сейчас, и что пребывание в деревне они будут предпочитать городской жизни, то вовсе не следует думать, что, изменив вкусы, они изменят и страсти; они всегда будут руководимы только любовью к богатствам и наслаждениям.

Я настаиваю на этом замечании, чтобы отклонить смехотворное возражение, которое порождают некоторые тупые умы; когда они слышат разговор об изменениях вкусов и привычек, которые произойдут при социетарном порядке, они сейчас же восклицают: *В ы, з нач и т, и з м е н и т е с т р а с т и!* Нет, конечно, но им откроют новые возможности, которые обеспечат им в три-четыре раза большее развитие, чем то, какое они получают в бессвязном строе, в котором мы живем. Вот почему можно будет увидеть, как люди строя цивилизации будут охвачены отвращением к привычкам, ко-

торые им приятны сейчас, как привычка к жизни семейным хозяйством, когда они заметят, что в семейном быту дети заняты лишь тем, что ревут, ломают, ссорятся и отказываются от всякой работы, и что те же дети, будучи введены в прогрессивные серни, или серни групп¹⁷, заняты там только производительным трудом, без всякого внешнего побуждения соперничают в соревновании, что они вполне по собственному своему желанию обучаются земледельческим работам, промышленному труду, наукам и искусствам; что они создают продукцию и дают доходы, в то же время полагая, что развлекаются. Когда отцы увидят этот новый порядок, они найдут, что их дети достойны обожания в сернях и отвратительны в бессвязных семьях. Когда они, далее, заметят, что в резиденции фаланги (таково наименование, которое я дал ассоциации, обрабатывающей кантон)¹⁸ держат столь чудесный стол, что за одну треть расходов, которых стоит питание в семье, в сернях находят обслуживание втрое более тонкое и более обильное, так что там можно питаться втрое лучше, расходуя на это втрое меньше, чем в семье, да еще избегать затруднений по приобретению продуктов и приготовлению; когда они увидят, наконец, что во взаимоотношениях серней никогда не терпят никакого обмана и что народ, столь лживый и столь грубый при строе цивилизации, в сернях становится сверкающим правдивостью и учтивостью, они проникнутся отвращением к этому семейному быту, к этим городам, к этой цивилизации, которые являются предметом их нынешней привязанности; они захотят ассоциироваться в фаланге серней и жить в ее здании. Изменятся ли они в отношении страстей оттого, что станут гнушаться привычек и вкусов, которые ныне им приятны? Нет, но их страсти изменят свой ход, отнюдь не изменив ни целенаправленности, ни природы своей. (...)

Заблуждения разума из-за неопределенных наук

За двадцать пять столетий, на протяжении которых существуют политические и моральные науки, они ничего не сделали для счастья человечества; они служили лишь увеличению человеческого лукавства по мере совершенствования преобразовательных наук; они привели лишь к увековечению нищеты и коварства, к воспроизводству тех же бедствий в различных формах. После стольких бесплодных попыток улучшить социальный порядок философам остается только смятение и отчаяние. Проблема общественного счастья является для

них непреодолимым подводным камнем; и один лишь вид бедняков, заполняющих города, разве не доказывает, что потоки философского просвещения — это лишь потоки мрака? (...)

Разум¹⁹, как бы он ни выставлял напоказ свои достижения, ничего не сделал для счастья, поскольку он не обеспечил человеку того общественного богатства, которое является предметом всех желаний; а я разумею под общественным богатством изобилие разных степеней, ставящее наименее богатых людей в безопасность от нужды и обеспечивающее им, по крайней мере в качестве минимума, участь, которую мы называем среди буржуазным достатком. Если неоспоримо, что для общественного человека богатство — первый после здоровья источник счастья, то разум, не сумевший добыть для нас относительное богатство, или благосостояние разных степеней, создавал, следовательно, своими напыщенными теориями лишь бесполезное пустословие, ни к чему не приводящее; и открытие, которое я возвещаю, было бы, как и политические и моральные теории, только новым посрамлением разума, если бы оно должно было дать нам лишь кое-что от науки, и во всяком случае только от науки, не давая нам богатств, необходимых нам прежде, чем наука.

Теория судеб выполнит требование наций, обеспечивая каждому изобилие той или иной степени, которое является предметом всеобщих желаний и какое можно найти только при порядке прогрессивных серий. Что же касается строя цивилизации, из которого нам предстоит выйти, то я докажу, что он, далеко не будучи хозяйственным предназначением человека, представляет собой лишь преходящий бич, которым истязуется большинство планет в первые периоды своего существования; что для рода человеческого он является временной болезнью, подобно прорезыванию зубов в детстве; что он продлился *лишних две тысячи триста лет* из-за оплошности или спеси философов, пренебрегавших всяким изучением ассоциации и притяжения; наконец, что общественные уклады дикости, патриархата, варварства и цивилизации — это лишь тернистые тропы, ступени для того, чтобы подняться к лучшему общественному порядку, порядку прогрессивных серий, составляющему хозяйственное предназначение человека, вне которого все усилия наилучших государей никак не могут помочь от несчастий народов.

Следовательно, напрасно вы, философы, станете угрожать библиотеки, чтобы искать счастья, пока не вырван

корень всех социальных бед, я хочу сказать — бессвязность хозяйства, которая прямо противоположна видам бога.〈...〉

Мы станем свидетелями зрелища, которое можно видеть один только раз на каждой планете: внезапный переход от бессвязности к социальной согласованности²⁰ — это самое блестящее действие движения, какое только может осуществиться в мире; чаяние его должно утешить нынешнее поколение во всех его несчастьях. Во время этой метаморфозы каждый год будет стоить столетий существования и будет представлять множество столь поразительных событий, что не следует преуказывать их без подготовки; вот почему я решаюсь〈...〉 сейчас только возвестить общие результаты; это будут: добровольный переход дикарей к производственной деятельности и присоединение варваров к освобождению женщин и рабов, свобода которых необходима для образования прогрессивных серий; установление различных проявлений единства по всему земному шару, как-то: единства языка, мер, типографских знаков и других средств сношений.〈...〉

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СУДЬБАХ

Фазы и периоды социального порядка на третьей планете, именуемой Землей

Здесь узнают одну истину самого высокого значения о том, что века счастья будут длиться в семь раз больше, чем века несчастья, подобные тому периоду, в котором мы живем уже несколько тысяч лет.

Это сможет показаться безразличным, если принять во внимание, что мы прожили несчастные времена; но теория социального движения докажет вам, что ваши души в грядущие века примут неким образом участие в судьбе живущих; вы, следовательно, будете на протяжении семидесяти тысяч лет разделять счастье, готовящееся для нашего земного шара, и в этом отношении вы должны интересоваться картиной грядущих переворотов, которые социальное движение испытает на вашей планете.

Существование рода человеческого должно протянуться до восьмидесяти тысяч лет — срок приблизительно. Эта цифра вычислена с приближением до одной восьмой, как и все исчисления²¹, относящиеся к социальному движению.〈...〉

Об изучении природы на протяжении по страсти

Если сравнить безмерность наших желаний с малыми средствами, какими мы обладаем для удовлетворения их, то покажется, что бог поступил необдуманно, наделив нас страстями, столь жадными к наслаждениям, страстями, кажушимися созданными для того, чтобы изводить нас, возбуждая тысячи сильных желаний, из коих мы не можем удовлетворить и десятой доли на протяжении длительности порядка цивилизации.

По этим-то соображениям моралисты претендуют исправлять творение божие, умерять, подавлять страсти, которых они не умеют удовлетворить и даже не знают: ибо из двенадцати страстей²², составляющих главные движущие силы души, они знают только девять; да о четырех основных они имеют еще весьма несовершенные понятия.

Эти девять уже известных страстей суть *пять влечений чувств*, имеющих большую или меньшую власть над каждым индивидуумом, и *четыре простых влечения души*, а именно:

6^e — группа дружбы,

7^e — группа любви,

8^e — группа отцовства, или семьи,

9^e — группа честолюбия, или корпорации.

Моралисты хотят дать этим девяти страстям ход, противный требованиям природы. Сколько разглагольствовали они на протяжении двух тысяч лет, чтобы умерить и изменить пять влечений чувств, чтобы убедить нас, что бриллиант — презренный камень, золото — презренный металл, что сахар и ароматические вещества — низменные продукты, достойные презрения, что хижины, простая и грубая природа предпочтительны перед чертогом королей? Вот так моралисты хотели подавить страсти чувств, да не больше щадили они страсти души. Сколько вопили они против честолюбия? Послушать их, так следует желать только мест посредственных и мало-доходных; если занятие дает доход в 100 000 ливров²³, следует из них принять только десять тысяч, чтобы угодить морали. Еще более смешны они в своих взглядах на любовь: здесь они хотят воцарить постоянство и верность, столь несовместимые с требованием природы и столь тягостные для обоих полов, что ни одно существо не подчиняется им, когда оно пользуется полной свободой.

Все эти философские прихоти, называемые *обязанностями*, не имеют ничего общего с природой: обязанность исходит

от людей, притяжение исходит от бога; следовательно, если хотят знать виды божьи, надо изучить притяжение, одну лишь природу, никак не принимая долга, который меняется в каждом столетии и в каждой области, тогда как природа страстей была и остается неизменной у всех народов. <...>

Цель моя — не улучшить строй цивилизации, а уничтожить его и вызвать желание изобрести лучший социальный механизм, доказывая, что порядок цивилизации нелеп в частях, как и в целом.

О БЛИЗОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ

<...> Несчастные нации, вы подходите к великой метаморфозе, которая, казалось, возвещает о себе всеобщим потрясением. Постоянно, именно ныне настоящее чревато будущим, и чрезмерность страданий должна привести к спасительному кризису. При виде продолжительности и огромных размеров политических потрясений можно было бы сказать, что природа делает усилие, чтобы сбросить гнетущее ее бремя. Войны, революции беспрестанно охватывают все пункты земного шара; бури, едва отвращенные, возрождаются из своего пепла, точно так же, как головы гидры множились под ударами Геркулеса²⁴. Мир — лишь проблеск, лишь сновидение на несколько мгновений; производство стало пыткой для народа с тех пор, как остров пиратов²⁵ чинит помехи сношениям, отнимает силы у земледелия на обоих континентах и превращает их рабочие мастерские в рассадники нищих. Колониальные притязания породили новый вулкан: неукротимая ярость негров превратит вскоре Америку в обширное костехранилище и отомстит мукам завоевателей за уничтоженные ими туземные расы. Торгашеский дух открыл новые пути преступлению; с каждой войной он распространяет распри по обоим полушариям и несет в глубь диких областей соблазны корыстолюбия строя цивилизации; наши корабли обходят весь свет лишь для того, чтобы приобщить варваров и дикарей к нашим порокам и нашим неистовствам. Да, строй цивилизации становится все более отвратительным с приближением его крушения, земля представляет лишь ужасный политический хаос; она взывает к руке второго Геркулеса, чтобы очистить ее от чудовищных социальных явлений, которые ее бесчестят.

Уже появился иовый Геркулес; его великие деяния разносят имя его от края до края, и человечество, приученное им к зрелищу чудесных дел, ждет от него некоего чуда, которое изменит судьбу мира. Народы, ваши предчувствия сейчас осуществляются; самая блистательная миссия сохранена для величайшего из героев: это он должен воздвигнуть всемирную гармонию на развалинах строя варварства и цивилизации²⁶. Вздохируйте и забудьте свои древние несчастья; предавайтесь ликованию, потому что счастливое открытие приносит вам, наконец, социальную бусоль *. <...>

О ГАРАНТИЗМЕ, МЕЖЕУМОЧНОМ, ИЛИ БЛИЗЛЕЖАЩЕМ, ЛИМБЕ²⁷

...Выйти из строя цивилизации!!! Какое кощунство, с точки зрения совершенствователей совершенствуемой цивилизации, выйти из нищеты, плутии, угнетения и бойни! Все погибнет! — станут они восклицать. — Но чего же хотят они? Оставаться при строе цивилизации с плутами, нищими, рекрутскими наборами и палачами? — Нет, возражают они, мы хотели бы оставаться цивилизованными и суметь искоренить все характерные особенности, присущие строю цивилизации. — Это значит, что вы хотели бы быть людьми строя цивилизации по названию и не быть таковыми в действительности. Вот, без сомнения, самое смехотворное притязание; но, как бы нелепо оно ни было, я подписываюсь под ним и собираюсь дать вам средство перейти к гарантизму, не переставая быть людьми строя цивилизации. <...>

---

* *Социальная буссоль*. Это наименование в высшей степени подходит к прогрессивным сериям, потому что это столь простое и легкое предприятие разрешает все мыслимые проблемы социального счастья и само по себе достаточно, чтобы руководить человеческой политикой в лабиринте страстей, подобно тому, как одной лишь магнитной стрелки достаточно, чтобы вести судно во мраке бурь и безграничности морей.

**Н О В Ы Й
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И СОЦИЕТАРНЫЙ
М И Р,
или
ОТКРЫТИЕ СПОСОБА
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО
И ПРИРОДОСООБРАЗНОГО
ТРУДА,
РАСПРЕДЕЛЕННОГО
В СЕРИЯХ ПО СТРАСТИ**

Это — слепцы, ведущие слепцов.

Евангелие ²⁸

Дело здесь не в людях; налицо какой-то переворот, причину которого мы не можем постигнуть.

Ж.-Ж. Руссо ²⁹

РЕЗУЛЬТАТЫ ОТКРЫТИЯ:

- Средство сразу умножить вчетверо действительный доход и в двадцать раз доход относительный³⁰, сумму используемых благ;
- провести освобождение негров и рабов, согласованное вполне добровольно с хозяевами;
- всеобщее достижение дикарями земледелия, а варварами — культурных нравов;
- установление во всем мире единства отношений в области языка, денег, мер, печатных знаков и пр.

СОКРАЩЕННЫЙ ПЛАН

	<i>Предисловие.</i>	Показатели заблуждения Мир наизуворот.
П р и н ц и п ы	{ Раздел I.	Притяжение по страсти.
	{ Раздел II.	Опытный кантон.
П р и м е ч а н и е	{ Раздел III.	Воспитание при строе гармонии.
	{ Раздел IV.	Механизм притяжения.
	{ Раздел V.	Равновесие страстей.
П р о в е р к а	{ Раздел VI.	Анализ строя цивилизации.
	{ Раздел VII.	Синтез движения.
	<i>Послесловие.</i>	Глупость ученого мира. Интеллектуальная катаракта.

**ВОСХОДЯЩИЙ РЯД СТУПЕНЕЙ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВЕКА
СОЦИАЛЬНОГО МИРА**

*Периоды,
предшествующие
производственной
деятельности*

*Раздробленное,
обманное,
отталкивающее
производство*

*Социетарное,
, правдивое,
привлекательное
производство*

- К. Ненастоящий, без чело-
века³¹
- 1. Первобытный, именуемый
эдемом
- 2. Дикость, или
бездеятельность
- 3. Патриархат,
мелкое производство
- 4. Варварство,
среднее производство
- 5. Цивилизация,
крупное производство
- 6. Гарантизм,
полуассоциация
- 7. Социантизм,
простая ассоциация
- 8. Гармонизм,
сложная ассоциация

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Общее изложение
и подготовительные понятия*

Нет желания более общего, чем желание вдвое увеличить свой доход по какой-нибудь счастливой случайности, как богатая жеинтьба, наследство, синекура³², и если бы нашли средство поднять доход каждого не вдвое, а вчетверо по реальной его ценности, то такое открытие было бы, безусловно, наиболее достойным общего внимания.

Таков будет плод природосообразного социетарного способа действия: во Франции годовая продукция, оцениваемая в шесть миллиардов³³, поднимется до двадцати четырех с первого же года социетарного строя; такая же соразмерность будет и для других государств.

Самое колоссальное богатство было бы обманчивым, если бы не поддерживалось порядком распределения, гарантирующим:

пропорциональное распределение и участие бедного класса в этом приращении дохода; равновесие народонаселения, неограниченный рост которого вскоре нейтрализовал бы учетверение и даже удесятенение действительного богатства. {...}

Заглавие *Новый хозяйственный мир* показалось мне наиболее точным для обозначения этого прекрасного социетарного порядка, который среди прочих свойств обладает свойством создавать трудовое притяжение: при нем увидят, как наши праздиолюбцы, даже щеголихи, будут на ногах с четырех часов утра, зимой как и летом, чтобы с жаром отдаваться полезным работам — уходу за садами и за птичниками, занятиям домоводством, фабричным производством и другим, в отношении которых механизм строя цивилизации внушает отвращение всему богатому классу.

Все эти работы станут привлекательными благодаря влиянию совершенно неизвестного распределения, которое я буду называть *сериями по страсти*, или *сериями контрастных групп*: это — механизм, к которому тянутся все страсти, единственный порядок, соответствующий требованию природы. Дикарь никогда не усвоит производственного труда, пока не увидит, как он осуществляется в сериях по страсти.

При этом строе практика правдивости и справедливости становится путем к богатству, а большинство ведущих к упадку, по нашим нравственным воззрениям, пороков, как

гурманство, становится путем трудового соревнования, так что гастрономическая утонченность здесь поощряется как движущая сила мудрости, — такая система являет собой противоположность механизму строя цивилизации, ведущему к богатству путем обмана и приписывающему мудрость умерщвлению плоти. В силу этого контраста строй цивилизации, где царят обман и отталкивающий труд, будет наименован *миром наыворот*, а социетарный строй — *миром в прямом смысле*, основанным на применении правдивости и привлекательного труда.

Особенно для ученых и деятелей искусства социетарный строй будет *новым миром* и *миром в прямом смысле*: они обретут здесь сразу предмет своих самых пылких желаний — безмерное богатство, в двадцать и в сто раз большее, чем то, на какое они могут надеяться при состоянии цивилизации, подлинной стезе терниев для них: там они захлестнуты всяческими неприятностями, попадают во всякого рода зависимость.

Что касается других классов, которым я возвещаю учетверенный доход, то они сначала станут подозревать меня в преувеличении; но социетарная теория так легка для понимания, что всякий сможет быть ей судьей и оценить самым справедливым образом, верно ли, что соответствующий природе образ действий, описанный здесь под наименованием серий по страсти, должен дать продукцию, вчетверо большую, чем продукции нашего производства, раздробленного и подразделенного на столько хозяйств, сколько есть супружеских пар.

Один предрассудок во все времена препятствовал изысканиям в отношении ассоциации; говорили: «Невозможно объединить в ведении домашнего хозяйства три-четыре семьи без того, чтобы уже к концу недели здесь не стали проявляться раздоры, особенно среди женщин: тем более невозможно объединить в ассоциации тридцать — сорок семейств, а триста или четыреста и подавно».

Это — весьма ложное рассуждение, ибо, если бог желает экономии и механики, он мог строить расчеты только на ассоциацию возможно наибольшей численности; поэтому неуспех с небольшими объединениями из трех и тридцати семейств был предвестником успеха с большим числом, если только предварительно изыскать теорию природосообразной ассоциации, или угодный богу и соответствующий требованию притяжения образ действия, являющийся проводником воли бога

в области социетарной механики. Он управляет материальным миром при посредстве притяжения; если бы он употреблял иную движущую силу для управления социальным миром, то в его системе не было бы единства, а была бы двойственность действия ³⁴. <...>

Помимо писаний, были сделаны практические попытки в отношении ассоциации, опыты в Америке и Англии. Секта, руководимая г-ном Оуэном ³⁵, утверждает, что она основывает социетарный строй; делает же она совсем противоположное: в силу ложности ее образа действия, во всех смыслах противного природе, или притяжению, она трудами своими подрывает доверие к идее ассоциации. Поэтому секта Оуэна не прельстила ни дикарей, ни людей строя цивилизации, обитающих по соседству: ни одна орда, ни одна провинция Соединенных штатов не пожелала принять этот монастырский режим общности благ, этот полуатеизм, или отсутствие божественного культа, и иные чудовищные вещи, которые г-н Оуэн украшает наименованием ассоциации. Он играет на слове, пользуясь доверием; он делает из него предмет спекуляции, принаряжаясь филантропическими формами; а равнодушие ученых корпораций в отношении этой крупной проблемы, их пренебрежение к уточнению условий, которые надлежит выполнить, и цели, которой следует достигнуть, дают интриганам благоприятные возможности, чтобы ввести общественное мнение в заблуждение по этому вопросу.

Ни один из писателей или предпринимателей не подходит к существу вопроса, к проблеме ассоциирования при ведении земледельческого и домашнего хозяйства не только денежных и трудовых данных массы неравных по состоятельности семейств, но и ассоциирования страстей, характеров, вкусов, инстинктов; развития их в каждом отдельном человеке без того, чтобы задевать массу; раскрытия с самого раннего возраста трудовых призваний, которых много у ребенка; определение каждого на различные места, куда его зовет природа; частой перемены работ и поддержания очарования, достаточного для того, чтобы порождать трудовое притяжение. <...>

Поэтому слово *ассоциация* осквернено, лишено влияния. Одни берут его как прикрытие выборных интриг и происков биржевой игры; другие видят в нем движущую силу атеизма, потому что секта Оуэна, вследствие упразднения божественного культа, навлекла на себя в Америке кличку секты безбожников. Все эти происшествия распространяют на подлинную ассоциацию столько недоверия, что я не счел

подходящим поместить в заглавии моего краткого очерка это слово *ассоциация*, ставшее лишенным смысла с тех пор, как оно служит прикрытием для всяких происков. <...>

Очевидно, что народ самых цивилизованных стран столь же беден, как и пребывающее в состоянии варварства просто-народье Китая и Индостана, и что раздробленное хозяйство или семейное домоводство является только лабиринтом страданий, несправедливости и кривды. <...>

Наш век утверждает, что он отличается духом ассоциации; как же это случилось, что в области земледелия он усвоил распределение по семьям, являющееся наименьшим из возможных сочетаний. Нельзя вообразить объединения меньшие, более антиэкономичные и более антисоциетарные, чем эти земледельческие объединения в наших деревнях, ограниченные супружеской четой или семьей из пяти-шести человек, в деревнях, строящих триста амбаров, триста погребов, размещенных и обслуживаемых наихудшим образом, тогда как при ассоциации достаточно было бы одного амбара, одного погреба, хорошо расположенных, хорошо обеспеченных принадлежностями и занимающих только десятую часть числа исполнителей, какого требует раздробленное ведение хозяйства, или посемейный строй. <...>

Впрочем, строй цивилизации занимает в последовательном ряду ступеней движения важную роль, потому что именно он создает движущие силы, необходимые для того, чтобы направиться по пути к ассоциации: он создает крупное производство, высокие науки и изящные искусства. Следовало воспользоваться этими средствами, чтобы подняться выше по восходящим ступеням общественного развития, не коснеть навеки в этой бездне страданий и смехотворных явлений, именуемой цивилизацией, которая, при всех своих производственных успехах и потоках ложного просвещения, не умеет обеспечить народу труд и хлеб.

На других планетах ³⁶, как и на нашей, человечество принуждено проходить около сотни поколений при неверном и раздробленном механизме, охватывающем четыре периода — дикости, патриархальности, варварства и цивилизации, и томиться при этом до тех пор, пока не выполнит двух условий:

1⁰. Создать крупное производство, высокие науки и изящные искусства, поскольку эти движущие силы необходимы для установления социетарного режима, не совместимого с бедностью и невежеством.

2°. Изобрести этот социетарный механизм, этот новый хозяйственный мир, противоположный раздробленности.

Чтобы преуспеть в этом, имелось очень много путей, о которых я буду говорить в ходе настоящего краткого изложения; всеми ими пренебрегли, среди прочих — и исчислением притяжения по страсти, которое подсказывали успехи Ньютона в исчислении материального притяжения³⁷.

Первое условие было очень хорошо выполнено; мы уже давно продвинули производство, науки и искусства на достаточную ступень. Уже афиняне могли основать социетарный режим, заменив рабство выкупом, выплачиваемым ежегодными платежами.

Но второе условие вовсе не было выполнено: за сто лет, с тех пор как начинают заниматься вопросам хозяйствования, не подумали о том, чтобы изобрести механизм, противоположный раздробленности, мелким семейным хозяйствам; даже не предложили изыскание режима согласованного хозяйствования³⁸ в домоводческих и сельскохозяйственных занятиях. Предлагают сотням премий за незначительные ученые споры, за бесполезные сочинения, но ни единой маленькой медали за открытие природосообразного социетарного способа действия.

Между тем каждый замечает, что социальный мир отнюдь не достиг цели и что успехи производства — лишь средство обмана массы. <...>

В ответ софистам, расхваливающим нам этот социальный хаос как быстрое шествие к возрастающей совершенствуемости, будем настаивать на трех первостепенных условиях социальной мудрости, ни одно из которых не может быть выполнено при режиме цивилизации, — каковыми являются:

трудовое притяжение,
пропорциональное распределение,
равновесие народонаселения,
экономия движущих сил³⁹. <...>

Я обращал внимание на то, что, если бы народ строя цивилизации пользовался обильным *минимумом*, гарантией питания и пристойного содержания, он предавался бы праздности, потому что производство строя цивилизации является весьма отталкивающим; поэтому надо, чтобы при социетарном режиме труд был столь же привлекательным, как ныне наши празднества и зрелища: в этом случае покрытие авансированного *минимума* будет обеспечено трудовым притяжением, или страстью народа к весьма приятным и весьма

прибыльным работам, страстью, которая сможет сохраняться постольку, поскольку будет существовать способ справедливого распределения, отпускающий каждой личности — мужчине, женщине или ребенку — три дивиденда, определенных по его трем производственным данным — *капиталу, труду и таланту*⁴⁰ и вполне достаточных для него. <...>

Заметим хорошенько это свойство, присущее социетарному механизму, — *удовлетворять все классы*⁴¹, все партии; именно по этим соображениям успех в данном случае окажется столь легким, и небольшой опыт, проданный на семистах человеках⁴², сразу решит всеобщее преобразование, потому что здесь увидят осуществленными все благодеяния, о которых философия только мечтает: подлинную свободу, единство действия, царство правды и справедливости, ставших путями к богатству; при строе же цивилизации, где правда и справедливость не ведут к богатству, невозможно, чтобы им отдавали предпочтение, — поэтому видно, как плутня и несправедливость господствуют во всем законодательстве строя цивилизации и возрастают по мере успехов производства и наук.

В предчувствиях, касающихся предназначения, народ является лучшим судьей, чем ученые: он дает состоянию цивилизации наименование *мира навыворот* — понятие, включающее в себя возможность *мира в прямом смысле*, теорию которого оставалось открыть. <...>

Всякая женщина, желающая прославиться и имеющая некоторые денежные средства, может притязать на пальму основательницы всемирного единства и устроиться главой опытной компании. Эта роль хорошо подошла бы госпоже де Сталь⁴³, которая домогалась большой славы и обладала состоянием, раз в двадцать более чем достаточным для того, чтобы стать во главе дела основания.

Некоторые люди без больших средств также могут притязать на такой блестящий успех: пользующийся признанием писатель может побудить какого-нибудь друга человечества, подобного королю Баварии⁴⁴, к решению произвести социетарный опыт. В этом случае человек, содействовавший этому делу основания в качестве оратора или зачинателя, получает долю блеска и вознаграждения основателя⁴⁵.

Это — предприятие, для которого можно указать в Европе сто тысяч кандидатов, обеспеченных необходимыми средствами; не составит трудности склонить одного из них к решению, доказав ему, что он вскоре получит от этого несметное богатство и славу. <...>

Огромность социетарной продукции

⟨...⟩ Назначение рода человеческого — либо безмерное счастье при божественном и социетарном строе, либо безмерное несчастье под властью законов человеческих, при строе раздробленного и обманного хозяйствования, которое, по сравнению с социетарным, не дает и четверти действительного дохода и одной сороковой доли наслаждения.⟨...⟩

Чем более ослепительны эти перспективы социетарного строя, тем важнее убедиться, точна ли его теория, действительно ли открыто исчисление трудового притяжения и механизма страстей. Чтобы приучить умы к этому странному новшеству, надо будет посвятить их немного в познание движения и судеб, которые почитали непостижимыми, укрытыми непроницаемой завесой. Действительно, существует завеса, одна из самых плотных катаракт, ослепляющая дух человеческий: эта катаракта состоит из пятисот тысяч томов⁴⁶, разглагольствующих против страстей и притяжения, вместо того чтобы заниматься изучением их.⟨...⟩

Порочный круг хозяйствования строя цивилизации

Бог создает социальные кодексы даже для насекомых, — мог ли он упустить создание такого кодекса для рода человеческого, гораздо более достойного его заботливости, чем пчелы, осы, муравьи? Разве он создал бы страсти и первоначала производства, не зная, для какого порядка он их предназначил? В таком случае он был бы более неразумен, чем даже наши рабочие; ибо архитектор, собирающий материалы для строительства, не преминет предварительно составить план сооружения, для которого он хочет их употребить.

Бог должен был предвидеть неумелость наших законодателей — Солонов, Юстинианов, Монтескье, Тарже⁴⁷. Если эти люди считают себя способными сочинять социальные кодексы, то бог с тем большим основанием может это сделать: у них есть в качестве опоры для их законов только принуждение, шпики и виселицы; бог имел бы опорой для своих законов притяжение, единственным распределителем которого он является. Сотня иных признаков создавала предчувствие наличия божественного кодекса, так что следовало поставить на конкурс задачу изыскания его и определить сначала метод, которого надлежит придерживаться в этом исследовании.⟨...⟩

Наши экономисты, смущенные видом устойчивости и даже развития нищеты, начинают подозревать, что их наука находится на ложном пути; спор по этому поводу завязался

недавно между гг. Сзем и Сисмонди⁴⁸; второй, вернувшись после посещения заморских чудес, заявил, что Англия и Ирландия, с их огромной промышленностью, представляют лишь обширное скопище бедняков; что индустриализм до настоящего времени является лишь областью химер. Г-н Ж.-Б. Сэй возражал во имя чести науки; однако, говоря начистоту, политическая экономия была сбита с толку кризисом от избытка 1826 года⁴⁹; она старается оправдать себя. Уже видно было, как главы школы, такие, как покойный Дуглс Стюарт⁵⁰, говорили, что наука довольствуется пассивной ролью, что задача ее ограничена исследованием существующего зла.

Это значит действовать как врач, который сказал бы больному: «Моя услуга состоит в том, чтобы произвести анализ вашей лихорадки, а не в том, чтоб указать вам лечебные средства от нее». Такой врач казался бы нам смешным; однако именно такова роль, какую хотят взять ныне некоторые экономисты, которые, замечая, что их наука сумела лишь усугубить зло, и затрудняясь найти от него противоядие, говорят нам, как лисица козлу:

«Постарайся выбраться и приложи все свои усилия»⁵¹.

Если допустить эту пассивную роль, этот эгоизм, в силу которого они полагают возможным извинить несостоятельность науки, то они будут еще в очень большом затруднении сдержать слово — дать анализ зла; потому что они не хотят признать его распространенность, сознаться, что все порочно в хозяйственной системе, что она во всех отношениях являет собой мир наизуворот; посудим об этом по полупризнанию, вырвавшемуся недавно у г-на де Сисмонди: он признал, что потребление совершается *в обратном порядке*, что оно основано на прихотях бездельников, а не на благосостоянии производителя; это уже первый шаг к искренности анализа. Но разве обратный механизм ограничивается потреблением, разве не очевидно,

что *обратным является обращение*, производимое посредниками, именуемыми *торговцами, негоциантами*, которые, становясь собственниками продукта, грабят производителя и потребителя и сеют неурядицы в хозяйственной системе своими происками барышнической скупки, биржевой игры, плутни, вымогательства, банкротства и т. д.;

что *обратной является конкуренция*, влекущая к сокращению заработной платы и ведущая народ к нищете вследствие успехов промышленности: чем больше она растет, тем больше

рабочий вынужден мириться с самой отталкивающей работой по низкой цене; а с другой стороны, — чем больше возрастает число торговцев, тем более они вовлечены в плутню в силу трудностей прибылей.

Вот уже три движущие силы в хозяйственном механизме, направленные в обратном порядке; я легко насчитаю их тридцать ⁵², почему же признавать из них только одну — обратное потребление?

Хозяйственный строй представляет еще более выдающуюся разрушительную особенность — это *противоречие двух интересов — коллективного и индивидуального*. Всякий трудящийся находится в состоянии войны с массой и неблагожелателен к ней в силу личного интереса. Врач желает своим согражданам добрых лихорадок, а поверенный — добрых тяжб в каждой семье. Архитектору нужен добрый пожар, который превратил бы в пепел четвертую часть города, а стекольщик желает доброго града, который разбил бы все стекла. Портной, сапожник желают публике только материй непрочной окраски и обуви из плохой кожи с тем, чтобы их изнашивали втрое больше — ради блага торговли: это их припев. Суд считает подходящим, чтобы Франция продолжала совершать ежегодно 120 000 преступлений и правонарушений, подлежащих судебному разбирательству, поскольку это число необходимо для того, чтобы кормить уголовные суды. Так в хозяйственной системе строя цивилизации каждый отдельный человек находится в состоянии преднамеренной войны с массой, — необходимое следствие антисоциетарного образа хозяйствования, или мира наизуворот. Мы увидим, как это смехотворное явление исчезнет при социетарном строе, где каждый отдельный человек может найти свою выгоду только в выгоде всей массы.

Из всех показателей, которые должны были поставить под подозрение нынешний хозяйственный строй, нет ничего более разительного, чем показатель простой шкалы в области распределения. Я разумею под *простой шкалу*, которая возрастает только с одной стороны, но не с другой: вот образец ее в приложении к пяти классам:

	бедный	стесненный	средний	зажиточный	богатый
A	0	1	2	4	8
B	1	2	4	8	16
C	2	4	8	16	32
D	4	8	16	32	64
E	8	16	32	64	128

Линия А представляет начальное положение общества, когда различие состояния было мало выдающимся, где бедного класса, отмеченного *нулем*, не существовало.

По мере того как общественное богатство возрастает, как то видно по линиям В, С, D, Е, следовало бы, чтобы бедный класс получал часть его согласно пропорции, указанной в каждой из этих линий, т. е. чтобы на ступени богатства Е, когда богач имеет 128 франков в день на расходы, бедняк имел бы, по крайней мере, 8 франков: в этом случае шкала была бы *сложной*, пропорционально возрастая для всех пяти классов, но без уравниательства.

Однако, поскольку при строе цивилизации шкала растет только с одной стороны, бедный класс всегда остается на нуле, так что, если богатство достигло пятой ступени Е, богатый класс полностью получает свою долю в 128, бедный же — только нуль, потому что у него всегда меньше необходимого; таким образом, шкала строя цивилизации следует по поперечной линии 0, 2, 8, 32, 128, и масса, или бедный класс, далеко не получая доли в росте богатства, пожинает лишь прирост лишений, ибо она видит большее разнообразие благ, которыми не может пользоваться; она даже не уверена в получении отталкивающей работы, составляющей ее мучение и не представляющей ей иной выгоды, как выгода не умереть с голоду. {...}

Я хочу только прийти к цели, указанной в заглавии настоящей статьи: доказать, что все являет собой порочный круг при строе раздробленного хозяйства, или хозяйственном строе периода цивилизации: он создает своими успехами элементы благополучия, но не благополучие; последнее сможет народиться только из режима трудового притяжения и соразмерного распределения, согласно линии Е. Это распределение невозможно, пока труд является отталкивающим, — необходимо, чтобы народ оставался в состоянии крайних лишений для того, чтобы соглашаться заниматься им. Впрочем, поскольку строй цивилизации производит едва четверть того, что будет производить ассоциация, а населяет сверх меры, было бы невозможно обеспечить его муравейникам простонародья долю *минимума*, или пристойное необходимое.

Этот порочный круг хозяйственной системы так бесспорно признан, что со всех сторон начинают брать ее под подозрение и удивляться, что *бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия*⁵³. {...}

Итак, повторяю, промышленность строя цивилизации может создать лишь элементы счастья, но не счастье. Будет, наоборот, доказано, что чрезмерный рост промышленности ведет строй цивилизации к очень большим несчастьям, если не сумеют открыть средства действительного продвижения вперед по ступеням социального развития. Я сказал, что наша политика движется вперед на манер рака, хоть и похвастается быстрыми успехами. <...>

Каждый из социальных периодов, именуемых периодом цивилизации, варварства, патриархата, дикости или иначе, подразделяется на четыре фазы, аналогичные четырем возрастам жизни: это — 1⁰ — детство, 2⁰ — юность, 3⁰ — возмужалость, 4⁰ — дряхлость. Четвертая фаза, именуемая дряхлостью, является иногда полезным продвижением вперед: об этом можно судить по Египту, который, усвоив военную тактику, искусство мореплавания и определенные науки, вступает в дряхлое варварство четвертой фазы, ведущее постепенно к первой фазе периода цивилизации ⁵⁴. Это, следовательно, действительный прогресс — точно так же как движение вперед ночи является приближением к дню.

Если бы строй цивилизации сумел пройти от своей третьей фазы, каковой является нынешнее его состояние, к своей четвертой фазе, которая еще не народилась, это было бы весьма благоприятной сменой, потому что мы приблизились бы к следующему периоду, периоду социальных гарантий ⁵⁵, являющемуся ступенью высшей и смежной с периодом цивилизации. Гарантии — это благо, о котором мечтают все философы, не умея достигнуть их ни в каком смысле: чтобы подняться к гарантиям, надлежит выйти из периода цивилизации и взойти на следующую ступень. <...>

Писатели только и знают, что воскурять фимиам господствующим порокам, дабы освободить себя от искания средств против них: в отношении основных вопросов, как равновесие народонаселения, мы видим, что наука проходит мимо, говоря, что здесь ничего нельзя понять. Именно так Стюарт распухает эту загадку чрезвычайного обилия простонародья, загадку, за которую взялись после него Уоллес и Мальтус ⁵⁶, понявшие в ней не больше его.

Вопросы социальной политики будут все неразрешимы, пока будет желание умозрительничать по поводу строя цивилизации, являющегося интеллектуальным лабиринтом, порочным кругом во всех отношениях; но почему же не стали работать над тем, чтобы открыть новый общественный уклад?

Именно здесь было прекрасное поприще для стольких писателей, которые тщетно бьются в поисках нового сюжета.

Когда же по случайности они накладывают руку на какую-либо новую идею, как идея *трудовой ассоциации*, они спешат затемнить и запутать ее, приплетая к ней свои старые софизмы вплоть до самых смехотворных, как *общность имуществ, нежное братство истинных человеколюбцев, полностью единых в своих мнениях*.

Будучи далеки от этих моральных безвкусиц, которые пускает в ход секта Оуэна, мы полагаем, что при социетарном строе столь же надобны разногласия, как и согласия; именно с разногласий и надо начинать, и, чтобы образовать фалангу серий по страсти (социетарный кантон из 1800 человек), следует вызвать проявление по меньшей мере пятидесяти тысяч разногласий, прежде чем организовать проявления согласия. По этому примеру можно судить, насколько наш век был далек от путей ассоциации, привнося в изучение этого предмета все ложные суждения морали о страстях и путях социальной гармонии. {...}

**Н О В Ы Й
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
М И Р,
или
ПРИРОДОСООБРАЗНЫЙ
СОЦИЕТАРНЫЙ
СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ**

**АНАЛИЗ ПРИТЯЖЕНИЯ
ПО СТРАСТИ**

**ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ
О СЕРИЯХ ПО СТРАСТИ**

*О трех целях притяжения
и о его двенадцати движущих силах,
или коренных страстях*

Притяжение по страсти — это побудительная сила, данная природой раньше способности рассуждать и упорная, несмотря на противодействие разума, долга, предрассудка и пр.

Город будущего

Общий вид фаланстера

Во все времена и повсеместно притяжение по страсти стремилось и будет стремиться к трем целям:

- 1⁰ — к роскоши ⁵⁷, или удовлетворению пяти чувств;
- 2⁰ — к группам и сериям групп, сердечным связям;
- 3⁰ — к механизму страстей, характеров, инстинктов, и — как следствие этого — к всеобщему единству.

Первая цель — р о с к о ш ь. Она охватывает все чувственные удовольствия; желая их, мы скрытым образом выражаем желание здоровья и богатства, которые являются средствами удовлетворения наших чувств: мы желаем *внутренней роскоши*, или телесной крепости, утоиченности и силы чувств, и *роскоши внешней*, или денежного богатства. Надо обладать обоими этими средствами для того, чтобы достигнуть первой цели притяжения по страсти, которая состоит в удовлетворении пяти двигателей-чувств: *вкуса, осязания, зрения, слуха, обоняния*. <...>

Вторая цель — г р у п п ы и с е р и и. Притяжение стремится к образованию групп, которых числом четыре:

	Наименования:	Образные обозначения:
В ы с ш и е	{ Группа дружбы	<i>Круг.</i>
	{ Группа честолюбия, корпоративной связи	<i>Гипербола.</i>
Н и з ш и е	{ Группа любви	<i>Эллипс.</i>
	{ Группа родительства, или семьи	<i>Парабола.</i>

Все группы, образованные по страсти и свободе, относятся к одному из этих четырех родов.

Как только группа становится многочисленной, она подразделяется на подгруппы, образующие серию партий, расположенных в порядке восходящих ступеней по оттенкам мнений и вкусов. Можно видеть, как серия образуется даже в малейшей группе из семи человек: спустя несколько дней деятельности она будет представлять три оттенка, или партии, определяемых двумя, тремя и двумя сектариями; если же группа достигает двух десятков человек, то в ней очень скоро проявится пять, шесть, семь оттенков мнений и вкусов.

Отсюда очевидно, что все группы стремятся к образованию серии, или восходящего ряда разнообразностей по роду, по виду, и что серия групп — это вторая цель притяжения во всех видах деятельности чувств и души. <...>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДВИЖУЩЕЙ СИЛЫ СТРАСТЕЙ, ПРИСУЩЕЙ СЕРИЯМ

*О трех распределительных страстях,
или органических движущих силах серии по страсти*

Не в материальном устройстве серий будут испытывать затруднение.〈...〉

Препятствие, которого следует опасаться, зависит от игры известных страстей, которым моралисты захотят мешать; и все же наилучше образованная серия утратила бы все свои свойства — трудового притяжения, прямого согласия неравенств, косвенного согласия антипатических членов и пр., если бы пренебрегали сочетанным развитием в ней трех движущих сил, которые я называл страстями, приводящими механизм в действие, или распределительными страстями. Если одна из них встречает препятствия в серии, то серия является извращенной, проявления согласия и трудовое притяжение так же оказываются извращенными и сведенными к внешним подобиям, которые привели бы к срыву главного равновесия, равновесия распределения.〈...〉

Начинаю с *папийонны*: это — потребность в периодическом разнообразии, резко отличающихся положениях, изменениях обстановки действия, занимательных происшествий, новшествах, способных создавать игру воображения, побуждать чувства и душу одновременно.

Эта потребность дает себя чувствовать умеренно каждый час и живо — каждые два часа. Если она не удовлетворена, человек впадает в равнодушие и скуку.〈...〉

Действуя очень короткими сеансами, самое большее по полтора-два часа, каждый может заниматься в течение дня семью-восемью родами привлекательных работ, разнообразить следующий день, посещать группы, отличные от тех, что накануне: этот образ действия — требование одиннадцатой страсти, именуемой *папийонной*, которая влечет к тому, чтобы порхать от удовольствия к удовольствию, избегать чрезмерностей, в которые беспрестанно впадают люди строя цивилизации, продолжающие одну работу на протяжении шести часов, одно пиршество шесть часов, один бал шесть часов, да еще ночью, в ущерб своему сну и здоровью.

Эти удовольствия людей строя цивилизации всегда являются собой непроизводительные занятия, тогда как социетарный строй применяет разнообразие удовольствий к работам, ставшим привлекательными. Опишем эту попеременную

деятельность при помощи расписания двух дней гармонийцев — одного бедного и одного богатого ⁵⁸.

День Луки в июне месяце

Часы

- в 3¹/₂ Подъем, подготовительные действия.
- в 4 Сеанс в группе по конюшням.
- в 5 Сеанс в группе садовников.
- в 7 *Завтрак.*
- в 7¹/₂ Сеанс в группе косарей.
- в 9¹/₂ Сеанс в группе огородников под навесом.
- в 11 Сеанс в серни по хлевам.
- в 1 О б е д.
- в 2 Сеанс в серни лесоводов.
- в 4 Сеанс в промышленной группе.
- в 6 Сеанс в серни по поливке.
- в 8 Сеанс на бирже.
- в 8¹/₂ *Ужин.*
- в 9 Сеанс развлекательного посещения.
- в 10 *Отход ко сну.*

Примечание. Биржевые собрания проводят в каждой фаланге не для того, чтобы заниматься биржевой игрой на ренте и на продовольственных товарах, а для того, чтобы договариваться о трудовых и развлекательных сборах.

Я предположил здесь на день только три трапезы, как то будет у вступающих впервые на поприще строя гармонии; но когда он будет в полном развитии, деятельная жизнь, привычка к коротким и разнообразным сеансам даст необычайный аппетит: существа, рожденные и воспитанные при строе гармонии, будут вынуждены совершать пять трапез ⁵⁹; и это не будет слишком для того, чтобы потребить безмерное множество съестных припасов, которые будет производить этот новый порядок, где богатые, разнообразя свои занятия чаще, чем бедные, имеют больше аппетита и силы. Это во всех отношениях противоположное механизму строя цивилизации.

Сейчас я опишу в рамках пяти трапез день богатого человека, занимающегося более разнообразными делами, чем предшествующий, один из деревенских жителей, поступивших с самого начала.

День Мондора летом

Часы

- Сон с 10¹/₂ часов вечера до 3 часов утра.
- в 3¹/₂ Подъем, подготовительные действия.
- в 4 Утренний общественный прием, хроника ночи.
- в 4¹/₂ *Ранний завтрак*, первая трапеза, за которой следует трудовой парад.
- в 5¹/₂ Сеанс в группе по охоте.
- в 7 Сеанс в группе по рыбной ловле.

- в 8   *Завтрак, газеты.*
- в 9   Сеанс в группе огородничества под навесом.
- в 10   Сеанс по богослужению.
- в 10¹/₂   Сеанс в группе по фазаньему двору.
- в 11¹/₂   Сеанс в библиотеке.
- в 1   *Обед.*
- в 2¹/₂   Сеанс в группе по проветриваемым теплицам.
- в 4   Сеанс в группе по экзотическим растениям.
- в 5   Сеанс в группе по живорыбным садкам.
- в 6   *Предвечеря на открытом воздухе.*
- в 6¹/₂   Сеанс в группе по мериносам.
- в 8   Сеанс на бирже.
- в 9   Ужин, пятая трапеза.
- в 9¹/₂   Палата искусств: концерт, бал, спектакль, приемы.
- в 10¹/₂   *Отход ко сну.*

Мы видим в этом расписании лишь очень мало мгновений, предоставленных сну: гармонийцы будут спать очень мало; утонченная гигиена в соединении с разнообразием сеансов приучит их не утомляться в трудах; тела не будут изнашиваться за день, будут нуждаться лишь в весьма кратковременном сне и привыкнут к этому с детства, благодаря наплыву удовольствий, для которых дня не может хватить.

Чтобы облегчить частые перемещения, которых требует этот образ жизни, во всех корпусах строений фаланстера⁶⁰, или здания фаланги, пристраивают *улицы-галереи* на уровне первого этажа и внизу, отапливаемые трубами зимой и освежаемые летом; далее — переходы на столбах между параллельными корпусами и посыпанные песком подземные ходы, образующие сообщения от фаланстера к хлевам, при посредстве чего можно проходить под прикрытием в залы, мастерские и хлевы, не зная, жарко или холодно на дворе. В сельской местности пользуются легкими большими экипажами на восемнадцать человек для перевозки земледельческих групп.

Некоторые люди строя цивилизации утверждают, что это устройство будет очень дорогостоящим: оно обойдется бесконечно меньше, чем нынешние расходы на одежду и экипажи, слякоть и грязь, насморки, воспалительные процессы и лихорадки, наживаемые из-за резких переходов и крайностей.(<...>)

Следовательно, именно посредством использования наиболее изгоняемой философами страсти — папийонны — мы разрешим все задачи, на которых они потерпели провал. Насколько они придут в отчаяние оттого, что никогда не произ-

вели исчисления кратковременных сеансов и последствий, которые такие сеансы вызвали бы!

Надо быть, как моралисты, врагом природы и очевидно-сти, чтобы отрицать эту потребность в разнообразии, которую мы видим господствующей даже в делах, касающихся физического состояния. Всякое долговременно затянувшееся наслаждение становится злоупотреблением, притупляет органы, ослабляет удовольствие: четырехчасовая трапеза не кончится без излишества; четырехчасовая опера кончается тем, что наскучит зрителю. Душа столь же требовательна, как и тело, в отношении этого разнообразия; поэтому сердца весьма подвержены изменчивости у огромного большинства обоого пола.

Каждый мужчина и каждая женщина хотели бы иметь гарем, если бы затраты и закон не препятствовали этому. Степени голландцы, столь нравственные в Амстердаме, имеют в Батавии⁶¹ свои гаремы с набором женщин трех цветов — белых, негритянок и метисок. Вот тайна морали: она представляет собой лишь лицемерие, приспособление к обстоятельствам и сбрасывающее маску, как только может это сделать безнаказанно.

Расы имеют потребность в чередовании и скрещивании в мире растений, как и в мире животных. При отсутствии этого разнообразия они становятся убогими. Желудки имеют точно так же потребность в перемене: обычное разнообразие блюд облегчает пищеварение, но желудок стал бы вскоре отвергать наилучшее блюдо, если бы оно предлагалось ему каждый день.

Душа стала бы равнодушной к осуществлению любой добродетели, которая не была бы смеяема какой-либо другой добродетелью. Ум также требует этой перемены: характеры, в которых сильно господствует страсть, именуемая папийонией, испытывают потребность иметь одновременно две или три интриги, будь то по части честолюбия или по части любви, читать два или три произведения одновременно.

Сама земля желает перемены посевов и производимого: растение хочет перемены в воспроизводстве посредством семян, саженцев, отводков и пр.; почва хочет обмена и переноса земли; вся природа хочет, следовательно, разнообразия; на свете существуют только моралисты и китайцы, которые хотят монотонности, единообразия. <...>

МЕРОПРИЯТИЯ ОПЫТНОЙ ФАЛАНГИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Распределение, управление, смета

РАСХОДЫ НА ОСНОВАНИЕ ФАЛАНГИ
В ПОЛНОМ МАСШТАБЕ

*При сокращенном масштабе
они будут достигать лишь четвертой части*

Годовая арендная плата за земельные участки и сооружения	600 000
Постройка жилищ и хлевов	5 000 000
Скот, насаждения, сельскохозяйственный инвентарь	1 200 000
Расходы на привлечение участников и авансы	1 200 000
Оборудование, белье, посуда	1 000 000
Фабрики, мастерские, сырье	1 500 000
Пропитание на шесть месяцев	800 000
Сев притяжения ⁶²	800 000
Расходы на контору, правление, переговоры	600 000
Сотрудничающие рабочие-несоциетарии	400 000
Пересадки с массой земли	400 000
Консервирование плодов и овощей	300 000
Общественная библиотека	300 000
Музыка и опера	300 000
Ограждение и решетки	200 000
Непредвиденные расходы	400 000
	<hr/>
	15 000 000

⟨...⟩ Отвечают, что нелегко найти пятнадцать миллионов по подписке; да, потому что умы периода цивилизации недоверчивы только по отношению к делам верным и свободным от риска. Если же дело идет о какой-либо безумной затее, то находят капиталы сотнями миллионов. Разве не предлагали недавно французам безумное предприятие с приводом морских судов в Париж? ⁶³ — пустое мелкое тщеславие, которое стоило бы триста миллионов согласно смете, а в действительности, быть может, вдвое больше, ибо при работах такого рода сметы всегда преуменьшены, а препятствия не приняты в расчет.

Здесь речь будет идти лишь о четырех миллионах, из коих для начала дела только о двух; так что сколько капиталистов могут взять на себя самих дело основания!⟨...⟩

Основать фалангу следует вблизи большой столицы; неважно, что это будет на расстоянии десяти лье от нее, лишь бы любознательные могли прибывать из этого города

в фалангу без ночевки в пути. Если слишком удалиться от больших городов, фаланге было бы затруднительно весной вовлечь богатые семьи, которые должны будут вступить в нее в это время.

В отношении зданий надо будет мало рассчитывать на прежде сооруженные строения: здание, рассчитанное на отношения строя цивилизации, не будет приспособлено для отношений строя трудового притяжения. Как бы ни переделывали нынешние строения, они всегда будут стеснительны для отношений серий по страсти. Монастыри периода цивилизации, которые можно было бы купить, все обладают тем недостатком, что они представляют собой простой корпус (один только ряд комнат), их хлевы не могли бы подойти для распределения по сериям.

Можно использовать один из тех обширных замков, какими изобилуют окрестности Парижа, и даже несколько, чтобы поселить любознательных платных посетителей, пребывающих больше одного дня; красивый дом, удаленный от фаланстера на четверть или полмили, будет равным образом весьма полезен в качестве усадьбы или сельского склада; но следует избегать окружения деревней, ибо даже, если вовлекли бы всю деревню, пришлось бы еще сносить в ней дома, что было бы делом очень дорогостоящим и дало бы земельный участок весьма неблагоприятный. <...>

После этого изложения начал <...> я сейчас отмечу ряд производств, какие показались мне предпочтительными для опытной фаланги; указываю их, если не явится лучшего мнения.

ЧАСТЬ ПРИГОТОВЛЕНИЙ, ВЫРАЖАЮЩАЯСЯ В РАСЧЕТАХ

Выбор промышленных производств для расчетов и для использования

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ РАСЧЕТОВ

1 — для мужчин и мальчиков	{ ХУДОЖЕСТВЕННО- СТОЛЯРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО . . . . . А.
2 — для женщин и девочек	{ ПАРФЮМЕРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО . . . . . В.
3 — для мужчин, женщин и детей	{ КОНДИТЕРСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО . . . . . С.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ РАСЧЕТОВ
(для всех трех полов)⁶⁴

4 — Сыроделие	D.
5 — Колбасное производство	E.
6 — Консервное производство	F.
7 — Цветочное семеноводство	G.

СТЕРЖНЕВОЕ × ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ

МЕЖЕУМОЧНОЕ К ПТИЦЕВОДСТВО

Примечание. Я указываю здесь только постоянные промышленные производства, но не кратковременные, как, например, тепличные печи.

ВОСПИТАНИЕ ПРИ СТРОЕ ГАРМОНИИ

ВОСПИТАНИЕ РАННЕГО ДЕТСТВА

*Противоречие воспитания при строе цивилизации
природе и здравому смыслу*

Переходя от принципов к их приложению, я должен напомнить, что видимая трудность для социетарной теории заключается в том, чтоб установить удовлетворительное распределение по трем производственным данным каждого — капиталу, труду и таланту. Строй цивилизации умеет распределять справедливо только по капиталу, соразмерно вложениям; это — арифметическая задача, а не проблема для творческого духа; гордиев узел⁶⁵ социетарного механизма — искусство удовлетворять каждого по труду и таланту. В этом-то и трудность, которая пугала все века и препятствовала исследованиям.

Чтоб увильнуть от этой двойной проблемы распределения, секта Оуэна пускает в ход общность имуществ, предоставление массе всего дохода, кроме прибыли на паи. Это значит признать, что она не решается даже рассматривать проблему ассоциации.

Достигнуть этого уравновешенного распределения можно, только распространяя на все три пола гармонию страстей. Дети, почитаемые у нас ничем в социальной механике, являются главной пружинкой социетарной гармонии и трудового притяжения; поэтому придется исследовать прежде всего движущие силы, какие притяжение пускает в ход у нейтрального, или незрелого, пола, который, будучи лишен двух страстей — любви и отцовства, не обладает столькими же средствами, как достигший половой зрелости возраст, для образо-

вания серий по страсти. Способ действия, однажды изученный на детях, тем легче будет применить к двум другим полам, представляющим больше средств, больше страстей. Поэтому с воспитания и надо начинать, тем более что оно будет той отраслью механизма, какую придется наладить первой, так как дети, будучи лишь в малой степени извращены предрассудком и проявлениями недоверчивости, будут более послушны притяжению, чем отцы; они отдадутся ему полностью с первой же недели и очень скоро выявят превосходство строя серий по страсти.

Социетарное воспитание имеет целью осуществлять полное развитие физических и умственных способностей, применять их все, даже развлечения, к производительному труду. <...>

Воспитание трибы малышей менторенами и менторинами

Строй гармонии не совершит, как мы, глупости исключения женщины из области медицины и образования, сведения их деятельности к шитью и горшку. Он будет знать, что природа раздает обоим полам равными долями способность к наукам и искусствам, не затрагивая распределения их родов, поскольку вкус к наукам более специально определен мужчинам, а вкус к искусствам — женщинам в таком приблизительно соотношении:

мужчины:	$\frac{2}{3}$ к наукам,
	$\frac{1}{3}$ к искусствам;
женщины:	$\frac{2}{3}$ к искусствам,
	$\frac{1}{3}$ к наукам;
мужчины:	$\frac{2}{3}$ к большим земледельческим работам,
	$\frac{1}{3}$ к мелким ⁶⁶ ;
женщины:	$\frac{2}{3}$ к мелким земледельческим работам,
	$\frac{1}{3}$ к большим;
мужчины:	$\frac{2}{3}$ к работе менторенов,
	$\frac{1}{3}$ к работе бонненов;
женщины:	$\frac{2}{3}$ к работе боннин,
	$\frac{1}{3}$ к работе менторин ⁶⁷ .

Так философы, тиранически желающие исключить один пол из какого-либо занятия, могут быть уподоблены тем дурным колонистам Антильских островов ⁶⁸, которые, мучениями доведя до скотского состояния своих негров, уже оупленных варварским воспитанием, утверждают, что эти негры не стоят на уровне рода человеческого. Мнение философов о женщинах столь же справедливо, как мнение колонистов о неграх. <...>

ФАЛАНГА В КРУПНОМ МАСШТАБЕ²¹¹

Распределение на 16 триб и 32 хора

Различение по полному и половинчатому характеру²¹²,
привлечению и дополнению

РАЗРЯДЫ:	РОДЫ:	ВОЗРАСТЫ:	ЧИСЛЕННОСТЬ ²¹³ :	
ВОСХОДЯЩИЕ ДОПОЛНЕНИЯ	{	Сосуны . . . . . 0—1 Керапузы . . . . . 1—2 Шалуны . . . . . 2—3	{ 72 60 48	180
Трибы и хоры:				
ВОСХОДЯЩИЙ ПЕРЕХОД	1 {	Малыши и малыш- ки . . . . . 3—4 1/2		60
			Полный характер	Половинчатый характер
ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛЫШКО	2 {	Херувимы и херу- нимы . . . . . 4 1/2—6 1/2	38	19
	3 {	Серафимы и сера- фимы . . . . . 6 1/2—9	44	22
ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО	4 {	Лицеисты и лице- исты . . . . . 9—12	50	25
	5 {	Гимназисты и гим- назисты . . . . . 12—15 1/2	56	28
	6 {	Юнцы и юнцы . . . 15 1/2—20	62	31
	7 {	Юноши и девушки	68	34
	8 {	Словнашески своего пола .	74	37
ЦЕНТР	Превалие		34	27
НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО	9 {	Богатыри и богатыря . . .	70	35
	10 {	Муместванники и мумест- ванники	64	32
	11 {	Утоичемцы и утоичемцы . .	58	29
	12 {	Умеренцы и умеренцы . . .	52	26
НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛЫШКО	13 {	Благоразумцы и благоразу- мцы	46	23
	14 {	Почтенцы и почтенцы . . .	40	20
	15 {	Досточтимцы и досточтим- цы	34	17
			Половинчатый характер	405
			Полный характер	810
НИСХОДЯЩИЙ ПЕРЕХОД	16 {	Патриархи и патриархи . .		45
НИСХОДЯЩИЕ ДОПОЛНЕНИЯ	{	Больные	30	
	{	Немошные	40	120
	{	Отсутствующие	50	
				Всего . . . 1620

Примечания. От злого числа следует отниматься и делиться оно
и фаланга первого поколения до 1800
и счастлив фаланга до 1900 человек и 100 минимых работников . . . 2000
и приблизительно фаланга до 300 человек и 100 минимых работников 900

Один из вариантов структуры фаланстера

МЕХАНИЗМ И ГАРМОНИИ ПРИТЯЖЕНИЯ

ПРОЯВЛЕНИЯ НАМЕРЕННОГО СОГЛАСИЯ В ОТНОШЕНИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

*О сердечном согласии,
осуществляемом путем слияния всех трех классов*

Связи между людьми неравного состояния будут очень легки при строе гармонии: объединения будут здесь соблазнять человека благодаря веселости, благоденствию, культурности и безукоризненной честности низших классов, благодаря блестящей великолепием обстановке труда и согласию между социетариями. Беднейшие будут горды своим новым положением и высокими назначениями их фаланги, которой предстоит изменить облик мира: Они будут придавать очень большое значение тому, чтоб отличаться от людей строя цивилизации безукоризненной честностью, справедливостью, которые будут единственным путем к прибыли. (...) В короткое время они усвоят дух и манеры тех, кого счастливый случай внезапно перевел из хижины в особняк, и этот хороший тон очень легко установится у бедного класса первой фаланги, если ее подобрать в областях, где народ является культурным, как в окрестностях Тура и Парижа.

Отчасти из ненависти к народу строя цивилизации богатые сразу будут охвачены страстным влечением к народу фаланги; они станут рассматривать его как иной вид людей и сблизятся с ним в силу удвоения чувства ужаса к лживости и грубости строя цивилизации. Рядом с народом строя гармонии они забудут о своем положении столь же легко, как забывают его нынче подле культурных гризеток⁶⁹, которые все являются женщинами из народа, но стремящимися к изысканным манерам.

Поэтому я полагаю, что слияние наметится уже со второго месяца, что богатый класс окажется первым в возмущении против основного положения политики строя цивилизации: *Надобно, чтоб имелось много бедняков ради того, чтобы было несколько богачей*, положения, которое очень скоро будет замещено следующим: *Надобно, чтобы бедняки наслаждались благосостоянием различных степеней для того, чтобы богачи были счастливы.*

Напомним, что одним из главных средств для осуществления этого слияния будет успех детей в природосообразном воспитании, или вовлечение в трудовую деятельность и учеб-

ные занятия в силу удовольствия, без какого-либо побуждения со стороны отцов или учителей. Именно это чудо по преимуществу воодушевит глав богатых семейств и расположит их к слиянию. <...>

Но если и рассчитывать на подбор народа культурного, для этого слияния будет не хватать еще двух движущих сил, ибо воспитанный при строе цивилизации народ все же будет отставать от высокой воспитанности, с другой же стороны — богатые семьи, переходящие к социетарному укладу, не будут иметь со своим народом связей с детства.

Несмотря на эти два препятствия, слияние будет возможным уже вследствие общего воодушевления, и вскоре богатые не захотят знать различий положения, разве только во время публичных церемоний и торжественных собраний. Во всех прочих случаях коллективная дружба добьется этого и породит неизвестную людям строя цивилизации страсть — унитаризм. <...>⁷⁰

Если у нас общественные отношения являются предметом общего раздора, то это потому, что они везде угнетают большинство ради удовольствий меньшинства. Сто особ развлекаются на балу, но сто кучеров и слуг мерзнут на дворе, так же как и лошади, стоящие на снегу, на холодном ветру; такая же докуча для поваров и слуг, подготовляющих празднество безо всякого вкуса к этой работе; она стала бы привлекательной в сериях по страсти, будь то в силу интриг⁷¹ по подготовке, будь то при распределении помещений, но в особенности — благодаря порядку косвенного бытового обслуживания, который в различных занятиях превращает богача в страстно увлеченного служителя бедняка.

А так как эти проявления согласия будут составлять очарование для богача настолько же, как и для бедняка, видна будет с той и другой стороны одинаковая услужливость, состязание великодушных намерений ради облегчения дела распределения, от чего будет зависеть поддержание прекрасного социетарного порядка. <...>

АНАЛИЗ СТРОЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСНОВНЫЕ И СВЯЗУЮЩИЕ

Последовательные характерные особенности четырех фаз

<...> Общества, как человеческое тело, имеют свои четыре возраста, различающиеся характерными особенностями,

которые последовательно смеяются друг друга: нельзя судить о явлениях развития или упадка до тех пор, пока мы не определили весьма отчетливо характерные особенности, какие должны знаменовать тот или иной общественный уклад. Наши естествоиспытатели столь тщательны в отношении этого различия, когда речь идет о том, чтобы распределить по разрядам бесполезные растения; почему политики не следуют этому методу, определяя для своего излюбленного строя цивилизации характерные особенности, применительные к каждой из четырех фаз? Это — единственное средство признать, идет ли он вперед или движется вспять.

Нынешний строй цивилизации Франции и Англии находится в третьей, упадочной, фазе. Давно уже он выявил характерные особенности третьей фазы. Он сильно клонится к четвертой фазе, оба зачатка которой у него имеются, но не знает, как действовать по отношению к этим зачаткам для того, чтобы вступить в четвертую фазу, которая была бы весьма малым продвижением вперед, наименьшим возможным, тогда как нынешнее состояние представляет собой тягостный застой, где творческий дух как бы пребывает в заточении, утомлен своим бесплодием, тщетно возбуждая себя, чтобы произвести на свет какую-нибудь новую мысль. Это — состояние, которое изнашивает социальное тело слишком долгим застыванием в третьей фазе.(<...>)

Постоянные характерные особенности периода

Хотя против наших пороков беспрерывно разглагольствовали, среди них немало не замеченных, пользующихся привилегиями, освященных под предлогом свободы: такова *тирания индивидуальной собственности*, направленная против массы. Собственник позволяет себе сотню мероприятий, тягостных для массы; он возводит даже нездоровые, тесные строения, несущие гибель детям; все это освящено как свобода, потому что строй цивилизации, не имея познаний о социальных гарантиях, допускает в качестве справедливых множество проявлений своеволия личности из наиболее направленных к злоупотреблениям: этого рода характерные особенности не замечены.

Иные оставлены без внимания и не отмечены, потому что они связаны между собой и образуют одну цепь; такова характерная особенность *косвенного отказа в правосудии бедняку*. Ему не отказывают в справедливости прямо: он волен тягаться в суде, но ему не из чего покрывать судебные

издержки; или же, если он вчиняет самый справедливый иск, то вскоре бывает истощен богатым хитрым грабителем, который тягает его на апелляцию и повторную апелляцию; он не в состоянии справиться с такими издержками, вынужден уступить. Отцеубийце дают бесплатного защитника, — следовало бы давать его также бедняку, который хочет предъявить иск; но, говорят, имелось бы слишком много судебных дел: строй цивилизации только и заполнен несправедливо ободранными бедняками, затем — кляузниками, которые под предлогом бедности хотели бы затевать тяжбы за счет государства, — это значило бы попасть из огня да в полымя, из косвенного отказа в правосудии впасть в порочный круг. Правда, весь механизм строя цивилизации — это только порочный круг, и вследствие этого порочный круг и является одной из существенных характерных особенностей этого общественного уклада, точно так же, как *косвенный отказ в правосудии*: их не отмечали в качестве таковых, потому что они связаны и рождаются один от другого; это — лишний довод за включение их в ряд постоянных характерных особенностей. <...>

1. Меньшинство вооруженных рабов, сдерживающее большинство рабов безоружных.
2. Эгоизм, вынужденный отсутствием солидарности масс.
3. Двойственность действия и составных частей общества.
4. Внутренняя война человека с самим собой.
5. Неразумие, выдвинутое в качестве основного начала.
6. Исключение, взятое за правило в политике.
7. Ум рахитичный, извращенный, малодушный.
8. Вынужденное вовлечение в творение зла.
9. Ухудшение при исправительных мероприятиях.
10. Сложное несчастье у безмерного большинства.
11. Отсутствие научной оппозиции⁷².
12. Последующая порча климатур⁷³.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВОДНЫЕ И ОТКЛОНЯЮЩИЕ

Характерные особенности гармонического отражения

<...> Без этого отбора характерных особенностей, без этого распределения по разрядам, относящего к каждому периоду то, что ему принадлежит, нельзя судить об успехах или явлениях упадка общества. Именно из-за отсутствия этого отбора философы наперерыв сбиваются в своих мнениях об этом общественном укладе: он является пятым в ряду по-

следовательных ступеней, — разве он движется вперед, когда сохраняет характерные особенности второй ступени — дикости, третьей — патриархата, четвертой — варварства, от которых он должен был бы стараться отделаться?

Далекий от этого, наш строй цивилизации, именуемый способным к совершенствованию, упорствует в сцеплении с варварством путем отказа в *минимуме*, оставления без помощи стариков и бедняков, — порок, прощительный для дикарей, потому что при голодовках орде действительно нечем кормить того, кто не охотится и не ловит рыбы; но строй цивилизации, — допустимо ли, чтоб он говорил, что ему не хватает съестных припасов? К характерным особенностям, заимствованным у периода дикости, он присоединяет другие, заимствованные у периодов патриархального и варварского; до тех пор пока не станут различать эти смещения, будет невозможно ясно разбираться в путанице, именуемой строем цивилизации. (...)

Характерные особенности привитого движения вспять

Что касается третьей фазы, в которой мы находимся, то она представляет собой социальный тупик, или слепой мешок, откуда человеческий ум не знает больше выхода; здесь он бьется в спорах систем, которые приводят только к ухудшению всех вещей; это — образ Сизифа, карабкающегося на свою скалу и падающего снова, никогда не достигая цели. (...)

Характерные особенности вырождения третьей фазы

(...) Только одно столетие, как мы находимся в третьей фазе периода цивилизации, но и в этот короткий промежуток времени фаза очень быстро продвинулась в силу огромного успеха промышленности, так что ныне третья фаза выходит за пределы своей естественной границы. У нас слишком много материалов для столь мало продвинутой вперед ступени, и поскольку эти материалы не находят своего естественного применения, имеется перегрузка и затрудненность в социальном механизме; отсюда получается брожение, которое его разлагает, — оно развивает в нем большое число вредных характерных особенностей, симптомов усталости, следствий несоразмерности, царящей между нашими средствами производства и низшей ступенью, на которой они применяются. У нас слишком много промышленности для столь мало продвинувшегося вперед строя цивилизации, задерживаю-

щегося в третьей фазе; она испытывает давление потребности подняться по меньшей мере в четвертую. <...>

Если упускают установление соразмерности между социальной ступенью и степенью развития промышленности, если социальный механизм остается в дрейфе, в третьей фазе периода цивилизации, тогда как промышленный механизм делает исполинские шаги, то это — извращение всей игры движения; и отсюда должны произойти чудовищные явления, как нынешнее наше состояние, представляющее огромную промышленность, которая оказывается приспособленной к ступени низшей и не способной выносить ее тяжелый груз. При виде этого явного несоответствия, от которого наши экономисты должны были бы краснеть, при виде легионов бедняков, являющихся плодом злокачественной опухоли промышленности, наши философы восклицают: Какой быстрый ход к возрастающей способности совершенствования! <...>

Если вы хотите неумеренно двигаться вперед в области промышленности, умеете продвигаться вперед в том же отношении по социальной лестнице и подняться по крайней мере к четвертой фазе периода цивилизации, которая сможет вынести и упорядочить этот промышленный колосс, ставший злокачественной опухолью политики, пока мы коснемся в третьей фазе периода цивилизации. <...>

ОБОБЩАЮЩИЕ ВЫВОДЫ ПО ШЕСТОМУ РАЗДЕЛУ

Необходимость научной оппозиции

<...> Следовательно, чтобы прийти к благу, надлежит открыть иной социальный механизм, который действует на нравы и из развития промышленности порождает справедливость, правду. <...>

Не к одной только промышленности должно применяться совершенствование, оно должно охватывать также нравы и социальный механизм, два отношения, которые строй цивилизации умеет лишь портить. Его изрядно ограниченное применение состоит только в том, чтобы *продолжать* на трех поприщах — наук, искусств, промышленности — исследования, которые начали и очень далеко продвинули варвары. Раз эта задача выполнена, строю цивилизации не остается ничего другого, как исчезнуть и предоставить место иным общественным укладам, которые будут совершенствовать все в целом — нравы и социальную механику, в то же время делая уточнен-

нее и промышленность и науки, которые состояние цивилизации не может поднять и на половину того развития, на какое они способны. <...>

ОБЩИЙ СИНТЕЗ ДВИЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОБ УМСТВЕННОЙ КАТАРАКТЕ. ГЛУПОСТЬ УЧЕНОГО МИРА И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Опровержение оуэнистов

Подлинная ассоциация последует тремя <...> путями:

1⁰. Она будет религиозной по страсти, по убеждению в высокой мудрости бога, благодеяния которого она будет пожинать каждое мгновение. Общественное богослужение будет для нее потребностью: самый незначительный викарий будет тут наслаждаться нынешней долей епископов, и во Франции придется создать путем ускоренного рукоположения по меньшей мере тридцать тысяч священников, дабы каждая фаланга имела их в числе, достаточном для посменного отправления служб без каждодневной подчиненности их своим обязанностям.

2⁰. В противоположность духу общности будут возбуждать дух собственности при посредстве паевых купонов и *экономических прав голоса*, предоставляемых пролетариям, которые путем усердных сбережений накопили $1/12$ капитала, дающего права голоса в ареопаге ⁷⁴: его будут предоставлять также и по многим иным достоинствам, дабы не подражать людям строя цивилизации, которые в своей представительной системе оценивают заслуги только соразмерно деньгам.

3⁰. Что касается брака ⁷⁵, то <...> со временем он будет видоизменен, упорядочен по ступеням, а не упразднен, и к этому будут подходить лишь постепенно в близком поколении, когда изменения будут одобрены голосованием объединенных четырех разрядов — правительства, священства, отцов и матерей. <...>

Печатается по: Шарль Фурье. *Избранные сочинения*. М., 1951—1954, т. I—IV; т. I, с. 88—89, 97—98, 102—104, 112—116, 138, 177, 178, 375; т. II, с. 10—11, 13—15, 16—18, 73, 78—79, 103, 114—116, 118, 125, 138—139, 145; т. III, с. 6—9, 15, 25—28, 31—33, 34—35, 40—41, 42—43, 48, 51, 66—67, 83—94, 96—98, 113—115, 150—155, 169—170, 242—245, 289, 335—336, 399—400, 551—554; т. IV, с. 127—128, 133—134, 135, 166—167, 182, 188, 195, 196, 200, 201, 202, 250—251.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Многотомное издание сочинений Фурье начало издаваться в Париже в 40-е годы XIX в. «Социетарным книгоиздательством». Наиболее полной публикацией сочинений Фурье на русском языке является академическое четырехтомное издание Избранных сочинений в серии «Предшественники научного социализма» под общей редакцией акад. В. П. Волгина в переводе И. И. Зильберфарба. Настоящая публикация осуществлена по последнему изданию, в нее включены отрывки из следующих произведений: «Заблуждение разума, доказанное смехотворными сторонами неопределенных наук», «Теория четырех движений и всеобщих судеб», «О близости социальной метаморфозы», «О гарантизме, межуточном, или близлежащем, лимбе», «Новый хозяйственный и социетарный мир», «Новый хозяйственный мир».

«Заблуждение разума, доказанное смехотворными сторонами неопределенных наук» — одно из самых ранних произведений Фурье, оно было написано еще до издания «Теории четырех движений», но опубликовано лишь в 1847 г. в журнале «La Phalange». Фурье резко критиковал современные ему общественные науки, называя их неопределенными, пустыми, извращенными, обманными. «Теория четырех движений и всеобщих судеб» — первое большое сочинение Фурье — написано в первые годы XIX в., опубликовано анонимно в 1808 г. в Лионе; «О близости социальной метаморфозы» — статья, которая представляет собой эпилог первой части «Теории четырех движений». Очерк Фурье «О гарантизме, межуточном, или близлежащем, лимбе» был написан в 20-х годах XIX в. как часть задуманного Фурье много томного трактата, осуществить написание которого ему не удалось. Он появился в свет в 1849 г. в журнале «La Phalange»; «Новый хозяйственный и социетарный мир, или открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» — книга, написанная Фурье в 1828—1829 гг. с целью дать сжатое и общедоступное изложение его учения. Впервые была издана в Париже в 1829 г.

² Фурье во всех своих сочинениях горячо пропагандировал право на труд и решительно выступал против концепции «естественного права», развивавшейся такими западноевропейскими мыслителями XVII—XVIII вв., как Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Д. Дидро и другие. Эти мыслители считали, что принципы свободы и равенства вытекают из естественной природы человека и не зависят от социальных условий.

³ Цикута (лат. *cicuta*) — травянистое растение, служащее для изготовления сильнодействующего яда, который в древней Греции заставляли выпить приговоренных к смерти граждан.

⁴ Фурье резко отрицательно относился к теории общественного договора, сторонники которой считали, что государство возникло в результате добровольного договора между людьми; якобы необходимость охраны собственности и безопасности вынудила людей отказаться от части естественных прав в пользу государственной власти. Теория общественного договора была особенно распространена в эпоху буржуазных революций XVIII—XIX вв., она тесно связана с концепцией «естественного права». Развивали идею общественного договора Д. Дидро, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо. Фурье выступал последовательным критиком теорий «естественного права» и «общественного договора».

⁵ Фурье считал, что он открыл «социальный кодекс», который даст человечеству возможность создать гармоническое общество. Этому гармоническому устройству предшествует семь периодов истории: эдеизм, дикость,

патриархат, варварство, цивилизация, гарантизм и социантизм (см. «Таблицу хода социального движения» в кн.: *Фурье Ш. Избранные сочинения*. Изд-во «Academia». М.—Л., т. I, с. 141; т. III, с. 15); Ф. Энгельс писал, что «ярче всего проявилось величие Фурье в его понимании истории общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, патриархат, варварство и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне буржуазным обществом... диалектически он утверждает... что каждый исторический фазис имеет не только свою восходящую, но и нисходящую линию, и этот способ понимания он применяет к будущему всего человечества» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 197).

⁶ Диатриба (греч.— беседа) — гневная обвинительная речь, памфлет.

⁷ Фурье резко критикует идеализацию политического устройства Спарты, Древней Греции и Рима, характерную для многих социальных мыслителей XVIII в., в частности Руссо и Мабли.

⁸ Фурье имеет здесь в виду императора Наполеона.

⁹ Ванден — гражданские войны наподобие вандейских войн, связанных с контрреволюционными заговорами, имевшими своим оплотом департамент Ванден во времена Великой французской революции XVIII в.; якобинеры — замкнутые революционные объединения XVIII в. по образцу Общества якобинцев; коалиции — военные союзы государств, в частности коалиция Австрии и Пруссии 1792 г. против революционной Франции.

¹⁰ Фурье имеет здесь в виду Французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг., которая, по его мнению, оказалась неспособной создать более высокий общественный порядок и привела к упадку социального движения. На протяжении всего творчества Фурье резко отрицал революцию как путь к справедливому переустройству общества.

¹¹ Пандора — по древнегреческой мифологии, первая женщина, созданная богами; сотворив ее, боги подарили ей закрытый сосуд, в который были заключены все бедствия и несчастья, от которых страдает человечество. Любопытная Пандора, несмотря на запрет, открыла сосуд, и бедствия с тех пор разлетелись по всему свету, а когда Пандора закрыла сосуд, на дне его осталась только надежда.

¹² Намек на длившуюся пять лет (1789—1794) Французскую буржуазную революцию.

¹³ Сизиф — по древнегреческой мифологии, царь Коринфа, за многочисленные акты обмана и предательства был осужден богами на то, чтобы в царстве умерших вечно взбираться на высокую гору, поднимая тяжелый камень, который, приблизившись к вершине, каждый раз срывался и скатывался вниз; сизифов труд — тяжелая, бесплодная работа.

¹⁴ Фурье имеет в виду обострение классовых борьбы в период диктатуры якобинского Конвента.

¹⁵ Фурье считал основным видом общественного производства сельское хозяйство. По его мнению, склонности к сельскохозяйственному и промышленному труду распределяются у людей в отношении 3:1, поэтому промышленность находится в системе общественного труда на втором месте. Ассоциация будущего должна быть прежде всего земледельческой, пребывание в деревне люди будут предпочитать городской жизни.

¹⁶ Фурье называл «социетариум» общественный строй будущего, который должен прийти на смену строю цивилизации.

¹⁷ В основе учения Фурье лежит «серийный принцип», который якобы действует в природе и обществе, устанавливая равновесие между различными видами движения. Фурье различал серии по сложности их построения и действия: смутные, свободные, простые, сложные, смешанные, прогрессивные

и т. д. Серийный принцип устанавливает гармонию между страстями, движущими людьми. По мнению Фурье, общественная организация труда в будущем обществе связана с необходимостью создания серий — специализированных трудовых общностей; серия является основной общественной ячейкой социетарной фаланги.

¹⁸ Фаланга (греч. *phalanx*) — сплоченный строй пехоты; это наименование Фурье дает ассоциации социетарного строя. Фаланга — производственно-потребительское товарищество. От слова «фаланга» Фурье образовал слово «фаланстер», до него не существовавшее, для обозначения поселения фаланги.

¹⁹ Под разумом здесь Фурье понимает французскую рационалистическую философию XVIII в.

²⁰ Важнейшим отличительным признаком существующего общественного уклада — строя цивилизации, как и предшествовавших ему фаз, за исключением первобытного состояния, Фурье считал их внутреннюю бессвязность в хозяйственном и иных отношениях.

²¹ Фурье употреблял слово «исчисление» в смысле исследования, это одно из проявлений склонности Фурье к математизированию, придававшее ему своеобразную окраску всему его творчеству.

²² Категория «страсть» — одна из важнейших в теоретических построениях Фурье. Фурье полагал, что, поскольку мир подчиняется законам движения, существует два порядка этих законов: закон материального движения — притяжение и закон социального движения — влечение страстей или притяжение по страсти. Первый был открыт Ньютоном, честь открытия второго закона Фурье приписывает себе. Открытый им закон, полагал Фурье, лежит в основе социального кодекса, который приведет человечество к строю гармонии. Чтобы открыть путь к лучшему общественному устройству, надо понять предустановленный богом план социального порядка, соответствующий природе человека. Определяющими свойствами природы человека Фурье признает страсти. Установление нормального общественного порядка создает такие условия, при которых свободное удовлетворение страстей обеспечивает гармоническое сочетание интересов всех членов общества. Бог, по мнению Фурье, управляет миром посредством притяжения, а не посредством принуждения. Счастье каждого — в удовлетворении его страстей и полном их развитии. Чтобы достигнуть общего счастья, необходимо найти средства удовлетворить страсти всех людей. Свойственные человеку страсти распадутся, по Фурье, на три группы: страсти материальные или чувственные, страсти привязанности, симпатические, наконец, страсти верховные, распределительные. Материальных страстей пять в соответствии с пятью органами чувств. Симпатических страстей четыре: дружба, любовь, честолюбие и семейлюбие. Самые важные страсти распределительные, их три: страсть к соревнованию или интриге, страсть к разнообразию и страсть к творчеству или энтузиазму. Итого двенадцать страстей. Совместное действие трех высших страстей приводит к гармонии. Полное развитие страстей человека создает еще одну, тринадцатую страсть — гармонизм или унитензм. Гармонизм — стремление человека согласовать свое счастье со счастьем всего окружающего мира, всего человеческого рода.

²³ Ливр — старинная французская монета; это наименование сохранилось как равнозначное франку.

²⁴ По древнегреческой мифологии, одним из двенадцати подвигов Геракла (Геркулеса) была победа над лернейской гидрой, змееподобным чудовищем о девяти головах, каждая из которых, как только ее отсекали, замещалась несколькими новыми.

²⁵ Здесь Фурье имеет в виду Англию.

²⁶ Слова Фурье относятся к Наполеону. В ранних своих сочинениях Фурье восхвалял Наполеона, так как полагал, что французский император мог бы стать основателем социетарного строя, будучи побуждаем жадой власти и славы. Позднее Фурье пришел к выводу, что Наполеон был «лишь недоноском величия, лишь полувеликим человеком... не сумел дать нам ни подлинной свободы, ни истинного величия» (см.: Избранные сочинения, т. II, с. 373).

²⁷ Межеумочный означает, по терминологии Фурье, промежуточный, переходный; межеумок — одно из существенных понятий учения Фурье, охватывающее все неопределенное (виды, движения, страсти, характеры, растения, животных, общественные уклады, систему, методы и пр.), что не может быть отнесено к той или иной из определенных категорий.

Лимб — слово, означающее во французском языке (limbe) неопределенное состояние. Лимбами Фурье называл все «иесоциетарные» периоды истории.

²⁸ См.: Матф., гл. 15:14.

²⁹ Фурье считает Жан-Жака Руссо одним из мыслителей, наиболее способных к открытию законов социетарного движения.

³⁰ «Действительный доход... и доход относительный» — Фурье различал «богатство» четырех родов: 1) «положительное», состоящее из продуктов производственного труда; 2) «отрицательное», заключающееся в неразработанных ресурсах; 3) «относительное», возникающее от сохранения продукции при разумном ведении хозяйства; 4) «иаличие», образованное из совокупности «положительного», «отрицательного» и «относительного» богатства. С точки зрения Фурье, до установления «строга гармонии» богатство обманчиво, оно становится «действительным» лишь в ассоциации (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 501—502).

³¹ Фурье считал, что мир создавался путем ряда божественных творческих актов. Первый акт творения был «опытным», без человека, человек был создан лишь в пору второго и третьего актов.

³² Синекура (от лат. sine cura — без заботы) — средневековая церковная должность в Европе, приносящая большой доход, не требующая от получавшего ее исполнения каких-либо обязанностей. В переносном смысле — хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда.

³³ Данные Фурье о национальном доходе Франции того времени значительно ниже действительных.

³⁴ «Двойственность» (duplicité) Фурье считал явлением отрицательного порядка, отражающим раздвоенность, двоедушие, живность строя цивилизации. Строй гармонии требует иного — «двойности» (dualité), в которой два противоположных элемента сочетаются во внутренне согласованном единстве.

³⁵ Фурье резко критиковал учение Р. Оуэна, равно как и его опыты по созданию коммунистических колоний, считая, что практическая деятельность Оуэна дискредитирует идеи социализма.

³⁶ Фурье полагал, что все планеты заселены и, следовательно, там имеется социальная жизнь.

³⁷ Фурье считал Исаака Ньютона (1643—1727) создателем учения притяжения в одной из отраслей движения — в области движения материального. Свое учение он рассматривал как продолжение исследований Ньютона. Свою заслугу видел в распространении учения о притяжении на все остальные виды движения, в особенности на высшее его проявление — движение социальное.

³⁸ Грядущий общественный строй, по мысли Фурье, должен преодолеть бессвязность предшествующих периодов исторического развития человечества и создать порядок «согласованности».

³⁹ Фурье сводит число выдвигаемых им «условий социальной мудрости» к трем, так как «экономия движущих сил» не относится к самим этим условиям, а является их следствием.

⁴⁰ Фурье полагал, что капитал, труд и талант являются тремя факторами, определяющими плоды производственной деятельности, и называл эти факторы «производственными данными».

⁴¹ У Фурье не было четкого определения классов, которые он нередко называл «кастами», вместе с тем он неоднократно отмечал противоположность и взаимную враждебность классов общества при строе цивилизации. Обычно Фурье различал два основных класса — богатых и бедных, бездельников и людей труда, иногда он вводил средний класс или же говорил о четырех, пяти и даже шестнадцати классах (см.: Избранные сочинения, т. II, с. 164—168; т. III, с. 89; т. IV, с. 52). Фурье считал классовую борьбу, «междоусобицу войну классов» величайшим несчастьем для человечества. По мысли Фурье, социетарный порядок, не устанавливая социального равенства, приведет к сотрудничеству классов на основе гармонии интересов, к слиянию классов в единых производственных и иных общественных объединениях порядка согласованности и окажется способным «удовлетворять все классы» (см.: Избранные сочинения, т. III, с. 263, 279, 543—555).

⁴² В других своих сочинениях Фурье допускал число участников опытной фаланги до 900 человек; фаланга строя ассоциации должна была, по расчетам Фурье, включать 1620 человек.

Со свойственной ему склонностью к точности исчислений, Фурье определяет 810 возможных человеческих характеров. При построении трудовой ячейки необходимо учесть интересы отдельного человека и обеспечить возможность для каждого занятия найти подходящего исполнителя. Удваивая число 810, чтобы иметь всегда заместителей, Фурье и определяет нормальный размер фаланги в 1620 человек. Допуская известные колебания, он устанавливает пределы состава ячейки от 1600 до 2000 человек.

⁴³ Речь идет здесь об Ани-Луизе-Жермене де Сталь-Гольштейн (1766—1817), известной французской писательнице.

⁴⁴ Фурье имеет здесь в виду Максимилиана IV Иозефа (1756—1825), курфюрста баварского, получившего в 1806 г. от Наполеона королевский титул. В его царствование в Баварии был проведен ряд реформ, в том числе было отменено крепостное право.

⁴⁵ Фурье считал, что для основания опытной фаланги нужно содействие четырех лиц: основателя, переговорщика, проповедника и открывателя (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 270).

⁴⁶ Здесь Фурье разумеет всю массу продукции философов строя цивилизации.

⁴⁷ Солои (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — выдающийся афинский законодатель; Юстиниан I (483—565) — византийский император, по указанию которого специальной комиссией юристов был составлен в 528—534 годах свод законов, вошедший в историю как крупнейший памятник римского права; Тарже, Ги-Жан-Батист (1733—1807) — французский юрист, автор одного из проектов Декларации прав человека и гражданина, позднее — один из составителей так называемого кодекса Наполеона.

⁴⁸ Сэй, Жан-Батист (1757—1832) — французский буржуазный экономист; Жан-Шарль-Леонард Симонд де Сисмонди (1773—1842) — крупный швейцарский историк и экономист.

⁴⁹ В 1825—1826 гг. разразился крупный экономический кризис, приведший к полному расстройству торгово-промышленной деятельности. Ф. Энгельс высоко оценил эту мысль Фурье (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 197; т. 20, с. 287).

⁵⁰ Стюарт, Дуглс (1753—1828) — шотландский философ, психолог, экономист. Фурье ошибочно называет его главой школы политической экономии; главой школы был Джеймс Стюарт (1712—1780).

⁵¹ Строка из басни Лафонтена «Лисица и Козел».

⁵² Обещаниями перечня тридцати «движущих сил хозяйственного механизма строя цивилизации» Фурье не сделал.

⁵³ Важность этого положения Фурье была отмечена Ф. Энгельсом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 197).

⁵⁴ Фурье имеет здесь в виду крупные преобразования, проведенные в Египте Мухаммедом (Мехметом)-Али (1769—1849).

⁵⁵ О периоде социальных гарантий Фурье говорит несколько раз (см.: *Избранные сочинения*, т. II, с. 142—206; т. IV, с. 211—225).

⁵⁶ Уоллес, Роберт (1697—1771) — шотландский священник, автор сочинений по вопросам народонаселения, в некоторой мере предвосхитивших теорию Мальтуса; Мальтус, Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист, священник, идеолог наиболее реакционных слоев буржуазной аристократии. Основная работа Мальтуса «Опыт закона о народонаселении...». Согласно выдвинутому Мальтусом «естественному закону», население якобы возрастает в геометрической прогрессии, а средства к существованию — в арифметической. Причины бедствий трудящихся Мальтус видел в «легкомысленных привычках» к «неразумному» размножению.

⁵⁷ В понятие «роскошь» Фурье вкладывал отличное от общепринятого содержание. Понимая под «внутренней роскошью» — здоровье, а под «внешней роскошью» — богатство, он объединял их в едином понятии «роскошь». Фурье считал, что при строе цивилизации роскошь внутри противоречива, т. к. она является индивидуальной принадлежностью немногих, пользующихся ею за счет многих; при строе гармонии роскошь должна стать единой и коллективной и превратиться в стимул к повышению производительности труда, тем самым к росту богатства, основы дальнейшего ее развития; при этом частная собственность не исчезнет, а подчинится интересам общества.

⁵⁸ «Расписание двух дней гармонийцев — одного бедного и одного богатого». — Фурье был глубоко убежден, что создал метод ликвидации классовой розни. Он полагал, что в гармоническом строе наличие бедных и богатых не может служить основанием для конфликтов, что богатые и бедные будут прекрасно уживаться друг с другом. У капиталистов исчезнет отвращение к труду и пренебрежение к трудящимся, а бедняки перестанут завидовать богатым, так как их положение настолько изменится к лучшему, что его можно приравнять к положению буржуа в строе цивилизации. По мнению Фурье, классовая ненависть исчезнет в атмосфере всеобщей гармонии; богатого гармонийца Фурье не случайно называет Мондором, придавая этому имени нарицательный смысл; Мондор — прозвище нажившего огромное богатство Филиппа Жирара, известного парижского шарлатана XVII в.

⁵⁹ Фурье уделяет большое внимание общественному питанию в фаланге, придавая большое значение чувству «вкуса». При строе цивилизации хороший «вкус» является принадлежностью немногих, при строе гармонии хорошие и уточненные «вкусы» станут достоянием всех. «Гастрономия», которую Фурье противопоставлял «гастролатрии» — чревоугодию, должна, по его мнению, превратиться в «гастрономию», науку высокой социальной политики, основанную на химии, агрономии, медицине и кулинарии.

⁶⁰ Фурье уделяет большое внимание внешней обстановке и быту фаланги. Он поселяет всех членов фаланги в общем громадном здании, расположенном в центре ее территории. Это здание и есть фаланстер. Это должно быть прекрасное здание типа Версальского дворца. Центральная часть его отводится для общественных учреждений: столовых, библиотек, «биржи», храма, телеграфа, зимнего сада и т. д. В одном крыле будут расположены мастерские, в другом — большие залы для собраний и жилые помещения.

⁶¹ Батавия — главный город Голландской Индии, на северо-восточной оконечности острова Ява; ныне Джакарта, столица Индонезии.

⁶² Так называл Фурье все трудовые действия фаланги, требующие значительных капиталовложений, но оправдывающие себя в конечном счете благодаря их влиянию на рост «трудового притяжения».

⁶³ В 1825 г. в Париже было образовано общество, которое занялось разработкой оставшегося мертворожденным проекта проведения канала от Парижа до Гавра.

⁶⁴ Детей до возраста половой зрелости Фурье называл «нейтральным», «третьим» полом.

⁶⁵ Согласно древнегреческой легенде, запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги. Предсказание Оракула гласило, что развязавший узел получит господство над миром. По преданию, Александр Македонский в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом; отсюда «разрубить гордиев узел» — принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса.

⁶⁶ К большим сельскохозяйственным работам Фурье относит полеводство, оросительные работы и лесоводство; к малым, мелким — садоводство, огородничество, цветоводство и т. п.

⁶⁷ «Боннетов, боннин, менторенов, менторин» — слова, придуманные Фурье для обозначения воспитательного персонала; боннеты и боннины — от франц. *bonnet* — няня; менторены и менторинны — слова, произведенные Фурье от имени Ментора — мифологического друга Одиссея и воспитателя его сына Телемака, в переносном смысле «ментор» — наставник, воспитатель.

⁶⁸ Крупный архипелаг в Карибском море, между Северной и Южной Америкой; острова архипелага являлись объектом колоннальных захватов Испании, Великобритании, Франции, Нидерландов, США.

⁶⁹ Грнзетка (франц. *grizette*) — парижская девушка, живущая самостоятельным трудом, обычно швея, хористка, мастерица; в переносном смысле, девушка легкомысленного поведения.

⁷⁰ См. наст. изд., с. 297, прим. 22.

⁷¹ Интрига, по Фурье, — страсть к соревнованию.

⁷² Фурье считает, что при строе цивилизации нет научного противовеса мракобесию; лжеучению должен быть противопоставлен «корпус оппозиции», состоящий из истинных ученых (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 197—202).

⁷³ Климатура — слово, введенное Фурье для обозначения совокупности образующих климат факторов.

⁷⁴ По определению Фурье, высший хозяйственный совет фаланги, состоящий из высоких должностных лиц каждой серии, ареопаг — исключительно совещательный орган, отражающий «могущество общественного мнения» (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 480); Фурье резко отрицательно относился ко всем известным историческим формам демократии, считая, что при строе цивилизации демократия — это только химера (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 410—411). На этом основании Фурье считает нелепой цель революционеров — создание республики, он не верит в избирательное право,

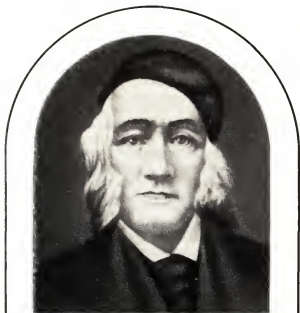
называя представительное правление «чистейшим обманом» (см.: Избранные сочинения, т. I, с. 39).

Выдуманная Фурье система управления в гармоническом обществе соответствует его идее «притяжения по страсти». Учитывая страсть людей к величию, славе, Фурье сохраняет высокие титулы и звания, носители которых никаких реальных функций власти не имеют (см.: Избранные сочинения, т. IV, с. 500). Среди «верховных властей» фаланги наивысшее звание — «Император единства»; небольшой кантон почетно возглавляет «унарх». В системе Фурье есть почетный глава всего земного шара — «омнарх». Почетным званием при грядущем строе гармонии является «магнат». Фурье рассчитывал, что высокие звания, присваиваемые за особые заслуги перед обществом, смогут быть использованы в качестве стимула для усиления трудового соревнования.

⁷⁵ Фурье был сторонником разнообразных любовных связей, в соответствии с этим он предлагает для фаланги три любовных разряда: 1) супругов и супруг, образующих прочную семейную связь для воспроизведения потомства; 2) дамуазелов и дамуазелей, которые меняют свои связи, но всегда имеют только одну связь; 3) галантов и галанток, предпочитающих разнообразные и мимолетные связи (см.: Избранные сочинения, т. II, с. 237—247, 285—304; т. III, с. 306—307, 375, 447—448, 461—468, 470, 478—481, 484—491, 517, 521—531, 543—549).

ЛИТЕРАТУРА

- Борщевский Л. В. К вопросу об отношении Фурье к собственности при строе гармонии. — В кн.: История социалистических учений. М., 1976.
 Василькова Ю. В. Фурье. М., 1978.
 Волгин В. П. Система Фурье. — В кн.: Фурье Ш. Избр. соч. М.—Л., 1951.
 Дворцов А. Шарль Фурье, его жизнь и учение. М., 1938.
 Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964.
 Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., 1958.

РОБЕРТ ОУЭН

1771

1858

Вспомним, как Герцен в «Былом и думах» рассказывает о своей встрече с Робертом Оуэном:

«В гостиной был маленький тщедушный старичок, седой как лушь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом..., который остается у людей до глубокой старости, как отсвет великой доброты...

Я сжал его руку с чувством сыновнего уважения; если б я был моложе, я бы стал, может, на колени и просил бы старика возложить на меня руки».

Вспомним ту страничку из романа Чернышевского «Что делать?», где описывается комната Лопухова. С восхищением отмечая

предельную скромность обстановки, Вера Павловна обращает внимание на фотографню старика: «...какое благородное лицо у старика, какая смесь незлобия и пронзительности в его глазах, во всем выражении лица! Сколько хлопот было Дмитрию достать эту фотографню. Ведь портретов Овена нет нигде, ни у кого... И как Дмитрий был счастлив, когда получил ее и письмо от «святого старика», как он зовет его...»

Роберт Оуэн родился в семье мелкого ремесленника, шорника, в маленьком уэльском городке Ньютаун. В школе он смог проучиться недолго. Уже с девяти лет он — мальчик в местной лавке. Через год Роберт самостоятельно отправляется в Лондон, где обосновался его старший брат-мастеровой, нанимается на работу. С 1787 г. он живет в Манчестере. Именно здесь начинается стремительный профессиональный рост юного Оуэна, быстро утвердившего себя в качестве хорошего знатока текстильного производства. Он становится управляющим одного из крупнейших предприятий (а ему еще не было и двадцати лет), осуществляет серьезное усовершенствование производства. С этого времени знания Оуэна (он неустанно совершенствует и расширяет их), его организаторские способности получают широкое признание. Он становится одним из директоров крупной прядильной компании.

Некоторое время спустя наступает пора знаменитого эксперимента в Нью-Ленарке.

Есть в Шотландии такой городок, вернее, фабричный поселок Нью-Ленарк. В ту пору он насчитывал около полутора тысяч жителей, ютившихся в лачугах, что сгрудилось вокруг большой бумагопрядильной фабрики. Народ тут подбирался выдавший виды — из разорившихся кустарей, безработных батраков, отбывших сроки наказания заключенных и каторжников... Пьянство, драки, скандалы были тут заурядным делом.

В начале 1800 г. Оуэн становится совладельцем и директором этой фабрики. Последовательно, шаг за шагом осуществляет он не только техническую реорганизацию и рационализацию, но и социальные мероприятия, которые носят филантропический характер: вместо лачуг для рабочих строятся удобные жилища, улучшается снабжение продуктами, возводятся школа, ясли, детский сад, создается больничная касса, рабочий день сокращается до 10 с половиной часов (вместо обычных в Англии 12—14 часов). Когда в 1806 г. в связи с кризисом, охватившим хлопчатобумажную

промышленность, пришлось на 4 месяца остановить фабрику, зарплата рабочих выплачивалась по-прежнему.

В относительно короткий срок Нью-Ленарк становится образцовым поселком, население его возросло до 2,5 тысячи человек. Теперь здесь «пьянство, полиция, уголовные суды, тяжбы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями» *. При всем том уровень доходов от фабрики остается высоким.

Так возникает этот «уникум Нью-Ленарка». Интерес к нему растет не только в Англии — во всей Европе. Тем более что и сам Оуэн стремится как можно шире познакомить мир с результатами своего эксперимента: в 1813 г. выходит в свет его книга «Новый взгляд на общество, или Опыты о выработке характера», и Оуэн рассылает ее многим государственным деятелям.

Нью-Ленарк становится местом паломничества и просто любопытствующих, и тех, кто искал ответы на проклятые вопросы действительности, и власть имущих, которым показалось, что Оуэн нашел чудодейственный рецепт, сохраняющий в целости овец и насыщающий волков. К тому же в 1816 г. Оуэн открыл в Нью-Ленарке «Новый институт формирования характера», где ребенок воспитывался с ясельного возраста до 17 лет. С раннего возраста производительный труд сочетался здесь с занятиями в вечерней школе.

И все-таки Оуэн был не удовлетворен. Ведь его рабочие оставались, по собственным его словам, его «рабами», лишь поставленными в сравнительно благоприятные условия. А в остальном мире ничего не менялось.

Оуэн выступает в это время инициатором «гуманного фабричного законодательства» и целых пять лет ведет неустанную борьбу за новый фабричный закон. И что же? В 1819 г. парламент принимает — в очень урезанном, точнее в изуродованном виде — закон, незначительно ограничивающий женский и детский труд.

После всех этих бесплодных попыток усовершенствовать мир капитала Оуэн переходит на позиции социализма, выдвигает идею трудовых коммун как ячеек будущего общества. Он даже предпринимает попытку практически воплотить свои новые идеи. С этой целью в 1824 г. Оуэн устремляется в Америку: ведь в Новом свете, где нет вековых частнособственнических и эксплуататорских традиций,

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 272.

естественнее будет создать коммунистическую производственную ячейку. В штате Индиана в 1825 г. основывается трудовая коммуна «Новая Гармония». На это было затрачено четыре года жизни и почти все состояние Оуэна. К 1829 г. обнаруживается полная неудача этой затеи.

Но Оуэн не складывает оружия. Ему остается еще без малого 30 лет жизни, и все эти годы он ведет самую активную деятельность: участвует в рабочем профессиональном и кооперативном движении, неустанно пропагандирует идею преобразования общества на коммунистических началах. Издает для этого журналы, книги, брошюры, читает лекции. Энгельс писал: «Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна» *.

---

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 274.

ТЕКСТЫ¹

ЗАМЕЧАНИЯ О ВЛИЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЫ

⟨...⟩ До сих пор законодатели рассматривали промышленное производство только с одной точки зрения, именно — как источник национального богатства.

Другие важные последствия развития промышленности, когда оно предоставляется своему естественному ходу, не привлекали до сих пор внимания законодательных органов. Между тем важность тех политических и нравственных последствий, о которых мы сейчас говорим, вполне заслуживает внимания крупнейших и мудрейших государственных деятелей.

Широкое распространение промышленности по всей стране создает у людей новый характер; поскольку же этот характер формируется на основе принципа, в высшей степени неблагоприятного для общего благополучия и счастья отдельных людей, то это должно вызвать самые плачевные и притом бесспорно отрицательные явления, если только указанная тенденция не будет пресечена при помощи законодательного вмешательства и руководства.

Промышленная система уже настолько распространила свое влияние по всей Британской империи, что она вызывает общее серьезное изменение в характере массы населения. Процесс этот продолжает быстро развиваться, и пройдет немного времени, прежде чем простой крестьянин, занимающийся сельским хозяйством, совершенно утратит свое сравнительное благополучие. Уже теперь его трудно обнаружить где-либо в чистом виде без примеси тех навыков, какие появляются под воздействием ремесел, промышленности и торговли.

Приобретение богатства и создаваемое им естественное стремление к увеличению этого богатства породили любовь к вредной в сущности роскоши среди обширной группы людей, никогда ранее о ней не думавшей, и вместе с тем создали

склонность приносить в жертву этой страсти к накоплению лучшие чувства человеческой природы. Для достижения успеха на этом пути низшие слои населения, труд которых создает эти богатства, доведены новыми конкурентами с их борьбой против тех, кто давно занимал свои позиции, до состояния подлинного угнетения; по мере того как дух конкуренции усиливался, а приобретение богатства становилось труднее, эти низшие слои населения, благодаря последовательному ухудшению их положения, оказывались в состоянии более униженном, чем могут себе представить люди, не наблюдавшие внимательно этих перемен по мере их выявления. В итоге они находятся в настоящее время в состоянии, неизмеримо более унижительном и плачевном, чем это было до возникновения указанной промышленности, от успеха которой зависит теперь самое их существование. <...>

ДОКЛАД, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОМИТЕТУ АССОЦИАЦИИ ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ

<...> Непосредственной причиной теперешней нужды является обесценение человеческого труда; оно вызвано широким введением машин на фабриках Европы и Америки, но главным образом в Великобритании, где внесенные машинами изменения условий производства были еще ускорены изобретениями Аркрайта и Уатта ².

Использование машин при производстве потребных обществу предметов сократило их стоимость; сокращение цены увеличило спрос на них, притом в таком масштабе, что это сопровождалось увеличением количества применяемого человеческого труда по сравнению с тем, которое применялось до введения машин.

Первым следствием введения машин был рост частного богатства и возникновение нового стимула для дальнейших изобретений.

Таким образом, одно механическое усовершенствование быстро сопровождалось другим; в течение нескольких лет машины были повсеместно введены на фабриках не только нашей страны, но были также усвоены другими народами Европы и Америки. <...>

Но при существующей сейчас системе невозможно изъять машины из производства в одной стране, не разорив ее, если они останутся в других странах. Поэтому ни один народ не согласится их изъять; подобное действие служило бы верным признаком варварства людей, решившихся на него. Но правительства, которые довели бы до голодной смерти миллионы человеческих существ вследствие применения механической энергии, были бы виновны в еще большем варварстве и в грубой тирании. Такая мысль не может даже подлежать рассмотрению, так как дальнейшая замена человеческого труда механическим неизбежно приведет к неслыханной нищете людей всех социальных категорий. Поэтому рассмотрения заслуживает лишь последняя альтернатива, гласящая, что «должны быть найдены выгодные занятия для бедных и безработных, причем механизмы должны содействовать их труду, а не заменять его как теперь».〈...〉

Большинство пороков и бедствий, испытываемых бедными, объясняется тем, что они поставлены в условия, в которых их мнимые интересы и мнимые обязанности находятся во взаимном противоречии, а также тем, что они окружены совершенно лишними искушениями, которые они не умеют преодолевать.

Поэтому было бы очень важно создать такие условия, при которых их реальные интересы и обязанности были бы согласованы друг с другом, а также устранить излишние искушения.

При такой точке зрения план улучшения условий жизни бедных должен предусмотреть способ предохранения их детей от приобретения дурных привычек и обеспечения им добрых навыков, он должен включать мероприятия для их хорошего воспитания и образования, предоставления соответствующей работы взрослым, правильного руководства их трудом и потреблением, которое сопровождалось бы максимальными выгодами для них самих и для общества в целом, создания условий, устраняющих ненужные искушения, и, наконец, для полного согласования их интересов и обязанностей.

Такие условия не могут быть созданы для отдельных лиц или семейств или даже для сравнительно большого числа объединившихся людей.

Они могут быть практически осуществлены только при организации такого предприятия, которое объединяло бы от 500 до 1500 или в среднем около тысячи человек.〈...〉

Многие из преимуществ, обеспечиваемых этим планом для общества в целом, нельзя будет реализовать, если он не будет осуществляться в государственном масштабе. <...>

Если предложенные сегодня практические меры будут одобрены и привлекут внимание парламента, то встанет вопрос, каким образом осуществить их в кратчайший срок без причинения сейчас или в будущем ущерба ресурсам страны.

Средства, необходимые для организации предприятий <...>, могут быть получены путем консолидации фондов некоторых благотворительных учреждений или путем урегулирования порядка взимания налога в пользу бедных и заключения займа, обеспеченного этим налогом. Все бедные, в том числе и те, которые находятся на попечении общественных благотворительных учреждений, должны перейти на попечение государства.

Квадраты с размещенными на них зданиями достаточны для поселения 1200 человек в каждом; они окружены земельными площадями размером от 1000 до 1500 акров.

Внутри квадратов находятся общественные здания, линия расположения которых разделяет квадрат на параллелограммы. В центральном здании находятся общественная кухня, столовая и все оборудование, необходимое для того, чтобы экономно и с удобством готовить и употреблять пищу.

Направо от этого здания находится другое, на первом этаже которого помещается школа для малолетних, а на следующем — читальня и помещение для богослужения.

Налево находится здание, в нижнем этаже которого расположены школа для детей старших возрастов и помещение для комитета, выше — библиотека и комната для взрослых.

Свободное пространство в пределах квадрата использовано для устройства площадок для игр и развлечений; они имеют древесные насаждения.

Предполагается, что три стороны квадрата будут застроены жилыми домами, главным образом для семейных, состоящими из четырех комнат; эти комнаты должны быть достаточного размера для того, чтобы в каждой мог жить мужчина, его жена и двое детей.

Четвертая сторона предназначена для детских дортуаров, в которых будут спать все дети сверх двух в каждой семье и старше 3-летнего возраста.

В середине этой стороны квадрата будут помещения для лиц, наблюдающих за спальнями; с одного края будет

больница, а с другого — здание для посторонних, которые могут приезжать, чтобы навестить друзей и родственников.

В середине двух других сторон квадрата будут помещения для администрации, священника, школьных учителей, врача и т. д., а на третьей стороне будут склады для всевозможных предметов, требующихся в поселке.

С наружной стороны квадрата и сзади домов, вдоль его сторон, будут расположены сады, связанные между собой дорогами.

Непосредственно за ними с одной стороны квадрата будут находиться здания, предназначенные для машин и для производственных целей. Бойня, конюшни и т. п. будут отделены от всего поселка насаждениями.

С другой стороны разместятся прачечная, сушильня, мельница и т. п. Еще дальше будут расположены сельскохозяйственные постройки с солодовней, пивоваренным заводом и т. д. За ними будут находиться обрабатываемые участки, пастбища и пр. с посаженными по их краям фруктовыми деревьями.

Каждая жилая комната, находящаяся в квадрате, должна быть пригодна для поселения мужчины, его жены и двух детей до 3-летнего возраста; эти помещения должны представлять гораздо больше удобств, чем современные жилища для бедных.

Предполагается, что дети старше трех лет будут посещать школу, есть в общей столовой и спать в дортуарах; родителям будет, конечно, разрешено посещать их и беседовать с ними во время еды и в другое подходящее время; при окончании школы дети должны обладать всеми нужными и полезными знаниями. Надо использовать все возможности, чтобы предохранить их от заимствования дурных навыков у родителей или других лиц. Нельзя жалеть усилий для создания у них таких привычек и склонностей, которые обеспечат им благополучие в течение последующей жизни и сделают их полезными и ценными членами общины.

Предполагается, что женщины будут заняты:

1. Уходом за младенцами и приведением в порядок жилищ.
2. Обработкой огородов для снабжения овощами общественной кухни.
3. Работой в тех частях разных производств, которые доступны женщинам, причем они не должны там работать более 4 или 5 часов в сутки.

4. Шитьем одежды для жителей поселков.

5. Поочередным наблюдением за кухней, столовой и дортуарами, а при наличии подготовки — наблюдением за воспитанием детей в школах.

Предполагается, что дети старших возрастов будут в течение части дня помогать в садоводстве и фабричном производстве в соответствии с их физическими силами; все мужчины будут заняты в сельском хозяйстве, на фабриках или на каких-нибудь других работах в интересах всего предприятия.

СХЕМА ЗАТРАТ,
НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ТАКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
НА 1200 МУЖЧИН, ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ,
ПРИ УСЛОВИИ ПОКУПКИ ЗЕМЛИ

1. 1200 акров земли по 30 ф. ст. акр.	36 000 ф. ст.
2. Жилые помещения на 1200 чел.	17 000 » »
3. Три общественных здания в пределах квадрата	11 000 » »
4. Фабрика, бойня и прачечная	8 000 » »
5. Обмеблирование 300 жилых комнат по 8 ф. ст. каждая	2 400 » »
6. Обмеблирование кухни, школ и дортуаров	3 000 » »
7. Две фермы с мельницей, солодовней и пивоварней	5 000 » »
8. Устройство внутренней части квадрата и дорог	3 000 » »
9. Инвентарь для фермы при обработке земли методом грядковой культуры	4 000 » »
10. Непредвиденные случаи и экстренные расходы	6 600 » »
	<hr/> 96 000 ф. ст.

Эта сумма, разделенная на 1200, дает 80 ф. ст., которые должны быть авансированы каждым членом поселка, что при 5% годовых составляет 4 ф. ст. в год на каждого.

Таким образом, при столь ничтожном расходе, как 4 ф. ст. на человека, вместо арендной платы можно дать безработным возможность содержать самих себя и при этом, как легко понять из сказанного, в случае надобности можно быстро оплатить авансированный капитал.

Но если земля будет взята в аренду, то потребуется лишь 60 000 ф. ст.

Отсюда вытекает возможность располагать избыточным количеством денег и труда.

Надо изучить местность и обеспечить для этих сельскохозяйственных и фабричных предприятий наилучшее расположение.

Найдя в различных частях королевства участки, которые легко приобрести, надо будет правильно их оценить с тем, чтобы государство их купило, взяло в постоянную аренду или приобрело иным способом, затем эти участки надо будет хорошо подготовить для предположенных целей с помощью опытных людей. Труд бедных и безработных может быть с большой выгодой применен в любой части предприятия под управлением соответствующих лиц, назначенных для надзора за различными его частями. {...}

Когда эта организация будет принята и осуществлена (а раньше или позже это должно произойти для облегчения страданий народа), тогда последуют новые и неожиданные результаты. Реальная ценность земли и труда повысится, в то время как стоимость сельскохозяйственной продукции и продукции человеческого труда понизится; механизмы окажутся более полезными и выгодными, чем теперь, и общество будет всячески способствовать их распространению; их применение будет расширяться *ad infinitum**, но они будут только помогать человеческому труду, а не состязаться с ним.

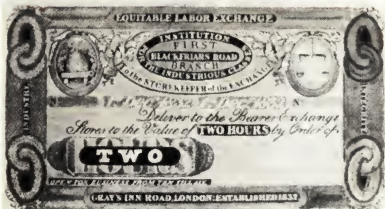
Общий итог всех выгод, даваемых этим планом, может быть представлен в следующем виде:

1. Несмотря на то что осуществление этого плана может показаться поверхностному наблюдателю очень дорогим, он окажется при серьезном рассмотрении его лицами, понимающими последствия подобной организации труда, гораздо более экономным, чем до сих пор предполагалось.

2. Большое число безработных находится сейчас в состоянии величайшего невежества и воспитано в дурных привычках, причем это зло при существующей системе будет угнетать еще ряд грядущих поколений. Предложенная организация дает верное средство, удовлетворяющее все заинтересованные стороны и всех свободомыслящих людей, для преодоления как невежества, так и дурных навыков в течение одного поколения.

3. Из воспитания общества на основе принципа взаимного разобщения людей возникают величайшие беды для человечества. Предлагаемые меры приведут к объединению людей в преследовании ко взаимной выгоде общих целей; в то же время этот легко осуществимый план позволит постепенно устранить причины разногласия среди людей и создать единообразие в их интересах и обязанностях.

* До бесконечности (лат.). — Ред.

Трудовые деньги Р. Оуэна

4. Предлагаемая система обеспечит также путем простейших и эффективнейших способов воспитание в детях безработных таких добрых навыков и чувств, которые общество признает желательными, как и вообще формирование у них должного характера.

5. Она также позволит применить самые эффективные средства для улучшения навыков и всего поведения теперешних взрослых безработных, которые находились с детства в глубочайшем пренебрежении у общества.

6. Вследствие особых мер, предлагаемых планом, он обеспечит бедным более существенные, широкое и прочные жизненные удобства за их труд, чем они имели до сих пор.

7. Он устранил в течение одного поколения необходимость как в налоге в пользу бедных, так и во всякой благотворительной помощи, ибо предупредит возможность появления самой бедности и предохранит людей от падения.

8. Он приведет к постепенному увеличению населения в малонаселенных районах Европы и Америки, в которых такой рост может считаться желательным; он даст возможность в случае надобности существовать с удобствами на данной площади гораздо большему по численности населению, чем существовало до него; коротко говоря, предлагаемый план будет содействовать росту силы и политического влияния страны, которая его осуществит, более чем в 10 раз.

9. Он настолько прост, что может быть осуществлен с меньшими трудами и усилиями, чем требуется для устройства новой фабрики. Многие люди средних способностей создавали гораздо более сложные предприятия. Действительно, в этих поселках не будет происходить ничего такого, что не наблюдается повседневно в обычных общественных условиях и что при предлагаемых мерах будет осуществляться с еще большей легкостью.

10. Он действительно поможет промышленным и сельскохозяйственным рабочим в их теперешних тяжелых страданиях, не нарушая путем насилия или посредством преждевременных мер существующего общественного устройства.

11. Он позволит использовать в самом широком масштабе механические изобретения и усовершенствования, так как при предложенной системе всякое усовершенствование механизмов будет помогать человеческому труду и содействовать ему.

12. Наконец, все слои общества извлекут существенную выгоду из такого изменения условий существования бедных. Какие-то меры, опирающиеся на приведенные здесь принципы, сейчас совершенно необходимы для обеспечения благополучия общества и для устранения того печального положения, когда тысячи людей изнемогают в нужде среди изобилия средств, которые позволили бы дать хорошее воспитание и образование, должную работу и удобные условия существования населению, превосходящему по численности теперешнее по крайней мере в четыре раза.<...>

**ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПЛАНА,
СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В ДОКЛАДЕ
КОМИТЕТУ АССОЦИАЦИИ
ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ**

<...> Мои принципы и весь план представлены теперь полностью публике. Если в первых имеется какая-нибудь ошибка или если последний покажется непрактичным, то мне должны на это указать. Если, однако, при его рассмотрении окажется, что план в основном правилен, легко осуществим и может помочь бедным и безработным из трудящихся классов в их тяжелых страданиях и в их унижении, то лица, желающие

Нью-Ленарк

улучшить положение низших классов, должны безотлагательно употребить все усилия для его осуществления. Нельзя допускать, чтобы бесполезно прошел еще один год в больших и ненужных страданиях и в деморализации вследствие недостатка здоровой пищи, отсутствия правильного воспитания и обучения.

В. Являетесь ли вы главным собственником предприятий и поселка в Нью-Ленарке³ и принадлежит ли вам одному руководство и управление ими? — О. Да.

В. Как долго вы управляли этим учреждением? — О. В августе исполится 18 лет.

В. Каково население Нью-Ленарка? — О. Оно состоит главным образом из работников фабрики хлопчатобумажной пряжи; но имеются также литейщики железа и меди, кузнецы, работающие над железом и оловом, мастера хлопчатобумажного производства, токари по дереву и металлу, пильщики, плотники, каменщики, кровельщики, маляры, стекольщики, портные, сапожники, мясники, пекари, лавочники, фермеры, сельскохозяйственные рабочие, врачи, церковнослужители, руководители юношества, управляющие разными частями, как мужчины, так и женщины, приказчики и полицейские, что составляет смешанное общество из всякого рода трудящихся и рабочих.

В. Был ли у вас какой-нибудь опыт работы среди трудящихся до того, как вы взяли на себя управление предприятиями в Нью-Ленарке? — О. Да, я управлял большими фабричными предприятиями в Манчестере и по соседству с ним в течение предшествующих 8 лет, причем на этих предприятиях было занято много мужчин, женщин и детей.

В. Какова была ваша главная задача в течение тех лет, когда под вашим надзором и управлением находилось столько людей? — О. Найти способы, посредством которых можно было бы улучшить условия жизни бедных и рабочих классов с пользой для предпринимателей.

В. К какому заключению вы пришли теперь по этому вопросу? — О. Что положение этих классов можно с легкостью значительно улучшить, а их природные силы можно использовать с гораздо большей пользой для них самих и для общества в целом, не причиняя никакого вреда ни одному классу в совокупности и ни единому человеку в отдельности.

В. Удалось ли вам в целом улучшить условия жизни и моральные навыки людей, находившихся на вашем попечении? — О. Да, и притом с меньшим количеством неудач, чем я предполагал первоначально, учитывая препятствия, которые я встретил, и возможности, которыми обладал для их преодоления.

В. Каковы были эти препятствия? — О. Невежество и неправильное воспитание народа, что создало у него привычку к пьянству, воровству, лжи и неряшеству, враждебность к чужим интересам, групповые инстинкты, сильные национальные предрассудки, как политические, так и религиозные, в отношении всякой попытки со стороны посторонних лиц улучшить его положение; к этому надо прибавить вредный для здоровья характер его труда.

В. Каким принципом вы руководствовались при устранении этих препятствий? — О. Только принципом предупреждения зла. Вместо того чтобы терять время и силы, изучая влияние на разных людей обстоятельств во всем их бесконечном разнообразии, я терпеливо изучал причины, а не следствия, и прилагал все усилия для устранения указанных причин. Действуя таким образом, я обнаружил, что с одинаковой затратой времени и сил можно при системе предупреждения зла достичь гораздо больших результатов, чем при системе принуждения и наказания. Например, в случае привычного пьянства мне казалось бесполезным убеждать людей, привыкших опьяняться, чтобы они отказались от этой привычки, пока

они окружены условиями, постоянно побуждающими их оставаться верными своему пороку. Первый шаг, который я сделал в этом случае, заключался в попытке убедить людей, пока они еще трезвы, в выгодах, которые они извлекут из отказа от пьянства; когда эта попытка делалась в мягком тоне и доброжелательном духе, то цель ее всегда легко достигалась. Следующий шаг заключался в устранении искушения, и тогда исчезало само зло со всеми его бесчисленными и гибельными последствиями. Весь этот процесс, если его понять, чрезвычайно прост и может быть в полной мере легко осуществлен на практике людьми, обладающими самыми обыкновенными способностями; при этом состояние общества быстро улучшится без всякого попятного движения. Но пока будут господствовать понятия, воздействующие до сего времени на человечество, и пока они будут служить основой поведения общества, оно не сумеет основательно и прочно совершенствоваться. <...>

В. Так как вы сосредоточили свое внимание на страданиях бедных и трудящихся классов, то скажите, какими причинами вы их объясняете? — О. Неправильным использованием имеющихся в стране как естественных, так и искусственных производительных сил, не согласованных с потребностями в продукции и спросом на нее. Значительная часть нашей естественной производственной мощи, заключающейся в физических и умственных силах человека, оказывается теперь не только не производительной, но составляет тяжелое бремя для страны, причем действующая система быстро деморализует население; в то же время значительная часть наших искусственных или механических средств производства используется для производства такой продукции, которая представляет мало реальной ценности для общества; вместе с тем эти производительные силы создают бесчисленные, тяжелые беды как для лиц, занятых производством, так и для значительной части общества вообще, а отсюда и для всего населения в целом.

В. Можете ли вы на основании своего опыта указать способ более выгодного использования этих производительных сил? — О. Я должен сказать, что их можно использовать с большой выгодой для общества и для отдельных лиц, что их можно с легкостью применить таким образом, чтобы быстро устранить теперешние страдания трудящихся и постепенно довести благополучие страны до гораздо более высокого уровня, чем когда-либо достигнутый. <...>

В. Какими соображениями вы руководствуетесь, когда рекомендуете объединить человеческие силы? — О. Я руководствуюсь знанием тех величайших преимуществ, которые каждый человек извлечет из этих мероприятий, если перестанет стремиться к достижению исключительно личных целей.

В. Каковы эти преимущества? — О. Общины, объединяющие от 500 до 1500 человек, основанные на принципе единства труда и потребления и покоящиеся на сельском хозяйстве, могут дать следующие выгоды трудящимся и вследствие этого всем другим классам, так как выгодным для последних может быть только то, что выгодно для первых.

Труд всех людей будет в этих условиях носить естественный характер и правильно направляться; во-первых, он будет давать им избыток всего, что необходимо для комфортабельного существования, во-вторых, они получают возможность отучиться от многих, в сущности даже от всех дурных навыков, созданных современным плохим устройством общества; затем подрастающее поколение приобретет хорошие навыки, и таким путем отпадут все условия, противопоставляющие человека человеку, и возникнут новые, которые поведут к объединению всех в сознании одного общего интереса, правильно понимаемого каждым. Люди сумеют затем культивировать в себе самые ценные интеллектуальные качества, которые при правильном их направлении могут так много дать для человеческого счастья.

Тогда члены ассоциации начнут производить тот излишек, который необходим для уплаты процентов на капитал, затраченный при приобретении всего предприятия, включая вспомогательные производства, или, иными словами, начнут оплачивать его аренду.

И наконец, они примут участие в уплате своей доли в расходах государства пропорционально их собственности. Благодаря этому возрастет политическая мощь государства, что еще немногие могут сейчас правильно оценить.

В. Осуществимы ли на практике описанные вами мероприятия, много ли возражений выдвинуто против вашего плана? — О. При неопытности общества в отношении предлагаемого объединения людей, я думаю, что возникнут многочисленные возражения и сомнения; но при последовательном рассмотрении их можно будет легко опровергнуть; более чем тридцатилетний опыт и мое беспрестанное, добросовестное и, как мне кажется, неуклонное внимание к этому вопросу убеждают меня заранее, что возражения будут устранены.

В. Можно ли, например, бедных и трудящихся соединить вместе для искреннего сотрудничества в общих целях, принимая во внимание то, что известно о положении в рабочих домах и в домах трудолюбия? — О. Эти общезвестные отрицательные явления должны были естественно возникнуть при том воспитании, которое получают бедные, и при том устройстве, которое имеют даже лучшие из указанных учреждений. Прежде всего бедняки сейчас крайне невежественны, и, когда их соединяют вместе под одной кровлей, они, все время находясь в соприкосновении друг с другом, остаются чужды всякому принципу объединения. Вследствие приобретенных ими дурных навыков и отсутствия правильного воспитания они не понимают, что каждый заинтересован в счастье другого. При теперешнем устройстве этих домов нет возможности устранить дурные привычки и дать должное воспитание бедным.

Рабочие дома и дома трудолюбия созданы людьми, которые мало знали человеческую природу и были незнакомы с истинными принципами политической экономии. Но создание этих сельскохозяйственных и фабричных поселков может привести к очень важным результатам; большинство условий, вызывающих протест обитателей домов трудолюбия, будет устранено, и тогда создастся обстановка для объединения людей в добрых чувствах и в единых интересах.

В. Будут ли люди, объединения взаимными и общими интересами, столь же трудолюбивы, как в том случае, когда они работают для своей личной выгоды? — О. Предположение, что они будут менее трудолюбивы, я считаю предрассудком, совершенно не обоснованным фактами. Везде, где проводился этот опыт, люди трудились очень усердно. Обнаружено, что когда люди трудятся вместе в общих интересах, то каждый производит свою часть работы с гораздо большей выгодой для себя и для общества, чем когда он трудится для других с поединой или сдельной оплатой. (...)

В. Не будут ли люди постоянно спорить между собой о распределении собственности и о владении ею? — О. Конечно, нет. Организация труда и потребления, основанная сейчас на неправильных началах, так непроизводительна и имеет столько недостатков, что большинство людей не в состоянии без величайшего напряжения и беспокойства добыть достаточно средств для обеспечения себе обычных жизненных удобств; поэтому под воздействием крайней необходимости

они начинают упорно стремиться к собственности, которая им так трудно дается; вследствие этого стремление к собственности кажется поверхностному наблюдателю естественным свойством человеческой природы. Однако нельзя сделать более ошибочного вывода; если бы люди были поставлены в такие условия, что при умеренном труде могли бы без забот и волнений обеспечить себе в изобилии все жизненно необходимое и все удобства, то они быстро перестали бы спорить о распределении этих ценностей, как они не спорят теперь о распределении доступных всем естественных благ, например воды; они не стремились бы также накапливать излишнее количество их, как они не стремятся сейчас приобрести лишнее количество воды. Я должен прибавить, что при осуществлении моего плана люди вскоре обнаружат, что они без всяких тревог обладают большим количеством всяких благ, нужных им для личного потребления, чем могли бы иметь при системе, существующей теперь в отношении бедных, притом без всех тех трудов и забот, которые последние испытывают. <...>

В. Не следует ли опасаться, что предлагаемое вами устройство поведет к скучному единообразию характеров, будет подавлять таланты и лишит человечество надежд на дальнейшее совершенствование? — О. Мне кажется, что произойдет как раз обратное; возможности, предоставляемые этими учреждениями, будут содействовать совершенствованию лучших сторон человеческого характера; жители будут получать такое образование, которое они не смогли бы получить в других условиях, у них будет много свободного времени, при отсутствии всяких забот, для развития своих естественных наклонностей. <...>

Когда мрак, окутывающий сейчас общество, до некоторой степени рассеется, люди, хотя бы частично, оценят преимущества, даваемые этими новыми поселками. Тогда таланты не только не будут подавляться, но, напротив, получают всяческую поддержку для неограниченного свободного развития с величайшей пользой для человечества...

В. При таком изменении привычек и жизни низших классов не возрастает ли стоимость физического труда? — О. Мое намерение заключается в правильном сочетании мер, кажащихся мне неизбежными при теперешнем состоянии страны; необходимо предотвратить насильственное нарушение общественной жизни, которое может возникнуть из ежедневно возрастающей нужды и крайней деморализации;

это положение продолжится до тех пор, пока не будут приняты действенные меры для его изменения. <...>

Объединение трудящихся в общих целях для совместного производства и потребления при правильном воспитании и обучении их потомства и при соответствующих условиях, установленных в интересах целого, обеспечит безопасность общества, настоящее и будущее благосостояние и счастье каждого человека в отдельности и предельное благополучие всех. Поэтому у меня есть основание верить, что никакие человеческие силы не могут предотвратить осуществление указанных мер. <...>

ОПИСАНИЕ РЯДА ЗАБЛУЖДЕНИЙ И БЕД, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

*с объяснениями некоторых особых преимуществ,
даваемых организацией безработных
в «сельскохозяйственные и промышленные поселки
для объединения и взаимного сотрудничества»
при ограничении их населения от 500 до 1500 человек*

<...> Цель всех человеческих усилий заключается в достижении счастья. Однако счастье не может быть достигнуто, им нельзя пользоваться и обладание им нельзя обеспечить до тех пор, пока все люди не будут наслаждаться хорошим здоровьем и не приобретут подлинных знаний и богатства.

До сих пор здоровье и подлинные знания находились в пренебрежении, и люди стремились к богатству и другим чисто личным целям; однако когда они достигали их даже в самых широких масштабах, то оказывалось, что эти достижения разрушали и неизбежно разрушают счастье.

Теперь мир насыщен богатством при наличии огромных возможностей дальнейшего его увеличения, и, однако, всюду царит нищета! Таково в настоящий момент состояние человеческого общества.

Нельзя создать худшей системы для достижения желаемой нами цели, чем действующая ныне у всех народов мира. Неоценимые силы, с помощью которых можно было бы с легкостью принести человечеству огромную пользу, остаются бесплодными или так плохо направляются, что не достигают поставленных им целей.

Однако мир располагает теперь достаточными средствами, чтобы пресечь этот поток безумия, вызвать к действию дремлющие силы и правильно применить человеческую энергию.

Эти средства должны дать всем людям здоровье, истинные знания и богатство.

Эти средства находятся рядом с нами, они могут быть немедленно предоставлены в наше распоряжение и имеются в величайшем изобилии; между тем огромная масса людей погружена в глубокое невежество и лишена всяких жизненных удобств; значительная часть их не имеет даже достаточного питания, испытывает всяческие лишения и находится сейчас в самой глубокой нужде и горе.

Труден ли переход из одного состояния в другое? Имеются ли такие непреодолимые препятствия, которые помешают достичь желанной цели?

Напротив, как это ни покажется странным, но эту перемену осуществить очень легко. Во всем этом начинании не встретится никаких трудностей или серьезных препятствий. <...>

Да, мои друзья, как бы ни были существующие системы безумны, непоследовательны и губительны, *их нельзя разрушать руками людей, некомпетентных и грубых*. Каждый преждевременный или неразумный шаг может отсрочить осуществление наших самых обоснованных надежд и лишить несколько будущих поколений того счастья, которым иначе мы и наши дети могли бы широко пользоваться. <...>

**ДОКЛАД ГРАФСТВУ ЛЕНАРК
О ПЛАНЕ ОБЛЕГЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЕДСТВИЙ
И УСТРАНЕНИЯ НЕДОВОЛЬСТВА
ПУТЕМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОСТОЯННЫХ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ
БЕДНЫМ И ТРУДЯЩИМСЯ,**

при том в таких условиях, при которых значительно усовершенствуются их личные свойства, улучшатся условия их жизни, сократятся издержки производства и расходы и создадутся рынки, соответствующие уровню производства
(1820)

<...> Введение парового двигателя и прядильной машины⁵ в огромной степени увеличило мощь человека. Вследствие их применения производительные силы населения нашего

острова, или, иначе, средства для создания богатства, выросли за полвека больше чем в 20 раз, не говоря о стимулировании роста богатств в других странах.

Однако паровой двигатель и прядильная машина вместе с бесчисленными механическими усовершенствованиями, к появлению которых они дали толчок, обрушили ряд бедствий на общество, причем последние значительно перевешивают извлеченные из этих изобретений выгоды. Они вызвали накопление богатства в руках немногих, которые с его помощью продолжают поглощать богатства, создаваемые трудом многих. Таким образом, масса населения обратилась в рабство и зависит от невежества и капризов монополистов; она гораздо более беспомощна и несчастна, чем была до того, как имена Уатта и Аркрайта⁶ стали вообще известны. И тем не менее изобретения этих знаменитых и талантливых людей служат орудием подготовки общества для важных и полезных перемен, которые должны вскоре произойти.

Все знают и чувствуют, что те великие блага, которые эти изобретения должны были дать обществу, до сих пор не осуществились. При новых обстоятельствах, к которым они привели, условия жизни общества вместо того, чтобы улучшиться, ухудшились. И теперь общество совершает попятное движение. {...}

Этот принцип индивидуальной заинтересованности, противостоящий, как это всегда бывает, общественному благу, рассматривается всеми известнейшими политико-экономами как краеугольный камень всей социальной системы, без которой общество не могло бы существовать. Но когда люди познают самих себя и обнаружат, какие изумительные результаты дает сочетание и объединение частных интересов, они признают, что теперешнее устройство человеческого общежития — антиобщественно, неблагоприятно и нерационально; они поймут, что под воздействием этого устройства все самые лучшие и ценные свойства человеческой природы подавляются с самого детства и применяются самые противоречивые средства, чтобы возбудить вредные склонности; коротко говоря, они согласятся, что люди с величайшими усилиями превращают все свои свойства, способные создавать благополучие и счастье, в нечто нелепое, глупое и гибельное. {...}

Желанное изменение должно основываться на простом воплощении великого и универсального принципа и привести

к согласованию всех мелких дисгармонирующих интересов, вследствие которых человеческая природа оставалась до сих пор в непримиримой вражде сама с собой. Не только обширными, но и универсальными должны быть те мероприятия, которые освободят общество от подавляющих его трудностей, но они осуществляются мирным путем при общем спокойствии, при доброжелательном и искреннем содействии всех партий и всех народов. Вследствие представляемых ею выгод эта перемена начнется почти одновременно среди всех культурных народов и будет затем осуществляться во все ускоряющемся темпе, без всякого противодействия, преодолевая на своем пути все существующие общественные системы. Удивляться будут только тому, что наша система вообще могла так долго существовать. <...>

Практическое применение всего нового, как бы оно ни было ничтожно, требует для своего усовершенствования времени и опыта. Поэтому нельзя ожидать, чтобы система, охватывающая все стороны жизни и осуществляющая на практике всю науку политической экономии, была сразу разработана и осуществлена наилучшим способом. Сначала будет допущено много ошибок; как и во всякой попытке доступными человеку средствами объединить многообразные части и достигнуть большого общего результата, нужно ожидать много частичных неудач.

По всей вероятности, при первом опыте многие отдельные части будут не соответствовать целому и практика покажет множество усовершенствований. Никакое сочетание умов не может до начала практического осуществления заранее согласовать такое множество функций, какое будет сочетаться в этом новом механизме, выполняющем столь важные для общества задачи. Этот механизм, который удивительным образом упростит и облегчит все функции человека, умножит разумные и желанные удовольствия до такого предела, который обычный ум не может охватить. Если изобретение разных машин в ряде случаев умножило силу труда с видимой выгодой для отдельных людей, ухудшив в то же время условия жизни многих других, то это изобретение сразу неисчислимым образом умножит физические и умственные силы всего общества, никому не причинив вреда своим введением или быстрым распространением. <...>

**ОБРАЩЕНИЕ
КОНГРЕССА КООПЕРАТИВНЫХ ОБЩЕСТВ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ
К ПРАВИТЕЛЬСТВАМ ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ**

⟨...⟩ Мы знаем, что разумные и благонамеренные представители трудовых классов обладают силами и возможностями для осуществления этой великой революции в делах человечества путем своего объединения и при помощи своих практических познаний, без содействия богатых или высших классов, чьи знания (как, к прискорбию, показывает опыт) мало пригодны для трудовых классов; теперь должно быть очевидно для всех, что богатые не могут существовать без постоянного содействия трудовых классов.⟨...⟩

**РЕЧЬ Р. ОУЭНА
В УЧРЕЖДЕНИИ НА ул. ШАРЛОТТЫ**

6 октября 1833 г.

⟨...⟩ Теперь я кратко опишу вам великие перемены, которые сейчас проектируются и которые осуществляются столь же внезапно, как появление татя в ночи; ведь даже и один человек из сотни не имеет ни малейшего представления о том, что сейчас надвигается. Эта перемена произойдет без насилия, кровопролития и вообще какой-либо несправедливости. Даже с высшими классами, преобладание которых является причиной теперешней деградации народа, обойдутся с мягкостью, так как мы знаем, что они сами являются продуктом обстоятельств, и это знание поможет нам обращаться с ними мягко и милосердно; в отношении их будет проявлено как можно меньше несправедливости. Предполагается, что будут приняты меры в общенациональном масштабе для охвата новой великой организацией всех трудящихся и что каждая часть ее будет осведомлена о происходящем в других частях; всякое индивидуальное соперничество прекратится, все виды производства будут осуществляться национальными объединениями.⟨...⟩

КНИГА О НОВОМ ПРАВСТВЕННОМ МИРЕ

Человек неизменно совершал жестокие ошибки при всех своих попытках обеспечить счастье для человеческого рода. Он действовал без всякого солидного обоснования и шел наугад, пока, наконец, множество совершенных им ошибок не убедили его, что он выбирал неправильный путь и что его мероприятия приводили к греху и бедствиям вместо добродетели и счастья.

И никогда в своем стремлении к счастью люди не совершали столько ошибок, как в искусственных и противостественных мерах, принятых в вопросе о том, какие люди должны и какие не должны объединяться друг с другом; эти меры были приняты под воздействием безумных представлений и обычаев, созданных духовенством всего света.

Природа дала людям некоторые качества, которые обладают притягательностью для других людей; эти качества чаще встречаются у одних людей, чем у других. При том бессмысленном устройстве общества, которое существует до сих пор, притягательные свойства людей более малочисленны, менее развиты и не так стойки, как в том обществе, где мужчины и женщины будут воспитываться и обучаться с целью приобретения свойств разумного существа и научатся понимать собственную природу.

Прежде чем люди будут поставлены в условия, позволяющие получать *удовольствие* от хорошего общества, надо создать это общество. Где можно его теперь найти? В какую страну, в какую область надо поехать, чтобы обнаружить такое объединение людей, которое представляет хорошее общество? Пока еще его нельзя найти среди людей. Духовенство всего мира и его темное царство сделали невозможным создание хорошего общества и вообще его существование. Сущность «хорошего общества» заключается в знании, милосердии, доброте, любви и правдивости.

Как могли бы эти качества существовать при духовенстве, которое постоянно внедряет в сознание необходимость верить и любить в соответствии с его произвольными указаниями, и это при таком состоянии общества, когда говорить или писать правду составляет величайшее преступление, какое только может совершить человек.

Хорошее общество может быть создано только мужчинами и женщинами, воспитанными так, чтобы стать разумными в своих чувствах, мыслях и действиях, чтобы не иметь побуждений к обману или преступлению и пользоваться простым и достойным языком правды.

Заблуждения, создавшие духовенство, и заблуждения, созданные этим духовенством при длительном его господстве с введенными им таинственностью, лживостью и всякого рода нелепостями, сделали человеческую породу такой искусственной и неразумной, что люди теперь не верят в возможность стать правдивыми, добродетельными и счастливыми. Они говорят, что это зло будет существовать вечно, потому что «человек греховен по своей природе».

Духовенство прежде всего применяет самые действенные средства для создания порока и для принуждения человека стать дурным, а затем, достигнув своей цели, меняет поведение и говорит, что «люди греховны по своей природе». (...)

Вместо того чтобы воспитывать человека в страхе смерти (а это вопрос раннего воспитания), надо учить людей смотреть на нее прямо, т. е. как на всеобщий закон природы, неустанный и, по всей вероятности, не только необходимый, но, возможно, и весьма благодетельный в своих конечных последствиях для всего, что обладает жизнью. Поэтому надо с раннего детства знакомить людей со всем касающимся известных нам законов природы, дать им хорошее знание законов, которые непосредственно воздействуют на самого человека и на его род, и воспитывать людей так, чтобы они не боялись неизбежного, и даже радовались, что, испытав одну жизнь, пренесполненную разумного счастья, они после своего распада переживут бесконечный ряд обновлений в виде усовершенствованного существования. Таким образом, вместо того чтобы бесцельно и неразумно отравлять жизнь и разрушать возможности разумно пользоваться ею, каждую такую жизнь можно сделать в высшей степени сознательной, интересной и полной высоких радостей. (...)

Благодаря изобретениям и открытиям, сделанным в последнее столетие, общество, организованное на научных основаниях и управляемое с помощью простых, здравых принципов равенства и справедливости, может быть насыщено благами самого высшего качества при работе, сводящейся к полезным и приятным занятиям, продолжающимся менее четы-

рех часов. Поэтому у него нет больше разумных оснований для борьбы или соревнования из-за богатства. Наступит время, когда по естественному течению вещей эта борьба должна будет прекратиться. И эта эпоха наступит, — а она может наступить для Европы и Америки очень скоро, если правительства искренне и сердечно объединятся в деле реорганизации общества, чего требуют их собственные высшие интересы; это дело нельзя дальше откладывать или от него уклоняться, не навлекая на себя этим общую насильственную революцию, которая будет вызвана гнетом и нестерпимыми страданиями, испытываемыми трудящимися классами вследствие безумной борьбы людей за личное обогащение.

Частная собственность⁷ была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком, и он должен приветствовать наступление эры, когда научные успехи и знакомство со способами формирования у всех людей совершенного характера сделают продолжение борьбы за личное обогащение не только излишним, но и весьма вредным для всех; она причиняет неисчислимый вред низшим, средним и высшим классам. Владение частной собственностью ведет к тому, что ее владельцы становятся невежественно эгоистичными, причем этот эгоизм обычно пропорционален в своих размерах величине собственности.

Собственники так эгоистичны, что многие из них, имея ежегодно на много больше, чем требуется для удовлетворения разумных потребностей, спокойно читают или слышат о тысячах собратий, ежедневно гибнущих вследствие недостатка работы, которую богатые им не дают; и часто богатые лишают бедных работы, чтобы сохранить животных, которые разрушают ценности, создаваемые трудящимися и требующиеся для их существования, а затем, губя благополучие трудящихся, губят собственное время и разум, уничтожая самым жестоким способом этих хищных зверей, оберегаемых для развлечения невежественных, эгоистичных богачей, представляющих собой неразумные существа в человеческом образе⁸. Можно со всей справедливостью сказать, что частная собственность была столь губительна для человеческого рода, что нередко превращала богатых людей в двуногих животных, главное удовольствие и радость которых в жизни заключалась в уничтожении четвероногих животных или других двуногих из птичьей породы. Это очевидное доказательство того, как мало общество продвинулось вперед из состояния грубого варварства.

Кроме того, частная собственность уродует в различных отношениях характер собственника; она рассчитана на то, чтобы возбуждать у него гордость, тщеславие, склонность к несправедливости и угнетению при полнейшем пренебрежении естественными и неотчуждаемыми правами его собратьев. Она ограничивает количество его идей узким кругом, связанным только с ним самим, препятствует уму постигать широкий круг вопросов, относящихся к благополучию человеческого рода, и понимать великие общие идеи, которые могут существенно содействовать улучшению характера людей и условий их жизни. Она замыкает человеческое сознание в круг собственных интересов и мелочных забот; если бы собственник с рождения воспитывался без искажающего воздействия свойственного ему стремления получить и сохранить частную собственность, он научился бы понимать преимущество общих интересов и широких идей и ознакомился бы с наукой об обществе и с жизнью последнего вместо того, чтобы усваивать несколько чисто местных идей, относящихся к очень малой части того обмана и хаоса, который зовется обществом.

Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к бесчисленным убийствам.

Сейчас она представляет единственную причину бедности со всеми вызываемыми ею по всему свету бесчисленными преступлениями и горем; в принципе она столь же несправедлива, как неразумна на практике.

В рационально устроенном обществе ее не будет существовать. Если в ней и была какая-нибудь потребность или если она и была полезна до того, как началось господство машин и химии, то сейчас она совершенно не нужна и является ничем не оправданным злом; ибо каждый человек от самых высокопоставленных до самых последних может быть в течение всей своей жизни, вследствие научно обоснованного общественного устройства, гораздо полнее обеспечен всем, что действительно полезно людям и что создает прочное счастье, чем этого возможно достигнуть путем борьбы и соревнования из-за приобретения и сохранения частной собственности.

Частная собственность, кроме того, постоянно препятствует и мешает проведению общественных мер, которые были бы полезны для всех, притом часто только из-за прихоти или каприза человека, получившего неправильное воспитание.

Когда все, за исключением только предметов чисто личного обихода, превратится в общественное достояние, а общественное достояние будет всегда иметься в избытке для всех, когда прекратят свое существование искусственные ценности, а требоваться будут только внутренние ценные блага, тогда будет должным образом понято несравнимое превосходство системы общественной собственности над системой частной собственности с вызываемым ею злом.

При правильно устроенной и научно обоснованной системе общественной собственности, при одинаковом образовании и одинаковых условиях жизни у всех, не будет существовать браков по расчету или неравных браков и не будет испорченных детей; не будет существовать ни одного из тех зол, которые проистекают из ошибок теперешней системы, если грубость, которая проникает теперь во все стороны жизни и которая притом насквозь непоследовательна, может быть вообще названа общественной системой. {...}

Индивидуализм, вызывающий противоречие интересов у людей и народов, не может существовать одновременно с системой, основанной на законах природы. Эти обособленные интересы и индивидуальная организация семейств с наличием частной собственности составляют существенную часть теперешней неразумной системы. Они должны быть устранены вместе со всей системой. Взамен должны возникнуть научно обоснованные объединения мужчин, женщин и детей в их обычном количественном соотношении, численностью от четырехсот или пятисот до двух тысяч человек; эти общины будут организованы как единая семья, каждый член которой объединится с другими в содействии друг другу, насколько позволят его знания, а сами общины будут подобным же образом связаны между собой. Лучше всего было бы, вероятно, начать с объединения трехсот, четырехсот или пятисот человек, в зависимости от местных условий, причем должна быть создана и принята такая организация, которая при полном своем осуществлении позволила бы устроить две или три тысячи человек, составляющих объединенную семью, и обеспечить им существование.

Такое объединенное семейство составит ячейку совершенно новой организации человеческого общества, при которой все люди приобретут новое сознание, новые чувства, новый дух и усвоят совершенно иное поведение, по сравнению с человеком прежнего мира; устройство, которое будет принято для обеспечения этим семьям жилищ, занятий, образования и развлечений, будет совершенно отлично от устройства, существующего теперь в жизненных делах. При этом зло, причиняемое большими городами, будет устранено и в то же время новые общины сосредоточат у себя все их преимущества без всякого причиняемого ими вреда; каждый член общины будет пользоваться гораздо большими преимуществами, извлекаемыми из обширных земельных владений, чем самый богатый земельный собственник при теперешней индивидуалистической общественной системе.

Физические и умственные силы каждого человека, воспитанного указанным образом и поставленного в описанные условия, умножатся пропорционально числу членов его объединенной семьи; выгоды, которые можно извлечь из такого расширения семьи, объединенной общими интересами, намного превосходят все, что можно себе представить; их надо увидеть и испытать на практике. Экономия времени, труда и капитала в производстве и распределении богатства, в формировании характеров и в местном управлении достигается этим новым объединением в большие семьи, будет соответствовать той, которая создается при замене ручного труда работой совершенных механизмов, например заменой взрослого человека, работающего на одном веретене, машиной, которая прядет одновременно две тысячи нитей. Из этого произтекут тысячи других выгод, представляющих следствие широкой и хорошо задуманной системы. <...>

При создании таких широких семейных объединений, в сочетании с другими весьма важными мерами экономического характера в отношении производства, сохранения продукции, распределения и потребления, а также в отношении воспитания и управления, земля сумеет дать средства существования по крайней мере в четыре раза большему количеству людей, чем при теперешней расточительной, крайне сумасбродной, индивидуалистической, создающей конкуренцию и отвратительной общественной системе. <...>

Многие говорят теперь, что создание на научных основаниях семейных объединений в две тысячи человек может быть целесообразным в пределах ограниченного народонаселения

или в границах небольшого изолированного района, но что подобные мероприятия не пригодны для больших государств или империй.

В действительности дело обстоит как раз наоборот: большие семейные объединения, организованные на научной основе, весьма пригодны и специально предназначены для распространения, при неизменном сочетании интересов и чувств и при сердечном товариществе, из одного прихода в другие, пока они не охватят целого графства, а затем начнут распространяться из графства в графство, пока не охватят целую провинцию или княжество, затем путем союза последних они создадут королевства и, наконец, империи. Тогда человеческий род, объединенный в братские семьи, займет в мире и гармонии, как личное семейное поместье, равно принадлежащее всем, поверхность всей земли, включая сушу и море; тогда не будет оснований для борьбы, зависти или конкуренции, и каждый, получивший с рождения разумное воспитание и образование, станет владетельной особой, имеющей возможность наслаждаться всеми радостями в любом климате и в любом районе. Все будут располагать полным правом, всеми средствами и всеми возможностями, чтобы пользоваться жизнью, и будут лишь обязаны применять свои умственные и физические способности в благотворных и приятных занятиях.

По мере распространения этих новых семейных объединений, они будут соединяться для разрешения местных или более широких задач, причем объединяться будут раньше десятки, затем сотни, тысячи и десятки тысяч общин, в зависимости от тех вопросов и дел, которые будут требовать их участия, рассмотрения или руководства.

Среди них не будет лучших или худших, не будет существовать царств или империй, которые вели бы войны или поглощали путем насилия и обмана менее сильных соседей; не будет дорогостоящих и вредных дипломатических учреждений; не будет разрушительных регулярных армий, которые стоят на страже этих империй и наблюдают за движением других народов или наций из страха какого-нибудь предательского действия со стороны соседа или для предупреждения возможности получения им каких-нибудь несправедливых выгод.

Это ясное, простое, объединенное и разумное состояние общества будет так отлично от теперешнего сложного, запутанного, хаотического, разобщенного и неразумного его

состояния, что сознание всех людей будет повсюду преисполнено одним всеобщим чувством доверия. Не будет оснований для возникновения существующих теперь низменных чувств и страстей. <...>

Производительные силы, созданные наукой с помощью изобретений, открытий и усовершенствований — при населении, медленно возросшим в течение столетия с пятнадцати до двадцати восьми миллионов, — выросли за этот период с величины, равной труду приблизительно двенадцати миллионов обученных взрослых мужчин, до величины, которая без содействия научных знаний потребовала бы теперь труда более чем восьмисот миллионов хорошо обученных взрослых людей для производства той же самой работы за то же самое время; это количество новой производительной силы потребовало бы без указанных научных достижений в четыре раза больше физического труда, чем мы можем иметь в настоящее время во всех странах земного шара.

Какое безумие, что эта громадная сила получает при нашей нерациональной системе такое неправильное приложение, что она производит нищету и преступление вместо богатств и добродетелей!

Но эта производительная сила, громадная по сравнению с тем, что мы имели столетие тому назад, представляет собой только зародыш силы, росту которой человек не может поставить пределов; ибо рост ее представляется неограниченным, и ее способность развития увеличивается вместе с ростом.

Эта чудотворная новая сила была открыта и приведена в действие населением, не достигавшим даже тридцати миллионов; между тем теперь, когда сделано это открытие, способность создавать подобную силу и увеличивать ее может быть доступна всякому населению разной численности или в пропорциональном размере любому более многочисленному или малочисленному населению; эта новая сила обеспечивает неисчерпаемую и все возрастающую возможность сделать богатство столь же легко доступным, как вода, и столь же сверхизобильным для всех разумных потребностей человеческого рода, как воздух. Это другой исключительный по своему значению признак наступления времен, требующих немедленной реорганизации общества.

Но эта новая и неограниченная способность создавать богатства и навсегда устранить бедность или страх ее из жизни человеческого рода применялась и применяется ныне

для ограничения богатства миллионов населения, для создания бедности и страха этой бедности почти у всех людей.

То обстоятельство, что сила, способная при разумном руководстве производить богатство более чем достаточное для насыщения населения всего земного шара, так ошибочно направляется и применяется, что становится причиной роста бедности и страха перед ней у миллионов населения самых передовых стран мира, служит признаком наступления времен, требующих великой перемены в человеческих делах, в чем уже не может усомниться ни один здравый ум.〈...〉

Быстрый рост знаний среди низшего класса по сравнению со знаниями, существовавшими у него прежде, служит также признаком того, что изменение в устройстве и в расчленении общества составляет необходимость, причем изменение это не сможет быть осуществлено без полнейшей общественной реорганизации.〈...〉

РЕВОЛЮЦИЯ В СОЗНАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА, ИЛИ ГРЯДУЩИЙ ПЕРЕХОД ОТ НЕРАЗУМИЯ К РАЗУМНОСТИ

В системе природы приближается время, когда «прежнее должно миновать и все стать новым»; когда «мечи будут перекованы на орала и копья на серпы»; когда «на земле будет мир и в человеках благоволение»; когда «каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей и ни чем не устрашится»⁹.

*Посвящается тем,
кто постигает божественные законы природы или бога
и предпочитает их зловерным человеческим законам,
а также тем, кто имеет нравственное мужество
открыто защищать истину, без утайки, без заблуждения
и страха людского, и кто знает,
что только при посредстве истины может быть
достигнуто и прочно обеспечено счастье
человеческого рода.*

〈...〉Прошлое было неизбежно, и оно было необходимо для того, чтобы создать настоящее, как настоящее необходимо для того, чтобы создать будущие формы человеческого существования.

Прошлое создало то отталкивающее, неорганизованное, невежественное, в значительной степени жалкое состояние общества во всем мире, которое существует ныне.

Настоящее призвано, однако, использовать все ресурсы, необходимые для обеспечения человеческому роду во всех частях земного шара привлекательного, организованного, просвещенного и счастливого будущего.

Переход от невежественного, отталкивающего, неорганизованного и жалкого настоящего к просвещенному, привлекательному, организованному и счастливому будущему ни в коем случае не может быть осуществлен путем насилия или гнева и зложелательности к какой-либо части человечества. Нет, этот великий переворот во всех человеческих делах может быть окончательно совершен только путем развития великих основных истин, воздвигаемых людям в духе мира, благожелательности и милосердия и разъясняемых с неутомимым терпением и настойчивостью теми, кто имел возможность приобрести практическое знание человеческой природы и общества. <...>

Республиканцы, социалисты и все те, кто враждебен обществу, которое управляется на старых началах, чувствуют это зло, сознают присутствие какой-то основной неправильности, но вследствие недостаточности знаний они сражаются с ней впопыхах и причиняют огромные страдания не только противникам, но и своим друзьям.

Они не отличают начал добра и зла и не в состоянии рекомендовать какие-нибудь всесторонние и целостные практические мероприятия, основанные на начале добра или истины. Они возбуждают человеческий ум и чувства и побуждают их чутко реагировать на действие системы зла; но они еще не осведомлены относительно принципов и действия начала добра, как целой системы, предназначенной для управления людьми в малых или больших обществах. Они должны еще значительно развить свой ум и расширить свой опыт, чтобы быть в состоянии понять эту новую совокупность принципов и действий и стать надежными руководителями для других.

Единственной когда-либо сделанной попыткой управлять обществом на началах добра и истины был мой опыт в Нью-Ленарке ¹⁰, — опыт, встретивший всяческое противодействие со стороны нынешней системы, основанной на принципе зла и лжи, и тем не менее в высшей степени успешный.

Постройте общество на том же начале, что в Нью-Ленарке, и зло быстро исчезнет. <...>

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ
ДЛЯ МИРНОГО ПЕРЕХОДА
ОТ НЫНЕШНЕЙ ДУРНОЙ СИСТЕМЫ
ЛЖИ, БЕДНОСТИ И НЕСЧАСТЬЯ
К БЛАГОЙ СИСТЕМЕ ИСТИНЫ, БОГАТСТВА
И СЧАСТЬЯ

*Профессиональным государственным деятелям
Европы и Америки*

Революция, которая приведет от неправды к правде, от лжи к истине, от угнетения к справедливости, от обмана и страданий к прямолинейной честности и счастью, уже началась. Никакая земная сила не может теперь остановить этот поступательный ход событий, и достаточно понять его сущность, чтобы убедиться в его прочном благодетельном значении для каждого человека.

Таким образом, для вас представляет первоочередный и величайший интерес исследовать этот предмет в целом, пока вы не поймете его вполне, ибо тогда вы сумеете в интересах всеобщего мира руководить этой переменной и направлять ее без дальнейших кровопролитий и распрей, столь вредных ныне для всех классов и поддерживающих неразумие всех участвующих сторон.

Вместо правительств, грабящих и убивающих производительные классы без всякой разумной цели и создающих для них низкие, вредные и порочные условия, как это было до сих пор, теперь, когда несправедливость и жестокость этих безумных действий и полное отсутствие в них всякой мудрости ярко обнаружилось, нужны правительства, которые с разумной предусмотрительностью поняли бы, что они обязаны вводить новые порядки с целью устранить то грубое невежество и ту порочность, с какими ведутся теперь жизненно важные дела во всех странах мира.

Указанное положение вещей, как бы печально и грустно оно ни было, не знает ни одного исключения. Дела всех народов велись до сих пор на основе самых фальшивых и вредных принципов. Этим объясняется то бедственное нравственное и физическое состояние, в котором находится большинство людей во всех странах.

Если бы можно было начать это дело со свежим материалом, применяя новую систему к детям, не испорченным системой заблуждения и зла, которая теперь дает им одни только неразумные идеи, то не представляло бы никакой трудности

спроектировать и построить с самого основания разумное, благоденствующее и неизменно счастливое общество.

Но практически начинать таким образом невозможно. Чтобы создать людей разумных мыслей и чувств, приходится прежде создать для них разумные условия, дабы сделать затем само человечество разумным.

Спрашивается, как выполнить эту задачу? Как преодолеть эту трудно проходимую грань между неразумием и разумностью? Какие новые условия могут произвести эту важнейшую для нынешнего и для будущих поколений перемену?

В этом великий вопрос, который ставит наша эпоха, это — злоба сегодняшнего дня; чтобы положить конец враждебным чувствам и с часу на час возрастающим бедствиям и неурядицам, нужно немедленно на него ответить.

Я желал бы, чтобы кто-нибудь, кто ценит популярность в этом безумном мире, мог и хотел дать на него ответ.

В течение многих лет я всеми силами, но безуспешно побуждал развязать или разрубить этот гордиев узел¹¹, но не нашел в Европе и Америке никого, подготовленного к решению подобной задачи.

Поэтому я, не ставя ни во что популярность в этом безумном мире, принужден взять разрешение этой задачи на себя; я не получу от этого ничего, кроме удовольствия, которое может доставить превращение безумного мира в мир здравомыслящий, или неразумной, проникнутой антагонизмом и бедственной жизни — в жизнь, где благодаря единению люди будут поставлены в разумные и хорошие условия, станут добрыми, мудрыми и счастливыми, не приписывая никому в отдельности заслуги или вины в осуществлении этой перемены в условиях своего существования. <...>

Это изменение может быть охарактеризовано в немногих словах, которые легко поймут люди, опытные в проведении разнообразных практических мероприятий широкого масштаба и привыкшие создавать новые комбинации для получения отдаленных, заранее предвидимых результатов. Требуемый переход заключается просто в *замене существующих вредных и дурных условий хорошими и превосходными во всех областях жизни*, причем эта замена может быть осуществлена только путем полного изменения всех внешних порядков в общественной жизни. <...>

Этот переход может быть совершен только мирным путем и при помощи мудрой предусмотрительности. Недопустима попытка изменения характера правительства или общества

посредством насилия. Гнев в его различных стадиях вплоть до крайнего насилия и смертельной борьбы свидетельствует лишь о соответствующих ему стадиях безумия и сумасшествия.

Однако, для осуществления этого перехода надо побудить все правительства в более цивилизованных частях света ради собственной их безопасности и пользы *одновременно* отказаться от принципа лжи, на котором все они покоятся, и *постепенно* переменить нынешние дурные общественные порядки на благие и совершенные во всех областях человеческой деятельности. Это изменение принципов и практических навыков общества может быть произведено теперь же, путем разумно направленного просвещения общества через посредство газет, издаваемых для каждого народа в отдельности. Таким образом, это изменение может снискать полное одобрение как правителей, так и управляемых.

Это изменение получило бы полное одобрение всех, ибо *все* извлекут из него прочные выгоды, превосходящие все, что можно себе представить. <...>

Современные власти владеют правительственной машиной, они привыкли властвовать и умеют управлять теперешней системой правительственного механизма.

Поэтому они лучше подготовлены к проведению любого требующегося и желательного изменения, благотворного для всех сторон, чем новые люди, которые должны были бы еще захватить позиции теперешних правителей при помощи борьбы, возбуждающей озлобление и недоброжелательство, а то и посредством насилия и войны с сопровождающими их большими беспорядками и путаницей. <...>

Как легко, в таком случае, могли бы правительства Европы и Америки превратить бедствия, испытываемые ныне населением этих стран, в прочное благоденствие и счастье!

С опытом прошлого и бесчисленными открытиями нового времени, сопровождаемыми применением хорошо использованной и направленной силы пара и электричества, зная, каким путем можно сформировать хорошие человеческие характеры, будет легко и просто создать людям одни только отличные условия, окружить их изобилием и сделать их разумными существами, добрыми, мудрыми, живущими в согласии и счастье, и превратить мир в земной рай; разрешение этой задачи окажется простой деловой мерой, осуществлению которой все люди пожелают содействовать, радуясь возможности оказаться полезными.

Общество располагает сейчас всеми средствами, необходимыми для полного введения такого изменения в жизнь людей по всей Европе и Америке в течение пяти лет с момента начала реформы и в течение менее чем десяти лет — по всему миру. Эти средства можно будет тотчас же привести в действие, как только будут приняты меры для того, чтобы сделать общество достаточно разумным для понимания собственных неизменных интересов.

Если правительства и народы Европы и Америки искренно приступят сейчас к этим мероприятиям, то население обоих континентов легко будет сделано разумным посредством правильного направления всей ежедневной и прочей периодической печати и посредством других методов просвещения; темное стекло заблуждений, через которое сейчас люди смотрят и которое их обманывает, будет удалено, и люди увидят вещи такими, какие они есть, и начнут действовать разумно менее чем через год.

Такова простая сила истины.

Печатается по: Роберт Оуэн. Избранные сочинения. В 2-х т. М.—Л., 1950, т. I, с. 69—70, 87, 90—91, 94, 99; 100—113, 115—116, 117—123, 125, 130—131, 132, 140—141, 148, 201—202, 222—223, 227, 252—253, 289—290, 325; т. II, с. 5—7, 19, 21—25, 34—37, 39, 40—41, 88—90, 94, 116—118, 132—133, 175—179, 183, 206—207.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее издание включены отрывки из следующих произведений Р. Оуэна: «Замечания о влиянии промышленной системы», «Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих», «Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих», «Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества», «Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных бедствий», «Обращение Конгресса кооперативных обществ Великобритании и Ирландии к правительствам Европы и Америки», «Речь Р. Оуэна в Учреждении на ул. Шарлотты 6 октября 1833 г.», «Книга о новом нравственном мире», «Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумения к разумности».

«Замечания о влиянии промышленной системы» — статья, датируемая 1815 г., была написана Оуэном в период его борьбы за фабричное законодательство, ограничение рабочего дня и запрещение детского труда; она явилась отражением его впечатлений от поездки по фабричным районам Англии для изучения положения рабочих. «Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных

ных рабочих» — этот доклад написан Оуэном в 1817 г. на основании его речи перед большим собранием политических и общественных деятелей, созданным в 1816 г. для обсуждения вопросов о помощи рабочим, страдающим от тяжелой безработицы. Доклад Оуэна направил Комитету Палаты общины Парламента, занимавшемуся законами о бедных. «Дальнейшее развитие плана, содержащегося в докладе Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих» было опубликовано в газетах 30 июля 1817 г., затем вышло отдельным изданием. «Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества» опубликовано 9 августа 1817 г. в лондонских газетах. «Доклад графству Ленарк о плане облегчения общественных бедствий» написан Оуэном в 1820 г.; он формально предназначался комиссии, созданной с целью изыскать способы облегчения нужды населения графства, но в нем Оуэн дает общее изложение своих социальных идей. «Обращение Конгресса кооперативных обществ Великобритании и Ирландии к правительствам Европы и Америки» и «Речь Р. Оуэна в Учреждении на ул. Шарлотты 6 октября 1833 г.» были опубликованы в журнале «Кризис», который издавался в 1832—1834 гг. под непосредственным руководством Оуэна. «Книга о новом нравственном мире» написана в течение 1842—1844 гг., «Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумения к разумности» — одно из последних крупных произведений Оуэна 50-х годов.

² Аркрайт сконструировал в 1768 г. прядильную машину, приводившуюся в действие первоначально конной силой, а с 1771 г. — водяным двигателем, почему она и названа «ватерной» машиной. Уатт изобрел в 1769 г. паровую машину; для учения Оуэна характерно более глубокое, чем у других представителей утопического социализма, понимание роли капиталистического производства в создании материальных предпосылок будущего социалистического общества. К. Маркс писал, что Оуэн «объявляет развитие капитала необходимым условием для преобразования общества...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222). К. Маркс объяснял более глубокий исторический подход Оуэна к капитализму тем, что «он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 155).

³ Оуэн был с 1800 г. директором и совладельцем большой хлопчатобумажной фабрики с 2000 рабочими в Нью-Ленарке (Шотландия). Оуэн сократил у себя на фабрике рабочий день, организовал для детей рабочих ясли, детский сад, образцовую школу, устроил фабричную лавку, где товары продавались по ценам на 25% ниже розничных.

⁴ Правительство возлагало обязанность оказывать помощь бедным на местные приходы, под видом борьбы с бедностью и бродяжничеством создавались «рабочие дома» и «дома трудолюбия», приобретшие самую дурную славу.

⁵ См. наст. изд., с. 341, прим. 2

⁶ См. наст. изд., с. 341, прим. 2

⁷ В отличие от Ш. Фурье и А. Сен-Симона, Оуэн был последовательным противником частной собственности. К. Маркс отмечал, что, выступая против частной собственности, Оуэн был далек от уравнилельных тенденций. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114—115; т. 26, ч. III, с. 270).

⁸ Здесь имеется в виду охота английской земледельческой аристократии на угодьях, изымавшихся из нормального землепользования.

⁹ Этот эпиграф содержит цитаты из Библии.

¹⁰ См. наст. изд., с. 341, прим. 3

¹¹ См. наст. изд., с. 301, прим. 65.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон К. М. Общины в истории оуэнизма.— В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979.
- Волгин В. П. Роберт Оуэн.— В кн.: *Оуэн Р.* Избр. соч. М.—Л., 1950, т. I.
- Володин А. И. Роберт Оуэн и русские социалисты 60-х годов XIX века.— Научный коммунизм, 1976, № 4.
- Галкин В. В. Наука или утопия? Опыт исследования социалистических учений последователей Р. Оуэна в Англии 20—40-х годов XIX в. М., 1981.
- Деборин А. М. Учение Роберта Оуэна.— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958.
- Застенкер Н. Е. Роберт Оуэн как мыслитель.— В кн.: История социалистических учений. М., 1976.
- Неманов И. Н. К вопросу о характере Нью-Ленаркского эксперимента Роберта Оуэна.— В кн.: Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972.
- Подмарков В. Г. Роберт Оуэн — гуманист и мыслитель. М., 1976.
- Саркисян С. А. Великий социалист-утопист Роберт Оуэн. Ереван, 1974.
- Торицын Т. М. Учение Роберта Оуэна и его влияние на распространение и развитие социалистических идей. Рязань, 1972.
- Фейгина С. А. Роберт Оуэн: Биографический очерк.— В кн.: *Оуэн Р.* Избр. соч. М.—Л., 1950, т. 2.

ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ

1811

1848

В городке Чембаре Пензенской губернии (теперь город Белинский), где прошло детство Виссариона Григорьевича Белинского, родившегося в семье бедного уездного лекаря, жизнь крепостнической России представляла во всей своей неприглядной наготе: произвол полиции, барская жестокость в обращении с крестьянами, беспощадные наказания крепостных на базарной площади, разгульный быт офицеров егерского полка, расквартированного в городке. Все это навсегда ранило сердце наблюдательного мальчика.

Единственной радостью молодого Белинского было чтение.

Сначала Виссарион учится в уездном училище, а потом в Пензенской гимназии.

В 1829 г. он едет в Москву. Упорные занятия, незаурядные способности дали ему возможность успешно сдать вступительные экзамены в университет; начинается студенческая жизнь.

Белинский увлекается театром, участвует в студенческом литературном «Обществе 11 нумера». В 1830—1831 гг. он пишет романтическую драму «Дмитрий Калинин», имевшую антикрепостническую направленность. Воспользовавшись болезнью Белинского, университетское начальство в сентябре 1832 г. исключает опасного студента.

Материальное положение вчерашнего «казеннокоштного» студента становится крайне тяжелым. Но отчаяние ему не свойственно. Он пишет матери: «Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалеюсь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя с каким-то горестным чувством вижу, что я ничего не сделал хорошего, замечательного — зато не могу упрекнуть себя ни в какой низости, ни в какой подлости, ни в каком поступке, клонящемся ко вреду ближнего».

С этого времени Белинский всецело занят литературным трудом. Он сотрудничает в изданиях профессора Н. И. Надеждина «Телескоп» и «Молва». Осенью 1834 г. в «Молве» печатается его первая большая статья «Литературные мечтания», принесшая автору широкую известность.

В 1836 г. «Телескоп» публикует знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Вскоре последовала расправа: автор официально объявлен сумасшедшим, журнал закрыт, Н. И. Надеждин (официальный владелец крамольного издания) сослан в Усть-Сысольск. Белинский на полтора года вынужден прервать журнальную деятельность. Материальная нужда сильно подтачивает и без того плохое здоровье. Но ни за что на свете он не станет сотрудничать с деятелями из реакционного лагеря: «Мне стороною предлагалось сотрудничество, но черт возьми этих подлецов и идиотов, не надо мне их и денег, хоть осыпь они меня золотом с головы до ног!»

Участие в журналах, его статьи сделали его имя достаточно авторитетным в журнальных кругах. Весной 1838 г. Белинский становится во главе журнала «Московский наблюдатель» (правда, имя его, как редактора, объявлено не было). Журнал просуществовал немногим более года.

В октябре 1839 г. Белинский переехал в Петербург. Он становится ведущим сотрудником журнала «Отечественные записки». В условиях реакции, которая господствовала в стране, литература, литературная критика, публицистика являлись едва ли не единственным поприщем, которое давало возможность, пусть в замаскированном виде, нести освободительные идеи в массу читателей. Особенно хорошо понимала эзоповский язык Белинского, ставшего ярым противником самодержавия, православия и идеологии «официальной народности», атеистом и социалистом, молодежь. Герцен рассказывал: «Статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть», — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, *уважений* как не бывало».

Это понимали и враги. Недаром же один из злобных противников Белинского так оценил его: «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах».

В «Отечественных записках» Белинский опубликовал множество произведений самого различного жанра — от рецензий, критических заметок до памфлетов и капитальных монографий. Владелец журнала А. А. Краевский нередко использовал талантливого критика в качестве чернорабочего от журналистики. «Журнальная срочная работа высасывает из меня жизненные силы, как вампир кровь», — признавался В. Г. Белинский.

В 1846 г. он уходит из «Отечественных записок». К началу 1847 г. Н. А. Некрасову вместе с И. И. Панаевым удалось, после немалых хлопот, арендовать журнал «Современник», который и стал последней трибуной «неистового Виссариона».

В мае 1847 г. он выезжает за границу для лечения: здоровье подорвано — и теперь окончательно! — чрезмерным трудом, хроническим безденежьем... В Зальцбрунне (Германия) Белинский написал в июле 1847 г. свое знаменитое

«Письмо к Гоголю», которое В. И. Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...» *. Это было «политическое завещание». Белинский выдвигает в нем целую программу революционно-демократических преобразований: полное освобождение крестьян от крепостной зависимости, ликвидация бюрократического и полицейского гнета... Во многих списках письмо широко распространялось в России.

Осенью 1847 г. Белинский возвращается на родину.

Февраль 1848 г. Во Франции начинается революция — в России усиливается полицейский террор. Белинского вызывают в Третье отделение. И только смерть спасает его от крепости.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

ТЕКСТЫ

ИЗ ПИСЕМ В. П. БОТКИНУ ¹

1841 г.

⟨...⟩ Все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности — мнения черни и предания варварских веков.⟨...⟩

⟨...⟩ Когда люди будут человечны и христианны, когда общество дойдет до идеального развития — браков не будет. Долой с нас страшные узы! Жизни, свободы!⟨...⟩

⟨...⟩ У грека жизнь не разделялась на поэзию и прозу, и полнота его жизни не была конкретнее поэзии и прозы — полнота, которой пришествию должно ожидать новейшее человечество и которая будет его тысячелетним царством.⟨...⟩

⟨...⟩ Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести.⟨...⟩

⟨...⟩ Я понял через Плутарха ² многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество. Без них средние века ничего не сделали бы. Я понял и французскую революцию, и ее римскую помпу, над которою прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата ³ к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом. Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства.⟨...⟩

Интересы прозаической жизни все менее и менее занимают меня, и я все более и более — гражданин вселенной. Безумная жажда любви все более и более пожирает мою внутренности, тоска тяжелее и упорнее. Это мое, и только это мое.

Но меня сильно занимает и не мое. Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную. <...> Гегель⁴ мечтал о конституционной монархии, как идеале государства, — какое узенькое понятие! Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям, он всегда отделится от них хоть пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы. Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства. Каковы же эти два народа древности, которые родились с таким понятием! Каковы же французы, которые без немецкой философии поняли то, что немецкая философия еще и теперь не понимает! Чорт знает, надо мне познакомиться с сесимонистами. Я на женщин смотрю их глазами. Женщина есть жертва, раба новейшего общества. <...>

Я боготворю Бераинже — это французский Шиллер⁵, это апостол разума, в смысле французов, это бич предрассудков. Это пророк свободы гражданской и свободы мысли. Его матерные стихотворения на религиозные предметы — прелесть, его политические стихотворения — это дифирамбы; в Питере появилось последнее издание его песен — вот тебе последняя из них —

Vos orateurs parlent à qui sait lire;
Toi conspirant tout haut contre les rois,
Tu marias, pour ameuter les voix,
Des airs de vieille aux accents de la lyre *...

<...> Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь с старою идеею, отрицаю ее до конца, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности, — это идея социализма⁶, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем встречался я на пути к жизни. <...> Дейст-

* Ваших ораторов понимают только немногие; ты же, открыто бунтующий против королей, соединял, чтобы поднимать народ, старушечьи песенки звуками лиры (франц.). — *Ред.*

вительность возникает на почве, а почва всякой действительности — общество. Общее без особенного и индивидуального действительно только в чистом мышлении, а в живой, видимой действительности оно — онаинистическая, мертвая мечта. Человек — великое слово, великое дело, но тогда, когда он француз, немец, англичанин, русский. А русские ли мы?.. Нет, общество смотрит на нас, как на болезненные наросты на своем теле; а мы на общество смотрим, как на кучу смрадного помету. Общество право, мы еще правее. Общество живет известною суммою известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова. Вот почему во Франции, Англии, Германии люди, никогда не видевшие друг друга, чуждые друг другу, могут сознавать свое родство, обниматься и плакать — одни на площади в минуту восстания против деспотизма за права человечества, другие хотя в вопросе о хлебе, третьи при открытии памятника Шиллеру. Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а (без) деятельности нет жизни. Источник интересов, целей и деятельности — субстанция общественной жизни. <...>

Социальность, социальность, — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христе, но кто — мне чужие и враги по своему невежеству? Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем подмышкою чиновника, и довольного собою офицера, и гордого вельможи. Подавши грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в

лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке — и люди это видят, и никому до этого нет дела! Не знаю, что со мною делается, но иногда с сокрушительною тоскою смотрю я по несколько минут на девуку<...>, и ее бессмысленная улыбка, печать разврата во всей непосредственности рвет мне душу, особенно, если она хороша собою.<...> Сколько прекрасных женственных созданий, рукою дражайших родителей бросаемых на растление скотам, вследствие расчета или бессознательности! И после этого имеет ли право человек забываться в искусстве, в знании! Я ожесточен против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека! Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п.⁷ Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется — непосредственной), а потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха, понимаю святость, поэзию, грандиозность религиозности средних веков; но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на кострах еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности. И настанет время — я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви.<...> Женщина не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища — условного понятия. Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею. Не думай, чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории — вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века, но не прежнего, бессознательного, животного золотого века, но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время

необходимо, но что теперь глупо и пошло. <...> Светский пустой человек жертвует жизнью за честь, из труса становится храбрецом на дуэли, не платя ремесленнику кровавым потом заработанных денег, делается нищим и платит карточный долг, — что побуждает его к этому? — Общественное мнение? Что же делает из него общественное мнение, если оно будет разумно вполне? К тому же, воспитание всегда делает нас или выше, или ниже нашей природы, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается чрез *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов. <...>

К тому же: *fiat justitia — pereat mundus!* * Я читаю Тьера ⁸ — как, узнаешь от Ханенки ⁹. Новый мир открылся предо мною. Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают. <...>

ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ¹⁰

1841 г.

<...> История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ. Сущность истории составляет только одно разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее. Содержание истории есть общее: судьбы человечества. Как история народа не есть история миллионов отдельных лиц, его составляющих, но только история некоторого числа лиц, в которых выразились дух и судьбы народа, — точно так же и человечество не есть собрание народов всего земного шара, но только несколько народов, выражающих собою идею человечества. <...> Европа росла, крепла и развивалась, выдержала ужасные напоры случайных сил и в существенных стихиях собственной жизни нашла разрешение противоречий этой жизни, а в борьбе разумной необходимости с случайностью открыла неисчерпаемый источник, богатое

* да свершится правосудие, хотя бы мир погиб! (лат.). — Ред.

содержание неизживаемой жизни,— и только простодушное невежество или жалкое суеверие и фанатизм могут видеть последние дни и смертное томление Европы в успехах ее цивилизации, в торжестве человеческого разума. В каком смутном брожении, в какой свирепой борьбе элементов и сил является история Европы средних веков! Но в этом хаосе немолчно раздается всемогущий глагол жизни, творческое «да будет»; дух божий носится во мраке над ярящимися волнами беспредельных вод... и вот почему, при всей пестроте, при всей яркости цветов, при всем разнообразии и смешении борющихся между собою элементов, история Европы представляет стройную и величественную картину разумных и великих событий; взор мыслителя усматривает в форме этой многосложной картины единство диалектически развивающейся мысли. <...>

ИЗ ПИСЕМ В. П. БОТКИНУ

1842—1843 гг.

<...> Тут нечего объяснять: дело ясно, что Р (обеспьер) был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов ¹¹. <...>

<...> Сейчас кончил 1-ю часть истории Louis Blanc. Превосходное творение! Для меня оно было откровением. Луи Блан ¹² — святой человек — личность его возбудила во мне благоговейную любовь. Какое беспристрастие, благородство, достоинство, сколько поэзии в мыслях, какой язык!

<ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ЛИТЕРАТУРА>

1842—1844 гг.

<...> Как в древнем мире все стихии общественной жизни были тесно и неразрывно связаны друг с другом и, взаимно проникая одна другую, образовывали собою прекрасное и живое единое целое, так в новом мире все общественные стихии действуют разъединенно и каждая самобытно и особо. Это распадение, представляющее собою столь печальное и груст-

ное зрелище, особенно при сравнении его с светлым и прекрасным миром греческой жизни, было, однако ж, необходимо для того, чтобы стихии общественности, развиваясь отдельно, тем полнее, глубже и совершеннее разработались, а потом бы уже снова слились и образовали новое, целое и единое, которое будет тем выше мира греческой жизни, чем разъединеннее было в новом мире развитие отдельных стихий общественности. И начало этого нового единения мы видим уже и теперь: стена национальности между народами постепенно падает; дружественно и братски начинают они делиться духовными дарами своего национального исторического развития и постепенно сливаются в единое семейство человечества; наука мирится с жизнью, искусство проникается общественными интересами; ученый принимает участие в делах общества и мирит кабинетную жизнь свою с жизнью светского салона; воин и купец не только ищут литературного образования, но не чуждаются и интересов науки, хода идей. Конечно, все это еще только начало, и все это преимущественно относится пока только к Франции, этой Элладе нового мира, отечеству всемогущей прессы; но за началом всегда следует конец, и скоро или еще не скоро, но придет же время, когда в новом человечестве воскреснет Древняя Греция, лучше и прекраснее, чем была она; Греция, прошедшая через христианство, победившая климаты, природу, пространство и время, вполне покорившая духу своему царство материи. <...>

Солнце разума взойдет над человечеством, и никто из носящих имя человека не будет исключен из даров всем равно присущего духа человеческого, и для всех сознание будет жизнью, а жизнь сознанием, мысль делом и дело мыслию, и для всех будет новая земля и новое небо. <...>

РУКОВОДСТВО К ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

1842 г.

<...> Современное состояние человечества есть необходимый результат разумного развития, и <...> от его настоящего состояния можно делать посылки к его будущему состоянию <...>, свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу и — будет новая земля и новое небо ¹³...

СОЧИНЕНИЯ ПЛАТОНА

- 1842 г.

⟨...⟩ Наше время — время не мудрецов, а философов, не людей, а книжников, ученых... Это потому, что многостороннее и бесконечно разнообразие, в сравнении с древностью, элементы новой жизни до сих пор еще в брожении, до сих пор еще не примирились и не слились в единое и целое. В наше время все — или штатские, или военные, или мещане, купцы, художники, ученые, земледельцы, — все, что угодно — только не «люди»; титул «человека» священно и велико только на словах да в книгах, а в жизни о нем никто не заботится, никто не спрашивает...

⟨...⟩ Древняя Греция и Рим — страны духа, впервые освободившегося от деспотического владычества природы, представитель которого Азия. Там, на этой классической почве, развились семена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества, там начало всякой разумной общественности, там все ее первообразы и идеалы. Правда, там общество, освободив человека от природы, слишком и покорило его себе. Зато средние века уж слишком освободили его от общества и впали в другую крайность. Теперь настает время примирения этих двух крайностей во имя *средних веков и древнего мира*; следовательно, Греция и Рим и теперь еще живут и действуют в нас к нашему благу и нашему преуспеянию в осуществлении на деле *идеальной истины*, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина — ложь¹⁴. ⟨...⟩

ИСТОРИЯ МАЛОРОССИИ

1843 г.

Одна из самых характеристических черт нашего времени — стремление к единству и сродству доселе разрозненных элементов умственной жизни. Жизнь, очевидно, стремится теперь стать единою и всецелою. И если доселе проявлялась она в тысячах односторонностей, разъединению и раздроблению на бесконечное множество сторон, из которых каждая претендовала на право исключительной монополии в области духа, превозносясь над всеми другими и горделиво не признавая их важности, — это противоположное органическому единству стремление было необходимо для самого же этого органического единства, заря которого уже занимается на го-

ризонте человечества. <...> Народы начинают сознать, что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности. Каждый успех одного народа быстро усваивается другими народами, и каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других. Теперь только слабые, ограниченные умы могут думать, что успехи человечности вредны успехам национальности и что нужны китайские стены для охранения национальности. Умы светлые и крепкие понимают, что национальный дух совсем не одно и то же, что национальные обычаи и предания старины, которыми так дорожит невежественная посредственность; они знают, что национальный дух так же не может исчезнуть или переродиться через сношения с иностранцами и вторжение новых идей и новых обычаев, как не могут исчезнуть или переродиться физиономия и натура человека через науку и обращение с людьми. И недалеко уже время, когда исчезнут мелкие, эгоистические расчеты так называемой политики, и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума, и раздадутся гимны примирения ликующей земли с умиловленным небом! Если настоящее историческое положение так резко противоречит этой картине и представляет ее несбыточною мечтою разгоряченной фантазии, то для умов мыслящих и способных проникать в сущность вещей это настоящее историческое положение человечества, как ни безотраднo, представляет все элементы и все данные, на основании которых самые смелые мечты в настоящем становятся в будущем самою положительною действительностью. <...>

СТАТЬИ О ПУШКИНЕ

1843—1846 гг.

(статья вторая)

<...> Если б вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, а наше личное счастье заключалось бы только в одной любви, — тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существиеностию которого побледнели бы поэтические образы подземного ада, начертанные гением сурового Данте¹⁵... Но — хвала вечному

разуму, хвала попечительному промыслу! есть для человека и еще великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца,— мир исторического созерцания и общественной деятельности,— тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование — подвигом, и где два противоположные берега жизни — *здесь* и *там* — сливаются в одно реальное небо исторического прогресса, исторического бессмертия... Это мир непрерывной работы, нескончаемого дела и становления, мир вечной борьбы будущего с прошедшим,— и над этим миром носится дух божий, оглашающий хаос и мрак своим творческим и мощным глаголом «*да будет!*» и вызывающий им светлое торжество настоящего — радостные дни нового тысячелетнего царства божия на земле... И благо тому, кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно текущей жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно вздымающиеся волны да мрачную, лишь молениями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои наслаются им и восхвалят вечного бога сил и правды!» Благо тому, кто, не довольствуясь настоящей действительностью, носил в душе своей идеал лучшего существования, жил и дышал одной мыслью — спешествовать, по мере данных ему природою средств, осуществлению на земле идеала,— рано поутру выходил на общую работу и с мечом, и с словом, и с заступом, и с метлою, смотря по тому, что было ему по силам, и кто являлся к своим братьям не на одни пиры веселия, но и на плач и сетования... Благо тому, кто, падая в борьбе за святое дело совершенствования, с упоением страстного блаженства погружался в успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дело жизни, и вскричал в священном восторге: «Все тебе и для тебя, а моя высшая награда — да святится имя твое и да придет царствие твое!...»〈...〉

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ ¹⁶

1844 г.

〈...〉«Парижские тайны» имели большой успех и в России, как и везде.〈...〉

Основная мысль этого романа истинна и благородна.

Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему золотого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою — на порок и преступления. <...>

Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (*propriétaire*) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и по вине и наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда стает на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов иа сто... Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою, в холодном подвале или на холодном чердаке, с женою, с детьми, дрожащими от стужи, не евшими уже три дня, будто легче так умирать с хартиєю¹⁷, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует?.. Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить иа себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода. Мещане-собственники — люди прозаически-положительные. Их любимое правило: *всякий у себя и для себя*. Они хотят быть правы по закону гражданского и не хотят слышать о законах человечества и нравственности. Они честно платят работнику теми же назначенную плату, и если этой платы недостаточно для спасения его с семейством от голодной смерти и он с отчаяния делается вором или убийцею, — их совесть спокойна — ведь они по закону правы! Аристократия так не рассуждает: она великодушна даже по тщеславию, по принятому обычаю. По тому же самому она всегда любила ум, талант, науку и искусство и гордилась тем, что покровительствовала им. Мещанство современной Франции подражает аристократии только в роскоши и тщеславии, которые у него проявляются грубо и пошло, как у Мольерова *мещанина во дворянстве* (*bourgeois-gentilhomme*). И вот за кого народ жертвовал своею жизнью!

Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя, но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума.

Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтоб воспользоваться некупленным теплом. В народе уже быстро развивается образование, и он уже имеет своих поэтов, которые указывают ему его будущее, деля его страдания и не отделяясь от него ни одеждою, ни образом жизни. Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества. Но и теперь еще у него есть истинные друзья¹⁸: это люди, которые слили с его судьбою свои обеты и надежды и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег. Многие из них, пользуясь европейскою известностью, как люди ученые и литераторы, имея все средства стоять на первом плане конституционного рынка, живут и трудятся в добровольной и честной бедности. Их добросовестный и энергический голос страшен продавцам, покупателям и акционерам администрации, — и этот голос, возвышаясь за бедный, обманутый народ, раздается в ушах административных антрепрениеров, как звук трубы судной. Стоны народа, передаваемые этим голосом во всеуслышание, будят общественное мнение и потому тревожат спекулянтов власти. С этими честными голосами раздаются другие, более многочисленные, которые в заступничестве за народ видят верную спекуляцию на власть, надежное средство к низвержению министерства и зайятию его места. Таким образом, народ сделался во Франции вопросом общественным, политическим и административным. Понятно, что в такое время не может не иметь успеха литературное произведение, героем которого является народ. {...}

{...} Изображая французский народ в своем романе, Эжен Сю смотрит на него, как истинный мещанин (*bourgeois*), смотрит на него очень просто, — как на голодную, оборванную чернь, невежеством и нищетою осужденную на преступления. Он не знает ни истинных пороков, ни истинных добродетелей народа, не подозревает, что у него есть будущее, которого уже нет у торжествующей и преобладающей партии, потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности. Эжен Сю сочувствует бедствиям народа: зачем отнимать у него благородную способность сострадания, — тем более, что

она обещала ему такие верные барыши? но *как* сочувствует — это другой вопрос. Он желал бы, чтоб народ не бедствовал, перестав быть голодною, оборванною и частью поневоле преступной чернью, сделался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью, а мещане, теперешние фабриканты законов во Франции, оставались бы по-прежнему господами Франции, образованнейшим сословием спекулянтов. Эжен Сю показывает в своем романе, как иногда сами законы французские бессознательно покровительствуют разврату и преступлению. И, надо сказать, он показывает это очень ловко и убедительно; но он не подозревает того, что зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества. {...}

РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ НОВОЙ ИСТОРИИ ¹⁹

1844 г.

История есть наука нашего времени, и потому наука новая. Несмотря на то, она уже успела сделаться господствующею наукою временн, альфою и омегою века. Она дала новое направление искусству, сообщила новый характер политике, вошла в жизнь и нравы частных людей. Ее вопросы сделались вопросам жизни и смерти для народов и для частных людей. Это *историческое* направление есть великое доказательство великого шага вперед, который сделало человечество в последнее время на пути совершенствования: оно свидетельствует, что отдельные лица начинают сознавать себя живыми органами общества — живыми членами человечества, и что, следовательно, само человечество живет уже не объективно только, но как живая, сознающая себя личность.

Есть две истории: одна непосредственная, другая сознательная. Первая — это сама жизнь человечества, из самой себя развивающаяся по законам разумной необходимости. Вторая — это изложение фактов жизни человечества, история писанная — сознание истории непосредственной. Все разумное имеет свою точку отправления и свою цель; движение есть проявление жизни, цель есть смысл жизни. В непосредственной жизни человечества мы видим стремление к разумному сознанию, стремление — непосредственное сделать в то же время и сознательным, ибо полное торжество разум-

ности состоит в гармоническом слиянии непосредственного существования с сознательным. Жизнь животного также подчинена неизменным и общим законам природы; но животному не дано наслаждаться сознанием своего существования, не дано видеть и разуметь себя не только как нечто в самом себе, но и как вне себя пребывающее. <...> Дело только в том, что под сознанием не должно разуметь одного холодного логического процесса мысли, но страстное, переходящее в жизнь убеждение. Полнота жизни человека должна состоять в равномерном участии всех сторон его нравственного существования. В мысли без чувства и в чувстве без мысли виден только порыв к сознанию, половина сознания, но еще не сознание: это машина, кое-как действующая половиною своих колес, и потому действующая слабо и неверно.

Мы знаем, что во времена глубокой древности и даже среди грубых, невежественных народов являлись гениальные личности, возвышавшиеся до значительных ступеней человеческого сознания. Но человек не есть сам себе цель: он живет среди других и для других, так же как и другие живут для него. Народ — тоже личность, как и человек, только еще высшая; человечество — та же личность, что и народ, только еще высшая. Итак, если цель жизни каждого человека, отдельно взятого, — сознание, то что же, если не сознание, должно быть целью существования и каждого народа и всего человечества? Это тем яснее, что, как бы ни велик был человек, народ всегда выше его, и соединенные усилия многих людей всегда превзойдут в своих результатах его усилия.

А между тем мы видим, что доселе успехи сознания состоят только в том, что от индивидуумов они перешли к сословиям. Следовательно, человечеству предлежит пройти на пути совершенствования или сознания еще более длинный путь, нежели какой оно прошло уже; но это путь будет уже более прямой и широкий, а это уже много — из чащей и дебрей выйти наконец на большую дорогу²⁰. Вот почему мы видим великий успех человечества в историческом направлении нашего века. Если человечество уже начало сознавать себя человечеством — значит, близко время, когда оно будет человечеством не только непосредственно, как было доселе, но и сознательно. И начало этого сознания оно могло почерпнуть только в истории. <...>

Мы видим, что каждое общество (племя, народ, государство), живя для самого себя и своею собственною жизнью, как отдельный человек, в то же время живет для человечества

и относится к нему, как часть к целому, как член к телу, как растение к почве, которая и родит и питает его своими соками. Как из разнообразия характеров, способностей и воли множества людей, разнообразия, впрочем, запечатленного чем-то общим, образуется органическое единство политического тела — народ или государство, так из разнообразия характеров народов образуется единство человечества. Каждый человек потому чем-нибудь отличается от всех других людей и наружно и внутренно, что только из разнообразия способностей образуется гармония совокупных действий, и каждый народ потому отличается более или менее от всех других, что должен в общую сокровищницу человечества принести свою лепту. В обществе один — земледелец, другой — ремесленник, третий — воин, четвертый — художник и так далее, каждый по своей способности и своему призванию и каждый по этому самому представляет собою необходимое колесо для движения общественной машины. То же и с народами в отношении к человечеству. {...} Ничто из прожитого человечеством не пропало втуне, но все сохранилось, чтоб ожить в новых, более сложных и полных формах, чтоб войти, подобно питательным сокам, в новое общественное тело и, присуществовавшему ему, утучнить его на новое здравие и новые силы! И даже теперь, в наш век, холодный и расчетливый, положительный и мануфактурный, в наш век, в котором малодушие видит только гниение и близкую смерть и в котором действительно маленькими самолюбиями заменились великие страсти, а маленькими людьми — великие люди, — разве даже и в наш век развитие человечества остановилось? Да, если хотите, оно остановилось, но для того только, чтоб собраться с силами, запастись материальными средствами, которые столь же необходимы для него, как и духовные! И эти паровые машины, эти железные дороги, электрические телеграфы — все это что же такое, если не победа духа над грубою материею, если не предвестник близкого освобождения человека от материальных работ, унижающих душу и сокрушающих волю, от рабства нужды и вещественности! И однако ж еще нелепее было бы думать, что теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может. Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «Стоит, довольно, больше идти некуда!» То, что мы называем человечеством, не есть какая-нибудь реальная личность, ограниченная в самой духовности ее материальными условиями и живущая для

того, чтоб умереть; человечество есть идеальная личность, для которой нет смерти, ибо умирают люди, но человечество не только от этого не умирает, даже не умаляется. Человечество — это дух человеческий, а всякий дух бессмертен и вечен! И в чем же бы состояла вечная жизнь человечества, чем бы наполнилась она, если б ее развитие остановилось навсегда? Жизнь только в движении; в покое — смерть. В чем будет состоять развитие человечества через тысячу лет? — Подобный вопрос нелеп, потому что неразрешим. Но в эпоху всеобщего разложения элементов, которые дотоле составляли жизнь обществ, в эпоху отрицания старых начал, на которые опиралась эта жизнь, в эпоху всеобщей тоски по обновлении и всеобщего стремления к новому идеалу можно предчувствовать и даже предвидеть основание будущей эпохи, ибо самое отрицание указывает на требование, и разрушение старого всегда совершается чрез появление новых идей. Если до сих пор человечество достигло многого, это значит, что оно еще большего должно достигнуть в скорейшее время. Оно уже начало понимать, что оно — человечество: скоро захочет оно в самом деле сделаться человечеством ²¹...

Мысль гордая и великая! Нет более случайности: дух божий ведет и движет дух человеческий к его цели! Исторический фатализм — богохульство; живая вера в прогресс и — ее следствие — сознание своего человеческого достоинства — вот плоды изучения истории, вот великое значение великой науки!... <...> Понятие о *прогрессе* как источнике и цели исторического движения, производящего и рождающего события, должно быть прямым и непосредственным выводом из воззрения на народ и человечество как на идеальные личности. Но это движение и результат его — *прогресс* — должны быть определены и охарактеризованы как можно глубже и многостороннее. Есть люди, которые под прогрессом разумеют только сознательное движение, производимое благородными деятелями, и, как скоро на сцене истории не видят таких деятелей, сейчас приходят в отчаяние, и их живая вера в провидение уступает место признанию враждебного рока, слепой случайности, дикого произвола. Такие люди во всяком материальном движении видят упадок и гниение общества, унижение человеческого достоинства, преклонившего колена перед тельцом златым и жертвенником Ваала ²². Есть другие люди, которые, напротив, думают, что общий прогресс может быть результатом только частных выгод, корыстного расчета и эгоистической деятельности нескольких сословий на счет мас-

сы общества, и вследствие этого хлопочут из всех сил о фабриках, мануфактурах, торговле, железных дорогах, машинах, об основании обществ на акциях и тому подобных *насущенных* и *полезных* предметах. Такие люди всякую высокую мысль, всякое великодушное чувство, всякое благородное деяние считают донкихотством, мечтательностью, бесполезным брожением ума, потому что все это не дает процентов. Очевидно, это две крайности... Первая крайность производит пустых идеалистов, высокопарных мечтателей, которые умны только в бесплодных теориях и чужды всякого практического такта. Вторая крайность производит сциентифических спекулянтов и торговцев, ограниченных и пошлых утилитаристов. Для избежания этих крайностей исторический учебник ²³ должен показать общество, как предмет многосторонний, организм многосложный, который состоит из души и тела и в котором, следовательно, *нравственная* сторона должна быть тесно слита с *практической* и интересы *духовные* — с выгодами материальными. Общество тогда опирается на прочном основании, когда оно живет высокими верованиями — источником великих движений и великих деяний; в верованиях скрываются идеи; через распространение и обобщение идей общества двигаются вперед. Но идеи не летают по воздуху; они расходятся по мере успехов коммуникации между обществами, а коммуникации требуют путей материальных. Отсюда великое нравственное значение, например, железных дорог, кроме их великого материального значения как средства к усилению материального благосостояния обществ. Историк должен показать, что исходный пункт нравственно-го совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности ²⁴. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии. Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм. Но эта истина не поведет ума дельного к разочарованию; дельный ум увидит в ней только доказательство того, что дух не гнушается никакими путями и побеждает материю ее же собственным содействием, ее же собственными средствами. И потому в истории являются необходимыми не одни герои добра и сердечного убеждения, но и честолюбивые эгоисты и даже самые злодеи. <...>

И все они равно работали одному и тому же духу человеческому, только одни сознательно действуя для него и во имя

его, а другие — бессознательно, действуя для себя самих, во имя своего я. И ни где, ни в чем не видно так ясно присутствия миродержавных судеб божиих, как в этом равномерном служении духу и добрых, и эгоистов, и злых, в котором скептики видят неопровержимое доказательство, что человечеством правит слепой случай: ибо где же было бы обеспечение прогресса, порука за высокую цель, к которой стремится человечество, если б судьба народа или человечества зависела только от явления честолюбивых личностей, подверженных и смерти и всем случайностям? Напротив, так как источник прогресса есть сам же дух человеческий, который непрерывно живет, т. е. непрерывно движется, то прогресс не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни, и самая смерть в истории, как и в природе, есть только возродительница новой жизни.

РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЯ КОНСТАНТИНА МАССАЛЬСКОГО

1845 г.

⟨...⟩ Сам дух жизни, ведущий человечество, всегда на стороне нового против старого, потому что без этого исключительного и одностороннего стремления всегда к новому, всегда к будущему не было бы никакого движения, никакого хода вперед, не было бы прогресса, истории, жизни, и человечество превратилось бы в огромное стадо диких животных... Для того и не вечен человек, для того и должен он стареть, дряхлеть и умирать, для того и сменяется одно поколение другим, — словом, люди умирают для того, чтоб жило человечество. Смерть есть великое орудие, великая опора жизни... У новых поколений бывают вожди, которые ведут их по пути развития; но самостоятельная сила развития до того присуща самой натуре человека, что развитие обществ совершается даже и тогда, когда не является новых вождей. Это делается очень просто: бог знает, как и почему, но только у нового поколения являются новые вкусы, наклонности, понятия, каких не было у старого, хотя это старое поколение, воспитывая новое, больше всего старалось сделать его похожим на себя, как две капли воды... Этот род прогресса самый прочный и несокрушимый и неодолимый: против него нет никаких мер.⟨...⟩

РЕЦЕНЗИЯ НА СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТРА ШТАВЕРА

1845 г.

⟨...⟩ Вообще, люди, по своей натуре, более хороши, нежели дури, и не натура, а воспитание, нужда, ложная общественная жизнь делают их дурными. Почти во всяком из них, даже в самом дурном, есть своя прекрасная, человеческая сторона, только трудно подсмотреть и открыть ее. Последнее составляет благороднейшую миссию поэта: ему принадлежит по праву оправдание благородной человеческой природы, так же, как ему же принадлежит по праву преследование ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека, делающей его иногда зверем, а чаще всего бесчувственным и бессильным животным. Люди — братья друг другу, хотя неразумность их отношений и делает их естественными врагами. Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей ²⁵!⟨...⟩

Благородная душа, исполненная великодушных стремлений, не терпит вокруг себя ни рабов, ни угодников, ни хвалителей, ни льстецов; ей тесно и душно среди этих искаженных существ, и она может дышать свободно только среди братьев, связанных с нею узами симпатии ко всему разумному и человеческому. Для нее жизнь — богатая и роскошная трапеза, которую она хотела бы разделить со всеми, чтоб тем более самой насладиться ею.⟨...⟩

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

1845 г.

⟨...⟩ Что за дикая мысль разгадывать и определять будущее народа, писать его программу? На основании многих данных можно быть убежден, что Россию ожидает великая и блестящая будущность, но какая именно и каким образом, — стараться или надеяться узнать это, — такая же чудовищная нелепость, как и думать, что можно узнать будущую участь каждого человека. Для народа, как и для человека, жизнь тем и интересна, тем и заманчива, тем и обаятельна, что ее даль закрыта от его взоров и недоступна им, что он может заглядывать только разве в идею своего будущего, но никогда в форму его проявления. Дайте ему это всеведение будущего, и вы увидите, что он не захочет жить. Потом, что за неле-

пость судить о будущем народа по его отдаленному прошедшему, которое так оторвано даже от его настоящего? Что общего между новгородцем IX, москвитом XV и русским XIX века? Если можно предчувствовать и предугадывать (в идее) будущее, то не иначе, как на основании настоящего, которое одно есть испытанная мера, и прошедшего, как результат его.〈...〉

МЫСЛИ И ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1846 г.

〈...〉Как все живое, общество должно быть органическим, то есть множеством людей, связанных между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акции, балы, собрания, танцы — тоже связь, но только внешняя, следовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренно связывают людей общие нравственные интересы, сходство в понятиях, равенство в образовании и при этом взаимное уважение к своему человеческому достоинству.〈...〉

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

1846 ГОДА ²⁶

1846 г.

〈...〉Не любя гаданий и мечтаний и пуще всего боясь произвольных выводов, имеющих только субъективное значение, мы не утверждаем за непереложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания.〈...〉

Человеческое присуще человеку потому, что он — человек, но оно проявляется в нем не иначе, как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а во-вторых, на основании его национальности. Личность человека есть исключение других личностей и по тому самому есть ограничение человеческой сущности: ни один человек, как бы ни велика была его гениаль-

ность, никогда не исчерпает самим собою не только всех сфер жизни, но даже и одной какой-нибудь ее стороны. Ни один человек не только не может заменить самим собою всех людей (т. е. сделать их существование ненужным), но даже и ни одного человека, как бы он ни был ниже его в нравственном или умственном отношении; но все и каждый необходимы всем и каждому. На этом и основано единство и братство человеческого рода. Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. Она есть самобытный результат соединения людей, но не есть их произведение: ни один народ не создал своей национальности, как не создал самого себя. Это указывает на кровное, родовое происхождение всех национальностей. Чем ближе человек или народ к своему началу, тем ближе он к природе, тем более он ее раб; тогда он не человек, а ребенок, не народ, а племя. В том и другом человеческое развивается по мере их освобождения от естественной непосредственности. Этому освобождению часто способствуют разные внешние причины; но человеческое тем не менее приходит к народу не извне, а из него же самого, и всегда проявляется в нем национально.

Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически. <...> Со дня на день более и более обнаруживается в наше время сочувствие и любовь народа к народу. Это утешительное, гуманное явление есть результат просвещения. Но из этого отнюдь не следует, чтобы просвещение сглаживало народности и делало все народы похожими один на другой, как две капли воды. Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей. Француз хочет быть французом и требует от немца, чтобы тот был немцем, и только на этом основании и интересуется им. В таких точно отношениях находятся теперь друг к другу все европейские народы. А между тем они нещадно заимствуют друг у друга, нисколько не боясь повредить своей национальности. <...>

Разделение народа на противоположные и враждебные будто бы друг другу большинство и меньшинство, может быть, и справедливо со стороны логики, но решительно ложно со стороны здравого смысла. Меньшинство всегда выражает собою большинство, в хорошем или в дурном смысле. Еще страннее приписать большинству народа только дурные качества, а меньшинству — одни хорошие. Хороша была бы французская нация, если бы о ней стали судить по развратному дворянству времен Людовика XV ²⁷! Этот пример указывает, что меньшинство скорее может выражать собою более дурные, нежели хорошие стороны национальности народа, потому что оно живет искусственной жизнью, когда противопоставляет себя большинству, как что-то отдельное от него и чуждое ему. Это видим мы и в современной нам Франции, в лице *bourgeoisie* *, — господствующего теперь в ней сословия. (...)

То, что называют резонеры *человеческим*, противопоставляя его *национальному*, есть, в сущности, *новое*, непосредственно и логически следующее из *старого*, хотя бы оно и было чистым его отрицанием. Когда крайность какого-нибудь принципа доводится до нелепости, из нее один естественный путь — переход в противоположную крайность. Это в натуре и человека и народов. Следовательно, источник всякого прогресса, всякого движения вперед заключается не в двойственности народов, а в человеческой натуре, так же, как в ней же заключается и источник уклонений от истины, коснения и неподвижности.

Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все согласны. И — что всего лучше — эти вопросы решены там самою жизнью или, если теория и имела участие в их решении, то при помощи действительности. Но это несколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что, пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же да не те и требуют другого решения. — Теперь Европу занимают новые великие вопросы ²⁸. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно,

* буржуазии (франц.). — Ред.

ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесплодно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению; все остальное чуждо нам, и мы стали бы играть роль докихотов, горячась из них. Этим мы заслужили бы скорее насмешки европейцев, нежели их уважение. У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще. И начатки этого направления видим мы в современной русской литературе. <...>

ТЕРЕЗА ДЮНОЙЕ

1847 г.

<...> Не спешите обвинять наш век — ему и так больно достаётся со всех сторон, и его только бранят, а никто не похвалит... А между тем, право, его есть за что и похвалить. Правда, он вовсе не рыцарь, не думает ни о добродетели, ни о морали, ни о чести и весь погружен в *приобретение* или, как у нас ловко выражаются, в «благоприобретение»; правда, он торгаш, алтыиник, спекулянт, разжившийся всеми неправдами, откупщик; но он очень умеет и, что мне больше всего нравится в нем, очень верит самому себе, логически последователен... Он, видите ли, лучше своих предшественников смекинул, на чем стоит и чем держится общество, и ухватился за принцип собственности, впился в него и душой и телом и развивает его до последних следствий, каковы бы они и были... Воля ваша, а тут нельзя не видеть своего рода героизма логической последовательности... И как ловко взялся он за это: из старой морали и из всего, чем думало держаться прежнее общество, он удержал только то, что пригодно ему как полицейская мера, облегчающая средства к «благоприобретению» и обеспечивающая спокойное обладание его сочными плодами... Чудный век! нельзя довольно нахвалиться им! Его открытие важнее открытия Америки и изобретения пороха и книгопечатания, потому что открытая им великая тайна — теперь уже не тайна не для одних капиталистов, антрепрениеров и подрядчиков, словом, «приобретателей», живущих чужими трудами, — но и для тех, которые для них трудятся... и эти уж знают, на чем мир стоит, т. е. и они хотят читать романы. <...>

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1847 ГОДА

1847—1848 гг.

(...) Искупитель рода ²⁹ человеческого приходил в мир для всех людей; не мудрых и образованных, а простых умом и сердцем рыбаков призвал он быть «ловцами человеков», не богатых и счастливых, а бедных, страждущих, падших искал он, чтобы одних утешить, других ободрить и восстановить. Гнойные язвы на едва прикрытом нечистыми лохмотьями теле не оскорбляли его исполнением любви и милосердия взгляда. Он — сын бога — человечески любил людей и сострадал им в их нищете, грязи, позоре, разврате, пороках, злодействах; он разрешил бросить камень в блудницу тем, которые ничем не могли упрекнуть себя в совести, и устыдил жестокосердых судей и сказал падшей женщине слово утешения, — и разбойник, испуская дух на орудии заслуженной им казни, за одну минуту раскаяния услышал от него слово прощения и мира... А мы — сыны человеческие — мы хотим любить из наших братьев только равных нам, отворачиваемся от низших, как от парий, от падших, как от прокаженных... Какие добродетели и заслуги дали нам на это право? Не отсутствие ли именно всяких добродетелей и заслуг?.. Но божественное слово любви и братства не в ту же огласило мир. То, что прежде было обязанностию только призванных лиц или добродетелью немногих избранных натур, — это самое делается теперь обязанностию обществ, служит признаком уже не одной добродетели, но и образованности частных лиц. Посмотрите, как в наш век везде заняты все участью низших классов, как частная благотворительность всюду переходит в общественную, как везде основываются хорошо организованные, богатые верными средствами общества для распространения просвещения в низших классах, для пособия нуждающимся и страждущим, для отвращения и предупреждения нищеты и ее неизбежного следствия — безразличности и разврата. Это общее движение, столь благородное, столь человеческое, столь христианское, встретило своих порицателей в лице поклонников тупой и косной патриархальности. Они говорят, что тут действует мода, увлечение, тщеславие, а не человеколюбие. Пусть так, да когда же и где же в лучших человеческих действиях не участвовали подобные мелкие побуждения? Но как же сказать, что только такие побуждения могут

быть причиною таких явлений? Как думать, что главные виновники таких явлений, увлекающие своим примером толпу, не одушевлены более благородными и высокими побуждениями? Разумеется, нечего удивляться добродетели людей, которые бросаются в благотворительность не по чувству любви к ближнему, а из моды, из подражательности, из тщеславия; но это добродетель в отношении к обществу, которое исполнено такого духа, что и деятельность суетных людей умеет направлять к добру! Это ли не отрадное в высшей степени явление новейшей цивилизации, успехов ума, просвещения и образованности? (...)

Высочайший и священнейший интерес общества есть его собственное благосостояние, равно простертое на каждого из его членов. Путь к этому благосостоянию — сознание, а сознанию искусство может способствовать не меньше науки. Тут и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не может заменить искусства, ни искусство науки. (...)

«Письма из Avenue Marigny» * были встречены некоторыми читателями почти с неудовольствием, хотя в большинстве нашли только одобрение. Действительно, автор невольно впал в ошибочность при суждении о состоянии современной Франции тем, что слишком тесно понял значение слова: *bourgeoisie*. Он понимает под этим словом только богатых капиталистов и исключил из нее самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословия... Несмотря на это, в «Письмах из Avenue Marigny» так много живого, увлекательного, интересного, умного и верного, что нельзя не читать их с удовольствием, даже во многом не соглашаясь с автором³⁰. (...)

ПИСЬМО В. П. БОТКИНУ

7/19 июля 1847 г.

(...) Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии, которую Фридрих Великий³¹ считал лучшим перлом в своей короне. Только здесь я понял ужасное значение слов *павперизм*³² и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами, там есть плантаторы-помещики, третирующие своих крестьян, как негров, там есть воры и грабители чиновники; но нет бедности,

* Авеню Мариньи (франц.). — Ред.

хотя нет и богатства. Лениость и пьянство производят там грязь и лохмотья, но это все еще не бедность. Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат! Здесь еще счастлив тот, кто может с своею собакою и своими малолетними детьми запрячь себя в телегу и босиком возить из-за Зальцбрунна во Фрейбург каменный уголь. Кто же не может найти себе места собаки или лошади, тот просит милостыню. По его лицу, голосу и жестам видно, что он не нищий по ремеслу, что он чувствует весь ужас, весь позор своего положения: как отказать ему в зильбергроше, а между тем, как же и давать всем им, когда их гораздо больше, нежели сколько у меня в кармане пфеннигов? Страшно!(<...>)

Прочел я книгу Луи Блана³³. Этому человеку природа не отказала ни в голове, ни в сердце; но он хотел их увеличить собственными средствами, — и оттого у него, вместо великой головы и великого сердца, вышла — раздутая голова и раздутое сердце. В его книге много дельного и интересного; она могла б быть замечательно хорошею книгою; но Блашка умел сделать из нее прескучную и препوشлую книгу. Людовик XIV унизил, видишь, монархизм, эманципировавши церковь во Франции от Рима! О лошадь! Буржуази у него еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния, тогда как по его же книге выходит, что без нее не было бы той революции, которою он так восхищается, и что ее успехи — ее законное приобретение. Ух как глуп — мочи нет!(<...>)

ПИСЬМО Н. В. ГОГОЛЮ

15 июля 1847 г.

(<...> Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пизтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное

зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением одноклассового кнута треххвостой плетью³⁴. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, — является с книгой, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!*.. И это не должно было привести меня в негодование?.. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы вернули искренности направления Вашей книги?.. Нет, если бы Вы действительно преисполнились истинною Христова, а не дьяволова учения, — совсем не то написал бы Вы Вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне — его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хотя, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: *ах ты неумытое рыло!* да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы

в словах глупой бабы в повести Пушкина³⁵, и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления!.. Не может быть!.. Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться, или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, лъстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете?

ПИСЬМО К. Д. КАВЕЛИНУ³⁶

22 ноября 1847 г.

⟨...⟩ Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с Вами едва ли расхожусь. Как и Вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и Вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их, как неопровержимые доказательства. Вы же пустили в ход идею развития личного начала, как содержание истории русского

и народа. Нам с Вами жить недолго, а России — века, может быть, тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего. Личность у нас еще только наклеивается, и оттого гоголевские типы — *пока* самые верные русские типы. Это понятно и просто, как $2 \times 2 = 4$. Но как бы мы ни были нетерпеливы и как бы ни казалось нам все медленно идущим, а ведь оно идет страшно быстро. <...>

Вам, милый мой юноша, поправилось то, что Самарии говорит о народе: перечтите-ко да переводите эти фразы на простые понятия — так и увидите, что это целиком взятые у французских социалистов и плохо понятые понятия о народе, абстрактно примененные к нашему народу³⁷. Если б об этом можно было писать, не рискуя впасть в тои доноса, я бы пошелился над ним за эту страницу. <...>

ПИСЬМО В. П. БОТКИНУ

2 — 6 декабря 1847 г.

<...> Я согласен, что одию буржуази нельзя объяснить à fond* и окончательно гиусного, позорного положения современной Фраиции, что это вопрос страшно сложный, запутанный и прежде всего и больше всего — исторический, а потом уже, какой хочешь — иравствеинный, философский и т. д. Я понимаю, что буржуази явление не случайное, а вызваинное историею, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги. Я даже согласился с Аиенковым, что слово bourgeoisie не совсем определению по его многоместительности и эластической растяжимости. Буржуа и огромные капиталисты, управляющие так блистательно судьбами современной Фраиции, и всякие другие капиталисты и собственники, мало имеющие влияние на ход дел и мало прав, и, наконец, люди, вовсе ничего не имеющие, т. е. стоящие за цензом. Кто же не буржуа? Разве, ouvrier**, орошающий собственным потом чужое поле. Все теперешние враги буржуази и защитники народа так же не принадлежат к иароду, и так же принадлежат к буржуази, как и Робеспьер и Сеи-Жюст³⁸. <...>

* вполне (франц.). — Ред.

** рабочий (франц.). — Ред.

Итак, не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции. Она в их руках, а этому-то бы и не следовало быть. Средний класс всегда является великим в борьбе, в преследовании и достижении своих целей. Тут он и великодушен и хитер, и герой и эгоист, ибо действуют, жертвуют и гибнут из него избранные, а плодами подвига или победы пользуются все. В среднем сословии сильно развит *esprit de corps* *. Оно удивительно смысленно и ловко действовало во Франции и, правду сказать, не раз эксплуатировало народом: подожжет его, да потом и вышлет Лафайета и Бальи³⁹ расстреливать пушками его же, т. е. народ же. В этом отношении основной взгляд на буржуази Луи Блана⁴⁰ не совсем неоснователен, только доведен до той крайности, где всякая мысль, как бы ни справедлива была она в основе, становится смешною. Кроме того, он выпустил из виду, что буржуази в борьбе и буржуази торжествующая — не одна и та же, что начало ее движения было непосредственное, что тогда она не отделяла своих интересов от интересов народа. <...>

Горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят. Торгаш есть существо, по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное, ибо он служил Плутусу, а этот бог ревнивей всех других богов и больше их имеет право сказать: кто не за меня, тот против меня. Он требует себе человека всего, без раздела, и тогда щедро награждает его; приверженцев же неполиных он бросает в банкротство, а потом в тюрьму, и наконец в нищету. Торгаш — существо, цель жизни которого — нажива, поставить пределы этой наживе невозможно. Она, что морская вода: не удовлетворяет жажды, а только сильнее раздражает ее. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель, и люди — тоже цель; у него нет к ним любви и сострадания, он свирепее зверя, неумолимее смерти, он пользуется всеми средствами, детей заставляет гибнуть в работе на себя, прижимает пролетария страхом голодной смерти (т. е. сечет его голодом, по выражению одного русского помещика, с которым я встретился в путешествии), снимает за долг рублище с нищего, пользуется развратом, служит ему и богатеет от бедняков. <...>

* сословное чувство (франц.). — *Ред.*

Торгашу недоступны никакие человеческие чувства, и если какое-нибудь явится у него, например, любовь к сыну или дочери, то не как естественное чувство, а как уродливая страсть, как кара за его отвержение от человечества. <...>

Ты, пожалуй, заключишь, что я не уважаю труда и в гуляке *праздном* вижу идеал человека. Нет, это не так. В гуляках я только вижу потерянных людей, но людей, а в наживальщиках я не вижу никаких людей. <...> Обращаясь к торгашам, надо заметить, что человека искажает всякая дурная овладевшая им страсть и что, кроме наживы, таких страстей много. Так, но это едва ли не самая подлая из страстей. А потом она дает *esprit de corps* и тон всему сословию. Каково же должно быть такое сословие? И каково государству, когда оно в его руках? В Англии средний класс много значит — нижняя палата представляет его; а в действиях этой палаты много величавого, а патриотизма просто бездна. Но в Англии среднее сословие контрабалансируется аристократиею, оттого английское правительство столько же государственно, величаво и славно, сколько французское либерально, низко, пошло, ничтожно и позорно. Кончится время аристократии в Англии, — народ будет контрабалансировать среднему классу; а не то — Англия представит собою, может быть, еще более отвратительное зрелище, нежели какое представляет теперь Франция. Я не принадлежу к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что буржуази — зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо. <...> Я с этим соглашусь только тогда, когда на опыте увижу государство, благоденствующее без среднего класса, а как пока я видел только, что государства без среднего класса осуждены на вечное ничтожество, то и не хочу заниматься решением априори такого вопроса, который может быть решен только опытом. Пока буржуази есть и пока она сильна, — я знаю, что она должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом. Я согласен, что даже и отверженная порода капиталистов должна иметь свою долю влияния на общественные дела; но горе государству, когда она одна стоит во главе его! Лучше заменить ее ленивою, развратною и покрытою лохмотьями сволочью: в ней скорее можно найти патриотизм, чувство национального достоинства и желание общего блага. <...>

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ ⁴¹

1847 г.

В последнее время положение народа всюду стало возбуждать особенное внимание правительств, обществ, науки и литературы. Торжество божественного учения Евангелия и успехи образованности должны были наконец довести до этого Европу, несмотря на царствовавшие в ней феодальные предрассудки и учреждения, долго разъединявшие государственные сословия.

В Европе и у нас — это тот же вопрос, но не тот его характер. У нас не было завоевания и — результата его — феодализма, стало быть, в нашей истории не было борьбы двух враждебных элементов, из которых один представлялся бы племенем завоевавшим, другой — покоренным. Отсюда, например, система поземельной собственности у нас совсем другая. При дворянстве, владеющем своею землею, у нас существует многочисленный класс свободных земледельцев, владеющих своею землею на коммунальном начале. Это обстоятельство, вместе с слабым развитием мануфактурной промышленности, причиною того, что у нас нет пролетариата в том виде, как он существует в Европе. Отсюда явление нищеты у нас имеет другой характер и другие причины. Оно делается очевидным, бросается в глаза только при неурожаях. Стало быть, это зло временное и местное, которое, по обширности России, никогда не может быть для нее общим. Но тем не менее это зло трудно предупреждать и также трудно облегчать. И вот тут-то, стало быть, настоящее наше зло. А какие его причины? — невежество, старые закоренившиеся привычки и предрассудки, ложные начала, на которых опирается наше земледелие, неразвитость, или лучше сказать, почти несуществование той промышленности, которой потребителем должна бы быть масса народа, затруднительность сообщений. Очевидно, что самое верное лекарство против такого зла должно состоять в успехах цивилизации и просвещения. Путь мирный и спокойный, ручающийся за достижение великой цели общего благосостояния! Петр Великий направил Россию на этот путь и указал ей ее цель; и с тех пор до сей минуты она была верна указанным ей ее Моисеем пути и цели, ведомая достойными потомками великого предка, преемниками его власти и духа... В отношении к внутреннему развитию России настоящее царствование, без всякого сомнения, есть самое замечательное после царствования Петра Великого.

Только в наше время правительство проникло во все стороны многосложной машины своего огромного государства, во все убежища и изгибы ее, прежде ускользавшие от его внимания, и сделало ощутительным благотворное влияние свое во всех стихиях народной жизни. Общественное благоустройство, не в одном административном, но и в нравственном смысле этого слова, составляет предмет его особенных попечений. Старые основы общественной жизни, которые уже заржавели от времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины и остановить ее движение вперед, мудро отстраняются мало-помалу, без всякого сотрясения в общественном организме. <...>

Мы не знаем доселе ни одного народа, которого развитие и ход вперед не были бы основаны на разделении народной жизни на народ и общество. Этого разделения нет у азиатских коснеющих народов, ибо у них разделяют народ касты, привилегии, но не просвещение и образование. Начиная с греков, родоначальников европейской цивилизации, у всех европейских народов высшие сословия были представителями образования и просвещения, по крайней мере везде то и другое начиналось с них и от них шло и к народу. Без этих высших сословий, которым обеспеченное положение и присвоенные права давали возможность обратить свою деятельность на предметы умственные, народы всегда остались бы на первобытной степени их патриархального быта. Ученые и художники большею частию везде выходили из народа, но не к народу обращались они. Правда, во времена всеобщего невежества, например, в мрачной ночи средних веков, ученые в особенности составляли особую касту, равно чуждую и народу и обществу, и с той и другой стороны могли ожидать для себя только обвинения в чернокнижничестве и костра. Но когда мрак невежества начал рассеиваться, к кому обратились служители науки, кто принял в них участие? — средние и высшие сословия, а не народ. Что касается до искусств, они всегда существовали и поддерживались высшими сословиями. Стало быть, это разделение народа на классы было необходимо для развития человечества. Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно обуславливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы. Развитие всегда и везде совершалось через личности, и потому-то история всякого рода так похожа на ряд биографий нескольких лиц. История показывает, как часто случалось, что один

человек видел дальше и понимал лучше всего народа то, что иужно было народу, одии боролся с ним и побеждал его сопротивление и самим народом причислялся потом за это к числу его героев. Бывали и такие народы, которые не стоили одного человека: по крайней мере для нас вымысленный или истинный Анахарсис гораздо лучше всех скифов⁴², его недостойных соотечественников.

Итак, очевидно, что разделение на классы было необходимо и благотельно для развития всего человечества и что выйти из привычек и обычаев простого народа совсем не значит выйти из стихии народной жизни в какую-то пустоту и отвлеченность и сделаться призраком. Одии народ, разумея под этим словом только людей низших сословий, не есть еще нация: нацию составляют все сословия. Люди, которые презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе. Люди, которые смотрят на народ человечнее, но думают, что по причине его невежества и необразованности он не заслуживает изучения и что вовсе нечему учиться у него, такие люди, конечно, ошибаются, и с ними мы готовы всегда спорить. Но еще больше их ошибаются те, которые думают, что народ несколько не иуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно. Нет, господа мистические философы, иуждается, да еще как! Народ — вечно ребенок, всегда несовершеннотеи. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и мстителии, человек и зверь. Никакая личность не сравнится с ним в эти минуты ни в способности ясно видеть истину, ни в способности грубо заблуждаться, ни в добре, ни в зле, ни в гениальности, ни в ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в ее торжественных проявлениях. Это — море, величественное и в тишиии и в буре, но никогда не зависящее от самого себя, никогда не управляющее само собою: ветер его повелитель... Просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки. <...>

ПИСЬМО П. В. АННЕНКОВУ

15 февраля 1848 г.

(...) Читаю теперь романы Вольтера⁴³ и ежеминутно мысленно плюю в рожу дураку, ослу и скоту Луи Блану⁴⁴. Из Руссо⁴⁵ я только читал его «Исповедь» и, судя по ней, да и по причине религиозного обожания ослов, возымел сильное омерзение к этому господину. Он так похож на Дост(оевского), который убежден глубоко, что все человечество завидует ему и преследует его. Жизнь Руссо была мерзка, безразлична. Но что за благородная личность Вольтера! какая горячая симпатия ко всему человеческому, разумному, к бедствиям простого народа! Что он сделал для человечества! Правда, он иногда называет народ *vil populace* *, но за то, что народ невежествен, суеверен, изувер, кровожаден, любит пытки и казни. Кстати, мой верующий друг⁴⁶ и наши славянофилы сильно помогли мне сбросить с себя мистическое верование в народ. Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности. Когда я, в спорах с Вами о буржуази, называл Вас консерватором, я был осел в квадрате, а Вы были умный человек. Вся будущность Франции в руках буржуази, всякий прогресс зависит от нее одной, и народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моем верующем друге сказал, что для России нужен новый Петр Великий, он напал на мою мысль, как на ересь, говоря, что сам народ должен все для себя сделать. Что за наивная аркадская мысль! После этого отчего же не предположить, что живущие в русских лесах волки соединятся в благоустроенное государство, заведут у себя сперва абсолютную монархию, потом конституционную и, наконец, перейдут в республику? Пий IX⁴⁷ в два года доказал, что значит великий человек для своей земли. Мой верующий друг доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуази. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази. Польша лучше всего доказала, как крепко государство, лишённое буржуази с правами. Странный я человек! когда в мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелепость, здравомыслящим людям редко удастся выколотить ее из меня доказательствами: для этого мне непременно нужно сойтись с мисти-

* чернь (лат.). — Ред.

ками, пиэтистами и фантазерами, помешанными на той же мысли — тут я и назад. Верующий друг и славянофилы наши оказали мне большую услугу. Не удивляйтесь сближению: лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой верующий друг; они высосали эти понятия из социалистов и в статьях своих цитуют Жоржа Занда и Луи Блана⁴⁸. Но довольно об этом. Дело об освобождении крестьян идет, а вперед не подвигается. На днях прошел в государственном совете закон, позволяющий крепостному крестьянину иметь собственность — с позволения своего помещика⁴⁹!!!<...>

Печатается по: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955—1956, т. V, с. 95, 96, 630, 771; т. VI, с. 96, 383, 389; т. VII, с. 44—46, 195, т. VIII, с. 170—174, 277—287; т. IX, с. 13, 175, 177, 192, 193, 436; т. X, с. 21, 22, 29—32, 112—113, 213—215, 301, 302, 311, 353, 354, 365—369; т. XII, с. 13, 28, 30, 51, 52, 53, 55, 66—67, 69—72, 105, 154, 383—385, 433, 435, 448—452, 467—468.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тексты из произведений В. Г. Белинского включены из Полного собрания сочинений. М., изд-во Академии наук СССР.

В. П. Боткин — ближайший друг и корреспондент Белинского; сохранилось 65 писем Белинского к Боткину за период 1838—1847 гг. Начиная со второй половины 40-х годов, взгляды Боткина и Белинского резко расходятся. Боткин становится противником социализма и революционных методов политической борьбы.

² Плутарх (ок. 45 — ок. 127) — древнегреческий писатель, историк, философ.

³ Марат, Жан-Поль (1743—1793) — известный деятель Великой французской революции.

⁴ Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — великий немецкий философ, представитель объективного идеализма, впервые в истории развития философской мысли дал систематическую разработку диалектического способа мышления; В. Г. Белинский дает критику политических взглядов Гегеля, близкую к марксистской оценке.

⁵ Беранже, Пьер Жан (1780—1857) — французский поэт, с детских лет воспринявший освободительные идеи Французской революции, враг деспотизма и монархии; Шиллер, Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, выдающийся представитель Просвещения в Германии.

⁶ Это первое свидетельство об увлечении Белинского идеями утопического социализма.

⁷ Лютер — см. наст. изд., с. 240, прим. 26; Вольтер — см. наст. изд., с. 384, прим. 43; энциклопедисты — см. наст. изд., с. 239, прим. 19; Байрон, Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт-романтик, сыгравший выдающуюся роль в общественной жизни Европы. Как смелый борец

за идеи свободы, принимал активное участие в освободительной борьбе греческого народа, погиб в Греции.

⁸ Белинский имеет в виду труд французского историка и государственного деятеля Адольфа Тьера (1797—1877) «История Французской революции с 1789 года по 18 брюмера».

⁹ Ханенко И. И. — приятель Белинского.

¹⁰ Статья «Деяния Петра Великого», написанная в 1841 г., относится к периоду перехода Белинского на революционно-демократические позиции.

¹¹ Жиро́нда — нарицательное название контрреволюционных сил, жиро́ндистами называли партию периода Великой французской революции, которая выражала интересы крупной буржуазии, поддерживала феодально-монархические силы Франции, пыталась затормозить развитие революции, вела яростную борьбу с республиканцами; Робеспьер — см. наст. изд., с. 209, прим. 24; Сен-Жю́ст, Луи (1767—1794) — деятель Великой французской революции, сподвижник Робеспьера, участвовал в разработке якобинской конституции 1793 г., решительный противник жиро́ндистов, проявил большую твердость в борьбе с контрреволюцией; гильотинирован после контрреволюционного термидорианского переворота.

¹² Белинский имеет в виду книгу Луи Блана «История десяти лет», в которой отражена история установления июльской монархии во Франции; Блан, Жан Жозеф Шарль Луи (1811—1882) — французский публицист, историк, социал-реформистский политический деятель, был представителем рабочих во Временном правительстве в период революции 1848 г., проводил социал-реформистскую политику, отвлекавшую рабочих от революционной борьбы, в 1871 г. был в рядах противников Парижской коммуны. Блан вошел в историю социализма как родоначальник соглашательства с буржуазией, слово «луиблиановщина» стало нарицательным; после первых восторженных оценок произведения Луи Блана Белинский переходит к резкой критике его взглядов (см. наст. изд., с. 372).

¹³ В условиях подцензурной печати Белинский не мог более открыто выразить свою убежденность в исторической неизбежности социализма.

¹⁴ Этот отрывок полемически направлен против статьи О. И. Сенковского «Сочинения Платона», в которой отрицалось значение античной философии для новейшего времени.

¹⁵ Данте, Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, вершина его творчества «Комедия», названная «Божественной», многие события которой разворачиваются в девяти кругах ада.

¹⁶ Статья посвящена критике романа Э. Сю «Парижские тайны».

¹⁷ Французской хартией названа здесь французская конституция 1814 г., предоставившая права только феодальному дворянству и крупной буржуазии.

¹⁸ Под истинными друзьями народа Белинский подразумевал французских социалистов-утопистов.

¹⁹ Статья представляет собой критический разбор книги реакционного историка С. Н. Смарагова «Руководство к познанию новой истории»; в этой статье Белинский в жесточайших условиях цензуры дает развернутое изложение теоретических основ собственных взглядов, заключающих в себе элементы материалистического понимания истории.

²⁰ Здесь в завуалированной форме высказана мысль о неизбежности социалистического переустройства общества.

²¹ Здесь также наметки на неизбежность осуществления в силу действия закона исторического прогресса нового, социалистического общества.

²² Ваал — древнее общесемитское божество, почитавшееся в Финикии, Палестине и Сирии как бог плодородия, вод, войны и пр.

²³ Имеется в виду книга С. Н. Смарагдова «Руководство к познанию новой истории».

²⁴ Эта мысль свидетельствует о глубине и зрелости философской мысли Белинского.

²⁵ Преодолевая цензурные препоны, Белинский пропагандирует идею социализма.

²⁶ «Взгляд на русскую литературу 1846 года» — одна из программных статей Белинского, в которой он продолжает отстаивать идеи материализма, резко выступая против славянофилов и либералов-западников.

²⁷ Людовик XV (1710—1774) — французский король, правление которого ознаменовалось кризисом французского абсолютизма; расточительность короля привела в расстройство государственную казну.

²⁸ Намек на западноевропейских социалистов-утопистов.

²⁹ Имеется в виду Иисус Христос.

³⁰ Здесь имеются в виду «Письма из Avenue Marigny» А. И. Герцена, в которых развивалась мысль, что буржуазия не имеет великого прошлого и никакого будущего. Белинский разделял взгляды А. И. Герцена об антигуманной сущности капиталистической цивилизации, обнаруживая глубокое понимание исторической роли буржуазии (см. наст. изд., с. 357—359, 369—372, 375—377).

³¹ Фридрих Великий — Фридрих II (1712—1786) — прусский король.

³² Имеется в виду пауперизм — массовая нищета.

³³ Имеется в виду книга Луи Блана «История десяти лет», которая произвела на Белинского большое впечатление; о Луи Блане см. наст. изд., с. 383, прим. 12.

³⁴ Белинский имеет в виду «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., в котором, по желанию Николая I, наказание кнутом заменялось увеличением количества ударов плетью.

³⁵ Белинский подразумевает капитаншу Василису Егоровну из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина.

³⁶ Кавелин К. Д. (1818—1885) — историк, общественный деятель либерально-дворянского лагеря.

³⁷ Имеется в виду статья Ю. Ф. Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных», опубликованная в «Москвитянине».

³⁸ Сен-Жюст — см. наст. изд., с. 383, прим. 11.

³⁹ Лафайет, Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье — политический деятель времен Великой французской революции, в начале революции был популярен, но по мере развития революции перешел на позиции либерально-конституционного монархизма; Бальи — очевидно, Байи, Жаи Сильвен — один из лидеров крупной буржуазии во времена Великой французской революции; в период якобинской диктатуры казнен по приговору Революционного трибунала; Байи и Лафайет ответственны за расстрел народной демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г.

⁴⁰ См. наст. изд., с. 383, прим. 12.

⁴¹ В этой статье Белинский в подцензурных условиях делает попытку высказаться в печати о необходимости отмены крепостного права; по цензурным соображениям он вынужден был пользоваться формулировками официального характера.

⁴² Анахарсис — вождь скифов.

⁴³ Вольтер, настоящее имя Мари Франсуа Аруз (1694—1778) — французский писатель, философ-просветитель, его творчество подчинено борьбе с религиозным фанатизмом. Вольтер выдвигал идеал республики как наибо-

лее разумной формы государственного устройства, основное внимание уделял не королям и полководцам, а истории самих народов, их нравам, обычаям, культуре.

⁴⁴ Белинский имеет в виду непонимание Луи Бланом в его «Истории десяти лет» значения повестей Вольтера (см. наст. изд., с. 383, прим. 12).

⁴⁵ Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — французский философ-просветитель, писатель; самое выдающееся художественное произведение Руссо — «Исповедь».

⁴⁶ Имеется в виду М. А. Бакуини.

⁴⁷ Пий IX (1792—1878) — римский папа, поддерживал в период революционной ситуации в Италии либеральную партию; Ф. Энгельс отмечал, что буржуазное движение в Италии поддерживал папа, игравший «роль первого буржуа Италии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 464).

⁴⁸ Жорж Санд (1804—1876) — французская писательница; Блан., Луи — см. наст. изд., с. 383, прим. 12.

⁴⁹ В марте 1848 г. вышел царский указ о разрешении крестьянам иметь собственность с согласия помещика и без права вступать с ним в конфликты, что явилось фактическим ухудшением, а не улучшением положения крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский и современность. Сб. статей. М., 1964.
 В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977.
 Мезенцев П. А. Виссарион Белинский. М., 1963.
 Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. М., 1949—1967, т. 1—4.
 Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1968.
 Плеханов Г. В. Белинский. Сб. статей. М.—Пг., 1923.
 Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960.
 Филатова Е. М. Белинский. М., 1964.

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

1812

1870

Великий русский мыслитель, писатель и публицист Александр Иванович Герцен, посвятивший всю свою сознательную деятельность борьбе за победу народа над царизмом («Он поднял знамя революции» * — так писал о нем В. И. Ленин), родился в Москве в год наполеоновского нашествия на Россию. Умер он во Франции, незадолго до возникновения первой пролетарской республики — знаменитой Парижской коммуны.

Между двумя датами — без малого 58 лет, большая человеческая жизнь, трудный и сложный путь идейных исканий.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

Главная веха на этом пути — революция 1848—1849 гг., бурей прокатившаяся по ряду европейских стран. Важнейшее событие социально-политической истории XIX в., оставившее громадный след во всем социально-философском творчестве Герцена, эта революция и жизненный его путь резко поделила на две части.

До — Россия, родина...

После — эмиграция: Франция, Италия, Англия, Швейцария...

До — беззаботное, но какое-то одинокое детство; клятва, данная с другом, Николаем Огаревым, на Воробьевых горах, — отомстить за казненных императором Николаем декабристов; шумные университетские аудитории на Моховой, возторженное социалистическое вольномыслие; арест и тюремное заключение в Крутицкие казармы; ссылка; тайное венчание с любимой Наташей; возвращение в Москву; холодный, чиновничий Петербург; новая ссылка; опять Москва, напряженная литературная работа...

После — революционные грозы конца 40-х годов и тягостное послереволюционное похмелье; трагическая гибель матери, сына, смерть жены; создание вольной русской прессы за границей, что было определено В. И. Лениным как «великая заслуга» Герцена *; более чем десятилетний мощный набат «Колокола», горой вставшего за освобождение крестьян от крепостной зависимости; смелая поддержка польских повстанцев 1863 г.; новые семейные драмы; раздоры с молодой, разночинной эмиграцией...

До — первые литературные опыты, циклы блестящих философских статей в «Отечественных записках»; слово придушенное, оскотенное царской цензурой...

После — свободная речь человека, вырвавшегося из николаевской тюрьмы на воздух, речь, прямо обращенная к друзьям и врагам, ко всему миру, к потомкам; книга поразительной исповеди — «С того берега»; мемуарная эпопея «Былое и думы»...

До — молодая, страстная вера в человечество, в его разум, в неизбежное, близкое уже осуществление социалистического идеала, социальной гармонии...

После — глубокий скепсис, обращенный на прежние надежды, на будущее Европы и на будущее вообще, на всякого рода социальные теории и прожекты и даже — временами —

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

на собственную новую веру в возможность для России избежать «буржуазной оспы», мучительных порядков капитализма...

До — убежденное проповедование всеспасительности знания — «религия науки», как впоследствии назовет этот культ теории сам Герцен...

После: «Не ищи решений в этой книге — их нет в ней, их вообще нет у современного человека». Так писал Герцен в посвящении «Сыну моему Александру», предпосланному русскому изданию «С того берега» (1855). Так он писал, а сам неустойчиво, настойчиво продолжал искать эти решения: в книгах и в жизни, в Европе и в России, обращая мысль в прошлое и стараясь заглянуть в завтра.

Но как же можно предсказать будущее, если история, как утверждал иногда Герцен, никуда не идет, не имеет цели? Ведь «если б человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории не было бы»... «Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное — глупо, а верить в земные утопии — умио? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим».

А вскоре — будто и не было этого отречения от веры в «рай земной» — Герцен торжественно провозглашает неизбежность социалистического будущего как «необходимого последствия» истории: «Пока существуют посылки, — а они так глубоко вросли в современную жизнь или выросли из такой глубины ее, что их с корнем вырвать нельзя, — социализм будет ставиться их живым силлогизмом...» Преследование идей социализма безумно: «Как будто какое-нибудь развитие на череду, какое-нибудь логическое последствие ряда осуществившихся посылок можно остановить кулаком и бранью, не убивая организма или не делая из него уroda».

Громадным препятствием социализму, раковой опухолью современного ему западного мира Герцен считал дух мещанства. «Мещанство — идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек диа... Работник всех стран — будущий мещанин... Может, какой-нибудь кризис и спасет... Но откуда он придет, как, и вынесет ли его старое тело или нет? Этого я не знаю...» — печально пишет Герцен в 1862 г.

А через несколько лет, незадолго перед смертью, он же, но как будто другой человек, убежденно говорит о том, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами и что история свершит этот свой революционный акт в Париже... И, разрывая со старым своим товарищем, анархистом Микханлом Бакуниным, Герцен, по словам В. И. Ленина, обращает «свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...» *.

Противоречия? Непоследовательность? Конечно. Но такова одна из характернейших черт герценовского мышления: оно все, сплошь, соткано из противоречий.

Противоречия эти объясняются прежде всего тем, что как мыслитель Герцен никогда не стоял на месте. Резкий противник всякого рода доктринерства, духовной окостенелости, он не строил законченных систем. Еще с юности он был убежден в том, что «догматизм в науке не прогрессивен; совсем напротив, он заставляет живое мышление осесть каменной корой около своих начал». Это убеждение он пронес через всю жизнь. Отсюда — самокритичный характер мысли Герцена, отсутствие у него жестких формулировок, законченных выводов, вероятностность многих тезисов, диалогическая форма важнейших произведений. Отсюда — и постоянное обращение его к трудам самых разных мыслителей, прошлых и настоящих, непрерывная учеба у них, их критическое переосмысление — не с целью подыскать дополнительные аргументы для какой-то доктрины, а с целью выявления и развития содержащихся в их учениях рациональных начал. Отсюда — и всегдашняя полемичность стиля, пристрастие к острым дискуссиям, кто бы ни был идейный противник. Но отсюда же — и развитие, изменение собственных взглядов, разочарование в некоторых ранее защищаемых идеях, отказ от них, выдвижение новых.

Теоретическая эволюция Герцена не получила завершения. Однако при всей сложности и противоречивости его идейных исканий, их всегда отличало оригинальное сочетание идей философских, общетеоретических с революционными, социалистическими.

Научная добросовестность не позволила Герцену удовлетвориться ни одним из тех решений социального вопроса (будь то доктрины Сен-Симона, Фурье или Оуэна, либо идеи блан-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

кизма и прудонизма), несостоятельность которых обнаруживали и развитие самой общественной мысли и, прежде всего, историческая практика... Но именно неустанное постоянное стремление сделать социалистическую идею сильной, неопровержимо доказать неизбежность осуществления строя подлинного равенства неодолимо влекло Герцена в направлении научной теории общественного развития.

«Герцен,— писал В. И. Ленин,— вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» *.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

ТЕКСТЫ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ¹

⟨...⟩ Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутио хороша как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя. Ее сил стало на борьбу и на победу; но сладить с победою она не могла: не так воспитана. Дворянство имело свою общественную религию; правилами политической экономии нельзя заменить догматы патриотизма, предания мужества, святыню чести; есть, правда, религия, противоположная феодализму², но буржуа поставлен между этими двумя религиями⟨...⟩

⟨...⟩ Социализм предполагает республику как необходимо уже пройденный путь; политическая республика, представлятельная, составляет именно переход от монархии к социализму. Республика⟨...⟩ не может быть совершенно свободна до тех пор, пока она принимает неизменными основы существующего исторического, общественного устройства. А в ту минуту, в которую она их переступит, она становится социальной — название условное и присвоенное именно для означения этого перехода.

Обыкновенно думают, что социализм имеет исключительною целью разрешение вопроса о капитале, ренте и заработной плате, т. е. об уничтожении людоедства в его образованных формах. Это не совсем так. Экономические вопросы чрезвычайно важны, но они составляют одну сторону целого воззрения, стремящегося, наравне с уничтожением злоупотреблений собственности, уничтожить на тех же основаниях и все монархическое, религиозное — в суде, в правительстве, во всем общественном устройстве и, всего более, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности.⟨...⟩

В XVIII столетии республика была пламенным верованием, религией, ее имя тогда была целая революция³. В 92 году

республика являлась на горизонте светлою и торжественной вестью освобождения, как некогда царство небесное. Разумеется, ни царство небесное, ни мечтаемая республика не могли осуществиться так, как их ожидали современники, — в самом водворении церкви и ниспровержении трона лежало освобождение людей от доли прошедших уз; но скоро люди наткнулись на предел.

Бабеф, прежде нежели сложил голову на плаху, сказал Франции, что ее революция только начало, *l'avant-coureur* * другого переворота и что этот грядущий переворот дотронется не до форм, а до сущности, до нервной пульпы гражданских обществ. Его не поняли, да и тогда не время было понимать его. (...) С наполеоновской эпохи прошли века — безумие Бабефа, безумие Сен-Симона и Фурье выросли с своей стороны в религию. (...)

(...) Обвинение, что социализм не выработал своего воззрения, не развил своих учений, а принялся их осуществлять, школьно и пусто; общественные перевороты никогда не бываю-т готовы перед борьбою; готово бывает отрицание старого; борьба — действительное рождение на свет общественных идей, она их делает живыми из абстракции, учреждениями из теоретических мыслей; готовы и выработаны являются утопии — Платонова республика, Атлантида Томаса Моруса ⁴, царство небесное, весь ⁵ божия христиан. (...) Пока социализм был теоретическою мыслию, он делал окончательные построения (фаланстер), выдумывал формы и костюмы; как скоро он стал осуществляться, сенсимонизм и фурьеризм исчезли и явился социализм коммунизма, т. е. борьбы на смерть, социализм Прудона, который сам недавно сказал, что у него не система, а критика и негация. (...)

(...) Революция ⁶ не остановилась. Вместо неосторожных попыток и заговоров работник думает крепкую думу и ищет связи не с цеховыми революционерами, не с редакторами журналов, — а с крестьянами. (...)

В груди крестьянина собирается тяжелая буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении властей, но он мрачно посматривает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика; но он видит, что, сколько ни работай, барыш идет в другие руки, — и слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет, с своей упорной твердостью хлебопашца, с своей основательной прочностью

* предвестница (франц.). — *Ред.*

во всяком деле, тогда он сочтет свои силы — а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс.

Всего вероятнее, что действительная борьба богатого меньшинства и бедного большинства будет иметь характер резко коммунистический.

Слово это пугает старых революционеров, так, как слово «якобинец» пугало вольнодумов-дворян и слово «иезуит» полукатоликов. Они проповедовали всю жизнь равенство и братство, теперь они хотят отпярнуть, когда народ берет их за слово, — и все еще воображают, что они идут с ним заодно и представляют во всей чистоте его стремления. {...}

{...} Пролетарий будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм проиесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо, быстро. Среди грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест — явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры.

Они сочетаются на тысячу ладов с историческим бытом; но как бы ни сочетались они, основой той будет принадлежать социализму; современный государственный быт с своей цивилизацией погибнут — будут, как учтиво выражается Прудон, ликвидированы.

Вам жаль цивилизации?

Жаль ее и мне.

Но ее не жаль массам, которым она ничего не дала, кроме слез, нужды, невежества и унижения. {...}

{...} Французский социализм явился вслед за 93 годом как упрек республике политико-демократической С.-Жюста и Робеспьера, как пророчество будущего переворота — его казнили консерваторы в лице Гракха Бабефа. Но он вскоре, во время Империи, возродился не в революционной, а индустриально-религиозной форме, потомок герцогов Сен-Симона сделался проповедником нового социализма. {...} Учение С.-Симона и Фурье распространялось — и что, может, важнее их школ, — это то, что вопросы, поднятые ими, что их сомнения в прочности существующего, что их критика перешла в умы, враждебные им, заняла всех. — Восстание в Лионе 1832⁷ — носит в себе совершенно новый характер, кровь льется не из религиозного разномыслия, не из политического устройства — из вопроса работы и возмездия. — С тех пор вопрос этот ни на минуту не сходил с арены, вольно было

отворачиваться от него, не знать его (*ignorer* *, как говорят немцы); он был тут, как угроза, как угрызение совести. Работники, вообще пролетарии, несравненно более сочувствовали социальным и коммунистическим теориям, нежели либерализму «Националя»⁸. Журналы социалистов имели мало влияния, буржуазная и буржуазно-либеральная журналистика не удостоверяла внимания и разбора даже такие сочинения, как Прудонovo «*Contradictions de l'économie politique*»⁹ — самое серьезное и глубокое сочинение последнего десятилетия во Франции. Ни одно отдельное учение не обнимало всего вопроса социального, ни одно само по себе не было сильно, от уступчивых теорий Консидерана до злейшего коммунизма, от логики Прудона до мечтаний Кабе, — но, взятые вместе и дополненные теми стремлениями, которые еще не успели выразиться учением, системой, они представляли великий элемент в развитии народном, тем более важный, что вся сознательная и рассуждающая [часть] работников были социалистами.

Из пепла, брошенного умирающим Бабефом, — родился французский работник. Будущность Франции — его, наследник Бурбонов и мещан — не Генрих V¹⁰, не Ламартин¹¹, а блузиник, столяр, плотник, каменотеец. Потому что это единственное сословие во Франции, которое доработалось до некоторой ширины политических идей, которое вышло вон из существующего замкнутого круга понятий. Потому что его товарищ по несчастью, бедный земледелец, представляет в противоположность деятельному протесту работников — страдательное, тупое хранение *statu quo*. Парижский работник принял в наружности что-то серьезное, *austere* **. Это люди, до которых коснулось веяние будущего, это люди, почувствовавшие призвание — и оставившие для него все, это назарен в Риме¹², социализм у них перешел в религию, работа сделалась священнодействием. Что за мощный народ, который, несмотря на то, что просвещение не для него, что воспитание не для него, несмотря на то, что сгнетен работой и думой о куске хлеба, — силою выстраданной мысли до того обошел буржуазию, что она не в состоянии его понимать — что она с страхом и ненавистью предчувствует неясное, но грозное пророчество своей гибели — в этом юном бойце с заско-рузыми от работы руками. (...)

* игнорировать (нем.). — *Ред.*

** суровое (франц.). — *Ред.*

С ТОГО БЕРЕГА ¹³

⟨...⟩ Либералы всех стран, со времени Реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодального устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя страданий притесненного, во имя голода неимущего; они радовались, глядя до упаду министров, от которых требовали неудобноисполнимого, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлеклись наконец, что перешли собственные желания. Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился — не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — пролетарий, рабочий с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем. Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах, в чем его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности рабочего, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от *брата* за штыками осадного положения, спасая *цивилизацию и порядок!* ¹⁴

Они правы, только они непоследовательны. Зачем же они прежде подламывали монархию? Как же они не поняли, что, уничтожая монархический принцип, революция не может остановиться на том, чтоб вытолкать за дверь какую-нибудь династию.⟨...⟩

⟨...⟩ Рабочий не хочет больше работать для другого — вот вам и конец антропофагии, вот предел аристократии. Все дело остановилось теперь за тем, что рабочие не считали своих сил, что крестьяне отстали в образовании; когда они протянут друг другу руку, — тогда вы распрощаетесь с вашим досугом, с вашей роскошью, с вашей цивилизацией, тогда окончится поглощение большинства на вырабатывание светлой и роскошной жизни меньшинству. В идее теперь уже кончена эксплуатация человека человеком. Кончена потому, что никто не считает это отношение справедливым!⟨...⟩

⟨...⟩ Как вы уговорите рабочего терпеть голод и нужду, пока исподволь переменится гражданское устройство? Как вы убедите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которой он держится за свои монополии и права? Трудно представить себе такое самоотвержение. Что можно было сделать — сделано; развитие среднего сословия, конституционный порядок дел — не что иное, как промежуточная

форма, связующая мир феодально-монархический с социально-республиканским. Буржуазия именно представляет это полуосвобождение, эту дерзкую нападку на прошедшее с желанием унаследовать его власть. Она работала для себя — и была права. Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда делает для себя. Не могла же буржуазия себя принимать за уродливое промежуточное звено, она принимала себя за цель; но так как ее нравственный принцип был меньше и беднее прошлого, а развитие идет быстрее и быстрее, то и нечему удивляться, что мир буржуазии истощился так скоро и не имеет в себе более возможности обновления. Наконец, подумайте, в чем может быть этот переворот исподволь — в раздроблении собственности, вроде того, что было сделано в первую революцию? ³— Результат этого будет тот, что всем на свете будет мерзко; мелкий собственник — худший буржуа из всех; все силы, таящиеся теперь в многострадальной, но мощной груди пролетария, иссякнут; правда, он не будет умирать с голода, да на том и остановится, ограниченный своим клочком земли или своей каморкой в рабочих казармах. Такова перспектива мирного, органического переворота. Если это будет, тогда главный поток истории найдет себе другое русло, он не потеряется в песке и глине, как Рейн, человечество не пойдет узким и грязным проселком, — ему надобно широкую дорогу. Для того, чтоб расчистить ее, оно ничего не пожалеет. (...)

Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи.

— Если припомнить, что вы сейчас сказали о христианстве, и продолжить сравнение, то будущность социализма незавидная, он останется вечным упованием.

— И по дороге разовьет блестящий период истории под своим благословением. Евангелие не осуществилось, да это и не нужно было; а осуществились средние века, века восстания, века революции, но христианство проникло во все эти явления, участвовало во всем, указывало, напутствовало. Исполнение социализма представляет также неожиданное сочетание отвлеченного учения с существующими фактами. Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву, да и почва при том не остается страдательным носителем, а дает свои соки, вносит свои элементы.

Новое, возникающее из борьбы утопий и консерватизма, входит в жизнь не так, как его ожидала та или другая сторона; оно является переработанным, новым, составленным из воспоминаний и надежд, из существующего и водворяемого, из преданий и возникновений, из верований и знаний, из отживших римлян и неживших германцев, соединяемых одной церковью, чуждой обоим. Идеалы, теоретические построения иногда не осуществляются так, как они носят в нашем уме. (...)

(...) Сердитесь сколько хотите, но мира никак не переделаете по какой-нибудь программе; он идет своим путем, и никто не в силах его сбить с дороги. Узнавайте этот путь — и вы отбросите нравоучительную точку зрения, и вы приобретете силу. Моральная оценка событий и журьба людей принадлежат к самым начальным ступеням понимания. (...)

— Глухое брожение, волнующее народы, происходит от голода. Будь пролетарий побогаче, он и не подумал бы о коммунизме. Мещане сыты, их собственность защищена, они и оставили свои пожелания о свободе, о независимости; напротив, они хотят сильной власти, они улыбаются, когда им с негодованием говорят, что такой-то журнал схвачен, что того-то ведут за мишину в тюрьму. Все это бесит, сердит небольшую кучку эксцентрических людей; другие равнодушно идут мимо, они заняты, они торгуют, они семейные люди. Из этого никак не следует, что мы не вправе требовать полной независимости; но только не за что сердиться на народ, если он равнодушен к нашим скорбям. (...)

(...) Думали ли вы когда-нибудь, что значат слова «человек рождается свободным»? Я вам их переведу, это значит: человек рождается зверем — не больше. Возьмите табун диких лошадей, совершенная свобода и равное участие в правах, полной коммунизм. Зато развитие невозможно. Рабство — первый шаг к цивилизации. Для развития надобно, чтобы одним было гораздо лучше, а другим гораздо хуже; тогда те, которым лучше, могут идти вперед на счет жизни остальных. Природа для развития ничего не жалеет. (...)

(...) Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в бога смешно, а верить в человечество не смешно; верить в царство небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно? Отбросивши положительную религию, мы остались при всех религиозных привычках и, утратив рай на небе, верим в пришествие рая земного и хвастаемся этим. Вера в будущее за гробом

дала столько силы мученикам первых веков; но ведь такая же вера поддерживала и мучеников революции; те и другие гордо и весело несли голову на плаху, потому что у них была непреложная вера в успех их идеи, в торжество христианства, в торжество республики. Те и другие ошиблись — ни мученики не воскресли, ни республика не водворилась. Мы пришли после них и увидели это. Я не отрицаю ни величие, ни пользу веры; это великое начало движения, развития, страсти в истории, но вера в душе людской — или частный факт, или эпидемия. Натянуть ее нельзя. <...>

<...> Как аристократия, выродившаяся до болезненных кретинов, измельчавшая Европа изживает свою бедную жизнь в сумерках тупоумия, в вялых чувствах без убеждений, без изящных искусств, без мощной поэзии. Слабые, хилые, глупые поколения протянутся как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменным покрывалом и предаст забвению — летописей.

А там? —

А там настанет весна, молодая жизнь закипит на их гробовой доске, варварство младенчества, полное неустroенных, но здоровых сил, заменит старческое варварство; дикая, свежая мощь распахнется в молодой груди юных народов, и начнется новый круг событий и третий том всеобщей истории.

Основой тон его мы можем понять теперь. Он будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией...

Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, *corsi e vecorsi* * истории, *perpetuum mobile* ** маятника! <...>

РОССИЯ ¹⁵

<...> Я ничего не пророчу, но я и не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны, пригвождены к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться

* Здесь: приливы и отливы (итал.). — *Ред.*

** вечное движение (лат.). — *Ред.*

путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны; есть среди них и такие, которые уже готовы к этому движению, другие к нему готовятся. Одна из них известна, я говорю о Северо-Американских Штатах. Другую же, полную сил, но вместе и дикости, — знают мало или плохо.

Вся Европа на все лады, в парламентах и в клубах, на улицах и в газетах, повторяла вопль берлинского крикуна: «Они идут, русские! вот они! вот они!»¹⁶ <...>

Никто однако не знает, что же собой представляют эти русские, эти варвары, эти казаки, что собой представляет этот народ, мужественную юность которого Европа имела возможность оценить в бою, из коего он вышел победителем¹⁷. Чего хочет этот народ, что несет он с собой? Кто хоть что-либо знает о нем? Цезарь знал галлов лучше, чем Европа знает русских. Пока Западная Европа имела веру в себя, пока будущее представлялось ей лишь продолжением ее развития, она не могла заниматься Восточной Европой; теперь же положение вещей сильно изменилось.

Это высокомерное невежество Европе более не к лицу; оно теперь являлось бы не сознанием превосходства, а смешной претензией какого-нибудь кастильского гidalго в сапогах без подметок и дырявом плаще. Опасность нынешнего положения не может быть скрыта. Упрекайте русских сколько вам вздумается за то, что они рабы, — в свою очередь они вас спрашивают: «А вы, разве вы свободны?» Они могут даже прибавить, что без раскрепощения России Европе никогда не суждено быть свободной. <...>

<...>...По его (Гакстаузена¹⁸. — *Ред.*) словам, сельская община составляет в России все. В ней, по мнению барона, ключ к прошлому России и зародыш ее будущего, животворящая монада русского государства. <...>

Я полностью разделяю мнение Гакстаузена, но думаю, что сельская община — еще не все в России. Гакстаузен действительно уловил животворящий принцип русского народа; но по своей врожденной склонности ко всему патриархальному и вследствие полного отсутствия критического дара он не заметил, что именно отрицательная сторона общинной жизни и вызвала петербургскую реакцию. <...>

Мне кажется, что в русской жизни есть нечто более высокое, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами, и еще труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей

себя силе, которая так чудодейственно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и под западной розгой капрала; я говорю о той внутренней силе, при помощи которой русский крестьянин сохранил, несмотря на унижительную дисциплину рабства, открытое и красивое лицо и живой ум и который, на императорский приказ образоваться, ответил через сто лет громадным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе, о той вере в себя, которая волнует нашу грудь. Эта сила, независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддержала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели?.. Это-то нам и покажет время.

«Русские сельские общины и республика, славянские деревни и социальные установления». Эти слова, таким образом сгруппированные, без сомнения, звучат весьма странно для слуха читателей Гакстгаузена. Многие, я уверен в этом, спросят, находился ли вестфальский агроном в здравом уме. И однако Гакстгаузен совершенно прав: социальное устройство сельских общин в России — истина, столь же великая, как и могущественная славянская организация политической системы. Это странно!.. Но разве еще не более странно, что рядом с европейскими рубежами в течение тысячелетия жил народ, насчитывающий теперь пятьдесят миллионов душ, и что в середине девятнадцатого века его образ жизни является для Европы неслыханной новостью?

Русская сельская община существует с незапамятного времени, и довольно схожие формы ее можно найти у всех славянских племен. Там, где ее нет, — она пала под германским влиянием. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел.

Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса¹⁹: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины; эта земля

предоставлена ему в пожизненное владение; он не может, да и не имеет надобности передавать ее по наследству.〈...〉

Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен.

Каждый из владеющих землею в общине, то есть каждый совершеннолетний и обложенный податью, имеет голос в делах общины. Староста и его помощники избираются миром. Так же поступают при решении тяжбы между разными общинами, при разделе земли и раскладке податей.〈...〉

Человек, привыкший во всем полагаться на общину, погибает, едва лишь отделится от нее; он слабеет, он не находит в себе ни силы, ни побуждений к деятельности: при малейшей опасности он спешит укрыться под защиту этой матери, которая держит, таким образом, своих детей в состоянии постоянного несовершеннолетия и требует от них пассивного послушания. В общине слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию, — в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот.

Общинное устройство усыпляло русский народ, и сои этот становился с каждым днем все более глубоким, пока, наконец, Петр I грубо не разбудил часть нации. Он искусственно вызвал нечто вроде борьбы и антагонизма, и именно в этом-то и заключалось провиденциальное назначение петербургского периода.〈...〉

Утверждают, что все дикие народы начинали с подобной же общины; что она достигла у германцев полного развития, но что всюду она вынуждена была исчезнуть с началом цивилизации. Из этого заключили, что та же участь ожидает русскую общину; но я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого.

Германская община пала, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделяться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным. Почему же Россия должна лишиться теперь своей сельской общины, если она

сумела сберечь ее в продолжение всего своего политического развития, если она сохранила ее нетронутой под тягостным ярмом московского *царизма*, так же как под самодержавием — в европейском духе — императоров?

Ей гораздо легче отделаться от администрации, насильственно насажденной и совершенно не имеющей корней в народе, чем отказаться от общины. <...>

РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ ²⁰

<...> Какое счастье для России, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания.

Европа, — я это сказал в другом месте ²¹, — не разрешила антиномии между личностью и государством, но она поставила себе задачею это разрешение. Россия также не нашла этого решения. Перед этим вопросом начинается наше равенство.

Европа, на первом шагу к социальной революции, встречается с этим народом, который представляет ей осуществление, полудикое, неустроенное, — но все-таки осуществление постоянного дележа земель между земледельцами. И заметьте, что этот великий пример дает нам не образованная Россия, но сам народ, его жизненный процесс. Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше, как средство, как закваска, как посредники между русским народом и революционной Европою. Человек будущего в России — *мужик*, точно так же, как во Франции работник. <...>

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ²²

<...> Народ русский все вынес, но удержал общину, община спасет народ русский; уничтожая ее, вы отдаете его, связанного по рукам и ногам, помещику и полиции. И коснуться до нее, в то время когда Европа оплакивает свое раздробление полей и всеми силами стремится к какому-нибудь общинному устройству!

Говорят, что община поглощает личность и что она несоместима с ее развитием. В этом мнении есть доля правды. Всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама в себе средства отчасти восполнить этот недостаток. Сельская жизнь образовала рядом с неподвижной, мирной, хлебопашенной деревней подвижную общину работников — артель и военную общину казаков.

Артель — лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян с социализмом, о котором мы столько раз говорили. Артель вовсе не похожа на германский цех, она не ищет ни монополии, ни исключительных прав, она не для того собирается, чтоб мешать другим, она устроена для себя, а не против кого-либо. Артель — соединение вольных людей одного мастерства на общий прибыток общими силами. {...}

Само собою разумеется, что ни в коммунизме деревень, ни в казацких республиках мы не могли бы найти удовлетворения нашим стремлениям. Все это было слишком дико, молодое, неразвито, но из этого не следует, что нам должно ломать эти незрелые начинания, — напротив, их надобно продолжать, развивать, образовывать. Тут нет большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину, в то время как германские народы ее утратили, но это большое счастье, и его не надобно выпускать из рук. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью наших соседей, она им страшно дорого стоит.

Мир западный утратил свое общинное устройство; хлебопашцы и несобственники были принесены на жертву развитию меньшинства; зато развитие дворянства и горожан было велико и богато. Оно имело рыцарство с его высоким понятием независимой личности и среднее состояние с его непреклонной идеей права, оно имело искусство и литературу, науку и промышленность, наконец, реформацию и революцию, которые грозно и торжественно низвергнули половину церкви и половину трона.

Одна Россия, эта падчерица, эта Сандрильона²³ между народами европейскими, не имела никакой доли в приобретениях и победах своих соседей. Народ русский так же мало был способен к торжественному западному развитию трех последних веков, как к крестовым походам, как к схоластике и теологическим спорам, как к римскому праву и германскому феодализму. Народ русский ничего не приобрел со времен

Владимира и Киевского периода; под монгольским гнетом ханов, под византийским царей, под немецким императоров, под суринамским²⁴ помещиков он сохранил только свою незаметную, скромную общину, т. е. владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами. Вот и все приданое Сандрильоны, зачем же отнимать последнее?.. «Затем, что при всем этом на Руси жить тяжело, ни уму, ни сердцу нет простора». Тяжело, дурно жить в России — это правда, и тем тяжелее было для нас, что мы думали, что в других странах легко и хорошо жить.

Теперь мы знаем, что и там тяжело. Оттого что и там не разрешен вопрос, около которого сосредоточилась теперь вся человеческая деятельность, вопрос об отношении лица к обществу и общества к лицу. Крайние, односторонние развития привели к двум извращениям — к гордому своим правам, независимому англичанину, которого свобода основана на вежливой антропофагии, и к бедному русскому мужику, безлично потерявшему в общине, бесправно отдавшему в крепость и в силу того служащему съестным припасом барину.

Где их примирение, как снять их противуречие, как сохранить независимость британца без людоедства, как развить личность крестьянина без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм.

Безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений потому, что они на деле доступны только меньшинству; еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России. (...)

СТАРЫЙ МИР И РОССИЯ

(...) Должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития, или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершен и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат*²⁶ человечества. Я очень

хорошо знаю, что результат сам по себе не передается, что по крайней мере он в этом случае бесполезен,— результат действителен, результат усваивается только вместе со всем логическим процессом. Всякий школьник заново открывает теоремы Евклида, но какая разница между трудом Евклида и трудом ребенка нашего времени!..

Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе. Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в государстве славянском. Мы прошли через все фазы либерализма, от английского конституционализма до поклонения 93-му году. Все это было похоже (...) на aberrацию звезд, которая в малом виде повторяет пробег земли по ее орбите. (...)

Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government * на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли — вот основной вопрос русской революции — тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волируют западные умы.

Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) — вот геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпопеи.

Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое.

Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, покада жизнь их не осуществит.

Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека.

Закваска, которая должна была привести в движение силы, дремлющие в бездействии общинно-патриархальной жизни,— это принцип индивидуализма, личной воли. (...)

РУССКИЕ НЕМЦЫ И НЕМЕЦКИЕ РУССКИЕ

(...) Исторические формы западной жизни в одно и то же время, будучи несравненно выше политического устройства России, не соответствуют больше современной нужде, совре-

* самоуправление (англ.).— Ред.

менному пониманию. Это понимание развилось на Западе; но с той минуты, как оно было создано и высказано, оно сделалось общечеловеческим достоянием всех понимающих. Запад носит в себе зародыш, но желает продолжать свою прежнюю жизнь и делает все, чтоб произвести аборт. Кто из них останется жив — мать ли, ребенок ли, или как они примирятся — этого мы не знаем. Но что мать представляет больше воспоминаний, а зародыш больше надежд — в этом нет сомнения.

В виду этой борьбы возникает страна, имеющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ее фасад и народный быт неразвитый, полудикий, но несколько не похожий на народный быт европейских народов. Он в своей маске так же мало может идти, как Европа в своей коже. Что же ему делать? Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленями через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в *самом деле*, а только для какого-то искуса? Да разве вы не видите, что это безумно? (...)

Перед *социальным* вопросом начинается наше равенство с Европой, или, лучше, это действительная точка пересечения двух путей; встретившись, каждый пойдет своей дорогой.

Западный мир, дойдя до своего предела, сам указал, что ему мешает, и отрицательно определил свое искомое. Случайное распределение сил, богатств, орудий работы, оставленное ему в наследство, окаменело давностью и, укрепленное всеми новыми средствами, ставит стену, которую до сих пор нельзя взять никаким приступом. Труд с одной стороны, капитал с другой, работа с одной стороны, машина с другой, голод с одной стороны, штыки с другой. Сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья. (...)

Итак, элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, — состоят из трех начал, из:

- 1) *права каждого на землю,*
- 2) *общинного владения ею,*
- 3) *мирского управления.*

На этих началах, и *только на них*, может развиваться будущая Русь. (...)

Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развить элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности *земля осталась под ногами* и чтобы общинник был совершенно *свободное лицо*.{...}

РОССИЯ И ПОЛЬША ²⁸

{...} Европа после всех реформ и революций остановилась на горах трупов, по колена в крови перед страшным, неразрешимым сфинксом — поземельной собственности и пролетариата, капитала и работника. Ни французский дележ земли на атомы, ни паразитная жизнь английского фермерства ничего не устраниют, ничего не предупреждают. Земли становится меньше и меньше, владелец губит пахаря, капитал работника, и хор пролетариев из мастерских, из фабрик, с полей сильнее и сильнее поет лионский припев: «Свинец или хлеб! Смерть или работу!»

Говорят, что возле есть народ, у которого совсем другое отношение к поземельной собственности, у которого на деле существуют веками уцелевшие разные виды коммунистического владения землею — от ежегодного дележа полей между общинниками до полной собственности; правда ли, нет ли, но согласитесь, что при настоящем положении экономического вопроса нельзя не исследовать такого важного факта. Изучение его может же дать столько же наблюдений, как микрометрические опыты Фаланги и Икарийцев?{...}

{...} Социализм — *необходимое последствие*; пока существуют посылки, — а они так глубоко вросли в современную жизнь или выросли из такой глубины ее, что их с корнем вырвать нельзя, — социализм будет ставиться их живым силлогизмом, по крайней мере до тех пор, пока мозг будет действовать нормально.

Силлогизм этот, последний логический вывод западного сознания, является у нас как естественная непосредственность. Мы общинный быт, право на землю нашли, как наши руки, т. е. они были тут, когда мы пришли в себя и в первый раз подумали об них. Так дикое, но резкое начало личных

прав лежало в непосредственности донсторической природы германских племен.

Петр I задержал своим хлороформом народную жизнь на время императорских операций и перевязок, но он не разрушил ее элементов не только в податной Руси, но и в неподатной. По мере того как гений русский выходил из оцепенения и развивался наукой, он догнал теоретическую мысль Запада; но, догнавши, он разошелся с его практическим приложением, потому что был последователен, он в своей народной совести не находил тех граней и препятствий, о которые спотыкалась Европа. Бесправный раб помещика не мечтал об освобождении без земли, бесправный раб царя перестал восхищаться феодально-буржуазным представительством²⁹. Дерзость замыслов наша дошла, например, до того, что правительство, дворянство и народ, споря о выкупе и переходном времени, толкуя о количестве земли и ее оценке, согласны в одном — что без земли нельзя освободить русского мужика, признавая таким образом безусловно его *право на землю*.

Подумайте теперь о результате, когда эта шестая доля земного шара, со всеми своими «туранскими и чудскими» примесями, с социальными инстинктами, освобожденная от немецких колодок и лишенная воспоминаний и наследства, перекликнется с пролетарием-работником и с пролетарием-батраком на Западе и они поймут, что собственно у них дело одно!

Кто может предвидеть все столкновения и всю борьбу, которые вызовутся в те дни. Но что они будут страшны — в этом нет сомнения. <...>

РОБЕРТ ОУЭН³⁰

<...> Противуположность Роберта Оуэна с Гракхом Бабефом очень замечательна. Через века, когда все изменится на земном шаре, по этим *двум коренным зубам* можно будет восстановить ископаемые остовы Англии и Франции до последней косточки. Тем больше, что в сущности эти мастодонты социализма принадлежат одной семье, идут к одной цели и из тех же побуждений, — тем ярче их различие.

Одни видел, что, несмотря на казнь короля, на провозглашение республики, на уничтожение *федералистов*³¹ и демократический террор, народ остался ни при чем. Другой — что, несмотря на огромное развитие промышленности, капиталов,

машины и усиленной производительности, «веселая Англия»³² делается все больше Англией скучной и Англия обжорливая — все больше Англией голодной. Это привело обоих к необходимости изменения основных условий государственного и экономического быта. Почему они (и многие другие) почти в одно и то же время попали на этот порядок идей — понятно. Противоречия общественного быта становились не больше и не хуже, чем прежде, но они выступали резче к концу XVIII века. Элементы общественной жизни, развиваясь разном, разрушили ту гармонию, которая была прежде между ними при меньше благоприятных обстоятельствах.

Встретившись так близко в точке исхода, оба идут в противоположные стороны.

Оуэн видит в том, что общественное зло приходит к сознанию, последнее *достижение*, последнюю победу тяжелого, сложного исторического похода; он приветствует зарю *нового* дня, никогда не бывалого и невозможного в прошедшем, и уговаривает детей как можно скорее покинуть пеленки, помочи и стать на свои ноги. Он заглянул в двери будущего и, как путешественник, доехавший до места, не сердится больше на дорогу, не бранит ни стационарных зрителей, ни кляч.

Но конституция 1793 года думала не так, а с ней не так думал и Гракх Бабеф³³. Она декретировала *восстановление естественных прав человека, забытых и утраченных*. Государственный быт — преступный плод узурпации, следствие злодейского заговора тиранов и их сообщников — попов и аристократов. Их следует казнить как врагов отечества, достояние их возвратить законному *государю*, которому теперь есть нечего и который называется поэтому *санкюлотом*. Пора восстановить его старые *неотъемлемые* права... Где они были? Почему пролетарий государь? Почему ему принадлежит все достояние, награбленное другими?.. А! Вы сомневаетесь, — вы подозрительный человек, ближний государь сведет вас к гражданину судье, а тот пошлет к гражданину палачу, и вы больше сомневаться не будете!

Практика *хирурга* Бабефа не могла мешать практике *акушера* Оуэна.

Бабеф хотел силой, т. е. властью, разрушить созданное силой, разгромить неправое стяжание. Для этого он сделал заговор; если б ему удалось овладеть Парижем, комитет *insurrecteur* * приказал бы Франции новое устройство, точно

* повстанческий (франц.). — Ред.

так, как Византии его приказал победоносный Осмаилис³⁴; он втеснил бы французам свое *рабство общего благосостояния* и, разумеется, с таким насилием, что вызвал бы страшной реакцию, в борьбе с которой Бабеф и его комитет погибли бы, бросив миру *великую мысль в нелепой форме*, — мысль, которая и теперь тлеет под пеплом и мутит довольство *довольных*.

Оуэн, видя, что люди образованных стран подрастают к переходу в новый период, не думал вовсе о насилии, а хотел только облегчить развитие. С своей стороны он так же последовательно, как Бабеф с своей, принялся за изучение зародыша, за развитие ячейки. Он начал, как все естествоиспытатели, с частного случая; его микроскоп, его лаборатория был New Lепark; его учение росло и мужало вместе с ячейкой, и оно-то довело его до заключения, что главный путь водворения нового порядка — *воспитание*.

Заговор для Оуэна был ненужен, восстание могло только повредить ему. Он не только мог ужиться с лучшим в мире правительством, с английским, но со всяким другим. Он в правительстве видел устарелый, исторический факт, поддерживаемый людьми отсталыми и неразвитыми, а не шайку разбойников, которую надобно неожиданно накрыть. Не помогаясь испровергнуть правительство, он не домогался сколько и *поправлять его*. Если б святые лавочники не мешали ему, в Англии и Америке были бы теперь сотни New Lепark и New Hартмону*, в них втекали бы свежие силы рабочего наводнения, они исподволь отвели бы лучшие жизненные соки от отживших государственных цистерн. Что же ему было бороться с умирающими? Он мог их предоставить естественной смерти, зная, что каждый младенец, которого приносят в его школы, *c'est autant de pris* ** над церковью и правительством!

Бабеф был казнен. Во время процесса он вырастает в одну из тех великих личностей, мучеников и побитых пророков, перед которыми невольно склоняется человек. Он угас, а на его могиле росло больше и больше всепоглощающее чудовище *Централизации*. Перед нею особенность стерлась, завянула, побледила личность и исчезла. Никогда на европейской почве, со времен тридцати тираинов афинских до Тридцатилетней войны и от нее до исхода Французской революции,

* С легкой руки Оуэна начались в Англии развиваться *кооперативные рабочие ассоциации*; их считается до 200.(...) (Прим. А. И. Герцена.)

** это новая победа (франц.). — Ред.

человек не был так пойман правительственной паутиной, так опутан сетями администрации, как в новейшее время во Франции.

Оуэна исподволь затянуло илом. Он двигался, пока мог, говорил, пока его голос доходил. Ил пожимал плечами, качал головой; неотразимая волна мещанства росла, Оуэн старелся и все глубже уходил в трясины; мало-помалу его усилия, его слова, его учение — все исчезло в болоте.〈...〉

Люди не так покорны, как стихии, но мы всегда имеем дело с современной массой, — ни она не самобытна, ни мы не независимы от общего *фонда* картины, от одинаких предшествовавших влияний; связь общая есть. Теперь вы понимаете, от кого и кого зависит будущность людей, народов?

— От кого?

— *Как от кого?.. да от НАС С ВАМИ, например. Как же после этого нам сложить руки!*

ПИСЬМА К ПУТЕШЕСТВЕННИКУ ³⁵

〈...〉В гонении на социализм, поднятом у нас в подражание Западу, есть что-то невероятно бессмысленное и тупое, трусливое и невежественное. Европа боялась социального переворота потому, что он был страшен для нее; встретив суровый отпор, он шел путем отчаяния и насилия на разрушение узкого, но веками слепленного и привычного государственного устройства... У нас *этот быт* непривычен, у нас он чужой; где же, в чем вред, причиненный России социализмом, или чем может он повредить ей? Разве освобождение крестьян *с землею* — не *социальный переворот*? Разве общинное владение и право на землю — не *социализм* (как там себе ни голоси наши славянофильские кликуши)? Ненависть к социализму крепостника, оплакивающего землю свою и барщину свою, понятна, так, как понятен был страх откупщика, боявшегося отмены откупа; но наших теоретических, литературных врагов социализма нельзя понять.〈...〉

Разумеется, что социализм только в антитетическом смысле противопоставляется переворотам чисто политическим, в сущности он представляет их исход. Политический переворот делается внутри известных государственных учреждений, которые идут вперед как неоспоримые условия государственной жизни — будь это монархия или республика, централизация или федерализм. Там, где анализ, критика идут далее,

там, где вовлекаются в спор и борьбу сами эти условия, т. е. где с ними делается то же самое, что реформа делала с папской, а революция с королевской властью,— там мы переходим в социализм. Разграничение между политикой и социализмом условное: две разных станции одной и той же дороги.

Все государственные и политические вопросы, все фантастические и героические интересы по мере совершеннолетия народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния. Принимая существующий результат исторических развитий за неизменный в своих основах, мы их не разрешим; исторический быт, так, как он посилено сложился, под влиянием совсем иных идей и целей, не совместен с общенародным благосостоянием. Это-то и хотел сказать американец Брейбен, которого слова я уж не раз приводил, парижским работникам в 1848 году³⁶, говоря, что «в Америке республика дала все, что могла, что политическое устройство, основанное на самых благоприятных обстоятельствах, но на старых основаниях, дало все, что могло, но вопросов, занимающих работников, *не разрешило и не может разрешить*»,— тут ее предел, а разрешить необходимо.

Я так и жду обыкновенного возражения: что за разрешение ломать зря и устраивать общество насильно, на какой-то каторжный манер?.. а социализм только так и разрешал вопрос.

Он ошибался и горько пострадал за это. Но кто же сказал, что он только *так* хотел разрешать и только *так и мог* их разрешать?..

Прудон упрекал в этом социализм, разумея под социализмом организацию работ Луи Блана, коммунизм Теста³⁷, отца Кабе, а не социализм вообще. {...}

Восставая против социализма под тем предлогом, что он хочет зря ломать и насильственно строить, люди со всеми своими прогрессивными стремлениями становятся на сторону закостенелого консерватизма и защищают падающие институты, составляющие главное препятствие развитию. {...}

Лихорадочный, острый период зарождения для социализма прошел.

Страстная, вдохновенная форма, в которой является новое учение, глубоко захватывающее жизнь от очага до площади, его церковные ризы, его фантазия, не знающая пределов, его фанатизм, не знающий сомнений, его юная нетерпи-

мость, его ревность прозелитизма — все это на месте вначале. Без идеалов, без поэзии люди не оставляют ода свой, чтоб идти за учителем; но за яркими цветами зари настанет дневная работа, с помехами и ошибками, с дождем и ведами, с каменной почвой и болотами, с отклонениями и уступками, с компромиссами и диагоналями. Для этой работы нужны не кадры и не рипиды³⁸, а простые орудия труда и простые формулы разума. <...>

Социальные идеи пережили свою геронческую иитродукцию; ни бархатный жилет верховного отца Анфантена, ни фаланстер Фурье, ни государственная барщина, ни коммуны^{*}, ни разрушение семьи, ни отрицание собственности — ничего не сделают теперь сверх того, что они сделали для вызова на сцену и постановки вопросов.

Поле, по-видимому, стало беднее, но замечательно очистилось, много выяснилось в том, где искать ответы и где их не может быть.

Люди недовольны экономическими условиями труда, упорным неравием сил, их потерей, рабством работы, злоупотреблением накопленных богатств — но они

не хотят переезжать в рабочие казармы,

не хотят, чтоб правительство гоняло их на барщину,

не хотят разрушать семьи и очага,

не хотят поступиться частной собственностью,

т. е. они хотят при обновлении, при перерождении сохранить, насколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее с новыми условиями. На каких же разумных основаниях можно сделать, согласить такие сложные и противоречащие потребности? В этом-то и задача, весь социальный вопрос так и становится, освобожденный от громовых туч своих и молний.

Есть ли решения? <...>

Одно из *действительных* решений представляет русский народный быт в его современном развитии. Бедное село наше, с своей скромной общественной жизнью, с своим общественным землевладением, наша черная Русь и крестьянская изба невольно вырезаются на сцене, с которой больше и больше исчезают в тумане фаланстеры, Икарини, национальные рабочие, государственные подряды³⁹ и пр. <...>

* коммуна добрых (лат.). — Ред.

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ! ⁴⁰

⟨...⟩ Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с рабочничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука.

Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге. Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга.

Первые представители социальных идей в Петербурге были *петрашевцы*. Их даже судили как «фурьеристов» *. За ними является сильная личность *Чернышевского*. Он не принадлежал исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков. Стоя один, выше всех головой, среди петербургского брожения вопросов и сил, среди застарелых пороков и начинающих угрызений совести, среди молодого желания иначе жить, вырваться из обычной грязи и неправды, Чернышевский решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся, *что им делать*. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательного недовольства и негодования; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов и их друзья первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании, и в этом — одна из величайших заслуг их.

Пропаганда Чернышевского была ответом на *настоящие* страдания, слово утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в *самом деле* юной Россией

* Нас в 1834 году правительство обвиняло в сенсимонизме ⁴¹. (Прим. А. И. Герцена.)

и прикидывавшейся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и помещиков в оппозиции.

Огромный успех социальных учений между молодым поколением, школа, вызванная ими, нашедшая себе не только литературные отголоски и органы, но начала практического приложения и исполнения, имеют историческое значение. Освобождение крестьян с признанием их права на землю, с сохранением общины и обращение к социализму молодых и деятельных умов, не закупленных жизнью, не сбитых с толку доктринаризмом, служили неопровержимым доказательством в пользу нашей всегдашней веры в характер русского развития. <...>

К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ ⁴²

<...> Экономически-социальный вопрос становится теперь иначе, чем он был двадцать лет тому назад. Он пережил свой религиозный и идеальный юношеский возраст — так же, как возраст натянутых опытов и экспериментаций в малом виде, самый период жалоб, протеста, исключительной критики и обличенья приближается к концу. В этом великое знамение его совершеннолетия. Оно достигается наглазно, *но не достигнуто* — не от одних внешних препятствий, не от одного отпора, но и от внутренних причин. Меньшинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта. Большинство — наиболее страдающее — стремится одною частью (городских работников) — выйти из него, но удержано старым, традиционным мирозерцанием другой и самой многочисленной части. Знание и понимание не возьмешь никаким *coup d'Etat* * и никаким *cope de tête* **.

Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос.

Следует ли толчками возмущать с целью ускорения внутреннюю работу, которая очевидна? Сомнения нет, что акушер

* государственный переворот (франц.). — Ред.

** безрассудный, смелый поступок, наскок (франц.). — Ред.

должен ускорять, облегчать, устранять препятствия, но в *известных* пределах — их трудно установить и страшно переступать. На это, сверх логического самоотвержения, надобен такт и вдохновенная импровизация. Сверх того, не везде одинаковая работа — и одни пределы.

Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами — шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге. *Die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust* * ⁴³ — и вперед за неизвестным богом-истребителем, спотыкаясь на разбитые сокровища — вместе с всяким мусором и хламом.

...Мы видели грозный пример кровавого восстания ⁴⁴, в минуту отчаяния и гнева сошедшего на площадь и спохватившегося на баррикадах, что у него нет знамени. Сплоченный в одну дружину, мир консервативный побил его — и следствие этого было то ретроградное движение, которого следовало ожидать, — но что было бы, если б победа стала на сторону баррикад? — в двадцать лет грозные бойцы высказали все, что у них было за душой?.. Ни одной построющей, органической мысли мы не находим в их завете, а экономические промахи не косвенно, как политические, а прямо и глубже ведут к разорению, к застою, к голодной смерти.

Наше время — именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря, на авось — мы на авось не пойдем.

Ясно видим мы, что дальше делá не могут идти так, как шли, что конец исключительному царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому. Как перед 1789 обмирание мира средневекового началось с сознания несправедливого соподчинения среднего сословия, так и теперь переворот экономический начался сознанием общественной неправды относительно работников. Как тогда упрямство и вырождение дворянства помогло собственной гибели, так и теперь упрямая и выродившаяся буржуазия тянет сама себя в могилу.

Но общее постановление задачи не дает ни путей, ни средств, ни даже достаточной среды. Насильем их не завоеуешь. Подорванный порохом, весь мир буржуазный, когда уля-

* «Страсть разрушения есть творческая страсть» (нем.). — Ред.

жется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь буржуазный мир*. Потому что он *внутри не кончен, и потому еще, что ни мир строящийся, ни новая организация* не настолько готовы, чтоб пополниться, осуществляясь. Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни. Государство, церковь, войско отрицаются точно так же логически, как богословие, метафизика и пр. В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами.

Пусть каждый добросовестный человек сам себя спросит, готов ли он. Так ли ясна для него новая организация, к которой мы идем, как общие идеалы — коллективной собственности, солидарности, — и знает ли он процесс (кроме простого ломанья), которым должно совершиться превращение в нее старых форм? И пусть, если он лично доволен собой, пусть скажет, готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело.

Знание неотразимо — но оно не имеет принудительных средств — излечение от предрассудков медленно, имеет свои фазы и кризисы. Насильем и террором распространяются религии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики, насильем можно разрушать и расчищать место — не больше. Петроградизмом ⁴⁵ социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет. Новые формы должны все обнять и вместить в себе все элементы современной деятельности и всех человеческих стремлений. Из нашего мира не сделаешь ни Спарту, ни бенедиктинский монастырь. Не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу (как мечтали о страстях фурийеры).

Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его — таково обращение с данным. По мере того как он вырастает из состояния неопределенного страдания и недовольства, он невольно становится на *реальную почву*. Тогда как все другие перевороты постоянно оставались одной ногой в фантазиях, мистицизмах, верованиях и неоправданных предрассудках патриотических, юридических и пр. (...)

Против ложных догматов, против верований, как бы они ни были безумны, одним отрицанием, как бы оно ни было умно, бороться нельзя, — сказать «не верь!» так же авторитетно и, в сущности, нелепо, как сказать «верь!». Старый порядок вещей крепче *признаком его*, чем материальной силой, его поддерживающей. Это всего яснее там, где у него нет ни карательной, ни принудительной силы, где он твердо покоится на *невольной совести*, на неразвитости ума и на незрелости новых воззрений⁴⁶, как в Швейцарии и Англии.

Народное сознание так, как оно выработалось, представляет естественное, само собой сложившееся, безответственное, *сырое* произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений — его надобно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным, — изучая его, овладевая им и направляя его же средства — сообразно нашей цели. <...>

Пока социальная мысль была неопределенна, ее проповедники — сами верующие и фанатики — обращались к страстям и фантазии столько, сколько к уму. Они грозили собственников карой и разорением, позорили, стыдили их богатством, склоняли их на добровольную бедность страшной картиной ее страданий. <...> Из этих средств социализм вырос. Не то надобно доказать собственникам и капиталистам, что их обладание грешно, безнравственно, беззаконно (понятия, взятые из совсем иного мирозерцания, чем наше), а то, что [современная монополия их — вредная и обличенная] *нелепость*, [нуждающаяся в огромных] контрфорсах, чтоб не рухнуть, что эта нелепость пришла к сознанию неимущих, в силу чего оно становится *невозможным*. Им надобно показать, что борьба против неотвратимого — бессмысленное истощение сил и что чем она упорнее и длиннее, тем к большим потерям и гибели она приведет. Твердую собственность и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*.

Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешаю-

щее, разнообразное, своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего былого и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании.

Но этого и не будет. Человечество во все времена, самые худшие, показывало, что у него в *potentialiter* — больше потребностей и больше сил, чем надобно на одно завоевание жизни, — развитие не может их заглушить. Есть для людей драгоценности, которыми оно не поступится и которые у него из рук может вырвать одно деспотическое насилие, и то на минуту горячки и катаклизма. <...>

Международные рабочи́е съезды становятся ассизами⁴⁷, перед которыми вызывается один социальный вопрос за другим, они получают больше и больше организующий склад, их члены — эксперты и следопроизводители. Они самую стачку и остановку работ допускают как тяжелую необходимость, как *pis aller* *, как средство сосчитать свою силу как боевую организацию. Серьезный характер их поразил врагов. Сильное *их* покоя испугало фабрикантов и заводчиков. Было бы огромное несчастье, если б они преждевременно вышли из этого строя. <...>

Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения, компромиссы, диагонали, пути. Понять, которые из них короче, удобнее, возможнее, — дело практического такта, дело революционной стратегии. Идя без оглядки вперед, можно затесаться, как Наполеон в Москву, — и погибнуть, отступая от нее... не доходя даже до Березины.

Международное соединение работников, всевозможные соединения их, их органы и представители должны всеми силами достигать того невмешательства власти в *работу*, которое она не делает в *управлении собственностью*, должны становиться вольным парламентом четвертого состояния и вырабатывать, вырабатывать свою внутреннюю организацию, будущую канву, без всяких вперед идущих теодицей и космологий.

Формы, сдерживающие людей в полунасильственных и в полудобровольных ковах, а *la longue* ** не вынесут напора логики и развития общественного понимания. Один из них до

* крайнее средство (франц.). — Ред.

** в конце концов (франц.). — Ред.

того внутрн сгннлн, что им стоит дать толчок ногой; другие, как рак, держатся корнями в дуриой крови. Ломая однаким образом те н другие, можно убить организм и наверное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнее восстанут за «рака»... наиболее страждущие от него... Это очень глупо, но пора с глупостью считаться как с громадной силой. (<...>)

Отрицание собственности — само по себе бессмыслица. «Собственность не погибнет», скажу, парафразируя известную фразу Люд(овика)-Филиппа, видоизменение ее, вроде перехода из *личной* в *коллективную*, неясно и неопределенно⁴⁸. Крестьянину на Западе так же необходимо привилась его любовь к *своей* земле, как в России легко понимается крестьянством общинное владение. Нелепого тут ничего нет. Собственность, и особенно поземельная, для западного человека представлялась освобождением, его самобытностью, его достоинством и величайшим гражданским значением. Может быть, он убедится в невыгоде беспрерывно крошащихся н дробимых участков и в выгоде сводного хозяйства, общинных запасек, полей... но как же его «без пристрастия» уломать, чтоб он спервоначала отказался от веками взлелеянной мечты, которой он жил и тешился н которая действительно поставила его на иоги — прикрепила к *нему* землю — к которой *он* был прежде крепок?

Вопрос, прямо идущий за тем — вопрос о наследстве, — еще труднее. (<...>) Отнимн у самого бедного мужика право завещать — и он возьмет кол в руки и пойдет защищать «своих, свою семью и свою волю», т. е. непременно станет за попа, квартального и чиновника, т. е. за трех своих злейших опекунов, обирающих его, предупреждающих, чтоб он ничего не оставил своим... но не оскорбляющих его человеческое чувство к семье, как он его понимает.

Что же тогда?.. Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила, очевидно, будет с их стороны, или ринуться в бой и в случае местной, временной победы начать водворение нового порядка — нового освобождения... избением! (<...>)

Неужели цивилизация кнутом, освобождение гильотиной составляет вечную необходимость всякого шага вперед?..

...Дальше я не пойду теперь. А скажу в заключение вот что. Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных, я всем сердцем н всем помышлением звал дикие силы на месть и

разрушение старой, преступной веси, — звал, даже не очень думая, чем она заменится⁴⁹.

С тех пор прошло двадцать лет.

Мсть пришла с другой стороны, мсть пришла сверху... Народы все вынесли, потому что ничего не понимали ни тогда, ни после. <...> Длинное, тяжелое время дало досуг страстям успокоиться и мыслям отстояться, дало досуг на обдуманье и наблюденье.

Ни ты, ни я, мы не изменили наших убеждений, но разное стали к вопросу. Ты рвешься вперед по-прежнему с страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствия и уважая историю только в будущем. Я не верю в прежние революционные пути и стараюсь понять шаг людской в былом и настоящем, для того чтоб знать, как идти с ним в ногу, не отставая и не забегая в такую даль, в которую люди не пойдут за мной — не могут идти. <...>

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы.

В сущности, все формы исторические — *volens-potens* — ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находит (и очень верно) шаг к свободе⁵⁰. То же — явным образом — должно сказать о государстве: и оно, как рабство, идет к самоуничтожению... и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста.

Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожнтие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилагивается к потребностям. Государство везде начинается с полного порабощения лица — и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его. Сословность — огромный шаг вперед как расчленение и выход из животного однообразия, как раздел труда. Уничтожение сословности — шаг еще больший. Каждый восходящий или воплощающийся принцип в исторической жизни представляет *высшую правду* своего времени — и тогда он поглощает лучших людей; за него льется кровь и ведутся войны — потом он делается *ложью* и, наконец, воспоминанием... Государство не имеет собственного определенного содержания — оно служит одинаково реакции и революции — тому, с чьей стороны

сила; это — сочетание колес около общей оси, их удобно направлять туда или сюда — потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру. Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии. Министр юстиции Дантон был министр революции. Инициатива освобождения крестьян принадлежит самодержавному царю. Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства⁵¹. Для чего же — думалось ему — ломать мельницу, когда ее жернова могут молотить и нашу муку? (...)

Из того, что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*. С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые *теперь* наделают страшных бедствий, а *потом* спадут сами? (...)

Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедовалось чистыми и строгими в жизни апостолами и их последователями, аскетами и постниками, людьми, заморившими все страсти — кроме одной. Таковы были гугеноты и реформаторы. Таковы были якобинцы 93 года. Бойцы за свободу в серьезных подвигеях оружия всегда были святы, как воины Кромвеля, — и оттого сильны.

Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, — проповедь неустанная, ежеминутная, — проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам. (...)

Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит; он за личные лишения отомстит самому безличному достоянию. С капиталом, собранным ростовщиками, погибнет другой капитал, идущий от поколенья в поколение и от народа к народу. Капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслонилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история... Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации.

Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказнула статуй, картин, памятников,— нам не приходится играть в иконоборцев.(>...)

Печатается по: А. Н. Герцен. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1954—1965, т. V, с. 34, 179, 185, 186—187, 205, 216—217, 313—314; т. VI, с. 53, 57, 60, 78, 91, 97, 99, 104—105, 109—110, 190—191, 199—201, 204—205; т. VII, с. 326; т. XI, с. 240—242, 253; т. XII, с. 109—110, 111—112, 186, 189—190; т. XIV, с. 175—176, 179, 182—183; т. XVIII, с. 359, 361—364; т. XIX, с. 193—194; т. XX, с. 575—586, 590—593.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Создавались Герценом в течение четырех с лишним лет, в 1847—1852 гг. Первые из «Писем...» в первоначальной редакции были опубликованы в 1847 г. в журнале «Современник» под названием «Письма из Авеппе Marigny». В 1850 г. вышло немецкое издание «Писем из Италии и Франции», видоизмененное и значительно сокращенное по сравнению с первоначальным текстом («Письма из Авеппе Marigny» в него не вошли). В 1855 и 1858 гг. Герцен под псевдонимом *Искандер* выпустил в Лондоне два отдельных издания «Писем...» на русском языке.

² Имеются в виду социалистические учения.

³ Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.

⁴ Герцен имеет в виду «Утопию» Т. Мора, однако ошибочно называет ее «Атлантидой». «Новая Атлантика» — название произведения Фрэнсиса Бэкона.

⁵ Весь — устаревшее русское слово, означающее: деревня, село; здесь в смысле «царство».

⁶ Революция 1848—1849 гг.

⁷ Восстания рабочих в Лионе произошли в 1831 и 1834 гг.

⁸ Французская газета, выходила в Париже в 1830—1851 гг., после Февральской революции 1848 г. стала реакционной.

⁹ Герцен имеет в виду сочинение французского мелкобуржуазного социалиста П. Ж. Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846).

¹⁰ Под именем Генриха V на французский престол претендовал внук короля Карла X, граф Шамбор (герцог Бордосский) (1820—1883).

¹¹ Французский поэт и буржуазный политический деятель А. Ламартин (1790—1869) — один из руководителей Временного правительства, возникшего на волне Февральской революции 1848 г.

¹² В Древнем Риме назарейями называли христиан.

¹³ Написано в 1847—1850 гг. В 1850 г. в Цюрихе анонимно вышло немецкое издание; отдельные статьи, вошедшие в состав книги, печатались в различных периодических изданиях — немецких, французских и итальянских. Первое русское издание вышло в Лондоне в 1855 г. под псевдонимом *Искандер*. С небольшими изменениями оно было перепечатано там же в 1858 г. Значительная часть книги написана в диалогической форме.

¹⁴ Речь идет о кровавом подавлении французской буржуазней восстания парижских пролетариев в июне 1848 г.

¹⁵ Первое сочинение Герцена о России, обращенное к западному читателю. Впервые опубликовано на немецком языке в издании «С того берега» (1850; напечатано осенью 1849 г.) под названием «К Георгу Гервегу» за подписью *Варвар* и с датой: Монтре, 25 августа 1849 г. Затем в ноябре — декабре 1849 г. за подписью Русский появилось на французском языке в прибавлениях к газете «La Voie du peuple» («Голос народа»), издававшейся Прудонем в Париже. При жизни Герцена на русском языке статья ни разу напечатана не была.

¹⁶ Юмористический иллюстрированный журнал «Берлинский крикун» (на немецком языке) открыл свой 9-й номер от 22 июня 1848 г. огромным аншлагом: «Русские идут!», повторенным на одной странице четырнадцать раз шрифтами разных размеров.

¹⁷ Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

¹⁸ Прусский реакционный экономист, барон Август Гакстгаузен (1792—1866) — автор книги «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России», т. 1, 1847, на немецком языке. С Гакстгаузеном Герцен встречался еще в 1843 г. в Москве и уже тогда заинтересовался его наблюдениями над положением русского крестьянства.

¹⁹ См. наст. изд., с. 300, прим. 56.

²⁰ Впервые опубликовано в сильно сокращенном виде на французском языке в парижской газете «L'Avenir du Peuple» в ноябре 1851 г. Первое отдельное издание вышло в Ницце в конце того же 1851 г. Второе, также французское, издание брошюры было выпущено с предисловием Герцена в 1855 г. В том же году работа была дважды напечатана по-английски в переводе чартиста В. Линтона. Единственное прижизненное русское издание напечатано в 1858 г.

²¹ В статье «Россия».

²² Впервые опубликовано в 1853 г. отдельной брошюрой в Лондоне созданием Герценом Вольной русской типографией. В 1857 г. выпущено второе издание с новым предисловием Герцена, в 1858 г. — третье.

²³ Сандрильона — Золушка, действующее лицо в одноименной сказке Ш. Перро.

²⁴ Называя гнет русских помещиков суринским, Герцен уподобляет его рабовладельческому, плантаторскому укладу в Голландской Гвиане (Сурiname).

²⁵ Впервые опубликовано в 1854 г. на английском языке в журнале чартистского поэта и публициста В. Линтона «Английская республика», т. III, в том же году вышло отдельным французским изданием. По-русски напечатано в 1858 г. в Лондоне.

²⁶ Здесь — в смысле «общее наследство», «общее достояние».

²⁷ Впервые опубликовано в «Колоколе» в 1859 г. Перепечатано в сб. «За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера». Лондон, 1860.

²⁸ Впервые опубликовано в «Колоколе» в 1859—1860 гг., затем в сб. «За пять лет» в 1860-м.

²⁹ Здесь опущено примечание А. И. Герцена.

³⁰ Впервые опубликовано в «Полярной звезде», 1861 г., кн. VI.

³¹ В период революции 1789—1794 гг. федералисты — противники якобинской диктатуры, централизованной революционной власти.

³² Традиционное название старой Англии, распространенное в быту и в литературе.

³³ Как известно, Бабеф и его сторонники опирались в своей деятельности на конституцию, принятую Конвентом 24 июня 1793 г., которую они считали подлинным выражением воли народа.

³⁴ Турецкий султан Мухаммед II Эль Фатих (Османлис) (1430—1481) взял в 1453 г. Константинополь, завершив завоевание Византии.

³⁵ Впервые опубликовано в «Колоколе» в 1865 г.

³⁶ Речь идет о выступлении основателя фурьеристского движения в США Альбера Брисбейна (1809—1890) на заседании прудоновского «Народного банка» в мае 1849 г. См. об этом: *Герцен А. И.* Собр. соч., т. V, с. 183—184.

³⁷ Тест Ж. Б. — французский государственный деятель XIX в., в 1840—1843 гг. — министр общественных работ.

³⁸ Кадила и рипиды — принадлежности архиерейского богослужения.

³⁹ Имеются в виду «национальные рабочие» и «государственные подряды», предложенные Луи Бланом в его книге «Организация труда».

⁴⁰ Впервые опубликовано в «Колоколе» в 1866—1867 гг.

⁴¹ См. об этом в «Былом и думах». — *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VIII, с. 206—208.

⁴² Обращено к М. А. Бакунину. Замысел статьи относится, вероятно, к осени 1868 г. Написана она в январе — августе 1869 г. Впервые опубликована, с пропусками и искажениями, в «Сборнике посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Женева, 1870. В полном виде, по автографу, напечатана в т. 61 «Литературного наследия». М., 1953.

⁴³ Слова М. А. Бакунина в статье «Реакция в Германии», напечатанной по-немецки под псевдонимом Жюль Элизард в младогегельянском журнале «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» в 1842 г. См.: *Бакунин М. А.* Собр. соч. и писем. М., 1935, т. III.

⁴⁴ Имеется в виду выступление парижских пролетариев в июне 1848 г.

⁴⁵ От имени Петр Великий. В трактовке Герцена, «петроградизм» — государственный переворот, осуществляемый посредством насилия сверху.

⁴⁶ Здесь опущено примечание Герцена.

⁴⁷ Речь идет о конгрессах I Интернационала. Ассизы — суды присяжных (от франц. *cour d'assises*).

⁴⁸ Эти слова Герцена относятся не к самому идеалу общественной, коллективной собственности, а к вопросу о путях, средствах, формах преобразования отношений собственности. Придавая исключительно большое значение привязанности западного крестьянина к «своей» земле, Герцен не считал вполне оправданным решение Базельского конгресса I Интернационала (сентябрь 1869 г.) о необходимости упразднения частной собственности на землю.

⁴⁹ Герцен вспоминает здесь о своих чувствах и мыслях, порожденных кровавой расправой буржуазии над восставшим парижским пролетариатом в июне 1848 г.

⁵⁰ Рассматривая рабство как несправедливое состояние, Гегель вместе с тем считал его возникновение моментом прогрессивного развития.

⁵¹ По Лассалю, новое социальное устройство, исключающее возможность эксплуатации, может быть достигнуто посредством образования производительных ассоциаций рабочих, которые должны быть созданы при помощи и под покровительством государства; последнее же преобразуется на основе всеобщего и прямого избирательного права.

ЛИТЕРАТУРА

- Библиография литературы о А. И. Герцене. 1917—1970. Л., 1978, вып. 1.
Володин А. И. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М., 1962.
Володин А. И. Герцен. М., 1970.
Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956.
Гинзбург Л. «Былое и думы» Герцена. Л., 1957.
Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. М., 1974—1976, т. 1—2.
Плеханов Г. В. [Статьи о Герцене]. Соч. М.—Л., 1926, т. 23.
Прокофьев В. Герцен. М., 1979.
Розанова С. А. Толстой и Герцен. М., 1972.
Смирнова З. В. Социальная философия Герцена. М., 1973.
Стеклов Ю. А. И. Герцен. Л., 1930.
Чесноков Д. И. Мировоззрение Герцена. М., 1948.
Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

1828

1889

1870 год. Кабинет Маркса в его лондонской квартире. Хозяин не спеша рассказывает по кабинету. В кресле — его молодой друг из России Герман Лопатин. Недавно он бежал из-под ареста на родине. Разговор идет о Чернышевском. По словам Маркса, «Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя... его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли... русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем... политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы...».

Этот разговор, неоднократно возобновлявшийся, и привел Лопатина к мысли организовать побег Чернышевского, отбывавшего каторгу в далеком Забайкалье.

Отец Николая Гавриловича Чернышевского, учитель духовной семинарии, потом саратовский священник, отличавшийся высокой образованностью, сам готовил сына в семинарию по всем предметам, причем так, чтобы мальчик привык заниматься самостоятельно, чтобы умел сам искать и находить решения. И тот усвоил эти уроки на всю жизнь.

Окончив в 1845 г. Саратовскую семинарию, Николай весной следующего года отправляется в Петербург — поступать в университет, на историко-филологическое отделение.

Четыре университетских года... Они приходятся на сложное время: пожары, вызванные засухой, неурожай, голод в России, эпидемия холеры. А в Европе — революция. Тяжелое положение народа и антикрепостнические настроения в России, революционные события на Западе в 1848—1849 гг. и оказали решающее влияние на становление молодого революционера.

Чернышевский успешно занимается. Но его интересы — далеко за рамками официальной учебной программы: он углубленно изучает политическую экономию, немецкую философскую литературу, включая труды Гегеля и Фейербаха, читает Фурье и, конечно же, «Письмо Белинского к Гоголю», сочинения Герцена. Знаком он и с некоторыми петрашевцами.

В те годы и сформировался тот Чернышевский, которого скоро узнает вся Россия, — убежденный революционер-демократ, социалист и материалист.

По окончании университета в 1850 г. он некоторое время преподавал русский язык и литературу в Саратовской гимназии, а в 1853 г. вернулся в Петербург. Два года спустя защищает знаменитую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности». Вскоре Чернышевский становится фактическим руководителем журнала «Современник».

В стране складывается кризисная ситуация. Поражение царизма в Крымской войне, нарастающие антикрепостнические выступления крестьян делают неизбежным ликвидацию крепостного права. Но как это произойдет? Реформой сверху или в результате революции низов? Чернышевский разрабатывает политическую программу революционной демократии. «Современник» стал авангардом демократического

движения. Чернышевский, как писал В. И. Ленин, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» *.

1861 год. Оглашается царский манифест об отмене крепостного права, начинается осуществление реформы, которую Маркс и Энгельс называли «жульнической проделкой». Деятельность Чернышевского приобретает в это время наибольший размах, крайнюю напряженность. Не входя формально в тайное революционное общество «Земля и воля», Чернышевский является его несомненным вдохновителем. Недаром же Маркс и Энгельс называли его «главой революционной партии».

Летом 1862 г., в пору печально известных петербургских пожаров, использованных полицией как повод для расправы с нигилистами, издание «Современника» было запрещено. Пока — на восемь месяцев. За квартирой Чернышевского установлено наблюдение. 7 июля его арестовывают.

Петропавловская крепость. Несмотря на ухудшающееся здоровье, Чернышевский напряженно работает: пишет роман «Что делать?», другие произведения. Специалистами подсчитано: за 22 месяца он написал свыше 200 печатных листов научного и художественного текста (включая переводы).

Построив обвинение на грязных фальшивках, лживых свидетельствах, власти выносят в феврале 1864 г. суровый приговор: семь лет каторжных работ в рудниках и вечное поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния «за злоумышление к испровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон».

19 мая 1864 г. на Мытинской площади в Петербурге состоялась «гражданская казнь» Чернышевского, собравшая около трех тысяч человек.

Уже на другой день его отправляют в далекий путь. Почти на два десятилетия он оказывается заживо погребенным в Сибири. По окончании срока каторжных работ его переводят (и то не сразу, а со значительной задержкой) в Вилуйский острог — за сотни километров на северо-запад от Якутска.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

Когда представлялась хотя бы малейшая возможность, Чернышевский работал. Среди его по счастью сохранившихся работ — роман «Пролог», который, проделав долгий путь, в конце концов попал за границу и был напечатан П. Л. Лавровым в 1877 г.

Революционеры неоднократно предпринимали попытки освободить «заживо погребенного»: в 1868 г. — участники петербургского студенческого кружка, в 1871-м — Г. А. Лопатин, в 1875 г. — И. И. Мышкин. Были и другие смельчаки. Но смелые планы реализовать не удавалось.

Только в 1883 г. Чернышевскому было дозволено вернуться в европейскую часть России, в Астрахань. В июне 1889 г. ему разрешили переехать в Саратов. 29 октября того же года Николай Гаврилович умер.

«Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как любил Чернышевского, — говорила Н. К. Крупская. — Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его в чрезвычайной мере. Я думаю, что между Чернышевским и Владимиром Ильичем было очень много общего».

ТЕКСТЫ¹

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1848 г.

〈...〉Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалнстов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр² решительно, но мне кажется, что противники этих господ нн-сколькo в сущности их не понимают и обезображивают и клеветуют на них, как я убедился.〈...〉

ИЗ ДНЕВНИКА ОТНОШЕНИЙ С ТОЙ,
КОТОРАЯ ТЕПЕРЬ СОСТАВЛЯЕТ МОЕ СЧАСТЬЕ³

1853 г.

〈...〉У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем.〈...〉Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Вот готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие.〈...〉Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня.〈...〉

ОЧЕРКИ ГОГОЛЕВСКОГО ПЕРИОДА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1856 г.

〈...〉Около того же самого времени, когда произошло у нас соединение односторонних направлений в одну общую, всеобъемлющую систему воззрений, подобное явление происхо-

дило и в Европе. Немецкие ученые начали сознавать, что жизнь имеет свои права не только над деятельностью, но и над наукою; французские ученые и литераторы стали понимать необходимость глубоко исследовать общие понятия, о которых до того времени мало заботились. В той и другой стране прежние односторонние учения стали уступать место новым идеям, которые уже не принадлежали исключительно тому или другому народу, а равно были собственностью каждого истинно-современного человека, в какой бы стране он ни родился, на каком бы языке ни писал. Такое направление умов во всех странах образованного мира к одинаковым воззрениям на все существенные вопросы служило сильною поддержкою единства стремлений у всех истинно-современных людей в каждой стране. Так и у нас, изучением новых явлений, возникавших в умственной жизни главных народов Западной Европы и, при всем различии своего происхождения и формы, проникнутых совершенно одним и тем же духом, укреплялось единство понятий, которыми связывались люди с современным образом мыслей.

Но единство понятий и людей у нас только укреплялось, а не рождено было внешними влияниями. (...) С того времени, как представители нашего умственного движения самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чуждому авторитету.

Белинский и главнейшие из его сподвижников стали людьми вполне самостоятельными в умственном отношении. (...)

ИССЛЕДОВАНИЯ О ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ⁴

1857 г.

(...) Гакстгаузен воображает, будто бы в 1847 году, когда была издана его книга, вопрос о сенсимонизме и тому подобных мечтах все еще оставался современным вопросом и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшиеся системы Сен-Симона. Добряк не замечал, что времена этой системы, действительно мечтательной и неосуществимой, прошли задолго до 1847 года и что в этом году разве какая-нибудь невинная старая девушка держалась во Франции системы Сен-Симона. (...)

Как человек, не слишком-то близко знакомый с характером современных ему стремлений, Гакстгаузен воображал, что люди, в 1847 году грозившие переворотом Западной Европе, держались мнений Сен-Симона. Это заблуждение доказывает завидную невинность его души. Но, как человек практический, он очень верно предугадывал в 1847 году близость страшного взрыва со стороны пролетариев Западной Европы; и нельзя не согласиться с ним, что благодетелен принцип общинного владения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариата в сельском населении. {...}

Этот общинный дух мы вовсе не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре. Мы просто полагаем, что вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту, он сохранился у нас довольно неприкосновенным, между тем как давно исчез из обычаев тех племен Западной Европы, которые более нашего участвовали в историческом движении. Итак, сохранение его у нас есть следствие невыгодных обстоятельств нашего исторического развития. Но как самые хорошие вещи имеют свою дурную сторону, так и самые дурные вещи свою хорошую. Наша историческая неподвижность послужила источником многих бедствий и в нашем прошлом и отчасти в настоящем; она причина нашей малой образованности, нашей бедности [и всех тех страданий, нелепостей и пороков, которые проистекают от невежества и бедности, как, например, она причина нашей апатии], нашей лени и т. д. Но среди всех этих пагубных следствий нашей неподвижности есть также нечто иное и прежде бывшее не бесполезным, но при настоящем развитии экономического движения в Западной Европе, — движения, в котором начинаем принимать участие и мы, — становящееся чрезвычайно важным и полезным. Экономическое движение в Западной Европе породило страдания пролетариата. Мы нимало не сомневаемся в том, что эти страдания будут исцелены, что эта болезнь «не к смерти, а к здоровью», но переносить настоящие свои страдания для Западной Европы все-таки тяжело, и врачевание этих страданий требует долгого времени и великих усилий. У нас, принимающих ныне участие в экономическом движении Европы, сохранилось противоядие от болезни, соединенной с этим движением на Западе, мы поступили бы очень нерасчетливо, если бы по нелюбви

к патриархальности вздумали отступить от него в такое время, когда оно оказывается чрезвычайно пригодным для предохранения нас от страданий, видимых нами на Западе. <...>

О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ⁵

1857 г.

<...> Возникновение пролетариата произвело много государственных бедствий и в Англии и Франции, [а более или менее и в других западных государствах,] и грозит этим странам новыми смутами, жесточайшими прежних, потому что, с одной стороны, требования пролетариев остаются все еще неудовлетворенными, а с другой стороны, число пролетариев все увеличивается и, главное, возрастает их сознание о своих силах и проясняется их понятие о своих потребностях. <...>

Известно, что переход от исключительного поклонения принципу индивидуализма к принципу братства имеет следующие три степени:

1. Общинная собственность или владение без общинного производства и потребления. Например, двум братьям достается по наследству дом. Они владеют им нераздельно, но каждый может жить при этом особенным хозяйством и занимается своим особенным промыслом. Они делят доходы.

2. Они могут иметь общую мастерскую, но жить все-таки отдельными хозяйствами. Они по-прежнему делят доходы.

3. Они могут иметь одно хозяйство. Тогда они уже не считаются деньгами. Один купит фунт чаю, другой вместе с ним пьет его. «У нас деньги общие».

Уладиться им в первом гораздо легче, нежели согласиться на второе. Уладиться во втором им гораздо легче, нежели согласиться на третье.

Точно таковы же и логические степени:

1. Признание возможности и выгоды общинного владения, но с отвержением возможности общинного производства и общинного владения. <...>

2. Гораздо труднее условие для допущения общинного производства. Контролировать употребление и усердие труда нельзя — это не внешний осязательный факт, его нельзя доказать или опровергнуть юридическим образом. Тут нужно

доверие друг к другу. Многие отвергают возможность успешного общинного производства: тут-де человек всегда будет лениться, потому что не вся выгода от его труда достается ему, и притом ему достается часть выгоды от чужого труда: «пусть-де другие насаждаются — работают, а я буду себе лениться».

3. Еще труднее допустить возможность общинного потребления. Мало тут условий, достаточных для успешности общинного производства, мало доверия к взаимной честности, мало и нравственного убеждения в выгодности дела; тут нужны другие пружины, чтобы я захотел жить не так, как лично мне приходит фантазия жить, а как требует жить разум и экономический расчет, чтобы я захотел отказаться от многих своих прихотей.〈...〉

Нужно обеспеченное достояние, независимое от превратностей счастья, так чтобы трудящийся всегда имел средства к труду [средства, независимо ни от кого и ни от чего в мире].

Это дается государственною поземельною собственностью с общинным владением.〈...〉

Государственная поземельная собственность должна иметь, по крайней мере, такой объем, чтобы каждый из подушных участков давал безбедные средства для жизни земледельцу.

Она будет иметь такой объем, если к ней причислить все те земли, которые возделываются для самих себя земледельцами. Если же нет, если различать наименования и из земель, находящихся в общинном владении или пользовании, считать только те неизъемлемыми из общего государственного поземельного капитала, которые называются ныне государственными; если полагать, что те земли, которые носят имя частной собственности, но распределяются между поселянами по общинному праву, должны отойти в их или чью-нибудь частную собственность, объем общего государственного фонда окажется совершенно недостаточным.

Отходить им из него нет основания ни в обычае, ни в праве.

В обычае нет основания потому, что они распределяются в пользование все-таки на основании общинном, и земледельцы, их населяющие, не видят в этом отношении различия между собою и другими земледельцами.〈...〉

Итак: все, чем владеют или что возделывают для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью в общинном владении.〈...〉

**РЕЦЕНЗИЯ НА РЕЧЬ И. БАБСТА ⁶
«О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ
УМНОЖЕНИЮ НАРОДНОГО КАПИТАЛА»**

1857 г.

⟨...⟩ Когда трудящийся класс приобретет решительное влияние на английские дела и образуется опытностью в них настолько, что будет судить сообразно интересам труда, а не виушением людей, чуждых этим интересам, Англия совершенно откажется от всяких войн вне пределов своих. Когда таково же будет положение других европейских стран, исчезнет всякая возможность войны между ними.

Но до того времени войны неизбежны, хотя совершенно противны прямым интересам каждой из воюющих наций; до того времени Веллингтоны и Наполеоны ⁷ будут популярнейшими людьми между своими согражданами, хотя подвиги их не принесли этим согражданам ничего, кроме потерь.

Мы видим теперь, от чего зависит свойственная всем европейским народам наклонность к воинственности: она зависит от гражданского устройства этих обществ. Если наклонность, столь неестественная в людях трудящихся и, однако же, до сих пор владывающая над европейским бытом, развилась и поддерживается вследствие гражданского устройства этих наций, то легко можно заключить, достаточно ли этой причины для объяснения того, почему вообще в той или другой нации развились те или другие наклонности, несообразные с интересами национального благосостояния.⟨...⟩

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ БЕСЕДА»

1857 г.

⟨...⟩ Обеспечение юридических прав отдельной личности было существенным содержанием западноевропейской истории в последние столетия. Совершенно ничего нет на земле, но в чрезвычайно высокой степени цель эта достигнута на Западе. Право собственности почти исключительно предоставлено там отдельному лицу и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантиями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдельного лица повсюду освящена и законами и обычаями. Не только англичанин, гордый своею личною независимостью, но и немец, и француз может справедливо сказать, что, пока не нарушает

законов, он не бонтся ничего на земле, и что личная собственность его недоступна никаким посягательствам. Но, как всякое одностороннее стремление, и этот идеал исключительных прав отдельного лица имеет свои невыгоды, которые стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелым образом, едва он приблизился к осуществлению с забвением или сокрушением других не менее важных условий человеческого счастья, которые казались несовместимы с его безграничным применением к делу. Одинаково тяжело для народного благоденствия легли эти вредные следствия на обоих великих источниках народного благосостояния, на земледелии и промышленности. Безграничное соперничество отдало слабых на жертву сильным, труд на жертву капиталу. При переходе всей почти земли в собственность частных лиц явилось множество людей, не имеющих недвижимой собственности, — таким образом возникло пролетариатство. Владельцы мелких участков, на которые распалась земля во Франции, не имеют возможности применить к делу сильнейших средств для улучшения своих полей и увеличения жатв, потому что эти средства требуют капиталов и применимы только к запашкам большего размера. Они обременены долгами. В Англии фермеры имеют капиталы, но зато без значительного капитала невозможно в Англии и думать о заведении ферм, а люди, имеющие значительный запас наличных денег, всегда не многочисленны пропорционально массе народа, — и потому большинство сельского населения в Англии — батраки, положение которых очень печально. В заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается в руках капиталиста, и на каждого капиталиста приходится сотни работников, — пролетариев, существование которых бедственно. Наконец, и земледелие и заводско-фабричная промышленность находятся под властью безграничного соперничества отдельных личностей. Чем обширнее размеры производства, тем дешевле стоимость произведенных, потому что больше капиталисты подавляют мелких, которые мало-помалу уступают им место, переходя в разряд их наемных людей, а соперничеством между наемными работниками все более и более понижается заработная плата. Таким образом, с одной стороны возникли в Англии и Франции тысячи богачей, с другой — миллионы бедняков. По роковому закону безграничного соперничества, богатства первых должны все возрастать, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков становится все тяжелее и тяжелее.

Но в настоящем положение дел так противуестественно и тяжело для девяти десятых частей английского и французского населения, что необходимо должны были явиться новые стремления, которыми отстранялись бы невыгоды прежнего одностороннего идеала.

Подле понятия о безграничных юридических правах отдельной личности возникла идея о союзе и братстве между людьми; люди должны соединиться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для производства и для экономного потребления производимых ценностей. В земледелии братство это должно выразиться переходом земли в общинное пользование; в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общинное достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе. Только это новое устройство экономического производства может дать благосостояние целому, например французскому или английскому, племени, и население этих стран, состоящее из тысячи богатей, окруженных миллионами бедняков, превратить в одну массу людей, не знающих роскоши, но пользующихся благоденствием.

Это новое стремление к союзному производству и потреблению является естественным продолжением, расширением, дополнением прежнего стремления к обеспечению юридических прав отдельной личности. В самом деле, не надобно забывать, что человек не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, в жизни и счастье которого материальная сторона (экономический быт) имеет великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обеспечены его юридические права, то не менее нужно обеспечение и материальной стороны его быта. Даже юридические права на самом деле обеспечиваются только исполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость. А при известной густоте населения и при известной степени развития экономических отношений (появление хороших путей сообщения, обширной торговли, механических способов производства и т. д.) материальное благосостояние может быть доставлено массе населения только экономическим соединением производителей для труда и потребления. {...}

СЛАВЯНОФИЛЫ И ВОПРОС ОБ ОБЩИНЕ

1857 г.

⟨...⟩ Масса народа до сих пор понимает землю как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении, или пользование ими под общинною обработкою, так велико, что масса участков, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним, незначительна. Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта. Существовал некогда он и на Западе, по крайней мере во многих странах Запада, но утрачен там в одностороннем стремлении к полновластной собственности отдельного лица.⟨...⟩

Но того нельзя скрывать от себя, [что мы живем в переходной эпохе], что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе. Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции [результаты которой, когда она не подчинена закону общения и братства в производстве, уже обнаружили в Англии и Франции превращением огромного большинства тех племен в людей, не обеспеченных ничем против нищеты, и образованием все расширяющейся язвы пролетариата. И мы, как западные народы, скоро почувствуем необходимость не подчиняться рабски этому закону, роковому в своей односторонности. И теперь уже обнаруживаются первые признаки этого закона в тех отраслях экономической деятельности, где введены улучшенные способы, — уже большие капиталисты оттесняют малых].

В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности. Но, при новой эпохе усиленного производства, в которую вступает Россия, многие из прежних экономических отношений, конечно, изменятся сообразно потребностям времени.⟨...⟩

[Мы не хотим решать, каковы именно будут эти преобразования,] достоверно [только то], что развитие экономи-

ческого движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением компаний пароходства и т. д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы. До сих пор семейства наших поселян покупало только соль, колеса, вино, сапоги, кушаки, серьги и проч., и проч., — все остальное производилось домашним хозяйством: и сукно и ткань для женского платья и для белья, и обувь, мебель, и самая изба с печью. Скоро будет не то: домашнее сукно сменится на поселянине покупным фабричным (мы не знаем, будет ли он покупать фабричное сукно лучшего сорта, нежели покупает теперь, но в том нет сомнения, что его жена разучится ткать сукно), — льняные и посконные ткани домашнего изделия сменятся хлопчатобумажными (которые, очень может быть, будут не выше их доброю, но все-таки вытеснят их своею дешевизною) и т. д., и т. д. Все это совершится еще на глазах нашего поколения в селах, как до сих пор совершилось только в больших городах. Мы говорим это только для примера, чтобы разъяснить мысль о том, что неизбежны перемены в экономическом нашем быте, не решая того, каковы именно будут они. Но каковы бы ни были эти преобразования, да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием, — да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями. <...>

БОРЬБА ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ ПРИ ЛЮДОВИКЕ XVIII И КАРЛЕ X⁸

1858 г.

<...> У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой — дать более веса и благосостояния низшим сословиям.

ПОЛИТИКА

(из «Современника») ⁹

1859 г.

{...} Мы вовсе не отвергаем прогресса, а только хотим показать, что нашему поколению жить ничуть не тяжелее, нежели какому бы то ни было из предыдущих поколений; и что во все времена и во всех странах мыслящие люди были равно на столько же довольны ходом и характером событий во все продолжение их жизни, на сколько могут быть довольны теперь; что и в прежние времена удачи для них были очень редки и давались им судьбою в очень урезанном виде; что прогресс всегда и везде происходил очень медленно, сопровождаемая целою тучею самых неблагоприятных обстоятельств и случаев, беспрестанно перерываясь видимым господством реакции или, по крайней мере, застоєм.

А прогресса мы не только не думаем отрицать, напротив, даже не понимаем, как можно сомневаться в его неизбежности при каких бы то ни было задержках и неудачах. Закон прогресса — ни больше, ни меньше как чисто физическая необходимость вроде необходимости скалам понемногу выветриваться, рекам стекать с горных возвышенностей в низменности, водяным парам подниматься вверх, дождю падать вниз. Прогресс — просто закон нарастания. Ничто не остается без следа; после каждого процесса образуются какие-нибудь остатки, при помощи которых или бывает легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другого процесса, которому нельзя было бы произойти без помощи этого удобрения, и который, следовательно, принадлежит уже к высшему порядку, нежели прежний. Элементы и процессы в истории общества гораздо сложнее, нежели в истории природы, и поэтому следить за их законами гораздо труднее; но во всех сферах жизни законы одинаковы. Отвергать прогресс — такая же нелепость, как отвергать силу тяготения или силу химического сродства. {...}

Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора; но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком, будто молодой воробушек, еще не оперившийся для полета, еще не получивший крепости в ногах, так что после каждого скачка

падает, бедняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть,— чтобы опять-таки упасть. Смешно, если хотите, и жалко, если хотите, смотреть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно, скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними. А еще со временем птичка и вовсе оперится и будет легко и плавно летать с веселою песнею. Правда и то, что, судя по нынешнему, не слишком еще скоро придет ей время летать; а все-таки придет, сомневаться тут нечего.

За напряжением сил следует усталость, принуждающая к бездейственному отдыху; во время отдыха восстанавливаются силы, бездействие, сначала столь отрадное, мало-помалу становится скучным, и возвращается жажда деятельности, покинутой на время от изнеможения; воскресают прежние стремления, и с свежими силами, умудренный прежним опытом, человек горячо берется за продолжение дела, к которому на время охладевал. Таков общий вид истории: ускоренное движение и вследствие его застой и во время застоя возрождение неудобств, к отвращению которых была направлена деятельность, но с тем вместе и укрепление сил для нового движения, и за новым движением новый застой и потом опять движение, и такая очередь до бесконечности. Кто в состоянии держаться на этой точке зрения, тот не обольщается излишними надеждами в светлые эпохи одушевленной исторической работы: он знает, что минуты творчества непродолжительны и влекут за собою временный упадок сил. Но зато не унывает он и в тяжелые периоды реакции: он знает, что из реакции по необходимости возникает движение вперед, что самая реакция приготавливает и потребность, и средства для движения. Он не мечтает о вечном продолжении дня, когда поля облиты радостным, теплым светом солнца. Но когда охватит их мрачная, сырая и холодная ночь, он с твердой уверенностью ждет нового рассвета и, спокойно всматриваясь в положение созвездий, считает, сколько именно часов осталось до появления зари. <...>

Глухие, немые стремления <...> массы так непохожи на исторические стремления друзей реформы в образованных сословиях, что модерантисты никогда и даже революционеры очень редко отваживаются прямо опираться на удовлетворение этим стремлениям, и масса, не находя в их программах

соответствия с своими мыслями, остается равнодушна к реформаторам; мало того, она даже обыкновенно имеет расположение проникаться иелюбостью к иим, досадою на них за то, что в общественной тишине, доставляющей ежедневное скудное пропитание массе, реформаторские партии производят нарушение для целей, ие кажущихся достаточно благоприятными для массы. <...>

[Итак, оставалась горсть образованных людей, ие позаботившихся поставить за собою массу иарада против сотен тысяч штыков — чего тут ждать для этих образованных людей и их стремлений? Они должны погибнуть, они сами себя обрекли на темницы, на изгнание, на ссылку, плаху и виселицу, став против страшной физической силы армий без опоры на еще более страшную силу массы. Разумеется, мы говорим собственно только об итальянском вопросе и более ии о чем; потому мы можем сделать вывод очень простой и короткий: итальянские люди ¹⁰, желающие реформ и свободы, знают, что достигнуть ваших целей, победить реакцию и обскурантизм вы можете, только усвоив себе стремления массы ваших бедных темных соотечественников поселян и городских простолюдинов. Или примите в ваши программы аграрные перевороты, или вперед знайте, что вы обречены на гибель от реакции.]

КАПИТАЛ И ТРУД ¹¹

1860 г.

<...>Экономисты с большим удовольствием рассуждают также об экономической невыгодности рабства; они удивляют в этом случае иеобыкновенным благородством, с которым изобличают чужие недостатки. Пусть они подумают об основных чертах рабства, — они увидят повторение всех этих невыгодных обстоятельств при таком порядке вещей, где собственность и труд не соединены в одном лице. <...>Между состоянием иевольника и наемного рабочего существует огромная разица в нравственном и в юридическом отношениях; но специальной экономической разицы в их отношениях к производству нет никакой. Если труд свободного наемного работника производительней, иежели труд иевольника, — это зависит от того, что свободный человек выше иевольника по нравственному и умственному развитию; потому и работает несколько умнее и иесколько добросовестнее. Но эта при-

чина превосходства, как видим, совершенно чужда экономическому его отношению к производству; потому мы и говорим, что если нравственная философия и юриспруденция удовлетворяются уничтожением невольничества, то политическая экономия удовлетворяться этим никак не может; она должна стремиться к тому, чтобы в экономической области была произведена в отношениях труда к собственности перемена, соответствующая перемене, производимой в нравственной и юридической области освобождением личности. Эта перемена должна состоять в том, чтобы сам работник был и хозяином. Только тогда энергия производства поднимется в такой же мере, как уничтожением невольничества поднимается чувство личного достоинства. <...>

Всякая ценность создается трудом и <...> самый капитал есть произведение труда. Нужно не бог знает какое глубокое знакомство с философскими приемами, чтобы видеть, к чему приводит развитие этих положений. Если всякая ценность и всякий капитал производятся трудом, то очевидно, что труд есть единственный виновник всякого производства, и всякие фразы об участии движимого или недвижимого капитала в производстве служат только изменениями мысли о труде, как единственном производителе. Если так, то труд должен быть единственным владельцем производимых ценностей. Вывода, нами представленного, конечно, не хотят принять отсталые экономисты, но он необходимо следует из основных понятий о ценности, капитале и труде, найденных Адамом Смитом¹². Нет ничего удивительного, если результат принципа не был замечен тем мыслителем, который высказал принцип: в истории наук самое обыкновенное явление то, что у одного человека недостает силы и открыть принцип, и последовательно развить его. <...>

Открытая ненависть между простолюдинами и средним сословием во Франции произвела в экономической теории коммунизм. Английские писатели утверждают, что после Овена коммунизм не находил значительных представителей в их литературе, и это отсутствие смертельной вражды между теоретиками соответствует отсутствию непримиримой ненависти между английскими работниками и средним сословием. Но если английские экономисты не находят в своей литературе современных мыслителей, подобных Прудону¹³, то в практике промышленные союзы (Trade's Unions) работников представляют очень много соответствующего теориям, которые у французов называются коммунистическими. В Англии,

где не любят давать громких имен вещам, эти союзы подвергаются упреку в коммунистических стремлениях только при особенных случаях, каковы, например, колоссальные отказы от работы для принуждения фабрикантов к повышению заработной платы. <...>

Чтобы видеть, какого рода труд может считаться выгодным для общества, то есть производительным, надобно знать положение и потребности общества. Известно, что потребности человека разделяются на необходимые и прихотливые. Если, например, иметь за обедом мясо составляет потребность действительную, то иметь мясо, приправленное трюфелями, есть уже прихоть. Список первых существенных потребностей человека не очень длинен; в наших климатах для здоровья необходимо: довольно просторное и опрятное жилище, хорошее отопление, теплая одежда и пища, которая бы своим питательным достоинством равнялась пшенице и мясу. Итак, пока все члены общества не имеют удовлетворения этим первым потребностям, труд, обращаемый на производство предметов, служащих на удовлетворение потребностей более изысканных и менее важных для здоровья, употребляется нерасчетливо, убыточно, непроизводительно. <...>

Важнейшее различие между лицом, вносящим в производство труд, и лицом, которому принадлежит капитал, определяется следующими чертами: в производстве трудящийся действует только собственными силами, между тем как капиталист располагает силами многих лиц; в распределении ценностей трудящийся не может иметь более того, что произведено им самим, а капиталист приобретает сумму ценностей, производимую трудом многих; цель производства для трудящегося есть потребление произведенных ценностей, а для капиталиста — сбыт их в другие руки для выигрыша через обмен. Мерилом производства для трудящегося служат надобности его собственного потребления (если труд в один день доставлял бы ему все, что нужно для потребления в целую неделю, он стал бы трудиться только один день в неделю), а мерилем производства для капиталиста служит только размер сбыта.

Таким образом, трудящийся не находится к другим лицам, занимающимся тою же работою, во враждебном отношении, как капиталист. <...>

Форма, находящаяся для производства теорией трудящихся, есть товарищество. <...>

При каком порядке дел производство идет успешнее: при рабстве или при свободе? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что рабство противно врожденным стремлениям раба, что свобода соответствует им, и потому я говорю, что производство должно иметь форму свободы. На какой фабрике больше производится продуктов: на фабрике, принадлежащей одному хозяину-капиталисту, или на фабрике, принадлежащей товариществу трудящихся? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности, и потому говорю, что производство должно иметь форму товарищества трудящихся.

Мы говорим: все равно, увеличивается или уменьшается успешность производства через замещение рабства свободой и одиночного хозяина товариществом трудящихся,— все равно, потребности человека заставляют утверждать, что самостоятельность трудящихся, даваемая только формой товарищества, выгоднее для общества, нежели хозяйство отдельного капиталиста, как свобода выгоднее рабства для общества. Но как при свободе успешнее идет и самое производство, точно так же при форме товарищества оно должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста.

Одну из причин этого мы видели, когда говорили об общем принципе производства, указываемом самой теорией капиталистов; успешность производства пропорциональна энергии труда, а энергия труда пропорциональна степени участия трудящихся в продуктах; потому наивыгоднейшее для производства положение дел то, когда весь продукт труда принадлежит трудящемуся. Форма товарищества трудящихся одна дает такое положение дел, потому что должна быть признана формой самого успешного производства. <...>

Самостоятельность трудящихся имеет тот экономический смысл, что они трудятся для собственного потребления. <...>

Если мы сообразим все эти обстоятельства, дающие перевес производству под форму товарищества трудящихся над производством отдельного капиталиста, если мы вникнем в громадную силу каждого из этих обстоятельств и подумаем, в какой громадной пропорции должна возрастать она от дружной помощи двух других обстоятельств, то мы должны

будем сказать, что степень возвышения, которую должна произвести в благосостоянии общества эта форма, далеко превосходит все ожидания, к каким мы способны теперь, при нашем рутинном поятии об идеале общественного благосостояния. <...>

Прежняя теория провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояние одного народа нужно для благосостояния других. Новая теория проводит тот же принцип товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теория говорит: все производится трудом; новая теория прибавляет: и потому все должно принадлежать труду; прежняя теория говорила: непроизводительно никакое занятие, которое не увеличивает массу ценностей в обществе своими продуктами; новая теория прибавляет: непроизводителен никакой труд, кроме того, который дает продукты, нужные для удовлетворения потребностей общества, согласных с расчетливою экономией. Прежняя теория говорит: свобода труда; новая теория прибавляет: и самостоятельность трудящегося. <...>

Можно, кажется, предположить, что работники, получая от товарищества обыкновенную плату обыкновенным порядком, будут работать не хуже обыкновенного. Мы предполагаем, что управлению товарищества едва ли понадобится прибегать к исключению какого-нибудь члена товарищества за лень; а если понадобится — что делать! — оно исключит его, как отпускает фабрикант слишком ленивого работника. Но ленивых работников будет в товариществе меньше, нежели на частных фабриках: имея, как мы увидим, более прямую выгоду от усердия в работе, члены товарищества, вероятно, останутся верны общему качеству человеческой природы, по которому усердие к делу измеряется выгодностью его, и потому надобно полагать, что работа в товариществе пойдет успешнее, чем на частных фермах и фабриках, где наемные рабочие не участвуют в прибыли от своего труда. <...>

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ ¹⁴

1860 г.

<...> Первою из попыток найти способы к удовлетворению потребностей массы был во Франции в нашем веке сенсимонизм ¹⁵. <...> Приверженцы новых политических и общественных идей постоянно жалуются на то, что их предшествен-

ники и предводители подвергались и подвергаются преследованиям, как враги общественного спокойствия, люди вредные для общества, [между тем как всегда бывают лично людьми самыми честными, доброжелательными, почти всегда величайшими ревнителями порядка и спокойствия, а их идеи впоследствии времени всеми признаются за справедливые и благодетельные. Очень может быть, что все это справедливо, но странен вывод, будто бы ненатурален тот постоянно повторяющийся факт, что люди, которых современники признают безукоризненными по жизни, а потомки называют благодетелями человечества за высказанные ими мысли, подвергаются разным неприятностям и гонениям за эти самые мысли. Правда, новые идеи, возникая из потребностей того времени, когда рождаются, соответствуют этим потребностям и оттого бывают полезны для людей; но именно это качество и должно служить непременно причиною продолжительного гонения на них и на людей, им преданных. Новая потребность, которой соответствует новая идея, еще не перестроила общество сообразно своему характеру, а только стремится перестроить его. Между тем общество уже имеет известное устройство; это устройство, конечно, для кого-нибудь и выгодно; те люди, кому оно выгодно, конечно, имеют господствующее положение в обществе; они обязаны этим господством характеру существующего порядка, господство для них выгодно; изменение прежнего устройства непременно повредит тому, что они считают за свою выгоду: как же не будут они преследовать свою неприязню новые идеи, противоречащие их выгодам, как не будут они преследовать людей, высказывающих такие вредные для них мысли?] <...> Первая теория об улучшении народного быта, обратившая на себя большое внимание во французском обществе, стала известна под именем сенсимонизма, хотя сам Сен-Симон положил только общие, очень неопределенные основания ей, а школа людей, гордившаяся названием его учеников, переработала и развила мысли учителя так, что придала им значение, какого они вовсе не имели у самого Сен-Симона.

Первые проявления новых общественных стремлений всегда имеют характер энтузиазма, мечтательности, так что более походят на поэзию, чем на серьезную науку. Таков был и характер сенсимонизма. <...>

Революция¹⁶ не исполнила всех надежд, ею возбуждавшихся; не уничтожила бедности народа, дав ему полити-

ческие права. У многих родилась мысль, что новый порядок, оставляющий каждого на произвол судьбы, хуже прежнего, при котором простолюдин, находясь в гражданской зависимости от аристократа, пользовался его покровительством. (...) Учение Сен-Симона, основанное на мысли, что опека высшая над низшими может быть полезна для низших, показывает нам в реформаторе герцога, потомка феодалов, наследника средневековых воззрений.

Человек необыкновенного ума и редкого благородства, полный пламенного сострадания к бедствиям массы, Сен-Симон видел перед собою ту самую картину, какую и теперь видит каждый; но чужие несчастья и общественные несообразности, не возмущающие душевного спокойствия людей с обыкновенным сердцем, мучили его.

Повсюду вокруг себя он видел ожесточенную борьбу: борьбу производителей между собою за сбыт товара, борьбу работников между собою за получение работы, борьбу фабриканта с работником за размер платы, борьбу бедняка против машины, отнимающей у него прежнюю работу и прежний кусок хлеба; эта война называется конкуренцией, и нас уверяют, что она приносит больше пользы, чем вреда; очень может быть; но страдания, ею приносимые, неизмеримо велики, потому что она губит всех слабейших в каждом звании, в каждом промысле. У кого больше капитала, тот богатеет, а все другие разоряются; из самой свободы возникает монополия миллионеров, порабащивших себе все; земли обременены долгами; ремесленники, сами бывшие хозяевами, заменяются наемными рабочими; дух спекуляции влечет общество к отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами; выгода каждого противоположна выгоде других людей и каждый род занятий враждебен другому. Рынки завалены товарами, не находящими сбыта, фабрики запираются и рабочие остаются без хлеба. Все открытия науки обращаются в средства порабощения, и оно усиливается самым прогрессом: пролетарий делается просто рукояткою машины и беспрестанно бывает принужден жить милостынею; в шестьдесят лет он остается без всяких средств к жизни; его дочь продает себя от голода, его сын с семи лет дышит зараженным воздухом фабрики. Таково было материальное положение общества, представлявшееся Сен-Симону (...)

Сен-Симон видел в истории человечества прогрессивное движение и замечал, что по временам оно чрезвычайно

усиливается, а потом человек ищет отдыха в состоянии временной почти совершенной неподвижности, чтобы, собрав силы в этом отдыхе, снова броситься в стремительное движение. Поэтому он разделял историю на два разряда периодов, смеющихся один другим: периоды, в которых властвует какая-нибудь система понятий и учреждений, вышедшая из предыдущей эпохи движения; эта система представляет нечто связанное, стройное, хорошее или дурное, но гармонирующее во всех своих частях; отдыхающее человечество подчиняется этой системе; такие эпохи Сен-Симон называл органическими. Собрав силы, человечество принимается переделывать прежнюю систему своих понятий и учреждений, является отрицание, разрушение, борьба защитников старины с нововводителями во всех отраслях жизни; такие эпохи переделки он называл критическими. Он видел органическую эпоху в язычестве до Сократа, потом критическую эпоху разрушения язычества, смены его христианскими понятиями и учреждениями; когда христианство окончательно восторжествовало в Европе, западное человечество снова успокоилось в органической эпохе, продолжавшейся до Лютера¹⁷; с Лютера снова началась и до сих пор продолжается критическая эпоха. Задача Сен-Симона состояла в том, чтобы найти систему понятий и учреждений, на которых снова могло бы успокоиться общество.

Он замечал, что общество делится на трудящихся и праздных; ему казалось, что сообразно с стремлениями общества будет только такая система, в которой будут господствовать трудящиеся<...>

Сен-Симон умер за пять лет до июльских событий¹⁸, не дожив до такого времени, когда сильное возбуждение общественных мыслей могло бы расположить общество к оценке попыток коренной общественной реформы, и когда простолюдины, начав предъявлять свои требования, заставили бы образованное общество обратить внимание на способы улучшить их судьбу. Самоотверженный труженик умер почти незамеченный обществом, имея только немногих учеников; но он умер исполненный веры в успех своего учения. «Жатва созрела, вы соберете ее», — было его последнее слово окружавшим его постелью пламенным последователям¹⁹. Энтузиасты прогресса ошибаются в одном: в том, что цель их будет достигнута их путем; но они правы, не сомневаясь в том, что она будет достигнута. Так не исполнилась и надежда Сен-

Симона на то, что обновление общества будет произведено его учением; но мы видим, что с каждым днем сильнее и сильнее влечется общество к исполнению задачи, служению которой он посвятил себя,— к преобразованию учреждений сообразно благу беднейшего и многочисленнейшего класса. {...}

О ПРИЧИНАХ ПАДЕНИЯ РИМА ²⁰

1861 г.

{...}Основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространения знаний. Вот что такое прогресс — результат знания. {...}

Мы далеко не восхищаемся нынешним состоянием Западной Европы; но все-таки полагаем, что нечем ей позаимствоваться от нас. Если сохранился у нас от патриархальных (диких) времен один принцип, несколько соответствующий одному из условий быта, к которому стремятся передовые народы, то ведь Западная Европа идет к осуществлению этого принципа совершенно независимо от нас. Новые экономические тенденции стали обнаруживаться во Франции и в Англии задолго до того, как барон Гакстгаузен ²¹ рассказывал немцам о нашем обычном общинном землевладении; а французы и англичане узнали об этом нашем обычае от немцев еще позднее,— чуть ли не вчера только или третьего дня. Их мыслители нашли истину без помощи знаний о нашем быте; они и не подозревали даже, когда составляли свои теории, что у одного из русских племен сохранилось общинное землевладение. Распространялись и распространяются до сих пор их мысли в Западной Европе также без всякого отношения к нашему обычаю: ни для кого из приверженцев новых теорий на Западе не служит он доводом в пользу новых теорий. {...}

У Европы свой ум в голове, и ум гораздо более развитый, чем у нас, и учиться ей у нас нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существует у нас по обычаю, неудовлетворительно для ее более развитых потребностей, более усовершенствованной техники; а для нас самих этот обычай пока еще очень хорош, а когда понадобится нам лучшее устройство, его введение будет значительно облегчено существованием прежнего обычая, представляющегося сходным по принципу с порядком, какой тогда понадобится для нас, и

дающим удобное, просторное основание для этого нового порядка.

Кроме общинного землевладения, невозможно было самым усердным мечтателям открыть в нашем общественном и частном быте ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого ими обновления ветхой Европы нашей свежей помощью.〈...〉

Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить.〈...〉

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЛНОМУ ПЕРЕВОДУ «ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» МИЛЛЯ²²

1860—1861 гг.

〈...〉«В понятном труде заключаются кроме самой деятельности и все те неприятные или тяжелые ощущения, которые соединены с этой деятельностью», — говорит Милль, — кто станет спорить с этим? Но одни ли неприятные ощущения соединены с деятельностью, которая называется трудом? 〈...〉

Есть теория, утверждающая, что неприятные ощущения, производимые трудом в трудящемся человеке, происходят не из сущности самой деятельности, имеющей имя труда, а из случайных, внешних обстоятельств, обыкновенно сопровождающих эту деятельность при нынешнем состоянии общества, но устраняющихся от нее другим экономическим устройством. Теория эта прибавляет, что, напротив, сам по себе труд есть деятельность приятная, или по термину, принятому этой теорией, деятельность привлекательная, так что, если устраняется внешняя неблагоприятная для труда обстановка, он составляет наслаждение для трудящегося.

Мы должны предоставить личному мнению читателя суждение о том, справедлива ли изложенная нами теория в абсолютном своем развитии, когда она утверждает, что *никакой* род труда не заключает сам в себе ничего неприятного. Экономическое устройство, которое считается рациональным в этой теории, до сих пор еще не осуществлено, и потому нельзя с достоверностью знать, в том ли именно размере изменится при этом устройстве характер *всякого* труда, как предполагает она. 〈...〉

Нельзя оставить без замечания и слов Милля, что голова кружится у английских работников, когда они начинают мечтать о равенстве, и что они становятся наглыми, когда перестают быть раболепными. Так говорили еще римские патриции о плебейях <...>, а после того английские лендлорды о самих английских фабрикантах. <...>

Вредное действие разделения труда на экономический быт и на самый организм рабочего сословия при нынешнем порядке дел не подлежит сомнению. Это факт, равняющийся своей достоверностью математическим теоремам, потому что он состоит только в приложении к данному вопросу простых истин: нездоровое для человека вредит здоровью, за меньшее количество платится меньшая сумма. Но с тем вместе остается столь же несомненным, что для человеческого благосостояния нужно усиление производства, а возрастание производства требует разделения труда. Что ж мы имеем теперь? Мы имеем две формулы, соединение которых дает тот вывод: элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, гибелен для массы людей своим развитием. <...>

Разделение труда необходимо. Так, но следует ли из этого необходимость отдельному работнику заниматься целый день, целую жизнь именно только трудом над известною дробною операциею? Этого принцип разделения труда вовсе еще не предполагает. Напротив, чем выше проводится разделение труда, тем легче становится одному человеку поочередно заниматься множеством разных дробных операций. <...>

Столь же важна другая выгода такой формы деятельности работника. При разнообразии занятий он будет иметь более широкую сообразительность, умственные силы его будут развиваться от работы, а не тупеть, как тупеют при ограничении всей деятельности его одною упрощенною до машинальности операциею. Подумаем только, может ли быть какое-нибудь сравнение, по изобилию материалов для умственного развития, по богатству промышленной опытности, по догадливости между работником, который бывал и на полевой работе, и на ткацких фабриках и на постройках, и в ремеслах, и между таким работником, который всю жизнь просидел у одного колеса одной машины на одной фабрике? Тут разица такая же, как между человеком, изъездившим вдоль и поперек Россию, и другим, который носил не высовывал за шлагбаум своего уездного города. <...> Решительно ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного разви-

тия в работнике. Климат, почва, запасы капитала, самая крепость физических сил — все это ничтожно по сравнению с развитием мысли. Из этого развития все возникает, все достигает только той величины, какая сообразна с ним, все поддерживается только им. Потому важнейшим препятствием к развитию производства надобно считать те формы, которые неблагоприятны умственному развитию работника. (...)

Земледельческий процесс отличается от фабричного гораздо большей сложностью элементов, участвующих в нем. Тут входят климатические и геологические условия, которых не знает фабрика. На фабрике материал однороден; в земледелии он состоит из нескольких различных частей; кроме посева, соответствующего тому, что собственно называется на фабрике материалом, земля, служащая как будто ретортою, сама входит в химические соединения с материалом, между тем как на фабрике реторта не смешивается с ним. Этим объясняется, почему наука стала управляться с земледельческими вопросами гораздо позднее, чем с фабричными. Для решения задач более сложных ей было нужно приобрести гораздо больше знаний. Теперь она уже владеет значительной частью нужных по земледельческим вопросам сведений и быстро приобретает те, которых еще недостает ей.

Из этого надобно заключать, что скоро исчезнут причины различия между земледелием и фабричной промышленностью по отношению к выгодности производства в большом размере. (...)

Для хорошего хозяйства необходим большой размер полей.

Для хорошего хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники.

Пока эти условия не совместились в хозяйстве, оно будет плохо. (...)

В небольшой мастерской, в маленьком хозяйстве хозяин может наблюдать за исполнением дела; тут нет большой разницы между работою хозяина и наемника, потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью. Но чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину. Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо на-

емного труда, выгодою дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося.

Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов. (...)

Этот отрывок должен, кажется, достаточно подтвердить наши слова о происхождении и цели книги Мальтуса²³. Он занялся своим исследованием для того, чтобы защитить коренные основания существовавшего экономического устройства, и думал, что действительно нашел аргумент, изображавший бессилie всяких коренных реформ устранить нищету. После этого какую поразительную неожиданностью было, что коммунисты, явившиеся после Мальтуса, стали доказывать необходимость замещения нынешнего экономического устройства коммунистическим, на основании того самого закона, указанием которого Мальтус думал поразить коммунизм. Фурье²⁴, например, одним из главнейших преимуществ своей системы прямо ставит то, что при ней, без всякого стеснения естественных наклонностей человека, размножение людей останавливается на известном количестве, допускающем высокое общее благосостояние, между тем как при нынешнем устройстве, несмотря на все болезни, лишения, войны, люди размножаются слишком быстро. Прудон²⁵ также доказывает, что по самому закону Мальтуса водворение равенства непременно должно вести к общему благосостоянию. Мы не можем здесь излагать ни теории Прудона, ни системы Фурье, но довольно будет предупредить читателя, что сам Милль в первой главе следующей книги называет коммунизм таким устройством, которое более

всякого другого способно предотвратить излишнее размножение людей.

Мы видим, что какой экономической теории кто держится, такой вывод и делает из теоремы Мальтуса: приверженцы неравенства доказывают ею бесполезность и даже гибельность равенства, по примеру самого Мальтуса; но и крайние приверженцы равенства, коммунисты, выводят из той же теоремы необходимость водворения своей системы общественного устройства. <...>

ОЧЕРКИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (ПО МИЛЛЮ) ²⁶

1860—1861 гг.

<...>Общепринятый тон политико-экономических отзывов о коммунистах и социалистах не один раз изменялся с той поры, как эти тенденции заняли постоянное и видное место в умственной жизни. До 1848 ²⁷ года масса умеренных прогрессистов, в том числе и почти все политикоэкономы, говорили о коммунистах и социалистах с любезною снисходительностью, как о мечтателях благонамеренных, хотя и заблуждающихся, но самими своими заблуждениями отчасти содействовавших им, умеренным прогрессистам, в разъяснении истины. Над коммунистами и социалистами при случае подсмеивались с приятными претензиями на остроумие, без ожесточения, больше для препровождения времени, но говорилось это о них лишь при случае, не слишком часто и не слишком помногу. Они казались людьми неважными.

В 1848 году повсюду, где был переворот, бывали в нем более или менее заметны или у всей массы простонародья или у довольно больших отделов ее какие-то отчасти неясные тенденции, клонившиеся к коренному ниспровержению существующего экономического порядка, тенденции, казавшиеся сходными с коммунизмом. В то же время обнаруживалось, что бывшие защитники коммунизма и социализма в литературе думают воспользоваться этими тенденциями, которые были порицаемы даже и самыми радикальными из демократов, не бывших коммунистами или социалистами. Таким образом, раскрылось для всех, что между коммунистами и социалистами и всеми другими партиями есть коренная разница, гораздо значительнее даже той, какая существует между самыми далекими друг от друга из остальных

Титульный лист «Очерков из политической экономии (по Миллю)»
Н. Чернышевского

партий. Приверженец абсолютизма и красный республиканец чувствовали в это время, что у них у обоих есть что-то общее, против чего идут социалисты и коммунисты. А эти люди, оказавшиеся идущими против учреждений, равно драгоценных и для реакционера и для огромного большинства революционеров, оказались в некоторых местах довольно близкими к получению власти над обществом. Например, предводители баденских инсургентов Геккер и Струве были социалисты, а ведь они успели овладеть Баденом и были побеждены уже только двинутыми на них прусскими войсками²⁸. Но главным источником страха была, разумеется, Франция. Временное правительство нашло нужным льстить коммунистам и социалистам, чтобы выиграть время. Эти ловкие маневры имели вид такой искренности, что казалось, будто оно дает социалистам и коммунистам участие в управлении страной. На самом деле ничего такого не было сделано. Но имя Луи-Блана в числе членов временного правительства и люксембургские конференции²⁹, которыми или обманули этого тщеславного труса (если он тщеславный трус), или обольстили этого самоотверженного гражданина (если он был самоотверженный гражданин, не хотевший вести свою партию к победе путем междоусобной войны), — но национальные мастерские, устроенные врагами коммунизма, как лагерь против коммунистов, и однако же очень хитро представлявшиеся за создание коммунистов, — этого было уже довольно, чтобы вся Европа кричала: «коммунисты овладевают правительством во Франции!» А тут поднялось громадное июньское восстание³⁰, подавленное лишь после такой упорной битвы, какой еще никогда не бывало даже и в парижских междоусобицах. Под влиянием этих событий все стали трепетать при одной мысли о коммунистах и социалистах, и ни на минуту не мог никто избавиться от мысли о них. В ту эпоху не в силах был человек написать ни одной страницы без того, чтобы не попали туда социалисты или коммунисты с приставкою надлежащих проклятий. Политическая экономия заразилась социализмофобией и коммунизмофобией (разумеется, в тех странах, которые подвергались перевороту, и в странах, повторяющих все с голоса тех стран). <...> Очень видное место в литературе занял писатель очень крутого нрава, Прудон. Кто он такой, социалист или не социалист, коммунист или не коммунист — этого никто из континентальных политикоэкономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знает определенно. Но одно

всем заметно: он ужасно бранится, и так бранится, что на кого набросится, безвозвратно выставит глупцом. Бранит он социалистов и коммунистов — это хорошо; но попробуй кто-нибудь сказать что-нибудь против них, он так отделает этого господина, что тот жизни будет не рад: «если,— говорит,— я их называю глупцами, так другое дело — я понимаю их; а вы, милостивый государь, не понимаете их, вы сами гораздо глупее их, да и в политической экономии вы ни аза в глаза не знаете; какой вы политикоэконом! вы просто ахинею городите». Вот от страха перед таким чудовищем иной раз и боится политикоэконом не сделать милой улыбки коммунизму в извинение за то, что тут же выбранил коммунистов. А тут есть еще другое обстоятельство, коммунизм популярен: кому не хочется уловить частичку популярности? Вот политикоэконом, выбравши коммунизм, и прибавляет для партера: «что это я, дескать, только так говорю против крайностей и утопий, а что касается до здоровой части новых стремлений, так я допелюсь люблю ее», и пойдет хвалить ассоциации, предрекать им великую будущность, заболтается до того, что сам уже ничего не разбирает, что говорит. Таким образом нынешний обыкновенный тон отзыва о коммунизме — смесь неистовств с сладкими улыбочками, проклятий с комплиментами.〈...〉

Ведь нужно перевоспитать несколько поколений, чтобы соблюдала была людьми справедливость при распределении доходов без всякой другой нормы, кроме общественной добросовестности. Ну, видно, что и глуп же этот Луи-Блан! Да и парижские работники что за олухи, что носили на руках такого фантазерного идиота³¹.

Может быть, вы рассудите так, а может быть, навернется вам на ум другая догадка: если масса людей грамотных, довольно много читавших и очень опытных в житейском деле — а ведь парижские работники таковы,— выводила вперед своим представителем Луи-Блана, то, вероятно, его требования не были же до такой осязательности неудобноисполнимы для нынешнего времени.〈...〉

Практическое принятие обществом такой формы экономического расчета, которая была бы удовлетворительнее соперничества,— дело очень трудное при наших привычках, требующее очень большого прогресса в понятиях и обычаях.〈...〉

Мы говорили, что трудно сказать, возвысился ли понизился общий уровень материального благосостояния рабо-

чих классов от экономического прогресса при нынешнем быте, — то есть полное или скуднее прежнего удовлетворяется вся сумма потребностей, чувствуемых работником; но относительно некоторых отдельных элементов материальной надобности очевидно, что они и у работника удовлетворяются ныне гораздо лучше прежнего, благодаря экономическому прогрессу. Сюда принадлежат все те вещи, пользование которыми удобно делается достоянием всего общества, хотя бы они первоначально устраивались только для некоторых малочисленных сословий или для административного употребления — вещи, не поглощаемые или слишком в незначительной степени поглощаемые личным потреблением сословий или учреждений, интересами которых создаются. Таковы, например, пути сообщения, почта, освещение улиц, места общественных прогулок, театр. Пути сообщения устраиваются по стратегическим, по административным и по торговым надобностям. Государство или коммерческий класс сооружают их собственно для себя, для передвижения войск, правительственных агентов и посылок или для перевозки товаров. Но невозможно сделать такое шоссе, которое за провозом этих товаров и проездом этих людей не оставалось бы, так сказать, в совершенно праздном излишке, — почему ж не предоставить и простолюдину пользоваться этим излишком, в котором нет надобности уже никому другому? (...)

Если мы рассмотрим в подобие случаи, когда крохи, лишние или не пригодные для других сословий, падают (выражаясь фигурально) с богатой трапезы материального прогресса на пол, где предоставляется подбирать их бедному Лазарю, то нельзя нам будет удержаться от сардонического смеха, читая у рутинных политикоэкономов паегирические декламации о том, как много делают для блага простолюдинов классы и учреждения, распоряжающиеся делами этого прогресса. Нет, для пользы простолюдинна не делается тут почти никогда ничего, — напротив, делается ему всякое неудобство, [всякий вред каждый раз,] когда есть в том распорядителям какая-нибудь выгода, хотя бы самая пустая. (...)

Чувство собственного достоинства развивается только положением самостоятельного хозяина, (...) поэтому искать надлежащего благосостояния будет работник только тогда, когда станет хозяином. (...)

Правительство составляет одну из форм общественной силы и деятельности. С той поры, как явилась в экономи-

ческой науке школа, доказывающая недостаточность разрозненных индивидуальных интересов и усилий для водворения благосостояния в обществе и доставления обеспеченной жизни индивидуальному лицу, получили важность в науке споры о степени участия, какое должна иметь общественная сила в экономической деятельности. V книга Милля посвящена рассмотрению этого вопроса только в одной из частных его форм — в той форме, когда общественная сила является с характером правительства. [Если рассматривать дело с высокой научной точки зрения, такое узкое постановление вопроса надобно назвать слишком односторонним. Нет на свете ничего вечного, и могут возникнуть со временем такие формы быта, в которых или не будет вовсе ничего соответствующего нынешнему понятию о правительстве, или этот вид общественной силы и деятельности будет иметь гораздо меньше значения, чем теперь. (...)]

Когда прогрессисты, или так называемые утописты, говорят о расширении круга общественной деятельности в экономической жизни, не следует воображать, будто бы они рекомендуют расширение того, что ныне называется правительственной деятельностью. Правда, некоторые из них употребляют слово «правительство», но они соединяют с ним не тот смысл, какой имеет оно в обыкновенном языке; они тут поступают точно так же, как поступил некогда Адам Смит³², воспользовавшийся словами разговорного языка для обозначения понятий, различных от разговорного значения этих слов. Как у него и его последователей «капитал» обозначает не монету, которая называется капиталом в разговорном языке, «сбережение» обозначает не сохранение вещи в целости, точно так и у прогрессистов, говорящих о правительстве, это разговорное слово избирается для обозначения их специальной идеи, различной от понятия, принадлежащего ему в обыкновенном языке. (...)

Вопрос о налогах последовательным образом разрешается в тот вывод, что удовлетворительное его решение невозможно при существующем быте. И мы имеем перед собою два заключения: пока этот быт не будет существованию преобразован, поневоле приходится допускать множество налогов, решительно отвергаемых наукою. (...) Другое заключение — то самое, к какому приводил нас и всякий другой частный вопрос: должны измениться самые основания экономического быта. (...)

ВАРИАНТЫ «ОЧЕРКОВ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (ПО МИЛЛЮ)»

1860—1861 гг.

⟨...⟩ В науках, говорящих об устройстве человеческих дел, существует один высший коренной общий для всех них принцип. Этот принцип — благо человека. Что хорошо для человека, то хорошо. Что дурно для человека, то дурно, — кажется, это ясно и верно. В каждой частной науке принцип этот подвергается точнейшему определению, сообразно частному предмету частной науки. Например, педагогика — наука о воспитании; воспитание состоит в развитии физических, умственных и нравственных сил человека; вот и нетрудно догадаться, каков верховный принцип педагогики: «все, что хорошо для развития физических, умственных и нравственных сил человека, то хорошо». И каждый свой вопрос педагогика подводит под этот принцип. У политической экономии другой предмет — материальное благосостояние человека или, пожалуй, народное богатство. Каков же, судя по этому, должен быть коренной принцип ее? Разумеется, следующий: «хорошо все то, что хорошо для материального благосостояния человека», или, пожалуй, если вам нравится старинное определение, «для народного богатства».⟨...⟩

Мы называли вопрос об экономической роли правительства только частным случаем более обширной сферы явлений, остальные случаи которой были оставлены без внимания основателями господствующей теории. В самом деле правительственная власть — только одна из форм общественного действия, некоторые другие формы его даже имеют тот главный признак, которым обыкновенно отличают правительственную власть от остальных случаев коллективного действия.⟨...⟩

Из этого мы видим, что правительственные отношения составляют только частный случай более общего понятия коллективных отношений. Видим также, что эта частная форма может изменяться до существенных одинаковостей с разными другими формами коллективных отношений.⟨...⟩

При известном состоянии экономических отношений, чем меньше может брать общество из продукта, тем выгоднее для общего благосостояния. Это вообще надобно сказать

о формах быта, в которых общественное внимание не обращено на содействие экономическому прогрессу, а поглощается делами, составляющими безвозвратную трату средств. Наоборот, могут быть также формы быта, в которых и очень значительный вычет из продукта на общественные дела нимало не вредит энергии труда, а, напротив, содействует ее возвышению. Это будет в том случае, если отдельный человек сам видит, что личное распоряжение взимаемой от него частью продукта не принесло бы ему самому столько выгоды, сколько получает он от употребления этой части на дела, полезные всему обществу, в том числе и лично ему. <...>

Благосостояние общества уменьшается существованием нежесточких, безразличных или ленивых людей в обществе; эти вредные качества в людях могут быть устранены только двумя способами: заботою о том, чтобы каждый человек получал надлежащее воспитание, и обеспечением человека от нужды. Достаточны или недостаточны средства известного общества для полного достижения таких целей, об этом каждый может думать, как ему угодно, но против того никто не может спорить, что выгода общества требует всевозможных усилий для наилучшего возможного достижения этих целей. А мы знаем из господствующей теории, что ведение дела должно принадлежать тому, кто в нем заинтересован. Следовательно, общество может ставить своим делом заботу о том, чтобы ни один из его членов не остался без воспитания и без правильных средств к жизни. Если относительно некоторых людей оно убеждено, что и без его вмешательства они обеспечены от вредного для него недостатка с этих сторон, оно может оставлять их дела без своего вмешательства. Но мы видим, что без его вмешательства масса людей вовсе не обеспечена с этих двух сторон. Следовательно, его вмешательство тут равнозначительно пренебрежению его к собственной выгоде. <...>

ПОДСТРОЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ МИЛЛЯ

1860—1862 гг.

<...> Общий ход исторических явлений состоит в том, что основные мотивы движения выступают по мере его развития все ярче и ярче на первый план и затемняют собою те, хотя и сродные с ним, но не прямо принадлежащие к

нему элементы, из которых оно еще не выделялось в первое время. Сущность социализма относится собственно к экономической жизни. Но не в одном экономическом быте должны произойти коренные перемены: им подвергается вся жизнь человека: и его отношения к другим людям по кровным или душевным привязанностям, и его воспитание, и его национальные отношения и т. д. Все эти перемены будут вести к цели, сходной с целью социализма, к улучшению жизни человека. Но тем не менее задача о переменах чисто экономических есть задача очень различная от усилий к улучшению других сторон жизни. У сенсимонистов эта экономическая задача еще расплывалась в неопределенной экзальтированной жажде пересоздать вообще всю жизнь человека. Характеристическою чертою их учения были пылкие тирады о какой-то «любви». Конечно, в сущности следовало тут разуметь просто любовь к ближнему, замену нынешнего враждебного эгоизма добрым расположением между людьми, и не трудно было бы истолковать эту обязанность любви в таком смысле, чтобы более всего думать о таком экономическом устройстве, при котором людям не было бы надобности враждовать, а была бы выгода желать добра друг другу. Но прямой житейский смысл слова любовь не тот, и сенсимонисты не замедлили понять всю свою идею именно с такой стороны, с которой эротический смысл стал господствовать над экономическим и всяким другим. Вопросы о браке и о свободной любви скоро привлекли к себе главное их внимание. Таким образом в сенсимонизме элемент, собственно называющийся социализмом, был еще под владичеством стремлений, принадлежащих не экономической жизни, а так называемой жизни сердца. Фурьеризм уже прямо занимается всего более экономического стороною жизни. Но она в нем рассматривается нераздельно от всех других научных, нравственных и общественных вопросов: в систему Фурье входят и теория планетной жизни земного шара с астрономиею, геологиею, и психология, и вопрос о семейных отношениях, и вопрос о воспитании и т. д. Надобно даже сказать, что экономическая часть системы, хотя и составляет самый обширный предмет исследования, исследуется у фурьеристов на основании психологической их теории, которая и служит корнем всего учения. Мы не говорим, что это неосновательно в безусловном теоретическом смысле — напротив, основанием всему, что мы говорим о какой-нибудь специальной отрасли жизни, действительно должны служить общие понятия о

натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях. Мы вовсе не думаем также сомневаться в надобности или достоинстве такой науки, которая была бы сводом или экстрактом всех частных наук. Но нельзя не сказать, что эта энциклопедия не уничтожает собою надобности в отдельной разработке частных наук и что она скорее должна называться философиею, нежели наукою о народном хозяйстве или политическою экономіею или социализмом. Мы хотим сказать, что фурьеризм еще имеет характер слишком энциклопедический или философский, и социалистическое движение при дальнейшем своем развитии должно было получить вид более частный или специальный, чем какой имеется в фурьеризме. <...>

Нынешние социалисты говорят: мы имеем свои убеждения о натуре человека вообще, думаем известным образом о семейных или педагогических вопросах, как имеем известный образ мыслей о политических делах. Но когда мы пишем трактат об экономическом устройстве, мы не должны распространяться о предметах, посторонних этому частному исследованию; <...> когда мы обращаемся из писателей в практических деятелей, мы не хотим раздроблять своих сил и усложнять своего дела смешиванием его заботами о реформах по другим отраслям жизни. О педагогических, семейных, нравственных реформах пусть заботятся другие, или будем заботиться и мы сами, только уже в других книгах или в других проектах законов. Разделение труда нужно для его успешности.

Потому нынешний социализм все свое содержание ограничивает экономическою стороною жизни, точно так же как политическая экономия. Например, в проектах о социалистических брошюрах Луи Блана вы не найдете ровню ничего о вопросах, не входящих в сферу экономической науки. <...>

Быть может, здесь нелишнее будет сделать общую заметку о том, в каком виде представляется нам вероятнейший ход будущей истории экономического быта.

Коммунизм, по справедливому замечанию Милля, берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма.

Но, с другой стороны, коммунистическая теория гораздо проще социалистической. Поэтому неразвитая масса усваивает себе коммунистические стремления гораздо легче, чем социалистические, когда по стечению обстоятельств устремляется на переделку общественных отношений. Чтобы сочувствовать социализму, надобно быть приготовлену к довольно сложным комбинациям идей; чтобы сочувствовать коммунизму, достаточно чувствовать на себе отяготительность существующих экономических отношений и иметь обыкновенное человеческое сознание, что несправедливо терпеть нужду человеку, работающему или готовому работать, когда пользуются благосостоянием или богатством люди праздные. Но нечего обольщаться этою легкостью, с какою овладевают мыслями массы коммунистические идеи во время общественных потрясений. Нравы, обычаи, понятия, нужные для коммунистического быта, чрезвычайно далеки от понятий, обычаев, нравов нынешних людей, и при первых же попытках устроить свою жизнь по своим коммунистическим тенденциям люди находят, что эти тенденции, быстро увлекшие их, нимало для них не пригодны.

Но мы не думаем, чтобы и самый социализм скоро приобрел господство в экономической жизни. Мы видим в истории, что очень долгого времени требовало порядочное осуществление перемен, совершенно ничтожных перед этою. {Дело о парламентской реформе в Англии тянулось не то 40, не то 50 лет, — а и реформа-то вышла какая {{умеренная — *зачеркнуто*}} неважная. {{А во Франции — *зачеркнуто*}}. Хорошо хоть то, что не понадобилось для нее англичанам делать революцию — *зачеркнуто*}. Посмотрите, например, сколько десятков лет тянулась в Англии и тянется теперь в других странах борьба {за такое неважное — *зачеркнуто*} между протекционизмом и свободою торговли. А что такое эта перемена перед изменением, какое соединено с социализмом? — не больше как поправка одной очевидной опечатки перед полною переработкою всей книги, устаревшей по своему содержанию.

Замена аристократического феодализма господством среднего сословия оказалась в истории делом, требующим нескольких веков, да и это дело после нескольких веков все еще не покончено в самых передовых странах. Не говоря уже об Англии, не говоря о Франции (в которой, по мнению Бокля³³, аристократизм все еще сохраняет больше сил, чем в Англии, — мнение, противоречащее обыкновенному поверх-

ностию взгляду, но в сущности разве немного утрированное), даже в Соединенных Штатах, где как будто вовсе и не существовало аристократии, она {подняла страшную войну — *зачеркнуто*} обнаружила изумительную силу, подняв южные штаты на войну для сохранения своего господства над Союзом³⁴. Сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим! По всей вероятности, это будет история очень длинная. Но ведь если 30-летняя война продолжалась 30 лет³⁵, из этого еще не следует, что не было сражений и в первый год этой войны. По одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм было уже дано в обеих передовых странах Западной Европы. Во Франции это была июньская битва на улицах Парижа; в Англии колоссальная апрельская процессия хартистов по лондонским улицам³⁶. Обе битвы были даны в 1848 г. Обе были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы, — с каким успехом, мы увидим. А впрочем, с каким бы успехом ни были даны они, мы должны вперед знать, что проигрыш только возвращает дело к положению, из которого должны возникать новые битвы, а выигрыш, — не только первый, который и сам когда-то еще будет, — но и второй, и третий, и, может быть, десятый еще не дает окончательного торжества, потому что интересы, охраняющие нынешнюю экономическую организацию, страшно сильны. Разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя? <...>

В общественных отношениях <...> все зависит от нынешнего положения дел, из каких бы там событий оно ни происходило, из давних или недавних. Если общество проигрывается стремлением изменить эти отношения, оно не смотрит ни на какое право давности; дело решается тем, на какой стороне сила и каковы нынешние чувства стороны, одерживающей верх. <...>

Но право одного человека на труд другого человека должно быть признано также невольничеством этого второго человека. Если, например, я обязан работать известное число часов в неделю на другого, это значит, что ему принадлежит известная часть моего времени, т. е. моей жизни. Положим, я должен из 12 дней работать на кого-нибудь один день, это все равно, как если бы я проводил один месяц в году в невольничестве у него. Само собою разумеется, что мы гово-

рим это, имея в виду не так называемый обязательный труд и не так называемые повинности работою: об этих отношениях нечего говорить, всем известно, что они должны считаться смягченною формою невольничества,— нет, мы хотим обратить внимание читателя на то, что так называемый свободный труд по найму имеет характер невольничества, если он производится по договору, вперед обязывающему работника исполнять какую-нибудь работу в продолжение какого-либо срока, или если обычаем или обстоятельствами становится работник в такую же необходимость и без формального договора, или, если, наконец, работник, хотя и не привязанный ни на какое время вперед ни к какой известной работе у известного хозяина ни договором, ни обычаем, ни обстоятельствами, все-таки обречен на необходимость работать по найму невозможностью добывать средства для жизни иным способом.〈...〉

Не подлежит спору принцип: земля принадлежит нации как одному целому, и распорядителем ее может быть только государство как поверенный народа, обязанный употреблять ренту исключительно на пользу этого единственного законного владельца.〈...〉 Великое благо для страны, когда она без серьезной ломки существующих отношений, без нанесения больших потерь какому бы то ни было классу, может перестроить или устроить свое поземельное владение соответственно единственному справедливому основанию, на котором только и может существовать прочное устройство, и что во всякой стране правители при определении поземельных отношений должны по возможности близко держаться этого принципа.〈...〉

Принцип разделения или сочетания труда сам по себе вовсе не требует неотлучной связанности работника только одним занятием; а что касается до самостоятельного труда, сам Милль принимает, что положение наемного работника ненормально и должно замениться положением самостоятельного хозяина, работающего на свой счет по собственному усмотрению.〈...〉

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ИЗДАНИЮ ПОЛНОГО ПЕРЕВОДА
«ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»
МИЛЛЯ
(второй вариант)

1864 г.

Нынешнее состояние нравственных и общественных наук еще очень жалко; но оно уже не безусловно жалко и презренно; а главное, оно уже давно перестало быть отчаянным. Эти науки вышли из безнадежного застоя, в котором очень долго находились почти неподвижно и безжизненно.

Материалы и средства для дельной разработки их были подготовлены успехами естествознания и появлением некоторой гуманности, если не в общественном быте, то хотя во внутренней жизни отдельного лица и в его интимных отношениях к родным и знакомым. Эти успехи произвели так называемую «литературу просвещения». Когда в ней хотя с некоторою отчетливостью выразились вечные потребности человеческой природы, начался ряд великих движений и событий, создающих удовлетворительную для человека жизнь.

Это дело только что начинается. Еще ни в одной стране не доведено оно до того, чтобы нравственная и общественная обстановка человеческой жизни хорошо соответствовала потребностям человеческой природы. Но все-таки во всех странах, охваченных историческою жизнью, общественные понятия несколько смягчились, формы быта стали несколько разумнее, чем было до конца прошлого века.

Печатается по: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1939—1950 гг.; т. I, с. 122, 418, 419; т. III, с. 223—224; т. IV, с. 330—331, 341, 404—405, 415, 438, 439, 489, 728—730, 741—745; т. V, с. 216—219, 609, 625—626; т. VI, с. 11—14, 369—370; т. VII, с. 22—23, 38—39, 41, 42, 49, 52—57, 61—62, 154—162, 164, 356, 645, 661—663, 664—666; т. IX, с. 75, 172—173, 191, 196, 197, 218, 219—221, 222—223, 262, 348—350, 355, 421, 422, 629—631, 643, 658, 659, 686—687, 810—812, 825—833, 836—837, 878—879, 888—889.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее издание включены отрывки из произведений Н. Г. Чернышевского, опубликованных в Полном собрании сочинений в пятнадцати томах под общей редакцией В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина и др. М., Государственное издательство художественной литературы.

² Монтаньяры — название крайне левых депутатов Национального Конвента во время Французской буржуазной революции 1789—1794 гг.; слово «монтаньяры» происходит от франц. *montagnards* — гора, т. к. эти депутаты сидели на верхних скамьях в зале заседания Конвента.

³ Имеется в виду жена Н. Г. Чернышевского — О. С. Чернышевская.

⁴ Рецензия на книгу Гакстгаузена «Исследования внутренних отношений народной жизни»; Август Гакстгаузен получил разрешение Николая I изучить на месте аграрные отношения в России, царь дал средства на поездку Гакстгаузена в Россию и издание его книги. См. также наст. изд., с. 424, прим. 18.

⁵ Статья Чернышевского является ответом на одноименную статью редактора «Экономического указателя» И. Вернадского; в этой статье Чернышевский излагает свой взгляд на русскую общину как на переходную форму к социалистической собственности.

⁶ Бабст И. К. (1823—1881) — профессор Московского университета, русский буржуазный экономист, выступивший с требованием преобразования феодально-крепостнического строя с позиций либеральной буржуазии.

⁷ Веллингтон, Артур Уэлсли (1769—1852) — английский полководец, государственный деятель, фельдмаршал, неоднократно возглавлял войска, подавлявшие революционные выступления; Наполеон — см. наст. изд., с. 239, прим. 13; с. 240, прим. 20; с. 296, прим. 8; с. 298, прим. 26; с. 299, прим. 47.

⁸ Людовик XVIII (1755—1824) — французский король из династии Бурбонов, после падения Наполеона в 1814 г. занял престол; с его именем связана реставрация Бурбонов; династия Бурбонов существовала до Июльской революции 1830 г. Карл X (1757—1836) — французский король из династии Бурбонов, младший брат Людовика XVIII, под влиянием революционных событий 2 августа 1830 г. отрекся от престола.

⁹ Здесь помещены отрывки из статей Н. Г. Чернышевского в разделе «Политика», который он в течение ряда лет вел в «Современнике».

¹⁰ В условиях цензуры Чернышевский нарочито подчеркивает, что речь идет только об итальянских событиях, на самом деле в этом отрывке содержатся важнейшие программные идеи Чернышевского по революционному преобразованию общества. Цензор вычеркнул текст, начиная от слов «итак, оставалась горсть образованных людей...» до «обречены на гибель от реакции».

¹¹ Важнейший экономический труд Чернышевского, в котором дана острая критика капитализма и его идеологов. К. Маркс, имея в виду экономические работы Чернышевского, назвал его великим русским ученым и критиком, мастерски выявившим несостоятельность буржуазной политэкономии (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 17—18); в этой статье Чернышевский называет политическую экономю социализма «экономической теорией трудящихся».

¹² Смит Адам (1723—1790) — выдающийся английский экономист, философ, разработал трудовую теорию стоимости.

¹³ Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма.

¹⁴ Под этим заголовком объединены три статьи Чернышевского, которые частично являются переводом отдельных мест из «Истории десяти лет» Луи Блана. Эта форма потребовалась, вероятно, Чернышевскому для того, чтобы рассказать русскому читателю о революционных событиях 1830 г. во Франции. Цель Чернышевского заключалась в том, чтобы на примере монархической системы правления во Франции осудить российскую монархию; Июльская монархия — период в истории Франции от Июльской революции 1830 г., окончившейся с режимом Реставрации, до Февральской революции 1848 г. По словам К. Маркса, во время Июльской монархии в лице короля Луи Филиппа «господствовала не французская буржуазия, а лишь одна ее фракция...» — так называемая *финансовая аристократия* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 8).

¹⁵ Сенсимонизм — учение А. Сен-Симона; о нем см. наст. изд., с. 211—213.

¹⁶ Имеется в виду Великая французская революция XVIII в.

¹⁷ О Лютере см. наст. изд., с. 240, прим. 26.

¹⁸ Имеется в виду за пять лет до Июльской революции 1830 г.

¹⁹ Последователь Сен-Симона Л. Рейбо передает последние слова своего учителя так: «Спустя сорок восемь часов после выхода в свет «Нового христианства» будет образована партия рабочих. Будущее принадлежит нам».

²⁰ Эта статья Чернышевского имеет связь со статьей Герцена «Русский народ и социализм», в которой тот писал, что Западная Европа находится в состоянии, подобном состоянию Древнего Рима накануне его падения. Герцен считал, что участь Рима грозит Европе.

²¹ См. наст. изд., с. 470, прим. 4.

²² Примечания Чернышевского к его переводу книги Дж. Стюарта Милля занимают исключительное место среди его экономических произведений; Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист, экономист, отказавшись от трудовой теории стоимости Д. Рикардо, заменив ее вульгарной теорией издержек производства, которую эклектически сочетал с теорией Мальтуса о народонаселении.

²³ См. наст. изд., с. 300, прим. 56.

²⁴ Фурье — см. наст. изд., с. 242—245.

²⁵ Прудон — см. наст. изд., с. 470, прим. 13.

²⁶ «Очерки из политической экономии» представляют собой самостоятельные статьи-очерки, в которых изложена «экономическая теория трудящихся» Чернышевского, в них перевод книги Милля приводится лишь отрывками. Форму примечаний Чернышевский использует из цензурных соображений.

²⁷ Имеется в виду начало ряда буржуазно-демократических революций в Европе.

²⁸ Струве и Геккер — мелкобуржуазные демократы; во время революционных событий в Германии 1848 г. предприняли попытку установить республику, с этой целью подняли вооруженное восстание в Бадене. Прусские правительственные войска восстание подавили. Струве и Геккер бежали в Америку, где приняли участие в войне за освобождение негров.

²⁹ Луи Блан был членом временного буржуазного правительства во Франции, образовавшегося в результате Февральской революции 1848 г.; он был председателем «правительственной комиссии для рабочих», заседания которой проходили в Люксембургском дворце; о Луи Блане см. наст. изд., с. 383, прим. 12.

³⁰ Июньское восстание рабочих в Париже 1848 г. длилось три дня, после героического сопротивления было жестоко подавлено диктатором, военным министром Кавеньяком.

³¹ Речь идет о Луи Блане.

³² См. наст. изд., с. 470, прим. 12.

³³ Бокль, Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист, основные произведения: «История цивилизации в Англии» и «Отечественные записки», в этих произведениях подверг критике теологическую трактовку истории.

³⁴ Имеются в виду события времен войны за независимость XVIII в.

³⁵ Тридцатилетняя война (1618—1648) велась между Германией и Францией; в результате ее Франция отвоевала у Германии Эльзас и Померанию.

³⁶ Имеются в виду революционные события 1848 г.: июньское восстание рабочих в Париже и демонстрация чартистов (Чернышевский пишет чартистов), организованная Национальным Конвентом чартистов 10 апреля 1848 г. для подачи в парламент петиции, в которой были сформулированы требования рабочих о предоставлении им политических прав. Правительство стянуло в Лондон войска, и это позволило отклонить хартию рабочих.

ЛИТЕРАТУРА

Богословский Н. В. Жизнь Чернышевского. М., 1958.

Володин А. И. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. М., 1976.

Дело Чернышевского. Сб. докум. Саратов, 1968.

Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1958, часть первая.

Луначарский А. В. Статьи о Чернышевском. М.—Л., 1928; М., 1958.

Николай Гаврилович Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958—1959, т. 1—2.

Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Саратов, 1958—1975, т. 1—7.

Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы 1960—1970. Саратов, 1976.

Пантин И., Плимак Е. Н. Г. Чернышевский: на пути к революционной теории.— Коммунист, 1981, № 5.

Плеханов Г. В. [Работы о Н. Г. Чернышевском. 1890—1913].— В кн.: Г. В. Плеханов. Избр. произв. М., 1958, т. 4.

Покусев Е. И. Николай Гаврилович Чернышевский. Саратов, 1967.

Революционная ситуация в России в 1859—1861. М., 1978—1979, т. 7—Эпоха Чернышевского; т. 8 — Чернышевский и его эпоха.

Розенталь М. Философские взгляды Чернышевского. М., 1948.

Стеклов Ю. М. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь и деятельность. Спб., 1909; М.—Л., 1928, т. 1—2.

Трофимов В. Г. Социалистическое учение Н. Г. Чернышевского. Л., 1957.

Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Чернышевского. М., 1953.

Чернышевский и современность. Сб. М., 1980.

Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980.

НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ

1836

1861

Он умер, едва достигнув 25 лет. «Слишком рано твой ударил час...» — горестно воскликнул Н. А. Некрасов в связи со столь ранней смертью Добролюбова.

Он был сыном довольно образованного священника в Нижнем Новгороде. Его первоначальным обучением занималась мать, потом — очень способный семинарист, приучивший своего воспитанника свободно и самостоятельно мыслить. В сентябре 1847 г. Николай поступил сразу в последний класс уездного духовного училища, а через год перешел в семинарию на отделение словесности. Отзывчивый, восприимчивый, застенчивый, с сильно развитым чувством долга —

таким был этот подросток, а потом юноша в годы обучения в Нижнем. Таким он и запомнился большинству своих однокашников и преподавателей. Уроки отнимали только часть времени. Главным занятием было чтение. Любимые авторы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен — и определили в конечном счете его жизненное призвание.

В августе 1853 г. Добролюбов отправился в Петербург, где поступил в Главный педагогический институт. Вскоре после начала самостоятельной жизни в столице Добролюбов лишился родителей: сначала умерла мать, летом 1854 года — отец. И на него, только что ставшего студентом, легли все заботы о братьях и сестрах. А их было семеро.

Четыре институтских года... Как и прежде в семинарии, учебным занятиям Добролюбов отводил лишь необходимый минимум времени. Все остальное — самообразованию и литературной работе. На первом же году он получил всеобщее признание как наиболее одаренный и образованный студент. Вокруг него объединился кружок студентов, интересы и деятельность которых все более приобретали общественно-политический характер. К середине 50-х годов Добролюбов вполне сложился как непримиримый противник царизма и крепостничества, материалист и атеист.

Летом 1856 г. происходит важнейшее для Добролюбова событие — встреча с Чернышевским. Беседа продолжалась несколько часов и сразу сроднила этих людей, оказавшихся единомышленниками. Добролюбов с успехом сотрудничает в «Современнике», а в 1857 г., после окончания института, переходит в журнал на постоянную работу, где руководит критико-библиографическим отделом. В каждом номере журнала появляются его статьи, заметки, рецензии. В начале 1859 г. в «Современнике» открывается сатирический отдел «Свисток». Его основатель, редактор и главный автор — Добролюбов. Наиболее известные статьи Николая Александровича этого периода — «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Когда же придет настоящий день?», «Луч света в темном царстве». В них он клеймил самодержавно-крепостнические порядки, которые сравнивались им с тюрьмой, губящей все живое, призывал к ликвидации крепостничества. Весной 1860 г., после появления статьи «Когда же придет настоящий день?» — о романе Тургенева «Накануне», — происходит разрыв между демократами-разночинцами и представителями дворянского либерализма, до того времени сотрудничавшими в «Современнике».

Непомерный труд очень скоро отразился на здоровье Добролюбова и без того некрепком. В мае 1860 г. по настоянию друзей он выехал за границу для лечения, жил в Германии, Швейцарии, Франции, Италии. Но и здесь продолжал писать для «Современника».

В июле 1861 г. вернулся на родину. Здоровью заграница не помогла. А дома все пошло, как и раньше: напряженная работа в редакции, усиленные литературные занятия дома, часто ночами.

29 ноября 1861 г. Добролюбов скончался. В стихах, посвященных его памяти, Некрасов написал:

— Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесам,
Такого сына не рождала ты,
И в недра не брала свои обратно...

ТЕКСТЫ

(ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРОГРАММЫ)

1856 г.

Не к моделям парикмахеров, не к вывескам модных портных, не к ходячим автоматам, а к тем, в ком есть хоть искра священного пламени любви и свободы, кто сознал в себе хоть зачатки благородных стремлений, к живым людям обращается наше слово. Пора наконец раздаться этому слову, пора нам решительно, открыто и ясно постановить перед собою вопрос о том, чего мы хотим, чем должны руководиться, что нас ожидает и что должны мы делать для достижения своей цели. Рассмотрим дело спокойно, без страха, без пустого тщеславия, не преувеличивая своих надежд, не уменьшая своих сил, не предаваясь ни ребяческому восторгу, ни рабскому унынию.

Чего мы хотим? Пусть каждый из тех, которые считают себя людьми мыслящими, людьми с убеждением и сознательными стремлениями, пусть каждый из них задаст себе этот вопрос и серьезно потрудится над его разрешением. Дело стоит того, чтобы заняться им, потому что без сознания цели невозможно избрать правильного пути к ней и верных средств к ее достижению. Правда, русскому, томящемуся в попытке незаконного рабства, цель, по-видимому, ясна: свобода... Но дали ли вы себе труд подумать, что же такое свобода? Тысячи мнений существуют на этот счет, и нужно определить, какого именно держаться. (...) В каком смысле вы хотите быть свободными? Конституция ли вам нужна, или может и монархизм оставаться? Или вы желаете республики? Так — какой же? Огромной ли, вроде римской, чтобы вся Россия составляла одно целое? Или маленькой, разделенной по областям и городам, — вроде мелких греческих государств или Соединенных Штатов? Будет ли вам аристократическое правление выгоднее, или демократия лучше успокоит вас? Или изберете вы какого-нибудь президента или диктатора для высшего надзора за управлением? Далее — хотите ли вы уравнивания всех сословий, или общественная лестница останется в прежнем положении? Или вы только ищете уничтожения крепостного права? Тогда как вы намерены поступить с крестьянами? Сравнять ли помещичьих с государст-

венными, или всех приписать к мещанам, или произвести их в вольные фермеры? Какие средства для жизни дадите вы им? Землю? По каким началам вы ее разделите? Фабрики? Какие вы имеете средства их устроить, кто будет антрепренером, кто работником, и по какому праву? Каково будет распределение труда, надзора, распорядительности во всем предприятии? Что вы дадите и самим помещикам взамен отнятых богатств, т. е. рабов их? Какое место назначите вы им в народе? Сравняете со всеми или отличите тоже чем-нибудь? Куда опять денете вы многочисленный класс чиновников? Оставьте ли их, чтобы вести по-прежнему длинные переписки по делам, или будете решать дела в городских сходках и все палаты, суды и департаменты со всем содержащимся в них совершенно уничтожите? Будет ли ваша новая республика государство земледельческое или торговое, промышленное? Будут ли все равно пользоваться всеми общественными удобствами, будет ли святое братство царить между людьми, всеми без исключения? Или, напротив, общество ваше будет состоять из избранных, лучших, достойнейших, — и из него будут изгнаны все негодяи, злодеи, туеядцы? Тогда — надеетесь ли вы, что хороших будет больше, чем худых? А если еще окажутся и между избранными негодные, что с ними делать? Содержать туеядцев на общий счет будет ли справедливо? Наказать их и бросить без помощи будет ли согласно с правилами человеколюбия? В мнениях дана ли будет полная воля каждому высказывать свое мнение и оставаться при нем, или признаваемо будет решение большинства? В воспитании можно ли предлагать мнения и давать направления ребенку или только представлять факты? Преступления, необходимые всегда в человечестве, как будете вы судить? Всеобщее ли примирение и прощение покроет их, или штраф наложится на преступника, или тюрьма лишит его возможности вредить обществу, или казнь прекратит дни его? Да и какие деяния назовете вы преступными, какие — похвальными, какие — подлыми, какие — благородными? Примете ли вы, например, меры для сохранения неприкосновенности браков или, удовлетворяя началам материального коммунизма, предоставите каждому следовать беспрепятственно склонности своего сердца? Найдут ли у вас покровительство влечения телесной природы, или вы позволите только духовные наслаждения? Глазами негодования и презрения или любви и сострадания будете вы смотреть на женщин, сделавшихся общим достоянием? Будет

ли у вас семейный долг высоким достоинством, или он должен будет умолкать пред долгом гражданина?.. Наконец, в деле религии — оставите ли вы всей массе народа религию церкви, или решитесь раскрыть ему вновь евангельскую религию Христа, или переделаете эту религию сообразно с новыми началами, или положите новую доктрину в основание вашей республики, или, наконец, оставите народ совсем без религии? Что вы считаете лучшим и удобным для него и для себя? Подумайте и дайте себе полный отчет в своих требованиях, составьте себе верную и живую картину идеальной республики, к которой вы стремитесь, всмотритесь в нее, сообразите все обстоятельства, которые могут произойти при том, и скажите, будете ли вы вполне довольны тем идеальным устройством, которое образуете в голове вашей. Если найдете такое устройство, объясните нам его, и мы будем знать, чего нам хотеть, к чему стремиться.

О СТЕПЕНИ УЧАСТИЯ НАРОДНОСТИ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1858 г.

⟨...⟩ Политическая экономия, гордо провозглашающая себя наукою о *народном* богатстве, в сущности заботится только о возможно выгоднейшем употреблении и возможно скорейшем увеличении капитала, следовательно, служит только классу капиталистов, весьма мало обращая внимания на массу людей бескапитальных, не имеющих ничего, кроме собственного труда. Несколько голосов поднималось, правда, во Франции в защиту этих беспомощных людей от одностороннего могущества капитала²; но капиталисты назвали эти голоса безумием и сочинили против них великое множество систем, в которых строго логически доказывали, что никто не имеет права запретить им размножать свои капиталы посредством труда людей бескапитальных.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОМЕЩИКА В СТАРЫЕ ГОДЫ³

1858 г.

⟨...⟩ Да, все эти поколения, прожившие свою жизнь даром, на счет других, — все они должны были бы почувствовать стыд, горький стыд, при виде самоотверженного, бескорыст-

ного труда своих крестьян. Они должны бы были вдохновиться примером этих людей и взяться за дело, с полным сознанием, что жизнь туземца презрения и что только труд дает право на наслаждение жизнью. А они не совестились присвоить себе это наслаждение, отнимая его у других. Горькое, тяжелое чувство сдавливает грудь при воспоминании о давно минувших несправедливостях и насилиях... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блещит уже новый день, что грядущие поколения ожидают не принужденный труд без вознаграждения, а свободная, живая деятельность, полная радостных надежд на собрание плодов, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посеяно. Скорее же прочь все остатки отживших свое время предрассудков! Своекорыстные расчеты и привычная лень должны умолкнуть пред величием общего начинания ко благу человечества.

**РЕЦЕНЗИЯ
НА РОМАН М. И. ВОСКРЕСЕНСКОГО
«НАТАША ПОДГОРИЧ»**

1858 г.

(...) Что ни толкуйте о разных улучшениях общественной жизни, они всегда будут иметь началом и концом — отношения семейные, понимаемые не только в смысле *«супружеского блаженства»*, но и в значении гораздо более обширном. В семье совершается самое полное и естественное слияние собственного эгоизма с эгоизмом другого и полагается основание и начало того братства, той солидарности, сознание которых одно только и может служить прочною связью правильно организованного общества. Мысли эти известны всякому; но редко кто проводит их последовательно до конца и редко кто думает об их практических последствиях. А последствия эти весьма важны. Укажем на одно. Если семейные отношения составляют основание общественных, то почему мы, хлопоча с таким жаром о разных общественных эманципациях, в то же время так страшно восстаем против одной мысли о семейной эманципации женщины? Положим, что мы справедливы, не желая доходить до крайностей; но отчего же рассуждать-то мы не хотим об этом? Неприлично, что ли? Полиоте, пожалуйста; ведь мы уж не ребята. Пора бы хорошенько и прямо взглянуть в лицо этому запутанному вопросу,

в котором теперь властвуют самые низкие расчеты, самые скверные побуждения, смешанные с самым святым для человека чувствами, да нередко так смешанные, что их и не разберешь. Неужели вечно будет продолжаться это своеволие мужчины в семейных отношениях, только потому, что он, говорят, занимается деятельностью общественной, которая женщине недоступна? Неужели женщина всегда должна быть страдальцей и рабой, имеющей свою долю власти только тогда, когда рассудок мужчины помрачается страстью? Пора бы определить, не заходя далеко, хотя равенство одних семейных-то отношений мужчины и женщины. <...>

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(статья первая)

1858 г.

<...> Патриотизм в своем чистом смысле, как одно из видовых проявлений любви человека к человечеству, вполне естествен и законен. <...>

В первом своем проявлении патриотизм даже и не имеет другой формы, кроме пристрастия к полям, холмам родным, златым играм первых лет и пр. Но довольно скоро он формируется более определенным образом, заключая в себе все понятия исторические и гражданственные, какие только успевает приобрести ребенок. <...> Но человек, нормальным образом развивающийся, не может остановиться и на этой степени выражения патриотизма. Он сознает, что его чувства к родине, при всей своей силе и живости, не имеют еще той разумной ясности, которая дается только изучением дела в связи со всеми однородными явлениями. Таким образом, от идеи своего народа и государства человек, не останавливающийся в своем развитии, возвышается посредством изучения чужих народностей до идеи народа и государства вообще и, наконец, постигает отвлеченную идею человечества, так что в каждом человеке, представляющемся ему, видит прежде всего человека, а не немца, поляка, жида, русского и пр. <...> Но из этого теоретического равнодушия и безразличия к землячеству вовсе не нужно заключать, чтобы высшее развитие человека делало его неспособным к патриотизму. Напротив, оно только и может сделать человека настоящим, действительным патриотом, — и вот каким образом.

Получив понятие об общем, то есть о постоянных законах, по которым идет история народов, расширив свое миро-

созерцание до понимания общих нужд и потребностей человечества, образованный человек чувствует непеременимое желание перенести свои теоретические взгляды и убеждения в сферу практической деятельности. Но круг деятельности человека, равно как и его силы и самые желания, не могут простирается на весь мир одинаково, и потому он должен избрать себе какой-нибудь частный, ограниченный круг и в нем прилагать свои общие убеждения. Этот круг всего скорее, всего естественнее будет — отечество.〈...〉 Мы более сочувствуем своему отечеству, потому что более знаем его нужды, лучше можем судить о его положении, сильнее связаны с ним воспоминаниями общих интересов и стремлений и, наконец, — чувствуем себя более способными быть полезными для него, нежели для другой страны. Таким образом, в человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, — сколько возможно больше и сколько возможно лучше.〈...〉 Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что здесь именно его настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен. Оттого-то настоящий патриот терпеть не может хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе, оттого-то он смотрит презрительно на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами.〈...〉

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(статья вторая)

1858 г.

〈...〉 Конечно, борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории; но мы слишком бы плохо ее поняли, если бы вздумали ограничить ее одними генеалогическими интересами. В основании этой борьбы всегда скрывалось другое обстоятельство, гораздо более существенное, нежели отвлеченные теории о породе и о наследственном различии крови в людях благородных и неблагородных. Массы народные всегда чувствовали, хотя смутно и как бы

инстинктивно, то, что находится теперь в сознании людей образованных и порядочных. В глазах истинно образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только *люди трудящиеся* и *дармоеды*. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории. По степени большего или меньшего уважения к труду и по умению оценивать труд более или менее соответственно его истинной ценности — можно узнать степень цивилизации народа. Степень возможности и распространения дармоедства в народе может служить безошибочным указателем большей или меньшей недостаточности его цивилизации. С этой точки зрения, не генеалогические предания и не внешняя стройность государственной организации должны занимать историка народной образованности. Гораздо более заслуживают его внимания, с одной стороны, — права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах, — в печальном ли *табу океанийских дикарей*⁴, в индийском ли браминстве⁵, в персидском ли сатрапстве⁶, римском патрицианстве, средневековой десятине⁷ и феодализме; или в современных откупках, взяточничестве, казнокрадстве, прихлебательстве, служебном бездельничестве, крепостном праве, денежных браках, дамах-камелиях и других подобных явлениях, которых еще не касалась даже сатира. При рассмотрении всего этого выкажутся и степень распространения знаний в народе и степень его нравственной силы. Нигде дармоедство не исчезло, но оно постепенно везде уменьшается с развитием образованности. Труд считается презренным у народов невежественных, у которых грабеж служит более почетным средством приобретения, нежели работа. Труд не получил надлежащего значения во всем древнем мире, дошедшем только до того, чтобы признать *некоторые* труды приличными лучшим классам общества, а все остальное предоставить рабам. Сам Платон⁸, сочиняя свою республику, признал в ней необходимым рабское сословие, которое бы занималось физическими работами, чтобы доставить все нужное высшим сословиям — правительственному и воинскому. В средних веках, — не говоря о феодализме, — лучшими людьми провозглашены были *artes liberalis**, то есть только умственные занятия признаны приличными свободным людям; на остальные работы смотрели с презрением. В новой истории совер-

* свободные искусства (лат.). — Ред.

шалось признание всякого труда. Но до сих пор ни одна страна еще не достигла до умения правильно оценивать труд вполне соответственно его полезности. Часто пользуются почетом занятия вовсе непроизводительные и пренебрегаются труды в высшей степени полезные. Дармоедство теперь прячется, правда, под покровом капитала и разных коммерческих предприятий, но тем не менее оно существует везде, эксплуатируя и придавливая бедных тружеников, которых труд не оценивается с достаточной справедливостью. Ясно, что все это происходит именно оттого, что количество знаний, распространенных в массах, еще слишком ничтожно, чтобы сообщить им правильное понятие о сравнительном достоинстве предметов и о различных отношениях между ними. Оттого-то, отвергнув и заклеивши грабеж под его собственным именем, новые народы все-таки не могут еще распознать того же самого грабежа, когда он скрывается дармоедами под различными вымышленными именами. Правда, теперь самые размеры грабежа уж не те, что были прежде; современные Лукуллы и Вителлии⁹ ничего не значат в сравнении с древними. Но все-таки существуют маленькие Лукуллики, и нет сомнения, что они эксплуатируют много народа. Роскошь, с этой точки зрения, составляет действительно одно из главных проявлений общественной безнравственности, но только вовсе не потому, что она развешивает, расслабляет человека, отводит его мысли от возвышенных идей к материальным наслаждениям и т. п. Вовсе нет,—она есть признак социальной безнравственности потому, что указывает на то печальное положение общества, при котором кровь и пот многих тружеников должны тратиться для содержания одного дармоеда. (...)

РОБЕРТ ОВЭН

И ЕГО ПОПЫТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ¹⁰

1859 г.

Овэн представляет собою бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия. Недавно (17 ноября 1858 года) угасла его жизнь, полная смелых предприятий и великодушных пожертвований на пользу человечества, и никто, даже из врагов его идей, не отказался помянуть его добрым словом. Личность Овэна до того привлекательна своим умным добродушием и каким-то

благодатным, светлым спокойствием, его деятельность до того поражает своим полным бескорыстием и самоотвержением, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальные реформы, не могли, однако же, относиться к его личности без особенного уважения и даже некоторого сочувствия. Его обвиняли как утописта, мечтающего переделать все человечество, ему доказывали необходимость безуспешности его стремлений; но в то же время большая часть противников не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположения Овэна были осуществимы. <...>

Не только в частной жизни работников, но даже в самой работе их Овэн умел избежать всяких понуждений и взысканий; он никогда не поднимал шума из-за того, зачем человек наработал мало или плохо, никогда не заставлял работать против воли. Он сказал, что хорошая работа нужна для общей пользы работников еще более, нежели для его частной выгоды, и, помня это, он хотел, чтобы работники сами заботились об исправном ходе работ. И действительно — они заботились: лентяй и плохой работник подвергались порицанию и презрению всего общества, неумеющих учили более искусные, лучшие мастера пользовались общим почетом; во всей массе работников явилось чувство живого соревнования, добросовестность в работе водворялась все более и более, вместе с упрочением нравственных начал в Нью-Лэйзерке¹¹. Всякий чувствовал себя ответственным уже не перед эксплуататором-хозяином, которого и обмануть не грех, не перед начальственной властью, на которую всегда смотрят с некоторой недоверчивостью и даже враждебностью, а перед целым обществом своих товарищей, во всем между собою равных и имеющих одни и те же интересы. Такого рода ответственность, соединения с чувством правильно настроенного, здорового самолюбия, была самым лучшим двигателем всего хода дел на фабрике. Все старались быть и все делать как можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, так как Овэн, уничтоживши взыскания, уничтожил и награды в Нью-Лэйзерке. Единственную дань внешним отличиям принес он, допустивши дощечки разного цвета, которые давались каждому работнику и означали достоинство работы каждого. Дощечки были четырех цветов: *белые*, означавшие, что работа хороша, *желтые* — довольно хороша, *синие* — посредственная, *черные* — дурна. Замечательно, что по отзывам путешест-

венников, посещавших Нью-Лэйзерк, весьма у немногих работников находились синие дощечки, а черные — ни у кого.

Вне своих мастерских работники также не могли укрыться от общественного контроля, который был гораздо действительнее надзора хозяина. <...>

Судя по себе и по некоторым избранным натурам, Овэн думал, что труд сам в себе заключает много привлекательности и что жизнь на чужой счет тяжела и отвратительна для всякого человека. Это уже было, разумеется, детски ошибочно. Правда, в членах своей общины Овэн успевал обыкновенно пробудить сознание в справедливости его начал; но от сознания еще слишком далеко до практической деятельности. Не клочок земли, не месяцы, и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественные привычки. Все производя из обстоятельств, Овэн надеялся, что привычки эти легко будут забыты при новой общественной обстановке, созданной им. Но и тут он был слишком легковверен и самонадеян: он выступал на борьбу с целым светом, противопоставляя свои, вновь изобретенные условия жизни тем всемирным условиям, которыми до того определялась жизнь человеческая. Он считал нелепыми все эти условия; но он сам был нелеп, воображая, что эти освященные веками нелепости можно разрушить экспромтом. Еще можно бы иметь некоторые шансы на успех, предлагая заменить эти нелепости другими, равномерно бессмысленными; но чего же мог надеяться общественный реформатор, вопиявший против нелепостей — даже не во имя высших туманных абстракций, а просто во имя здравого смысла, во имя первых, насущных потребностей здоровой человеческой природы?.. ¹² <...>

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЛОЧИ ПРОШЛОГО ГОДА

1859 г.

<...> Признавая неизменные законы исторического развития, люди нынешнего поколения не возлагают на себя несбыточных надежд, не думают, что они могут по произволу переделать историю, не считают себя избавленными от влияния обстоятельств. Таким образом, ясное сознание своего положения не допускает их входить в азарт и убиваться из пустяков. Но в то же время они вовсе не впадают в апатию и бесчувственность, потому что сознают и свое

значение. Они смотрят на себя как на одно из колес машины, как на одно из обстоятельств, управляющих ходом мировых событий. Так как все мировые обстоятельства находятся в связи и некотором взаимном подчинении, то и они подчиняются по необходимости силе вещей; но вне этого подчинения — они никаким кумирам не поклонятся, они отстаивают самостоятельность и полноправность своих действий против всех случайно возникающих претензий. Предоставляя другим кричать, гневаться, плакать и прыгать, они делают свое дело ровно и спокойно, плачут и прыгают, когда приводит к этому сила событий, но не делают ни одного лишнего движения по своему капризу, а если и сделают что лишнее, то не гордятся этим, а прямо сознаются, что сделали лишнее. Они — актеры, хорошо вошедшие в свою роль житейской комедии; они делают то, чего требует роль, и не выходят из нее, несмотря на все беснованья, хлопанье, свист и стук партера... Пусть праздные зрители бесятся: актеру нет надобности покрывать их крик своим голосом. Он переждет немного, потом опять станет продолжать свою роль: стихнут же они наконец, если хотят его слушать. <...>

НАРОДНОЕ ДЕЛО ¹³

1859 г.

«Народонаселение наше, — говорят пессимисты, — раскинуто по бесконечной равнине и во всей Европейской России едва составляет 500 человек на квадратную милю, то есть в восемь и в десять раз меньше населенности всей остальной Европы». <...> А между тем труд и богатство распределены с гораздо большим неравенством, нежели в какой бы то ни было другой стране. Почти весь производительный труд приходится на долю простонародья, почти все выгоды его достаются образованным классам. На обязанности земледельца лежит не только забота о своем собственном прокормлении, но и содержание, — да не просто содержание, а богатое, роскошное содержание, — других классов общества. Когда тут думать ему о высших потребностях собственной природы, когда хлопотать о средствах для улучшения своего собственного быта? Да если и успеет и захочет простолюдин позаботиться о своем нравственном и материальном усовершенствовании, то как он за это возьмется, если только он не мошенник, а честный человек? <...>

Пессимисты<...> на основании своих мрачных соображений отрицают возможность какого бы то ни было общего, самостоятельного движения в народе. Мнения их неутешительны и, главное, обидны для образованных людей, к которым мы с вами, читатель, конечно, и себя причисляем. Из этого ясно следует, что мы с пессимистами никак не должны соглашаться, а, напротив, должны восстать на них с чрезвычайно мрачным видом. Но воздержим на минуту наше негодование и попробуем потолковать с пессимистами кротко и разумно: может быть, нам удастся заставить их взглянуть на дело несколько с другой точки. Чтобы не слишком далеко расходиться, мы готовы даже принять на время, что все факты, выставляемые пессимистами, совершенно верны и что все их основания справедливы. Положим, что народ наш действительно страдает разъединенностью; положим, что он слишком обременен физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять об общих интересах; положим, что самые успехи цивилизации нередко обращаются у нас в средства к более искусной эксплуатации народа. Но, даже принимая все эти факты, мы надеемся, при помощи некоторых дополнительных соображений, прийти не к отчаянию в жизненных силах народа, не к убеждению в бесконечности его апатии и неспособности к общественным делам, а к выводам совершенно противоположным. Вот какие соображения желали бы мы представить пессимистам.

Нет такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть бесконечно: дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения. Вечной апатии нельзя предположить в существе живущем; за летаргиею должна следовать или смерть, или пробуждение к деятельной жизни. Следовательно, ежели правда, что наш народ совершенно равнодушен к общественным делам, то из этого вытекает вопрос: нужно ли считать это признаком близкой смерти нации или нужно ждать скорого пробуждения? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть целое племя славянское; но, по нашему глубокому убеждению, — они крайне несправедливы. Их обманывает временная летаргия, и они не хотят видеть признаков жизненности, по временам обнаруживающихся в нашем народе. А между тем существование этих признаков не только подтверждается внимательными наблюдениями, но даже

оправдывается некоторыми соображениями *a priori*. Говоря о народе, у нас сожалеют обыкновенно о том, что к нему почти не проникают лучи просвещения и что он поэтому не имеет средств возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя к гражданской деятельности и пр. Сожаления эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не дают нам права махнуть рукой на народные массы и отчаяться в их дальнейшей участи. Не одно скромное ученье, под руководством опытных наставников, не одна литература, всегда более или менее фразистая, ведет народ к нравственному развитию и к самостоятельным улучшениям материального быта. Есть другой путь — путь жизненных фактов, никогда не пропадающих бесследно, но всегда влекущих событие за событием, неизбежно, неотразимо. Факты жизни не пропускают никого мимо; они действуют и на безграмотного крестьянского парня и на отупевшего от фухтелей кантониста, как действуют на студента университета. Холод и голод, отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека — всегда действуют несравненно возбуждательнее, нежели самые громкие и высокие фразы о правде и чести. Точно так и наоборот: материальное довольство и полное признание всех нравственных прав человека успокаивает его несравненно более, нежели все глубокомысленные внушения о кротости и благодушном терпении. Поэтому если розовое настроение духа, развивающееся в богатом лежебоке, мы не можем принять за доказательство того, что и для рабочего бедняка очень весело жить на свете, так отсюда вовсе не следует, чтобы и в противном случае нельзя было сделать заключения обратного. Напротив, если богатый и свободный от дел человек жалуется на то, что тяжело жить на свете, то из этого именно можно заключить, что бедному труженику еще тяжелее, хотя он, может быть, и не умеет так красноречиво изобразить свои страдания, по недостатку образованности. Образованность именно ведет к большей или меньшей степени ясности сознания и затем — к умению формулировать то, что сознается... Но и неформулированное страдание — все-таки страдание. Пусть оно таится, пусть не принимает определенного выражения, это не должно обманывать нас: есть предел, за которым оно может ярко обозначиться, и тогда без всяких книг, без всяких отвлеченных соображений, не говоря никаких фраз, даже не принимая особого имени для себя, оно проявится на

самом деле. Действительный факт, отразившись в практической жизни деятельного, рабочего человека, породит тоже действительный факт, тогда как книжные теории и предположения образованных людей, может быть, так и останутся только теоретическими предположениями. <...>

<...> К счастью, в народе, в коренном народе, нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе. В народной массе нашей есть дельность, серьезность, есть способность к жертвам. <...>

Да, в этом народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное. Народные массы не умеют красиво говорить; оттого они и не умеют и не любят останавливаться на слове и услаждаться его звуком, исчезающим в пространстве. Слово их никогда не праздно; оно говорится ими как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности. Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства, отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате ¹⁴! Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах. В этой-то способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы, величие, которого никогда не можем достичь мы, со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вот отчего все наши начинания, все попытки героизма и рыцарства, все претензии на нововведения и реформы в общественной деятельности бывают так жалки, мизерны и даже почти непристойны в сравнении с тем, что совершает сам народ и что можно назвать действительно народным делом. <...>

ОТ МОСКВЫ ДО ЛЕЙПЦИГА

1859 г.

<...> Нам кажется, что совершенно логического, правильного, прямолинейного движения не может совершать ни один народ при том направлении истории человечества, с которым

она является перед нами с тех пор, как мы ее только знаем... Ошибки, уклонения, перерывы необходимы. Уклонения эти обуславливаются тем, что история делается и всегда делалась — не мыслителями и всеми людьми сообща, а некоторую лишь частью общества, далеко не удовлетворявшего требованиям высшей справедливости и разумности. Оттого-то всегда и у всех народов прогресс имел характер частный, а не всеобщий. Делались улучшения в пользу то одной, то другой части общества; но часто эти улучшения отражались весьма невыгодно на состоянии нескольких других частей. Эти, в свою очередь, искали улучшений для себя, и опять на счет кого-нибудь другого. Расширяясь мало-помалу, круг, захваченный благодеяниями прогресса, задел наконец в Западной Европе и окраину народа — тех мещан, которых, по мнению г. Бабста¹⁵, так не любят наши *широкие натуры*. Но что же мы видим? Лишь только мещане почуяли на себе благодать прогресса, они постарались прибрать ее к рукам и не пускать дальше в народ. И до сих пор массе рабочего сословия во всех странах Европы приходится поплачиваться, например, за прогрессы фабричного производства, столь приятные для *мещан*. Стало быть, теперь вся история только в том, что актеры переменились; а пьеса разыгрывается все та же. Прежде городские общины боролись с феодалами, стараясь получить свою долю в благах, которые человечество, в своем прогрессивном движении, завоевывает у природы. Города отчасти успели в этом стремлении; но только отчасти, потому что в правах, им наконец уступленных, только очень ничтожная доля взята была действительно от феодалов; значительную же часть этих прав приобрели мещане от народа, который и без того уже был очень скуден. И вышло то, что прежде феодалы налегали на мещан и на поселян; теперь же мещане освободились и сами стали налегать на поселян, не избавив их и от феодалов. И вышло, что рабочий народ остался под двумя гнетами: и старого феодализма, еще живущего в разных формах и под разными именами во всей Западной Европе, и мещанского сословия, захватившего в свои руки всю промышленную область. И теперь в рабочих классах накапает новое неудовольствие, глухо готовится новая борьба, в которой могут повториться все явления прежней... Спасут ли Европу от этой борьбы гласность, образованность и прочие блага, восхваляемые г. Бабстом, — за это едва ли кто может поручиться. Г-н Бабст так смело выражает свои надежды потому, что пред взорами его про-

ходят все люди среднего сословия, более или менее устроенные в своем быте; о роли народных масс в будущей истории Западной Европы почтенный профессор думает очень мало. Он полагает, кажется, что для них достаточно будет отрицательных уступок, уже ассигнованных им в мнении высших классов, то есть если их не будут бить, грабить, морить с голоду и т. п. Но такое мнение, во-первых, не вполне согласуется с желаниями западного пролетария, а во-вторых, и само по себе довольно наивно. Как будто можно для фабричных работников считать прочными и существенными те уступки, какие им делаются хозяевами и вообще — капиталистами, лордами, баронами и т. д.!.. Милостыней не устраивается быт человека; тем, что дано из милости, не определяются ни гражданские права, ни материальное положение. Если капиталисты и лорды и сделают уступку работникам и фермерам, так или такую, которая им самим ничего не стоит, или такую, которая им даже выгодна... Но как скоро от прав работника и фермера страдают выгоды этих почтенных господ, — все права ставятся ни во что и будут ставиться до тех пор, пока сила и власть общественная будет в их руках... И пролетарий понимает свое положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные ученые, надеющиеся на великодушие старших братьев в отношении к меньшим... Пройдет еще несколько времени, и меньшие братья поймут его еще лучше. Горький опыт научает понимать многие практические истины, как бы ни был человек идеален. <...>

А что ни гласность, ни образованность, ни общественное мнение в Западной Европе не гарантируют спокойствие и довольство пролетария, — на это нам не нужно выискивать доказательств. <...> С развитием просвещения в эксплуатирующих классах только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации. <...>

Нельзя и думать, что отныне в Западной Европе все недостатки и злоупотребления могли уничтожаться и все благие стремления осуществляться одною силою того общественного мнения, какое там возможно ныне по тамошней общественной организации. Так называемое *общественное* мнение в Европе далеко не есть в самом деле общественное убеждение всей нации, а есть обыкновенно (за исключением весьма редких случаев) мнение известной части общества, известного сословия или даже кружка, иногда довольно мно-

гочисленного, но всегда более или менее своекорыстного. Оттого-то оно и имеет так мало значения: с одной стороны, оно и не принимает слишком близко к сердцу те действия, даже самые произвольные и несправедливые, которые касаются низших классов народа, еще бесправных и безгласных; а с другой стороны, и сам произвол не слишком смущается неблагоприятным мнением тех, которые сами питают склонность к эксплуатации массы народной и, следовательно, имеют свой интерес в ее бесправности и безгласности. Если рассмотреть дело ближе, то и окажется, что между грубым произволом и просвещенным капиталом, несмотря на их видимый разлад, существует тайный, невыговоренный союз, вследствие которого они и делают друг другу разные деликатные и трогательные уступки, и щадят друг друга, и прощают мелкие оскорбления, имея в виду одно: общими силами противостоять рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав... Самая борьба городов с феодализмом была горяча и решительна только до тех пор, пока не начала обозначаться пред тою и другою стороною разинца между буржуазией и работником. Как только это различие было понято, обе враждующие стороны стали сдерживать свои порывы и даже делать попытки к сближению, как бы в виду нового, общего врага. Это повторилось во всех переворотах, постигших Западную Европу, и, без сомнения, это обстоятельство было очень благоприятно для остатков феодализма, как для партии уже ослабевавшей. Но для *мещан* эти робость, сдержанность и уступчивость была вовсе невыгодна: вместо того чтобы окончательно победить слабую партию и истребить самый принцип, ее поддерживавший, они дали ей усилиться из малодушного опасения, что придется поделиться своими правами с остальною массою народа. Вследствие таких своекорыстных ошибок остатки феодализма и принципы его — произвол, насилие и грабеж — до сих пор еще не совсем искоренены в Западной Европе и часто выказываются то здесь, то там в самых разнообразных, даже цивилизованных формах...

Вообще с изменением форм общественной жизни старые принципы тоже принимают другие, бесконечно различные формы, и многие этим обманываются. Но сущность дела остается всегда та же, и вот почему необходимо, для уничтожения зла, начинать не с верхушки и побочных частей, а с основания. <...>

Желание помочь делу *как-нибудь* и хоть *сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдороге к цели, удовольствоваться полумерой, в надежде, что потом *авось* это делается само собой, по неминуемым законам прогресса, — такое направление деятельности вовсе не есть исключительное свойство русского человека, как полагают некоторые патриоты. Так поступали деятели всех народов Европы, и от этой невыдержанности происходила, разумеется, большая часть их неудач. В этом смысле мы признаем, что народы Западной Европы постоянно впадали в ужасную ошибку. И тем более мы удивляемся, каким образом могут некоторые ученые люди защищать благотельность паллиативных мер для будущего прогресса Западной Европы и отвергать реформы общие и решительные, как губительные для ее благоденствия. {...}

Да, счастье наше, что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, — это несомненно и даже несколько не прискорбно для нас. {...} Что и мы на пути своего будущего развития не совершенно избежим ошибок и уклонов, — в этом тоже сомневаться нечего. Но все-таки наш путь облегчен, все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное — мы можем и должны идти решительнее и тверже, потому что уже вооружены опытом и знанием... Только нужно, чтобы это знание было действительным знанием, а не самообольщением, вроде наивных восторгов нашей безыменной гласностью и обличительной литературой... {...}

ЧЕРТЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО ПРОСТОНАРОДЬЯ

1860 г.

При всем разнообразии степеней, в каких проявляется в русском простонародии мысль о своих естественных правах и стремление освободиться от обремененного, барщинного труда, — никакого сомнения не может быть в том, что эта мысль

и стремление существуют. Что крестьянии иаш находится в таком положении, в котором подобные стремления встречают обыкиовению препятствия почти иеодолимые,— это опять иесомииии и известно всем и каждому. Но иимиии сила-то этих препятствий и дает нам меру того, как сильны внутренние стремления простолюдииа, которые сохраняют свою жизнениость даже посреди самых иеблагоприятных обстоятельств.<...> В общей массе людей иевозможно ииска- зить человеческую природу до такой степени, чтобы в ней ие осталось и следа естественных инстинктов и здравого смысла. Одии из знаменитых современных публицистов Европы заметил недавио, что если б деспотизм мог только иад двумя поколениями в мире процарствовать спокойно, без протестов против иего, он бы мог иавеки считать иеобеспечииим свое господство: двух поколений ему достаточ- но было бы, чтобы иисказить в свою пользу смысл и совесть иарада. Но в том-то и дело, что деспотизм и рабство, про- тивные природе человека, иикогда ие могли достигнуть *нормальности*, иикогда ие могли покориить себе вполне и ум и совесть человека. Подчиияясь силе, даже заставляя себя строить силлогизмы в пользу этого подчиияения, человек, однако же, иевольно чувствовал, что силлогизмы эти услов- ны и случаииы и что естествеииые, истиинные, гораздо высшие требования справедливости — совершенио им противопо- ложны. Отсюда постояиио иапряженное, иеспокойное, не- довольное положение масс, даже безропотное, по-видимому, подчиившихся наложенному на них закону рабства. В и- стории всех обществ, где существовало рабство, вы видите род спиральной пружинки: пока она придавлена — держится неподвижно, но чуть давление ослаблено или снято — она инемедленио выскакивает кверху. По прямому закону ее устройства она естествеиио стремится к расширению, и только постороиния сила может ее сдерживать. Так и людская воля и мысль могут сдерживаться в положе- иии рабства постороиними силами; но как бы эти силы ии были громадиы, они не в состоянии, ие сломавши, ие- уничтоживши спиральной пружинки, отиять у нее способ- ность к расширению, точно так же, как не в состоянии, ие истребивши иарада, уничтожить в ием наклонность к самостоятельной деятельности и свободному рассужде- нию.<...>

Мы еще только готовимся вступить на тот путь, которым прошла Европа; мы еще иедавно и глядеть-то стали на ее путешествие и едва иачииаем различать дорогу. От этого

идем мы робко, неровно, как бы ощупью; от этого и кажется, что у нас нет инициативы. Но мы чувствуем надобность идти хотя бы до первой станции; нам нельзя оставаться на одном месте, нельзя и остановиться на дороге. Ясно, что начало нашего пути должно быть совершаемо с большою решимостью, спешностью и твердостью, нежели продолжение пути, которое мы видим теперь у других народов. <...>

Для этих миллионов дело идет не о какой-нибудь прибавке к правам, которые они уже приобрели прежде, а чисто-начисто о создании хоть каких-нибудь прав, потому что под влиянием крепостного принципа они если не *de jure*, то *de facto* не имели вовсе никаких. Ясно, что жажда приобретения этих прав, если уж она раз почувствована, должна быть сильнее, нежели всякое стремление к расширению прав уже существующих; ясно, что здесь именно всего сильнее может обнаружиться деятельность народного духа, и потому этот предмет заслуживает особенного внимания всех людей, истинно любящих народное.

Первое, что является непререкаемой истиной для простого смысла, есть неприкосновенность личности. Рядом с этим неизбежно является и понятие об обязанности и правах труда. «Я не имею права на стеснение чужой личности, так как никто не имеет права стеснять меня самого; значит, я не могу рассчитывать жить на чужой счет: это значило бы отнимать у других плоды их трудов, то есть насиловать, порабощать их личность. Стало быть, я необходимо должен заботиться сам об обеспечении своей жизни, должен работать: живя своим трудом, я не буду иметь надобности отнимать чужое и вместе с тем, имея материальное обеспечение, буду иметь средства постоянно сохранять свою собственную независимость». Таковы простейшие соображения, из которых вытекает обязанность трудиться, ясная как день для всякого простого человека. И эти соображения не выдуманы нами теоретически: они прочно и глубоко лежат в душе каждого простолюдина. Ему обыкновенно даже и в голову не приходит, чтобы можно было жить на свете, ничего не делая; так он далеко от этого на практике. <...>

Стоит только обернуть рассуждение, приводящее к мысли об обязанности работать, и мы получим вывод о правах труда. «Если я должен работать для своего обеспечения, потому что не могу и не должен воспользоваться плодами трудов моего соседа, то очевидно, что и сосед должен иметь

в виду то же самое соображение. Он должен работать для себя, и я никак не хочу и не считаю справедливым отдавать ему то, что я заработал».〈...〉

Печатается по: Н. А. Добролюбов. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., 1961—1964, т. I, с. 172—175; т. II, с. 229, 326; т. III, с. 223, 224, 260—265, 314—316; т. IV, с. 7, 8, 16—17, 31, 75; т. V, с. 246—250, 284, 285, 458—460, 466—470; т. VI, с. 236—237, 242—247; т. VIII, с. 517, 522, 531.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее издание произведения Н. А. Добролюбова включены из Собрания сочинений в девяти томах под общей редакцией Б. И. Бурсова и др. М.—Л., издательство «Художественная литература» (1961—1964).

² Намек на критику буржуазного строя в трудах французских утопических социалистов Ш. Фурье и А. Сен-Симона.

³ Приведенные фрагменты из статьи «Деревенская жизнь помещика в старые годы» были вычеркнуты царской цензурой.

⁴ Табу — слово поллинезийского происхождения, означает запрет; в период перехода от первобытнообщинных отношений к классовому обществу старейшины, вожди, жрецы использовали обычай табу для укрепления своей власти и получения благ.

⁵ Брахманы — см. наст. изд., с. 101, прим. 12.

⁶ Сатрапии — военно-административные округа в древней Персии, возглавляемые сатрапами, которые занимались сбором податей.

⁷ Налог в пользу церкви.

⁸ О Платоне см. наст. изд., с. 77, прим. 3; Н. А. Добролюбов, в отличие от многих западных представителей утопического социализма, не идеализирует республику Платона, подчеркивая ее рабовладельческий характер.

⁹ Лукулл (ок. 117—ок. 56 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, его богатство и роскошная жизнь вошли в поговорку (лукуллов пир); Вителлий (15—69) — римский император, славился своим богатством.

¹⁰ Статья Н. А. Добролюбова написана в ноябре 1858 г., вскоре после смерти Оуэна. Проникнутая большим уважением и горячим сочувствием к великому мыслителю, эта статья является пламенной пропагандой социалистических идей. Вместе с тем идею мирного преобразования капиталистического общества Добролюбов считает «детски ошибочной».

¹¹ Нью-Ленарк — см. наст. изд., с. 341, прим. 3.

¹² Приведенный фрагмент показывает, что, критикуя «наивное добродушие» Оуэна, Добролюбов мастерски проводит свои собственные идеи «через рогатки цензуры».

¹³ Эта статья Н. А. Добролюбова была опубликована в 1859 г. в журнале «Современник» с большими цензурными сокращениями; название статьи «Народное дело» было заменено цензурой, и она вышла под заглавием «О распространении трезвости в России».

¹⁴ Статья Н. А. Добролюбова «Народное дело» явилась откликом на развернувшееся в 1859 г. «трезвенное движение». Своеобразным антикрепостническим протестом крестьян против винных откупщиков, резко повысивших цены на спиртные напитки, был массовый отказ от употребления спиртного.

¹⁵ «От Москвы до Лейпцига» — сочинение И. К. Бабста (см. наст. изд., с. 470, прим. 6), написанное им в форме путевых заметок. В этих заметках Бабст идеализировал Запад, противопоставляя Россию Западу. Н. А. Добролюбов из примеров, взятых из книги Бабста, дает резкую критику буржуазных отношений в Западной Европе, высказывая мысль о возможности ускорения темпов исторического развития в России.

ЛИТЕРАТУРА

Бурлацкий Ф. М. Политические взгляды Н. А. Добролюбова. М., 1954. Добролюбовские чтения. Горький, 1976, 1977.

Жданов В. В. Добролюбов. М., Молодая гвардия, 1961.

Каравачев Г. Г. Политические и социологические взгляды Н. А. Добролюбова. Л., 1952.

Кружков В. С. Н. А. Добролюбов. Жизнь, деятельность, мировоззрение. М., 1976.

Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Л., 1961.

Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965.

Н. А. Добролюбов. Указатель литературы. 1917—1960. Л., 1961.

Путинцев В. А. Жизнь и творчество Н. А. Добролюбова. М., 1957.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО УТОПИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ

(Краткая библиография)

- Энгельс Ф.* Успехи движения за социальное преобразование на континенте.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 1.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 42.
- Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 2.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— *Соч.*, т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— *Соч.*, т. 4.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 20.
- Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21.
- Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21.
- Энгельс Ф.* Юридический социализм. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21.
- Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года.— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22.
- Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».— *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22.
- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — *Полн. собр. соч.*, т. 1.
- Ленин В. И.* Мелкобуржуазный и пролетарский социализм.— *Полн. собр. соч.*, т. 12.
- Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.— *Полн. собр. соч.*, т. 2.
- Ленин В. И.* Памяти Герцена.— *Полн. собр. соч.*, т. 21.
- Ленин В. И.* Две утопии.— *Полн. собр. соч.*, т. 22.
- Ленин В. И.* Исторические судьбы учения Карла Маркса.— *Полн. собр. соч.*, т. 23.
- Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма.— *Полн. собр. соч.*, т. 23.
- Ленин В. И.* Карл Маркс.— *Полн. собр. соч.*, т. 26.
- Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории.— *Полн. собр. соч.*, т. 38.
- Ленин В. И.* О кооперации.— *Полн. собр. соч.*, т. 45.
- Ленин о Чернышевском. М.—Л., 1928.

* * *

Актуальные проблемы истории социалистических учений. М., 1980.
Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965.

- Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М., 1969.
- Вознесенская А. А. Экономические взгляды социалистов-утопистов. М., 1965.
- Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М., 1975.
- Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М., 1976.
- Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977.
- Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979.
- Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973.
- Володин А. И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976.
- Гендель Г. М. Социалисты-утописты о частной и общественной собственности. Горький, 1966, т. 2.
- Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. Западноевропейский социализм в работах советских историков. М., 1981.
- Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969.
- Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., 1955.
- Из истории социальных движений и общественной мысли. Сб. статей. М., 1981.
- Иоаннисян А. Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981.
- История общественной мысли. Современные проблемы. Сб. статей. М., 1972.
- История социалистических учений. М., 1962.
- История социалистических учений. Сб. статей памяти акад. В. П. Волгина. М., 1964.
- История социалистических учений. М., 1976.
- История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977.
- История социалистических учений. М., 1982.
- Кан С. Б. История социалистических идей. До возникновения марксизма. М., 1967.
- Кузнецов К. Т. Утопический социализм — один из теоретических источников марксизма. М., 1966.
- Лейст О. Э. Политическая идеология утопических социалистов Франции в XVIII в. М., 1972.
- Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977.
- Носов А. В. Утопический социализм и революционный демократизм. Харьков, 1972.
- Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.
- Плеханов Г. В. Утопический социализм XIX века. М., 1958.
- Суперфин Л. Г. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции грубо-уравнительного коммунизма. М., 1976.
- Теряев Г. В. Предшественники научного коммунизма. Утопический социализм. М., 1965.
- Ципко А. Идеи социализма. М., 1976.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТАМ

- Алчность — 76, 105, 108, 109, 140, 146, 192, 198, 201, 205
 Анархия — 149, 215
 Аристократия — 159, 357, 377, 395, 398, 449, 466, 467
 Армия — 107, 108, 110, 111, 113, 117, 217, 251, 333, 416, 443
 Артель — 403, 414
 Аскетизм — 372, 422
 Ассоциация — 189, 190, 228, 253, 256, 264, 266, 267, 268, 275, 276, 285, 294, 308, 319, 459
 Атеизм — 267
 Бедность, бедные — 53, 54, 58, 68, 76, 92, 109, 113, 132, 142, 145, 183, 187, 196, 197, 201, 202, 207, 217, 227, 236, 246, 248, 250, 251, 256, 274, 275, 279, 288, 289, 291, 293, 309, 310, 313, 314, 317, 318, 320, 323, 329, 331, 335, 337, 350, 437, 438, 439, 440, 449
 Беззаконие — 129
 Благо — 57, 69, 113, 131, 132, 142, 144, 149, 171, 194, 206, 225, 235, 236, 248, 252, 274, 275, 293, 377, 450, 461, 479
 Благостояние — 200, 228, 250, 252, 256, 272, 288, 322, 371, 412, 436, 437, 438, 442, 447, 454, 455, 458, 459, 462, 463, 466
 Бог — 69, 70, 71, 75, 94, 97, 98, 99, 100, 105, 108, 110, 129, 171, 183, 217, 218, 221, 235, 236, 249, 251, 253, 254, 257, 258, 259, 267, 271, 294, 350, 356, 362, 364, 370, 397
 Богатство, богатые — 54, 56, 58, 64, 76, 92, 109, 111, 131, 141, 142, 144, 145, 183, 187, 196, 197, 202, 206, 207, 217, 225, 227, 233, 236, 246, 248, 249, 250, 251, 254, 256, 265, 266, 270, 284, 288, 289, 307, 322, 324, 325, 329, 334, 337, 350, 371, 437, 438, 462, 466, 478, 486
 Брак — 66, 72, 121, 132, 169, 294, 331, 347, 350, 452, 470, 483
 Братство — 87, 133, 179, 180, 187, 276, 333, 347, 355, 365, 367, 370, 374, 395, 434, 438, 439, 477, 479
 Будущее — 206, 207, 218, 220, 252, 259, 322, 335, 336, 351, 353, 356, 358, 359, 362, 364, 365, 366, 374, 396, 411, 465
 Буржуазия — 368, 371, 372, 375, 377, 381, 391, 396, 416, 492
 Быт — 252, 255, 289, 379, 409, 413, 415, 433, 438, 439, 440, 451, 452, 459, 460, 461, 463, 466, 468, 486, 488, 491
 Варварство, варвары — 159, 246, 248, 251, 253, 257, 260, 262, 264, 268, 275, 292, 330, 451, 454
 Власть — 58, 105, 107, 108, 111, 129, 135, 142, 149, 157, 173, 206, 210, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 230, 233, 236, 269, 339, 358, 374, 456, 462, 490, 491
 Вожди — 146, 180, 216, 217, 236, 364
 Война — 54, 73, 74, 83, 94, 109, 113, 149, 158, 217, 219, 226, 250, 251, 252, 273, 331, 333, 339, 376, 436
 Война гражданская — 148, 149, 207
 Воспитание — 87, 88, 91, 114, 115, 117, 118, 132, 170, 247, 263, 285, 286, 288, 289, 309, 311, 312, 314, 316, 317, 320, 322, 327, 328, 350, 365, 410, 458, 461, 463
 Восстание — 193, 196, 197, 207, 226, 230, 231, 234, 349, 393, 416, 431, 458
 Всестороннее развитие личности — 69, 88, 92, 119, 285, 321, 454, 463
 Гармония — 260, 263, 264, 276, 280, 285, 286
 Гений — 214, 349, 360
 Город — 59, 60, 62, 64, 66, 67, 82, 95, 119, 161, 163, 254, 332, 440, 490, 492

- Господство — 134, 328
 Государство — 53, 56, 57, 62, 65, 66, 73, 76, 88, 91, 97, 98, 132, 133, 143, 146, 148, 246, 248, 252, 265, 310, 313, 319, 339, 348, 361, 377, 381, 402, 405, 416, 421, 422, 458, 480
 Граждане, гражданин — 59, 60, 65, 98, 141, 143, 147, 148, 149, 188, 205, 227, 456, 478
 Гуманность — 354, 372, 468
 Дворец — 64, 66, 68
 Дворяне — 132, 378, 381, 391, 405, 408, 416
 Демократия, демократ — 159, 198, 200, 202, 400, 456, 476, 481
 Деньги — 56, 58, 66, 68, 76, 95, 115, 120, 189, 190, 223, 233, 234, 262, 294, 312, 358, 366, 373, 441
 Деревня — 59, 60, 68, 191, 254, 268, 284
 Деспотизм — 149, 180, 349, 374, 494
 Дети — 54, 63, 66, 68, 73, 87, 90, 91, 112, 114, 120, 163, 168, 169, 170, 171, 173, 178, 179, 205, 247, 249, 255, 284, 286, 309, 310, 311, 312, 314, 317, 331, 337, 338, 357, 449
 Добродетель — 57, 69, 70, 71, 75, 129, 141, 144, 158, 182, 183, 192, 198, 250, 327, 328, 334, 359, 369, 371
 Долг — 71, 143, 173, 259, 278, 350, 478
 Должностные лица — 58, 62, 65, 67, 84, 86, 90, 91, 93, 97, 99, 113, 117, 119, 120, 143, 168, 311
 Досуг — 63, 68
 Древность — 246, 347, 348, 354, 360
 Душа — 69, 75, 258, 278, 282, 350, 365
 Естественное право человека — 131, 246, 330
 Жадность — 66, 76, 131, 133, 141, 145, 147, 148, 156, 179
 Жена — 54, 72, 73, 92, 112, 114, 120, 122, 132, 169, 178, 310, 357
 Женщины — 54, 59, 63, 64, 66, 67, 69, 71, 73, 87, 88, 89, 91, 93, 105, 114, 121, 132, 147, 247, 248, 257, 270, 282, 284, 286, 311, 317, 327, 328, 348, 350, 414, 478, 479
 Жизнь — 56, 329, 338, 348, 350, 353, 354, 355, 356, 359, 362, 364, 365, 468, 479
 Жилище (дом, здание) — 82, 90, 112, 116, 142, 165, 281, 283, 284, 310, 311, 332, 445
 Заблуждение — 129, 134, 140, 144, 158, 246, 252, 253, 263, 322, 328, 338, 340, 450, 455
 Завоевание, завоеватели — 109, 451
 Закон, законодательство, законодатель — 56, 57, 58, 59, 64, 72, 73, 76, 84, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 121, 129, 134, 142, 144, 146, 147, 149, 157, 158, 159, 160, 172, 173, 180, 182, 184, 187, 190, 197, 200, 202, 204, 217, 218, 221, 224, 225, 246, 270, 271, 282, 307, 329, 335, 350, 357, 358, 360, 372, 436, 439, 442, 480, 485
 Земледелие — 56, 87, 88, 95, 164, 172, 234, 255, 259, 362, 368, 379, 437, 438, 454
 Земля — 58, 59, 95, 105, 109, 111, 113, 129, 142, 183, 202, 216, 226, 282, 313, 332, 378, 400, 407, 408, 411, 415, 420, 435, 437, 438, 454
 Зло — 57, 130, 131, 132, 134, 135, 143, 204, 224, 246, 272, 291, 313, 318, 329, 331, 332, 336, 338, 377, 380, 492
 Злодеяния — 70, 71, 73, 130, 131, 202
 Знание — 228, 236, 311, 322, 326, 328, 334, 335, 336, 348, 350, 417, 451, 482, 483, 493
 Знатность, знатные — 64, 145, 146
 Золотой век — 142, 143, 159, 351
 Иго — 206, 219
 Идеи — 154, 192, 202, 204, 217, 218, 222, 224, 276, 330, 348, 349, 351, 394, 398, 412, 432, 438, 448, 450, 452, 466, 483, 484, 496
 Изобилие — 68, 96, 109, 113, 247, 256, 275, 315, 334, 340
 Имущество — 95, 112, 181, 203, 204, 496
 Индивидуализм — 331, 332
 Интриги — 173, 181, 227, 228, 267, 282, 289, 449
 Искусство — 83, 172, 228, 236, 246, 248, 255, 268, 269, 285, 286, 293, 349, 350, 353, 357, 359, 371, 379

- Истина — 108, 160, 182, 195, 196, 203, 204, 214, 251, 257, 335, 336, 354, 368, 373, 380, 415, 454, 455, 491
- История — 60, 87, 180, 220, 331, 348, 349, 351, 359, 360, 362, 364, 374, 375, 378, 380, 396, 398, 442, 450, 467, 480, 481, 482, 485, 489, 490
- Капитал, капиталисты — 270, 285, 294, 312, 319, 332, 357, 369, 371, 375, 376, 377, 406, 408, 422, 439, 445, 446, 449, 478, 483, 491, 492
- Классы — 145, 161, 181, 184, 215, 216, 217, 219, 221, 223, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 247, 265, 266, 270, 273, 274, 288, 315, 317, 318, 319, 321, 326, 328, 337, 370, 376, 378, 379, 380, 436, 439, 440, 450, 451, 459, 477, 478, 482, 486, 491, 492
- Коллектив — 289
- Коммунизм, коммунисты — 393, 403, 431, 444, 445, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 465, 466
- Конкуренция — 273, 332, 401
- Конституция — 182, 187, 200, 219, 358, 392, 441, 476
- Кормилцы — 68
- Король — 58, 111, 116, 132, 134, 149, 220, 221, 233, 350, 408
- Корпорация — 165, 166, 168, 171, 221, 258, 267, 278
- Крестьяне — 372, 373, 382, 392, 404, 411, 415, 477, 479, 493
- Либералы — 405, 440, 441
- Личность — 188, 248, 290, 347, 348, 349, 352, 359, 360, 362, 366, 373, 375, 380, 381, 402, 403, 404, 405, 422, 436, 438, 445, 488, 495
- Ложь — 122, 328, 336, 339, 354
- Любовь — 71, 72, 87, 90, 108, 149, 171, 178, 214, 254, 258, 278, 282, 286, 307, 328, 347, 350, 352, 355, 370, 374, 464, 476, 477, 480, 496
- Манифест — 192, 193, 197, 202, 206
- Мастерские — 83, 165, 170, 171, 172, 217, 247, 259, 281, 283, 407, 434, 449, 455, 456, 484
- Мать — 71, 170, 406
- Мир — 75, 83, 113, 117, 235, 259, 335, 375
- Мирный путь преобразования общества — 232, 325, 326, 336, 337, 338, 379
- Молодежь — 164
- Монарх, монархия — 113, 116, 118, 159, 219, 348, 381, 391, 395, 411, 449, 476
- Мораль — 33, 43, 154, 171, 172, 173, 187, 195, 201, 206, 218, 233, 235, 249, 258, 276, 282, 307, 317, 327, 351, 357, 358, 366, 369, 375, 391, 435, 469, 482
- Муж — 54, 66, 72, 73, 120, 132, 147, 169, 178, 310, 449
- Мужчины — 59, 63, 64, 67, 69, 71, 73, 87, 88, 89, 91, 93, 105, 114, 121, 132, 147, 248, 270, 282, 284, 286, 317, 327, 328, 331, 350, 480
- Музыка — 89, 90, 283
- Наказание — 73, 97, 98, 120, 121, 318, 357
- Налоги — 223, 225, 226, 227, 231, 251, 310, 314
- Народ, народные массы — 57, 58, 62, 65, 68, 87, 96, 97, 99, 107, 108, 109, 111, 129, 132, 134, 135, 146, 149, 157, 159, 183, 187, 194, 196, 199, 201, 202, 206, 216, 219, 234, 236, 246, 247, 248, 249, 252, 255, 259, 268, 269, 272, 275, 288, 289, 309, 313, 317, 322, 326, 348, 350, 353, 355, 357, 358, 360, 361, 362, 365, 366, 367, 368, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 393, 399, 400, 401, 402, 403, 407, 408, 421, 422, 441, 442, 443, 455, 466, 478, 480, 482, 487, 488, 489, 491, 494
- Народные собрания — 62
- Насилие — 94, 96, 149, 227, 230, 232, 315, 333, 336, 339, 416, 417, 492
- Наука — 63, 65, 84, 89, 154, 172, 173, 217, 218, 220, 223, 224, 228, 236, 246, 248, 250, 252, 253, 255, 256, 268, 269, 270, 272, 275, 286, 293, 330, 334, 353, 357, 359, 362, 371, 378, 407, 408, 414, 432, 449, 451, 454, 460, 461, 464, 468, 478
- Нация — 149, 154, 157, 161, 180, 191, 197, 206, 215, 220, 225, 227, 231, 232, 235, 250, 251, 256, 259, 333, 353, 355, 366, 380, 436, 491

- Невежество — 116, 129, 221, 227, 313, 317, 320, 323, 324, 337, 352, 357
- Неравенство — 130, 140, 148, 181, 202, 205, 247, 288, 324, 358, 374, 378, 379, 380, 381, 441, 456, 463, 486, 496
- Нищета — 58, 64, 68, 76, 92, 113, 130, 141, 146, 180, 198, 201, 215, 246, 253, 255, 260, 272, 273, 309, 322, 334, 357, 358, 370, 376, 378, 439, 455
- Нравственность — см. Мораль
- Нравы — 56, 57, 68, 84, 116, 140, 148, 247, 249, 262, 293, 319, 359, 374, 467
- Нужда — 130, 143, 256, 308, 315, 323, 361, 441
- Обмен — 95, 163, 190, 206, 222, 266
- Общественные отношения — 289, 463, 464, 466, 467
- Общественный договор — 181, 197, 246, 247, 248
- Общественный строй — 201, 221, 228, 230, 235, 292, 293, 315, 324, 327, 331, 334, 391, 436, 441, 449, 453, 454, 456, 461, 491
- Общество — 58, 131, 140, 144, 146, 148, 155, 160, 173, 179, 180, 183, 190, 193, 202, 217, 220, 222, 225, 227, 228, 231, 235, 251, 252, 254, 273, 289, 291, 308, 309, 313, 314, 317, 321, 322, 323, 324, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 337, 339, 340, 347, 349, 350, 351, 354, 359, 360, 363, 366, 367, 369, 371, 377, 378, 379, 445, 447, 449, 451, 453, 456, 459, 462, 464, 477, 479, 483, 484, 490, 496
- Община — 74, 87, 91, 92, 133, 223, 311, 319, 331, 333, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 414, 433, 434, 439, 452
- Общность имуществ — 115, 133, 142, 143, 148, 267, 276, 285, 496
- Обязанности — 92, 134, 147, 148, 200, 216, 217, 228, 232, 236, 259, 294, 350, 495
- Одежда, платье — 65, 87, 88, 90, 99, 167, 170, 445
- Отец — 71, 117, 146, 163, 167, 168, 169, 170, 178, 247, 258, 286, 288
- Парламент — 107, 108, 112, 113, 225, 310, 419
- Партии — 230, 250, 270, 278, 294, 325, 440, 445, 456, 492
- Патриархат — 157, 158, 257, 264, 269, 275, 292, 433, 451
- Патриотизм — 87, 149, 376, 378, 391, 480, 481
- Патриции — 146, 196, 197, 198, 206, 454
- Пища — 66, 67, 87, 90, 96, 97, 122, 167, 170, 255, 310, 316, 445, 459
- Планеты — 82, 216, 217, 256, 257, 268
- Платье — см. Одежда
- Плебеи — 146, 196, 197, 198, 199, 200, 206, 454
- Поколения — 246, 251, 257, 313, 323, 338, 364, 422, 440, 441, 478
- Политика — 149, 183, 196, 219, 220, 246, 247, 248, 249, 275, 288, 290, 291, 293, 307, 317, 355, 359, 396, 412, 417, 441
- Политическая экономия — 250, 272, 320, 324, 325, 391, 445, 456, 458, 464, 466, 478
- Помещики — 372, 373, 376, 382, 402, 404, 477, 478
- Пороки — 66, 75, 141, 145, 146, 147, 148, 156, 158, 160, 192, 198, 204, 205, 228, 246, 249, 252, 260, 266, 275, 290, 309, 317, 318, 328, 357, 359, 370, 442
- Потребности — 64, 119, 140, 141, 148, 154, 162, 179, 185, 190, 197, 201, 203, 216, 229, 282, 297, 329, 334, 442, 445
- Права — 141, 148, 155, 181, 184, 196, 206, 250, 333, 372, 409, 436, 438, 441, 449, 488, 490, 491, 492, 493, 495
- Правители, правительство — 56, 62, 65, 67, 73, 83, 98, 106, 109, 135, 143, 147, 149, 150, 197, 223, 225, 236, 294, 309, 329, 337, 339, 373, 377, 378, 391, 405, 410, 449, 459, 461, 462
- Право — 58, 185, 190, 202, 435, 442, 467
- Праздность, праздные — 53, 54, 56, 63, 64, 88, 92, 93, 110, 113, 117, 118, 119, 156, 179, 191, 230, 269, 467

- Предрассудки — 140, 144, 146, 147, 203, 205, 266, 278, 286, 317, 353, 378, 417, 479
- Преступление — 56, 62, 68, 70, 73, 87, 97, 98, 159, 179, 190, 191, 202, 204, 205, 273, 328, 329, 331, 334, 357, 358, 373, 477
- Природа — 69, 70, 75, 84, 112, 130, 140, 141, 143, 154, 155, 156, 157, 159, 178, 181, 196, 218, 246, 247, 248, 252, 258, 259, 265, 267, 282, 285, 308, 327, 329, 335, 353, 354, 360, 364, 442, 443
- Прогресс — 158, 214, 220, 275, 356, 362, 364, 367, 368, 381, 441, 442, 449, 450, 451, 459, 462, 490, 493
- Производительные силы — 318, 323, 334
- Производство — 185, 229, 234, 259, 264, 266, 268, 269, 270, 271, 284, 285, 307, 308, 309, 318, 434, 438, 439, 442, 446, 447, 454, 490
- Пролетарии — 203, 234, 294, 357, 371, 376, 378, 393, 394, 396, 397, 433, 434, 439, 449, 491
- Промышленники, промышленность — 187, 189, 224, 225, 226, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 255, 256, 272, 273, 275, 292, 293, 307, 377, 378, 408, 437, 438, 440, 450, 454
- Просвещение — 221, 251, 252, 256, 339, 340, 371, 372, 379, 380, 442, 467, 491
- Противоречия — 155, 231, 273, 285, 331, 351, 401
- Профессия — 164, 165, 166, 170, 171, 182, 230, 316, 361
- Работа, работяжки — 63, 216, 247, 255, 265, 267, 269, 271, 279, 289, 357, 453, 454, 459, 467, 482, 484
- Рабочие — 161, 188, 189, 203, 234, 271, 273, 283, 308, 315, 316, 395, 416, 419, 437, 449, 482, 490, 492
- Рабство, рабы — 59, 63, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 92, 107, 109, 113, 121, 130, 134, 136, 141, 187, 194, 195, 253, 257, 262, 269, 291, 324, 354, 361, 373, 397, 413, 421, 444, 446, 476, 482, 494
- Равенство — 58, 133, 141, 144, 145, 146, 147, 148, 155, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 190, 191, 200, 201, 203, 205, 206, 247, 329, 331, 357, 374, 395, 453, 455, 480
- Разум — 69, 70, 105, 140, 141, 144, 159, 181, 201, 214, 217, 218, 223, 246, 252, 253, 256, 278, 329, 348, 352, 353, 355, 357, 413, 435
- Распределение — 57, 58, 67, 76, 86, 90, 120, 131, 145, 161, 162, 179, 185, 189, 190, 205, 265, 268, 269, 273, 275, 279, 285, 320, 332, 441, 446, 458
- Революция — 140, 145, 187, 191, 193, 194, 196, 197, 198, 216, 219, 221, 222, 223, 224, 232, 234, 246, 248, 250, 251, 252, 259, 326, 329, 337, 347, 350, 372, 391, 392, 393, 395, 398, 403, 405, 407, 410, 417, 421, 422, 449, 456, 466, 476
- Религия — 69, 70, 74, 75, 94, 95, 100, 130, 133, 135, 136, 211, 217, 218, 235, 249, 294, 317, 328, 348, 349, 350, 391, 417, 477
- Ремесло, ремесленники — 63, 64, 65, 83, 85, 89, 115, 119, 120, 146, 164, 182, 227, 228, 307, 361
- Республика — 87, 95, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 160, 182, 187, 188, 191, 194, 198, 206, 231, 381, 391, 392, 398, 400, 411, 456, 477, 478, 482
- Родители — 54, 66, 73, 114, 120, 170, 173, 178, 311, 350
- Роскошь — 53, 54, 110, 140, 141, 167, 188, 192, 278, 307, 357, 395, 438, 483
- Роялизм — 194
- Санкюлоты — 185, 200, 201, 409
- Свобода — 65, 73, 98, 100, 109, 111, 113, 115, 116, 117, 134, 136, 184, 192, 194, 198, 206, 222, 224, 225, 226, 247, 257, 259, 270, 290, 347, 348, 373, 374, 407, 421, 441, 442, 443, 446, 447, 449, 476
- Священники — 64, 65, 83, 84, 94, 99, 236, 294, 311
- Сельское хозяйство — 63, 115, 187, 191, 307, 312, 319
- Семья — 68, 112, 114, 115, 116, 120, 122, 132, 143, 147, 157, 158, 161, 164, 167, 168, 173, 179, 189, 191, 202, 254, 255, 258, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

- 278, 284, 289, 309, 310, 331, 332, 391, 413, 420, 440, 449, 478, 479, 480
- Сенат — 60, 62, 63, 72, 73, 168, 170, 173, 219
- Склады общественные — 66, 89, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 121, 143, 147, 162, 163, 164, 189, 205, 310
- Славянофилы — 374, 381, 382, 411, 439, 452
- Собственность — 131, 172, 179, 181, 197, 204, 206, 224, 225, 234, 250, 294, 319, 320, 331, 369, 373, 378, 391, 396, 402, 407, 413, 419, 420, 437, 444
- общественная — 57, 60, 87, 92, 133, 142, 157, 181, 202, 204, 417, 434, 438
- частная — 57, 58, 107, 109, 131, 144, 147, 148, 158, 159, 160, 180, 183, 205, 290, 308, 329, 330, 435
- Сословия — 132, 367, 371, 377, 379, 380, 394, 421, 441, 459, 476, 482, 490
- Социализм, социалисты — 336, 348, 375, 381, 391, 392, 393, 394, 396, 398, 402, 404, 406, 407, 411, 412, 414, 415, 418, 431, 456, 457, 463, 464, 465, 466, 496
- Социальный механизм — 249, 259, 286, 292, 293
- Способности — 69, 88, 95, 96, 118, 170, 179, 181, 185, 190, 205, 231, 286, 315, 331, 361
- Справедливость — 57, 108, 113, 115, 130, 131, 136, 147, 178, 185, 187, 190, 198, 201, 207, 265, 288, 291, 329, 337, 372, 414, 458, 494
- Средства производства — 292, 318, 323, 435, 437
- Страсти — 71, 130, 141, 144, 145, 147, 158, 180, 221, 222, 227, 249, 254, 257, 258, 263, 267, 269, 271, 276, 278, 279, 281, 286, 289, 294, 307, 334, 377, 480
- Суд — 97, 121, 205, 273, 291, 357, 373, 391, 483
- Судьба — 140, 190, 194, 205, 247, 257
- Суеверие — 129, 134, 227, 249, 352, 381
- Супруг, супруга — 71, 169, 266, 268
- Талант — 141, 155, 172, 203, 205, 217, 270, 285, 321, 357
- Творец — см. Бог
- Теория — 220, 221, 222, 252, 256, 257, 266, 271, 285, 368, 397, 414, 447, 449, 453, 455, 463, 464, 465, 489
- Тирания, тираны — 62, 73, 94, 111, 130, 132, 134, 135, 136, 141, 149, 168, 188, 190, 194, 195, 206, 249, 290, 309
- Товарищество — 333, 448, 449, 450
- Торговля — 95, 112, 163, 187, 188, 189, 191, 234, 273, 307, 363, 366, 440
- Трапеза — 68, 89, 96, 280
- Труд — 63, 68, 92, 95, 119, 132, 142, 185, 203, 214, 230, 255, 265, 266, 269, 275, 285, 288, 308, 312, 314, 319, 320, 332, 377, 435, 441, 442, 444, 445, 447, 453, 454, 455, 467, 478, 479, 482, 483, 485, 486
- умственный — 65, 203, 222, 332, 333, 441, 451, 454, 483
- физический — 65, 204, 222, 321, 332, 333, 441, 454, 483
- Трудящиеся — 118, 204, 222, 236, 273, 315, 316, 318, 319, 320, 322, 323, 326, 328, 329, 435, 436, 446, 447, 449, 453, 454, 482, 483
- Угнетатели, угнетение — 107, 111, 129, 149, 156, 196, 206, 289, 308, 330, 337
- Удовольствия — 60, 64, 69, 70, 279, 281, 289, 325, 327
- Ум — 172, 203, 215, 217, 218, 220, 250, 271, 282, 283, 291, 325, 330, 335, 336, 355, 357, 371, 452, 494
- Управление — 57, 58, 144, 216, 227, 232, 252, 332, 336, 339, 449, 456, 476
- Условия жизни — 309, 323, 324, 325, 327, 330, 331, 337, 340, 365, 469, 485
- Утопия — 53, 397, 464, 466, 473, 490
- Ученые — 84, 215, 216, 219, 221, 227, 236, 252, 253, 266, 267, 354, 358, 379, 491

- Фаланга — 187, 191, 200, 255, 276, 280, 281, 283, 284, 288, 294, 407
 Феодализм, феодалы — 182, 222, 223, 224, 378, 391, 403, 467, 482, 490, 492
 Философия, философы — 69, 93, 144, 145, 148, 172, 221, 223, 224, 226, 234, 248, 250, 251, 252, 255, 256, 270, 275, 281, 286, 292, 293, 348, 354, 375, 444, 464
 Характер — 267, 278, 282, 307, 314, 321, 329, 330, 332
 Хозяйство — 59, 62, 66, 254, 255, 266, 267, 268, 269, 274, 340, 434, 440, 446, 455
 Христианство — 74, 108, 110, 130, 132, 218, 235, 236, 353, 370, 396, 398, 422, 450
 Художники — 227, 236, 361
 Церковь — 372, 373, 374, 403, 410, 416, 477
 Цивилизация — 147, 178, 226, 233, 246, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 257, 263, 266, 268, 269, 271, 274, 275, 279, 284, 285, 290, 292, 293, 352, 371, 372, 379, 393, 395, 401, 402, 420, 422, 480, 482, 487
 Человек — 64, 74, 99, 100, 105, 111, 113, 115, 140, 155, 160, 180, 182, 183, 198, 200, 202, 205, 214, 215, 217, 218, 220, 256, 258, 259, 260, 263, 264, 267, 270, 273, 288, 291, 327, 329, 331, 334, 349, 350, 354, 360, 364, 365, 366, 380, 396, 404, 438, 441, 442, 454, 460, 461, 463, 464, 465, 467, 480, 484, 485, 487, 491, 494
 Человеческий род, человечество — 109, 117, 118, 121, 140, 158, 159, 160, 183, 187, 192, 216, 219, 220, 227, 236, 252, 253, 255, 256, 257, 268, 271, 288, 313, 318, 326, 327, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 347, 349, 350, 353, 354, 355, 359, 360, 361, 362, 364, 367, 375, 380, 396, 397, 419, 431, 451, 479, 480, 481, 483, 490, 496
 Честолюбие — 130, 145, 146, 148, 156, 180, 197, 198, 205, 220, 221, 258, 278, 282, 364
 Чувства — 105, 146, 149, 154, 157, 171, 258, 278, 288, 328, 332, 334, 336, 338, 376, 377, 479
 Эгоизм — 272, 291, 329, 357, 363, 464, 479
 Экономисты — 148, 254, 272, 293, 445
 Эксплуатация — 203, 395
 Электричество — 340, 361
 Эпоха — 219, 329, 331, 350, 362, 364, 407, 439, 442, 450, 465
 Эра — 329
 Якобинцы — 393

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеева К. Д. — 78
 Авраам (библ.) — 96, 101
 Адами Т. — 100
 Адамс Дж. — 139
 Адамс С. — 27
 Аламберж — 211
 Александр Македонский — 85, 301
 Алексеев М. И. — 78
 Анахарсис — 384
 Андерсон К. М. — 342
 Аниенков П. В. — 325, 380
 Антоний Марк — см. Марк Антоний
 Анифанти — 237
 Аристотель — 7
 Аркрайт Р. — 308, 324, 341
 Аруэ Мари Франсуа — см. Вольтер
 Архимед — 84
 Бабеф Ф. Н. (Бабеф Гракх) — 21, 27, 29, 30, 31, 32, 137, 152, 153, 175, 176, 177, 208, 209, 302, 393, 394, 409, 410, 417, 425
 Бабеф Э. — 208
 Бабст И. К. — 470, 497
 Байи Ж. С. — 384
 Бальи — см. Байи Ж. С. — 376
 Байрон Д. Н. Г. — 350
 Батист Ж. — 299
 Бакунии М. А. — 41, 385, 389, 425
 Барг М. А. — 23, 125
 Баткии Л. М. — 102
 Батюшков К. Н. — 6, 37
 Белинский В. Г. — 5, 6, 36, 42, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 428, 432, 474
 Белов А. М. — 78
 Берамже П. Ж. — 348, 382
 Бериштейн Э. — 41
 Бирало А. А. — 137
 Блан Луи — см. Луи Блан
 Бланки Л. О. — 41
 Блюм А. В. — 102
 Богословский Н. В. — 472
 Бокль Г. Т. — 472, 478
 Бонапарт — см. Наполеон Бонапарт
 Бонивиль Н. — 28
 Борщевский Л. В. — 302
 Боткии В. П. — 347, 352, 371, 375, 382
 Брейсбен — см. Брисбейн Н. А.
 Брисбейн Н. А. — 412, 425
 Буассель Ф. — 28
 Буонарроти Ф. — 177
 Бурлацкий Ф. М. — 497
 Бурсов Б. И. — 496
 Бэкон Ф. — 423
 Валлич Э. И. — 78
 Варшавский А. С. — 78
 Василькова Ю. В. — 302
 Вашингтон Д. — 27
 Вейтлинг В. — 41
 Веллингтон А. У. — 436, 470
 Венера (миф.) — 101
 Вернадский И. — 470
 Веспуччи А. — 77
 Вилеиская Э. С. — 498
 Вильгардель Ф. — 173
 Вителлий — 483, 496
 Водолазов Г. Г. — 499
 Вознесенская А. А. — 499
 Волгии В. П. — 7, 78, 100, 102, 123, 125, 137, 150, 151, 174, 210, 237, 242, 295, 302, 342, 499
 Волков Г. Н. — 7
 Володин А. И. — 342, 426, 472, 499
 Владимир I — 404
 Вольтер — 127, 350, 374, 381, 384
 Вольский С. — 174
 Воскресенский М. И. — 479
 Гакстгаузен А. — 399, 400, 424, 432, 451, 470
 Галкии В. В. — 342
 Гаибал — 85
 Гегель Г. В. Ф. — 35, 348, 428, 432

- Геккер Р. — 456, 471
 Гендель Г. М. — 499
 Генкель А. Г. — 100
 Генрих V — 394
 Генрих VIII — 50
 Гервег Г. — 424
 Геркулес (Геракл) (миф.) — 259, 260, 297
 Герцен А. И. — 42, 43, 303, 345, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 423, 424, 425, 426, 497
 Гинзбург Л. — 426
 Гитлодей Р. (лит.) — 52, 77
 Гоббс Т. — 295
 Гоголь Н. В. — 346, 372, 428, 474
 Гольбах П. А. — 128, 137
 Гораций — 158
 Гордый (миф.) — 301
 Горфункель А. Х. — 102
 Грах Т. — 189
 Давид (библ.) — 111, 124
 Далин В. М. — 23, 210
 Данте А. — 383
 Дантон Ж. Ж. — 356, 422
 Дворцов А. — 302
 Деборни А. М. — 78, 137, 210, 342
 Демченко А. А. — 472
 Деинсова Я. Г. — 123
 Державин Г. Р. — 6, 37
 Дидро Д. — 153, 201, 209, 239, 295
 Добролюбов Н. А. — 10, 44, 473, 474, 475, 496, 497
 Достоевский Ф. М. — 381
 Дунаевский В. А. — 137, 499
 Евклид — 84, 405
 Жданов В. В. — 497
 Жермен Ш. — 187, 209
 Жирар Ф. — 300
 Жуковский В. А. — 6, 37
 Замолксий — 85
 Заид Ж. — 382, 385
 Застенкер Н. Е. — 13, 242, 342
 Зильберфарб И. И. — 295, 302
 Золушка — см. Сандрильона (сказ.)
 Иоаннисия А. Р. — 23, 302, 499
 Итеберг В. С. — 499
 Кабэ Э. — 40, 394, 412, 417
 Кавелин К. Д. — 384
 Кавеньяк Л. — 471
 Каган Ю. М. — 77
 Казарин А. И. — 151
 Кампанелла Т. — 10, 15, 17, 25, 79, 100, 101, 137
 Кан С. Б. — 499
 Капелюш Ф. Д. — 137
 Караваев Г. Г. — 497
 Карл I — 223, 240
 Карл V — 240
 Карл X — 470
 Катои Утический — 93
 Каутский К. — 17, 20
 Кирпотни В. Я. — 470
 Клеопатра — 150
 Клибанов А. И. — 102
 Климент Т. — 93
 Коган-Бериштейн Ф. А. — 137
 Козьмин Б. П. — 470
 Консидеран В. — 394
 Костюченко Л. Г. — 125
 Краевский А. А. — 345
 Кромвель О. — 110, 124, 422
 Кружков В. С. — 497
 Крупская Н. К. — 430
 Кузнецов К. Т. — 499
 Купе Ж. М. — 182, 208
 Кучеренко Г. С. — 137, 242
 Лавров П. Л. — 43, 48, 430
 Лазарь (библ.) — 459
 Ламартин А. — 394
 Ландау М. Е. — 174
 Лаоцзы — 13
 Лассаль Ф. — 41, 422, 425
 Лафайет М. Ж. — 376, 384
 Лафонтен Ж. — 300
 Левандовский А. П. — 242
 Левит (библ.) — 113
 Лейст О. Э. — 499
 Ленин В. И. — 5, 10, 11, 12, 13, 17, 20, 37, 40, 43, 44, 49, 78, 346, 387, 389, 390, 429, 498
 Лермонтов М. Ю. — 473
 Ликург — 85, 142, 150, 182, 188, 200, 208
 Линтон В. — 424
 Локк Дж. — 295
 Лопатин Г. А. — 427, 430
 Лопухов (лит.) — 303
 Луи Блан — 372, 376, 381, 382, 383, 384, 385, 412, 425, 458, 465, 471, 472
 Луи-Филипп — 471
 Лука (библ.) — 137

- Лукулл — 483, 496
Луначарский А. В. — 472
Львов С. Я. — 102
Людвиг XIV — 240, 372
Людвиг XV — 368
Людвиг XVI — 208
Людвиг XVIII — 240, 470
Лютер М. — 223, 240, 350, 382, 450, 471
Мабли Г. Б. — 18, 19, 138, 139, 150, 151, 176, 183, 250, 296
Маздак — 14
Македонский Александр — см. Александр Македонский
Макиавелли Н. — 209
Максимилиан IV — 299
Мальтус Т. Р. — 275, 300, 400, 455, 471
Марк Антоний — 149, 150
Маркс К. — 5, 7, 10, 11, 17, 20, 24, 33, 35, 36, 37, 39, 40, 48, 52, 77, 124, 238, 240, 241, 296, 300, 341, 389, 427, 429, 470, 471, 498
Марс (миф.) — 101
Мезенцев П. А. — 385
Мелье Ж. — 5, 18, 19, 126, 127, 136, 137
Ментор (миф.) — 301
Меркурий (миф.) — 85, 101, 156
Милль Д. С. — 453, 455, 461, 465, 468
Милютин В. А. — 42
Митридат VI — 150
Михаил-Архангел (библ.) — 124
Моисей (библ.) — 85, 110, 124, 125, 199, 209, 379
Мольер Ж. Б. — 357
Мондор Ф. Ж. — см. Жирар Ф.
Монтень М. — 129, 137
Монтескье Ш. Л. — 199, 209, 271, 295
Мор (лит.) — 83, 101
Мор Т. — 5, 10, 15, 16, 17, 18, 25, 50, 51, 57, 77, 101, 137, 392, 423
Морелли — 18, 19, 25, 152, 153, 173, 174, 209
Мухаммед II эль Фатих — 300, 410, 425
Мышкин И. И. — 430
Мюнцер Т. — 14, 24, 31
Надеждин Н. И. — 344
Наполеон Бонапарт — 124, 239, 240, 296, 298, 299, 419, 436, 470
Наумова М. А. — 497
Некрасов Н. А. — 345, 473, 475
Неманов И. Н. — 342
Нечаева В. С. — 385
Николай I — 384, 387, 470
Ноздрев (лит.) — 415
Носов А. В. — 499
Ньютон И. — 216, 238, 269, 297, 299
Огарев Н. П. — 42, 43, 387, 424
Озирис (миф.) — 85
Османлис — см. Мухаммед II эль Фатих
Оксман Ю. Г. — 385
Октавий (Октавиан Август) — 149, 150, 151
Осиновский И. Н. — 78
Оуэн Р. — 6, 8, 11, 32, 35, 36, 38, 40, 48, 267, 268, 276, 285, 298, 303, 304, 305, 340, 341, 389, 408, 409, 410, 411, 444, 483, 484, 485, 496
Павел (библ.) — 351
Панаев И. И. — 345
Пандора (миф.) — 296
Пантин И. К. — 472, 499
Перро Ш. — 424
Пестель П. И. — 42
Петр I (Великий) — 351, 379, 381, 383, 401, 408, 416, 425
Петрашевский М. В. — 6, 42
Петровский Ф. А. — 100, 102
Пий IX — 381, 385
Пирр — 85
Писарев Д. И. — 44
Пифагор — 85
Платон — 7, 57, 58, 77, 93, 133, 137, 141, 142, 145, 147, 150, 392, 482, 496
Плеханов Г. В. — 385, 426, 472, 499
Плимак Е. — 472
Плутарх — 347, 382
Подмарков В. Г. — 341
Покусаев Е. И. — 472
Поляков Г. П. — 137
Поляков М. Я. — 385
Помпей Гней — 149, 150
Помпилий — 85
Пои (лит.) — 83, 101
Поршнев Б. Ф. — 18, 137
Прокофьев В. — 426
Протей (миф.) — 156

- Прудон П. Ж. — 41, 392, 394, 412, 424, 456, 458, 470, 471
 Птоломей — 101
 Путинцев В. А. — 497
 Пушкин А. С. — 6, 37, 355, 373, 384, 400, 473
 Раднцев А. Н. — 42, 139
 Разумовская М. В. — 174
 Рейбо Л. — 471
 Рикардо Д. — 471
 Ришелье А. Ж. — 139
 Робеспьер М. — 124, 201, 209, 352, 376, 383, 393
 Робсон Е. — 26
 Розанова С. А. — 426
 Розенталь М. М. — 472
 Ру Ж. — 29
 Руссо Ж.-Ж. — 200, 208, 209, 250, 295, 296, 298, 381, 385
 Рутенбург В. И. — 102
 Саваоф (библ.) — 94, 101
 Самарин Ю. Ф. — 384
 Сандрильоа (Золушка) (сказ.) — 403, 404, 424
 Саркисян С. А. — 342
 Сатурн (миф.) — 101
 Сафронов С. С. — 151
 Святловский В. В. — 237
 Селнверстов Д. А. — 125
 Сен-Жюст Л. А. — 201, 352, 376, 384, 393
 Сен-Симон К. А. — 5, 6, 8, 11, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 40, 48, 210, 211, 212, 213, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 341, 389, 392, 393, 432, 448, 449, 450, 464, 471, 496
 Сенковский О. И. — 383
 Сидоров М. И. — 7
 Сизиф (миф.) — 292, 296
 Симон (библ.) — 113, 118
 Син (лит.) — 83, 101
 Сисмонди Ж. Ш. Л. — 272, 299
 Смарагдов С. Н. — 383
 Смирнова З. В. — 426
 Смит А. — 445, 460, 470
 Собакевич (лит.) — 415
 Сократ — 77, 93, 137, 217, 239, 450
 Соломон (библ.) — 129, 137
 Солон — 85, 271, 299
 Сталь-Гольштейн А. Л. Ж. — 270, 299
 Стальный В. — 125
 Стеклов Ю. М. — 426, 472
 Стюарт Д. — 272, 275, 300
 Суперфин Л. Г. — 499
 Сэй Ж. Б. — 272, 300
 Сю Э. — 358, 383
 Тарже Г. Ж. Б. — 271, 299
 Тарле Е. В. — 78
 Телемах (миф.) — 301
 Теряев Г. В. — 499
 Тест Ж. Б. — 412, 425
 Ткачев П. Н. — 43, 48
 Томас Р. — 300
 Торицын Т. М. — 342
 Трофимов В. Г. — 472
 Тьер А. — 351, 383
 Тургенев И. С. — 474
 Уатт Дж. — 308, 324
 Уэлслен А. — 471
 Уваров С. С. — 243
 Уинстэнли Дж. — 25, 27, 31, 102, 123, 125, 137
 Уоллес Р. — 275, 300
 Утоп (лит.) — 59, 74, 75
 Фейгина С. А. — 342
 Фейербах Л. — 428
 Феникс (миф.) — 85, 101
 Филатова Е. М. — 385
 Филипп II — 149, 151
 Франклин В. — 139
 Фридрих II Великий — 371, 384
 Фоссе Д. — 178, 208
 Фурье Ш. — 6, 8, 11, 32, 33, 34, 36, 40, 48, 242, 243, 244, 245, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 341, 389, 392, 393, 413, 428, 456, 465, 471, 496
 Ханенко И. И. — 351, 383
 Христос Инсус (библ.) — 74, 75, 85, 107, 110, 124, 349, 373, 374, 384, 478
 Цезарь Гай Юлий — 86, 149, 150, 151, 399
 Цетли Л. С. — 237, 242
 Ципко А. С. — 499
 Цицерон — 218, 239
 Чаадаев П. Я. — 344
 Чернышевская Н. М. — 472
 Чернышевская О. С. — 470

- Чернышевский Н. Г. — 5, 10, 43, 44, 45, 46, 47, 303, 414, 427, 428, 429, 430, 469, 470, 471, 472, 474
- Черткова Г. С. — 210
- Чесиоков Д. И. — 426
- Чиколини Л. С. — 102
- Шамбер Бордосский — 423
- Шапиро И. А. — 237
- Шейс Д. — 27
- Шекспир В. — 52
- Шиллер И. К. Ф. — 349, 382
- Штекли А. Э. — 16, 78, 102
- Шуваева Ф. Б. — 150, 174
- Щеглов Д. Ф. — 496, 497
- Щеголев П. П. — 210
- Эвгемер — 13
- Эгидий П. (Питер Гиллес) — 52, 77
- Эйдельман Н. Я. — 426
- Элизард Ж. — см. Бакуини М. А.
- Энгельс Ф. — 5, 7, 8, 11, 17, 20, 21, 22, 24, 30, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 48, 238, 240, 241, 296, 300, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 429, 471, 472, 498
- Эпикур — 78
- Эразм Роттердамский — 51, 77
- Юстиниан I — 271, 299
- Юпитер (миф.) — 85, 101
- Ям К. Е. — 137
- Ямбул — 13

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА.

Вступительная статья 5

ТОМАС МОР

Биографическая справка 50

Тексты 53

Примечания 77

Литература о Т. Море 78

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА

Биографическая справка 79

Тексты 82

Примечания 100

Литература о Т. Кампанелле 102

ДЖЕРАРД УНИСТЭЙЛИ

Биографическая справка 103

Тексты 105

Примечания 123

Литература о Дж. Унистэйли 125

ЖАН МЕЛЬЕ

Биографическая справка 126

Тексты 129

Примечания 136

Литература о Ж. Мелье 137

ГАБРИЕЛЬ БОНИО ДЕ МАБЛИ

Биографическая справка 138

Тексты 140

Примечания 150

Литература о Г. Мабли 151

МОРЕЛЛИ

Биографическая справка 152

Тексты 154

Примечания 174

Литература о Морелли 174

ГРАКХ БАБЕФ

Биографическая справка 175

Тексты 178

Примечания 208

Литература о Г. Бабефе 210

АНРИ ДЕ СЕН-СИМОН

Биографическая справка 211

Тексты 214

Примечания 237

Литература об А. Сен-Симоне 241

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

Биографическая справка 242

Тексты 246

Примечания 296

Литература о Ш. Фурье 302

РОБЕРТ ОУЗИ

Биографическая справка 303

Тексты 307

Примечания 340

Литература о Р. Оуэне 342

ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ

Биографическая справка 343

Тексты 347

Примечания 382

Литература о В. Г. Белинском 385

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

Биографическая справка 386

Тексты 391

Примечания 423

Литература об А. И. Герцене 426

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Биографическая справка 427

Тексты 431

Примечания 470

Литература о Н. Г. Чернышевском 472

НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ

Биографическая справка 473

Тексты 476

Примечания 496

Литература о Н. А. Добролюбо-
вом 497

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО УТОПИЧЕ-
СКОМУ СОЦИАЛИЗМУ 498

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К
ТЕКСТАМ 500

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 507

6307011
1-30

